

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН

ОРГАНОЕ МНОГОГОЛОСЬЕ

**СЕРГЕЙ
НЕЛЬДИХЕН**

СЕРГЕЙ
НЕЛЬДИХЕН
ОРГАНОЕ
МНОГОГОЛОСЬЕ

О·Г·И

Москва, 2013

УДК 82.09+82-1
ББК 83(2Рос=Рус)6+84-5
Н49

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Вступительная статья Даниилы Давыдова

Составление, подготовка текста, примечания
и подбор иллюстраций Максима Амелина

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

В книге использованы фотографии М. С. Напельбаума

В оформлении использованы работы П. Н. Филонова

Нельдихен С. Е.
Н49 Органное многоголосье / СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН. — М.: ОГИ, 2013. — 512 с.

ISBN 978-5-94282-633-8

Сергей Нельдихен (1891—1942) — своеобразнейший поэт первой половины XX века, участник гумилевского третьего «Цеха поэтов», один из первопроходцев и теоретиков русского верлибра, активно печатавшийся в 1920-е годы и наглухо запрещенный в 1930-е. После возвращения к читателю основного корпуса литературы серебряного века он остается едва ли не последним крупным поэтом своего времени, чьи произведения до сих пор не изданы.

В настоящее издание включены все опубликованные при жизни и найденные в государственных и частных архивах стихотворения поэта, ненапечатанная пьеса «Фокифон», а также теоретические и историко-литературные статьи.

Большинство текстов публикуется впервые.

УДК 82.09+82-1
ББК 83(2Рос=Рус)6+84-5

- © М. А. Амелин, 2013
- © Д. М. Давыдов, 2013
- © Т. А. Кукушкина, 2013
- © ОГИ, 2013

Оглавление

Данила Давыдов

Сергей Нельдихен: поэзия и репутация

7

Ось. <Книга стихов>

(1919)

27

<Дополнение к «Оси»>

(1920)

43

Праздник <(Илья Радалёт)>. Поэмороман. Часть первая

(1920—1921)

47

Праздник (Илья Радалёт). Поэмороман. Часть вторая

(1921 — сентябрь 1922)

71

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФРАЗЫ (ФРАГМЕНТЫ)

(1920—1929)

95

NON COGITO ERGO SUM (СЛУЧАЙНЫЕ СТИХИ)

(1923—1924)

103

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ФОРМА

(1920—1929)

127

<РАЗРОЗНЕННЫЕ СТИХИ>

(1921—1936)

165

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО. КНИГА СТИХОВ

(1923—1933)

181

Фокифон. Пьеса

(1923—1926)

225

ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОГО РАЯ. СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

(1921—1929)

317

Максим Амелин

Примечания

347

Приложения

403

Сергей Нельдихен: поэзия и репутация

Имя Сергея Евгеньевича Нельдихена (1891—1942) сегодня не на слуху даже у ценителей поэзии первой половины XX века. Среди поэтов, представляющихся чрезвычайно значимыми, пожалуй, именно Нельдихен остается до сих пор в тени в наибольшей степени. Связано это и с особенностями его литературной репутации, и с позицией, занятой в рамках литературной борьбы 1920-х, и собственно с поэтикой его произведений.

Есть, представляется, фигуры в истории поэзии, фактически вытесненные из общепринятых иерархических структур, оклеветанные мемуаристами — или же просто по максимуму не понятые ими, — но, как очевидно непредвзятому аналитику, весьма самобытные, совершившие в поэтическом пространстве *нечто*, ценное и неповторимое. Можно именовать таких поэтов, по Реми де Гурмону, «подземными классиками», можно подыскивать иные ярлыки. Важно, однако же, возникающее порой чувство зияния, дыры на месте чего-то существующего, неучтенного.

Еще более важно желание заполнить подобные ложные пустоты — точнее, конечно, не заполнить, а вскрыть невидимое. В этом смысле публикаторская практика последнего десятилетия, могущая вызывать разнообразнейшую критику, много сделала для появления из ложного небытия значительных поэтов не только начала, но и середины, и конца минувшего века.

Пример Нельдихена максимально показателен здесь. Миф (снижающий) об этом поэте затмил его деятельность. Тяжеловесно-шу-

точное определение, данное Нельдихену Николаем Гумилевым: «поэт-дурак», «создатель поэзии дураков», стало чуть ли не основным в истории репутации Нельдихена. Николай Чуковский в известных воспоминаниях цитирует выступление Гумилева:

«Все великие поэты мира, существовавшие до сих пор, были умнейшими людьми своего времени. И Гомер, и Вергилий, и Данте, и Ронсар, и Корнель, и Бодлер, и Рембо, и Державин, и Пушкин, и Тютчев заслуженно прославились не только своим мастерством, но и своим умом. Будучи умными людьми, они, естественно, в своем творчестве изобразили мир таким, каким его видят умные люди. Но ведь умные люди — это только меньшинство человечества, а большинство состоит из дураков. До сих пор дураки не имели своих поэтов, и никогда еще мир не был изображен в поэзии таким, каким он представляется дураку. Но вот свершилось чудо, — явился Нельдихен — поэт-дурак. И создал новую поэзию, до него неведомую, — поэзию дураков»¹.

В этой неуместной шутке — по крайней мере, Чуковский настаивает на том, что это была тяжеловесная шутка (в то время как Владислав Ходасевич, ссылаясь на этот эпизод, подчеркивает серьезность Гумилева — литературного организатора²) — содержалось вполне амбивалентное описание восприятия Нельдихена современниками: его особость, яркость — и в то же время неконвенциональность, неадекватность принятым литературным нормам, как поведенческим, так и собственно эстетическим.

Следует привести и другие мнения современников: Нельдихен «наглый, упрощенный, с ограниченно-зверушачьим (так! — Д. Д.) восприятием» (К. Боженко)³; его стихи — «попытка самоутверждения без необходимых средств» (Е. Никитина)⁴. К тому же

¹ См. в Приложении 1 на с. 417. Сам Н. К. Чуковский, впрочем, воспринимал Нельдихена как «плута, фантазера и чудака»; там же.

² См. там же на с. 413—415.

³ См. там же на с. 450.

⁴ См. там же на с. 460.

это «просто проза, разбитая на короткие строки, проза по форме и безнадежная проза по внутренней сущности» (А. Свентицкий)⁵. «Тот “я”, от имени которого изъяснялся Нельдихен, являл собою образчик отборного и законченного дурака, притом — дурака счастливого, торжествующего и беспредельно самодовольного» (Влад. Ходасевич)⁶. «Как высоко не взлетает порою его мысль, тяжелым камнем она возвращается снова в свое привычное, родимое болотце» (Б. Гусман)⁷.

И форма стихотворений Нельдихена, и, еще более, способ существования его лирического «я» раздражают современников, вызывают у них оторопь или, как у Ходасевича, недоумение (но, стоит вспомнить, и Заболоцкий показался Владиславу Фелициановичу шутом).

Однако за этим «странным», не выровненным по привычным меркам поэтом ощущается некая своя подлинность, некая жизнь. «Важно то, что Нельдихен умеет делать эту “глупость” заразной и понятной. Невольно поддаешься его резвой веселости, напоминающей возню щенят на солнышке» (А. Слонимский)⁸. Или — еще более важное замечание: «Единственный интересный поэт из всей молодежи «Цеха» Сергей Нельдихен. Хорош он тем, что он пишет плохие стихи. Да это, собственно, и не стихи. Но и не проза. И не стихотворение в прозе. — Это проза в стихах.

Стихи Нельдихена единственно плохие стихи в альманахах “Цеха поэтов”, и этим они лучше всех других» (Л. Лунц)⁹.

Разберемся в последней цитате, крайне важной с историко-литературных позиций. Ее автор, Лев Лунц, был идеологом группы «Серапионовы братья», в рамках которой была сформирована эстетическая программа, оставшаяся, впрочем, утопической и не принятая всеми даже внутри кружка. А Лунц писал меж тем:

⁵ См. в Приложении 1 на с. 423.

⁶ См. там же на с. 415.

⁷ См. там же на с. 456.

⁸ См. там же на с. 454.

⁹ См. там же на с. 451.

«Все мы умеем делать лучше или хуже: плести тяжелые слова, вязать жирные, как пересаленные пироги, образы, писать плотную, “ядреную” лирику. Но это умеют делать в России *все*, лучше или хуже. А вот связать хотя бы только два мотива мы не умеем и учиться не хотим»¹⁰.

И далее, как призыв молодым:

«Вы будете писать плохо — ведь голая фабула однобока. Да, плохо — много хуже, чем пишете сейчас. Но научитесь»¹¹.

Это о прозе. Но вспомним: по Лунцу, Нельдихен — автор именно «прозы в стихах». То есть некий принцип письма отделяет его от иных поэтов. В той же заметке о «Цехе поэтов» Лунц пишет: «Гумилев — большой поэт. Мандельштам — большой поэт. Но если бы они были еще в два раза значительней, им не искупить этим своей вины: они создали мертвую школу»¹². Здесь не место возмущаться очевидной неправотой этой оценки. Интересна в данном случае субъективность лунцевского подхода — и причина противопоставления Нельдихена и акмеистических мэтров. Лунц видит в творчестве главным не стилевое качество, но качество увлекательности. То, что в прозе видится ему как господство фабулы и мотива, в поэзии оказывается не просто проявленностью («жирного») образа, не силой автономного («ядренного») лиризма, но саморазвитием лирического «я». И здесь Нельдихен Лунцу очень подходит. Его нарративные, эмоционально подробные и в то же время автопародийные поэмы кажутся осуществлением «серапионовской» программы, транспонированной с прозы на поэзию.

Но важно и другое: в акмеизме можно было увидеть некую идеологию, некий пафос «правильного делания», чуть ли не дидакти-

¹⁰ Лунц Л. На Запад! Речь на собрании «Серапионовых братьев» 2 декабря 1922 г. // Беседа. Вып. 3—4. Берлин: Эпоха, 1923. С. 270.

¹¹ Там же.

¹² Лунц Л. «Цех поэтов» // Сб. «Книжный угол». П., 1922. № 8.

ку (проявленную, конечно, на уровне отбора образов, а не риторики). Нельдихен же мог показаться Лунцу фигурой деидеологизированной, не «дураком» и не «чудаком», но неким носителем очищенных от культурных наслоений смыслов. Отсюда и столь жесткие слова о Гумилеве и Мандельштаме: их гармоническая программа представляла для этого литературного фланга избыточной: избыточно умной, красивой, правильной. Наконец, обладавшей избыточным вкусом. Иносказательно всё это — будто бы — затягивало воронку традиции. Нельдихен же, благодаря своеобразной «скупости» оказывался ей неподвластен (напомним, что реконструировали здесь концепцию именно Лунца).

Парадоксальным образом, идеализируя внеидеологичность, внепрограммность Нельдихена, Лунц сам предлагал программу. Характерно и сходство этой программы с последовавшей спустя более чем десятилетие программой ОБЭРИУ, также предполагавшей переход от культурных рефлексов к чистым смыслам.

«Серапионовы братья» оставались группой по преимуществу прозаиков (несмотря на поэзию «серапионов» Елизаветы Полонской и Николая Тихонова). К тому же Лунц (единственный, кто, пусть крайне однобоко, попытался всерьез разобраться в природе нельдихенского письма) рано умер, а остальные довольно скоро разошлись и жизненно, и творчески. Так что даже очевидная близость Нельдихена к «серапионам» не помогла поэту «легализовать» свой метод письма.

Здесь мы подходим к принципиальной особенности биографии Нельдихена, без которой непонятна его «подземность» и «потаенность». Нельдихен принадлежал к великому поэтическому поколению прямых наследников символизма (среди его ровесников, с погрешностью в два-три года, — Ахматова, Мандельштам, Маяковский, Пастернак, Цветаева), отказавшихся от внешних атрибутов этого движения, развенчавших его и тем самым придавших ему, под ины-

ми лозунгами и определениями, новое дыхание. В отличие от своих ровесников, Нельдихен не участвовал в грандиозном акмеистическо-футуристическом почти что карнавальном растожествлении символистского метаязыка, происходившем в 1910-х. Его первая книга, «Ось», выходит лишь в 1920-м. Неумолимость недоразумений преследует поэта: Нельдихен выбирает для запоздавшего выхода в литературный свет самый что ни на есть «неподходящий» круг, оказываясь в третьем «Цехе поэтов».

Вышеприведенный каскад максимально снижающих образ поэта цитат вполне объясняет, почему Нельдихен оказался там «белой вороной». Но и среди авангардных групп сложно было найти союзников. Кубофутуристической «Гилеи» уже не существовало, «41°» оказался бы слишком радикален (к тому же Тифлис, удивленный эскападами Крученых, Терентьева, Зданевича, был далеко), «ЛЕФ» требовал политической ангажированности. Экспрессионистские школы были эфемерны и крайне раздроблены.

Итак, Нельдихен — в акмеистическом кругу. Точнее, в постакмеистическом: акмеизма как такового уже нет, и рядом (но, впрочем, и несколько в стороне, как всегда и везде) с правоверными гумилевцами Г. Адамовичем, Н. Оцупом, И. Одоевцевой, Г. Ивановым — такой «отдельный» поэт, как Константин Вагинов. Он «странен», непривычен, его в этом кругу принято не понимать, уместным кажется говорить, как писал Ходасевич, что в «самой невнятице» его стихов «было что-то свое, она была как-то своеобразно окрашена»¹³. То есть Вагинов — «темный», непонятный, если угодно, неканонический поэт, но это поэт «высокий», говорящий «странно» о вещах, в конечном счете «нестранных» для поэтической традиции¹⁴. Напротив, Нельдихен — шут при дворе Поэзии. Мы уже увидели, что это не так, хотя из современников это были готовы признать лишь «Серапионы». Но и Лунц встраивал Нельдихена в свои модели, не признавая собственно нельдихенских.

¹³ Ходасевич В. Парижский альбом, II // Дни. 1926. № 1027 (13 июня).

¹⁴ Впрочем, отсылаем читателя к обширной литературе, посвященной собственно творчеству и литературной репутации К. Вагинова.

Меж тем Сергей Нельдихен не был не только «глуп», но и *наивен*. Нельдихена можно и должно отнести к ярчайшим представителям отечественного *примитивизма* как вполне осознанного художественного метода. Но сказать так — значит сказать очень мало; примитив может быть эстетически отрефлектирован (и, там самым, преобразован в примитивизм) самыми разнообразными способами, что, кстати, доказывает история русской поэзии: сложно найти единство в поэтике Николая Олейникова или Игоря Холина, Петра Потемкина или Сергея Кулле, Ксении Некрасовой или Олега Григорьева.

Впрочем Нельдихен — сознательный, рафинированный примитивист отнюдь не во всяком стихотворении и не на всём протяжении творчества. Насколько невнимательным надо быть, чтобы счесть за откровенную исповедь такие, к примеру, строки (одни из немногих известных нынешнему читателю — благодаря мемуарам или знаменитой учебной антологии, подготовленной М. Л. Гаспаровым¹⁵):

Женщины, двухполовиноаршинные куклы,
Прекрасноглазые, бутристорелье,
Как мне нравятся такие женщины!
(с. 54)

Называя одно из значительных своих стихотворений «Искренность (Непринужденность)», Нельдихен подмигивает читателю, посвящая его в заговор. До концептуализма — лет пятьдесят, а вопрос о грани между «своим» словом и словом персонажа ставится максимально заостренно:

Не бойся, приятель, если тебя назовут бездельником,
Не бойся, приятель, если тебя назовут бездельником,
Или еще обьденнее, — нравственным уродом.
Не злободневствуй ни с кем, не рекламируй.

¹⁵ Гаспаров М. Л. Русские стихи <правильно — Русский стих> 1890-х — 1925 годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993.

В примирении всегда — правда, но безделье.
А во всех твоих словах пусть звучит только искренность.
Ты сам испытывал и даже то, что для всех, для всех
Чистые ноги лучше обожженных крапивой,
Полированный стол лучше скобленного ножом,
Запах роз приятнее запахов чада
И хрестоматия не годится в настольные книги.
(с. 130)

Именно об этом писала в свое время Татьяна Бек: «<...> поэт Нельдихен создал ярчайший образец персонажной лирики <...> вошел в историю литературы в дивной маске идиота, где в прорезях для глаз мерцает наимудрейший взгляд, и — что важно — оставил нам в наследство уникальный сплав юродивого гимна с обстоятельной прозой, бытийной метафизики — с хроникой буден, изысканно-го верлибра — с “простодушной” интонацией»¹⁶.

Впрочем, не следует забывать и о той мрачной литературной изоляции, которая окружала Нельдихена. Примитивизм, «масочная», «персонажная» поэзия подчас становилась средством литературного выживания. Пропагандистские стихи Нельдихена, к примеру собранные в учебной книге для красноармейцев «Перед тем как выйти в бой, эти правила усвой» (1929), представляют собой то примитивистское ремесленничество, которое обладает эстетической функцией, лишь будучи воспринятым как своего рода «пародия второго уровня», жест максимального остранения от собственного текста. Аналогичные опыты мы найдем у еще одного авангардиста-одиночки, Тихона Чурилина; вспоминаются и поздние, нарочито «испорченные» стихи Николая Глазкова (последний, впрочем, говоря ахматовскими словами, писал их в уже куда более «вегетарианские» времена). Вот пример — весьма зловещий — одного из текстов Нельдихена «на злобу дня»):

¹⁶ Бек Т. Да здравствует умная глупость! // Ex libris НГ. 24.07.2003.

ВРЕДИТЕЛИ

Штукатурили, помьли,
Выбелили потолки,
Дырки все, какие были,
Зачинили мастерски.

Всей казармы помещенье
Обновили чистотой.
Знай, — садись за обученье, —
Изучай военный строй.

Но не все серьезны лица, —
Стенка прямо чистый лист.
Как же тут не соблазнится
Молодой кавалерист?

В умывалке и в уборной
Ваньке прямо невтерпеж.
Чертит рожу углем черным:
— Глянь-ка, Гриха, ишь — похож.

Да Марусю вспомнит кстати
И выводит букву «ме»,
Иль валяется в кровати
С сапожищами в дерьме.

Как уборку тут ни делай
По казарме каждый раз,
Нету стенки чистой, целой
В помещении у нас.

Хоть и койки убираем,
Выбиваем тюфяки,
Всё же дух несет сараем,
Просто вешай котелки.

ДАНИЛА ДАВЫДОВ

Поживут себе два года,
А потом — айда, прощай,
После ихнего ухода
Не казарма, а сарай.

Портят праздные ребята,
Бесполезен им урок.
А казарма, вспомнить надо,
Ведь народное добро¹⁷.

В сочетании с заголовком текст, при всей его «пародийности второго порядка», требующей отдельного исследования, звучит зловеще.

Говоря о примитивизме Нельдихена, нельзя забывать, повторимся, о том, что это определение вовсе не исчерпывает многообразной его деятельности. Так, существует ипостась в его творчестве вовсе, кажется, забытая: это его теоретические работы в области поэтики и эстетики¹⁸. И теоретическая эта деятельность, и проявленность ее в практической художественной работе роковым образом столкнули Нельдихена с еще одной, доселе не упоминавшейся нами авторитетной группой этой эпохи — конструктивистами.

Движение конструктивизма, в частности в его литературных проявлениях, представляло собой одновременно и эстетическое, и идеологическое движение. Быть может, не столь жестко, как изобразительное искусство или дизайн «производственников», литература, однако, представляла у конструктивистов специфической формой *идеологизированной деятельности* (в этом смысле характерно назва-

¹⁷ Нельдихен С. Веселый стишок — учебе в прок. М.—Л.: Государственное военное издательство, 1926. С. 24—25.

¹⁸ Впрочем, в ряде работ их анализировал Ю. Б. Орлицкий.

ние конструктивистского сборника 1929 г. «Бизнес»). Еще в раннем конструктивистском манифесте (1923) О. Чичагова указывает:

«Конструктивизм — это идеология, возникшая в пролетарской России во время революции, и, как всякая идеология, конструктивизм только тогда может быть жизнеспособным и не построенным на песке, когда создает себе потребителя; а потому — задачей конструктивизма является организация коммунистического быта через создание конструктивного человека. Средствами к этому являются интеллектуальное производство — изобретательство и совершенствующее производство — техника»¹⁹.

Множественно рассматривавшаяся общая структура литературного поля 1920-х представляет собой — особенно на авангардном фланге — систему взаимодействий и взаимоотталкиваний, при которой принципиально в выигрышном положении оказываются группы, но не индивидуальности. Эта ситуация, безусловно, продолжает те формы литературной борьбы, которые были заданы еще постсимволистскими группами 1900—1910-х; однако новые внешние (внелитературные) условия, переводящие борьбу из эстетико-философского в программно-идеологический план, усилили и механизмы «литературной бюрократизации».

В этом смысле можно говорить о «двух конструктивизмах». Первый, «официальный», — это собственно организационное пространство, Литературный центр конструктивистов (ЛЦК; 1924—1930); второй, «неофициальный», — поле эстетических установок и художественных практик. Эти «два конструктивизма» отнюдь не тождественны: многие фигуры, значимые как функционеры ЛЦК (например, Вера Инбер), не принципиальны для понимания конструктивизма как художественного проекта. Напротив, ряд фигур, никогда не бывших связанными с конструктивизмом организационно, с очевидностью могут быть с ним сопоставлены. Речь здесь может идти

¹⁹ Чичагова О. Конструктивизм // Сб. «От символизма до “Октября”». Сост. Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. М.: Новая Москва, 1924. С. 257.

о Георгии Оболдуеве, отчасти о Яне Сатуновском (который, скорее, отталкивался от «конструктивистской утопии»), но в первую очередь — о Нельдихене.

Прозаизация стиха, столкновения стиха и прозы, принципиальны не только для идеолога «Серапионовых братьев» Льва Лунца. Нарративные, эмоционально подробные и в то же время автопародийные поэмы кажутся осуществлением не только «серапионовской» программы, транспонированной с прозы на поэзию. Гораздо в большей степени это — один из важнейших аспектов конструктивистской программы. В «Декларации Литературного центра конструктивистов (ЛЦК)» (подписана И. Сельвинским, К. Зелинским, В. Инбер, Б. Агаповым, Е. Габриловичем, Д. Туманным, И. Аксеновым) говорится:

«9. Правые социальные слои, интеллигентские и мелкобуржуазные группы приспособливают формальные требования конструктивизма в качестве эстетических окопов для отсиживания в них от натиска революционной современности, ищущей закрепиться в художественной теме. Тогда конструктивизм превращается в особый станковый жанр, т. е. немотивированную демонстрацию приема. Это одинаково верно как в отношении живописи, так и поэзии.

Для левых социальных слоев это требование максимальной эксплуатации естественно слито с поисками большой эпохальной темы и тесной формы для нее, что логикой сюжета вводит в область поэзии приемы прозы.

10. Принцип грузофикации в применении к поэзии превращается в требование построения стихов в плане локальной семантики, т. е. развертывания всей фактуры стиха из основного смыслового содержания темы»²⁰.

Перед нами четкая программа нарративизации и прозаизации поэтического текста.

²⁰ Цит. по: Зелинский К. Поэзия как смысл. Книга о конструктивизме. М.: Федерация, 1929. С. 314—315.

Меж тем в более раннем манифесте конструктивистов, «Клятвенной конструкции конструктивистов-поэтов» (1922—1923), подписанном Алексеем Чичериным (наиболее левым представителем движения, позже вышедшим из группы в поисках более радикальных художественных моделей) и Ильей Сельвинским (тогда подписывавшимся Элий-Карл Сельвинский), указываются более общие принципы конструктивистского творчества, нежели сближение прозы и стиха.

По сути дела, перед нами проект синтетического искусства:

«Конструкция — монолит; выпад “песчинки” рушит целое.

Гиблая теория “разорванного сознания” и ублюдыш ее — теория “смещения планов”, растлив легковверных поэтиков, усугубили в них волевое гниение; в результате ацентрических крошев и оползней развал русской поэзии достиг небывалых размеров. 98% нынешних произведений можно читать вкривь и вкось. Этот распад превратил современных поэтов в спецов узкой квалификации, сующих мандаты и патенты на: звук, ритм, образ, заумь и т. д. безотносительно к целому.

Стать конструкции может потребовать ряда разнообразных, характерных для нее, стилистических ходов; конструктивист, чтобы сделать задание, должен все знать, всем владеть в совершенстве; у нас нет двух одинаковых произведений — конструкций, мы отвергаем формальный канон.

Конструктивизм как абсолютно творческая (мастерская) школа, утверждает универсальность поэтической техники; если современные школы, порознь, вопяют: звук, ритм, образ, заумь и т. д., мы, акцентируя И, говорим: И звук, И ритм, И образ, И заумь, И всякий новый возможный прием, в котором встретится действительная необходимость при установке конструкции.

Мы знаем, что Мир необъемлем, несчетен и неповторим. Жизнь и цель человечества — бесповоротное достижение — творчество; творчество: актуальность — движение — жизнь. Основа нашего творчества — организация жизни — организация локализаций»²¹.

²¹ Сельвинский И., Чичерин А. Знаем: Клятвенная конструкция (декларация) конструктивистов-поэтов // Сб. «От символизма до “Октября”». Сост. Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. М.: Новая Москва, 1924. С. 260.

Эти конструктивистские концепции, однако, были в значительной степени предвосхищены (еще в 1920—1921 гг., в первоначальных тезисах «Основ литературного синтетизма») Нельдихеном-теоретиком, который, впрочем, оставался незамеченным в этом качестве еще более, нежели в поэтическом. Меж тем в своих теоретических текстах Нельдихен ратовал за максимальное сближение стиха и прозы (по словам Ивана Грузинова, «<...> Нельдихен стихи ориентирует на прозу, прозу на стихи, и обратно; и так до бесконечности: применение диалектического метода в искусстве слова»²²) и «литературный синтетизм», т. е. как раз за те аспекты, что характерны для конструктивистской программы.

По Нельдихену, «синтетическая форма» подразумевает: снятие рифмы, «стремление к приблизительным созвучиям»; «усложненность композиции»; «протест против подчеркнутой ритмизации» (имеется в виду, впрочем, не ритм, но метр); независимость расстановки слов от метра и строфического деления; «протест против сравнений и метафор» (заостренно антиимажинистский тезис); «скрытость технических приемов» (тезис против футуризма); сращение корней в соответствии с естественным словообразованием (опять-таки антифутуристическое положение); «стремление к обобщениям»; «ориентация на запись непосредственно текущей мысли, а не на условия организации того или иного жанра»²³.

Предлагая глубоко авангардную технику, Нельдихен выступает против авангардистского пафоса, настаивая на «успокоенности восприятия мира». Радикально взламывая традицию, он не отрицает ее, но оживляет, восстанавливая, в сущности, первоосновы поэзии: «<...> синтетическая форма заставляет находить ее некоторое родство с литературными формами первоисточников человеческой мысли (библейская проза, формы древне-классической литературы) и делает закономерным возвращение к “обычному” стихосложению,

²² См. в Приложении 1 на с. 461. Отметим, что в своих построениях Зелинский говорит о «диалектике художественного образа» как об одном из центральных понятий. См. *Зелинский К.* Поэзия как смысл. С. 109 и след.

²³ См. с. 344 наст. изд.

в котором постепенно конструируются все элементы речи»²⁴. Более того, в одном из стихотворений он отчасти даже выступает с автопародией на свою теоретическую программу:

Поэт прочел стихи о носе, о воришке,
Недобродетельную бросил мысль —
И заглянули все в лицо поэта.
Прочел прозаик —
Никто его воришкой не назвал.
Он может высказать всё, что захочет,
От имени героя своего рассказа, —
И лично к автору никто не придерется.
Легко прозаику!
(с. 121)

Нельдихен близок к конструктивистам, но настаивает вместо нарочитости приема — на его «скрытости», вместо «техничности», «конструктивности» — на «органичности». В значительной степени именно этим (помимо групповой изолированности) объясняется вытеснение поэта из литературного процесса. Впрочем, к манифесту Нельдихена прилагается своеобразный авторский постскриптум, в котором поэт и теоретик литературного синтетизма констатирует приятие его идей литературой (при неприятии его приоритета):

«Несмотря на то, что у большинства появилась раздраженность обновленческим литературным периодом, все же следующие признаки, появившиеся с <19>22—<19>23 г., показательны для постепенной оправдаваемости высказанного о синтетизме в 1920 году:

- 1) осознана многими нестихотворность времени;
 - 2) поэты часто переходят на писание прозы;
 - 3) поэты часто группируются совместно с прозаиками;
- <...>

²⁴ См. с. 344 наст. изд.

8) утверждение в стихах обязательной сюжетности (напр., у конструктивистов), т. е. элемента от прозаической беллетристики;

<...>

10) обновление не могло остановиться на недоведенности до логических крайностей. Ни разрушавший каноны футуризм, ни имажинизм, ни другие пофутуристические устремленности до крайности форму не довели. Последующий конструктивизм, или в Ленинграде, напр., канонизаторы балладной формы явились также уже “собираателями формы” из рук футуризма;

<...>

12) появление у И. Сельвинского “Записок поэта” — комбинированной формы, могущей даже восприниматься как перефразировка поэморомана “Праздник”, написанного в 1920 году;

<...>

14) в Москве, как реакция на футуризм, постепенно проявляется возвращение и подражательство акмеизму и даже символизму;

15) особенно конструктивисты, являясь неосознанно повторителями ленинградского “Цеха поэтов” последнего состава (или, вернее, — акмеизмом от футуро-лефовства) постепенно намечают уклоны на прозаические задания и помимо сюжетности»²⁵.

Нельдихен прослеживает многообразие форм становления «мягкого авангарда» (в дальнейшем ведущего к «культуре-2», по В. Паперному) в противовес к «жесткому», характерному для прошлой эпохи. Здесь важна и констатация расширения прозаизации поэзии «помимо сюжетности» (как раз фабульность есть наиболее очевидная сторона конструктивистской программы), упоминание о «канонизации балладной формы» как способа собирания разрушенной жанровой памяти; наконец, заявление о некоторых социокультурных аспектах литературной эволюции, лежащих в русле идей Нельдихена (группировки поэтов и прозаиков, переход поэтов на прозу). Особенно замечательно авторское соотнесение поэморомана «Праздник» с «Записками поэта» Ильи Сельвинско-

²⁵ См. с. 346 наст. изд.

го — на наш взгляд, важное не только с точки зрения реальных интертекстуальных связей (в «Записках поэта» и образе главного героя этой поэмы есть очевидные элементы пародии на «Праздник» и саму фигуру Нельдихена), но и с точки зрения представлений Нельдихена о дальнейшей эволюции письма.

Однако нельзя не отметить: сформулировав нечто близкое тому, что чуть позже сформулируют конструктивисты, но настаивая вместо нарочитости приема — на его «скрытости», вместо «техничности», «конструктивности» — на «органичности», поэт тем самым противопоставил себя официальному конструктивизму и окончательно стал фигурой *pop grata* в пространстве «большой» литературы; к тому же как литературный одиночка («Цех поэтов» к тому времени, разумеется, давным-давно перестал существовать) он не мог рассчитывать на поддержку группы. Даже обэриуты, будучи маргиналами, до поры до времени могли позволить себе внешние эскапады, поскольку на них работал механизм, так сказать, «коллективной ответственности». В результате Нельдихен был вытеснен не только из литературного процесса, но и, фактически, из истории культуры.

Особое место в творчестве Нельдихена занимает драматургия. Центральным опытом здесь следует признать пьесу «Фокифон» — произведение фактически воскрешенное из небытия, новонайденное; сведения о нем были, но текст предлагается в настоящем издании впервые.

«Фокифон» представляет собой гротескную антиутопию, типичную и нетипичную одновременно для драматургии позднего отечественного модернизма. Пьесы того же Льва Лунца, такие как «Обезьяны идут» или «Город правды» — может быть, самое яркое из сделанного им за недолгую жизнь, — предстают все же квинтэссенцией цивилизационного трагизма. Жестокий абсурдизм в «14 красных избушках» и «Шарманке» Андрея Платонова, при всем его па-

радоксальном комическом начале, ведут к прояснению человеческого сквозь постапокалиптическую ткань предьявленного мира. «Фокифон» в своей приближенности к быту и одновременно максимальной дегуманизации, оказывается, быть может, ближе всего к некоторым образцам прозы Сигизмунда Кржижановского (стоит вспомнить, к примеру, «Клуб убийц букв»). Стремление к явленности истинного образа мира наслаивается в «Фокифоне» на распадение собственно бытового пространства, побеждает «технэ», но это отнюдь не классическое «восстание машин», это погружение в некоторый мир окончательной явленности. Герой, страстно желающий выяснить «где в городе обманывают», вскрывает доантропологическое состояние всех действующих на сцене, предстоящих, по сути, лишь олицетворением простейшей последовательности букв алфавита; здесь явственно видны параллели с некоторыми наиболее радикальными авангардными опытами (к примеру, с пьесами Ильязда).

К тому же финал действия в «Фокифоне» оказывается ярчайшим примером «синтетической» теории Нельдихена. Чудовищный аппарат фокифон, просвечивающий реальность, сам будучи метафорой безжалостной правды, реализует свою работу в наложении киноизображения на сценическое действие. Думается, что много дало бы рассмотрение этого произведения в рамках театральной теории и практики той эпохи.

При чуть ли не полном забвении стихов Нельдихена и тем более его теоретических работ путь отечественной поэзии (в той ее части, естественно, что была свободна от диктата советской литературной бюрократии) показал действенность многих выводов Сергея Евгеньевича. Так, уже среди младших его современников очевидно параллельна фигура Георгия Оболдуева; его классические «поэтические каталоги», подобные «Живописному обозрению», находят явственную параллель с такими, например, стихами Нельдихена:

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН: ПОЭЗИЯ И РЕПУТАЦИЯ

Колеса скачут predetermined по рельсам,
Подражая мне в неподсчитанном доверчивом ритме,
Но, наверное, пересказывая только вычитанное из вечерних газет.
Ничто никуда не ушло, пробыв без меня целый месяц.
Даже стадо коров по тем же лужайкам раскинуто осенними листьями;
Коровьи хвосты явно торчат стебельками,
Увертливые поля сторонятся ползком,
Сверчки и кузнечики размножают на своих пишущих машинках
статьи из столичной газеты.
Сжатые поля уже отделаны под заячий мех в подборку с лисьим,
А горизонт укутан голубым песцом.
Как и во всем: чем дальше, тем изнеженнее и дороже.
Вагоны тянут за собою кривоугольные тени,
Будто увозят за собой на север чернозем.
А ветер, поигрывая сушеными бахромками кукурузы,
Выдергивает, пробежавшись, запонку из щелки моего воротничка.
Птицы издеваются над березами и дубами.
Добродушные березы позволяют делать с собой все,
что захочется озорникам;
Изредка понатужившись, пытаются стряхнуть с себя надоедливые
лапки воробышек.

(с. 151)

Ряд параллелей (не только и не столько биографических) соединяет Нельдихена с обэриутами, чему может быть посвящено отдельное увлекательнейшее исследование. У «лианозоцев» найдутся свои пересечения, в диапазоне от минимализма Сатуновского (ряд минималистических текстов Нельдихена должен быть поставлен в основание этой традиции) до «предметников» Михаила Соковнина и «Голосов» Генриха Сапгира. И Геннадий Айги, и Виктор Соснора, и многие другие пошли дорогами «литературного синтетизма» в понимании, предложенном Нельдихеном...

Горечь самоощущения, присущая Нельдихену, вполне объяснима:

ДАНИЛА ДАВЫДОВ

Окончательно обозлен на стихи!

И, в самом деле,

Что это за несчастнейшее и неблагодарнейшее

из человеческих достижений,

Когда считается, что все имеют к нему отношение,

Кроме ближайших участников его?

Лишаю вас, стихи, всех прав на самобытное существованье!

(с. 224)

Но, думается, мы обязаны вспомнить и другие его строки:

Я твердо помню, когда в пути я, что через несколько месяцев,

годов, столетий придется возвращаться.

И что — в конце пребывает пародия на начало.

(с. 154)

Настало время воскрешения поэта, время заполнения одной из самых зияющих лакун в истории отечественной поэзии.

Данила Давыдов

<Книга стихов>

1919

Корнею Ивановичу Чуковскому

ОСЬ

Сонет

Н. Гумилеву

От старости скрипит земная ось;
На ней вертелся долгими веками
Тяжелый шар, дымящийся парами,
Водой, огнем пропитанный насквозь.

И мастера у бога не нашлось,
И он решил, что люди могут сами
Ее исправить рыжими руками, —
Ведь многое в делах им удалось.

Но человек из своего жилища
Давно устроил для себя кладбища
И к звукам разрушения привык;

И лишь один над пепелом обрыва
Поднял глаза змеиноного отлива, —
И это был озлобленный калмык.

В моей столовой на висящем блюде
Награвирован старый Амстердам, —
Какие странные фигурки там,
Какие милые, смешные люди:

Худые крыши с узкими углами,
Шесть парусов распущенных — среди них,
Кареты — домики на мостовых,
Камзолы с буфами и кружевами...

Так хочется, когда случайно взглянешь
На медную картинку на стене,
Быть человечком с бантом на спине
В высоких туфлях, в парике, в кафтане...

Мясник кривой развешивает туши,
Сидит забавный бургер у дверей,
Шагает франт, ведут гуськом детей,
Разносчик продает большие груши...

И я, теперь такой обыкновенный,
Пускающий из папиросы дым,
Казаться буду милым и смешным
Когда-нибудь, и буду драгоценным.

Средневековье

- Безбожник, церкви враг, развратник старьй,
 Преступник поднялся на эшафот.
 Замолкнул гул у городских ворот
 Под колокола редкие удары.
 И встал судья на желтом возвышеньи
 И объявил: — Старик Альфред Дюфон
 За многие грехи и преступленья
 На казнь судом церковным осужден;
 Но по законам я имею право
 На приговор не налагать печать,
 Когда преступника в мужья избрать
 Захочет девушка благого нрава. —
 Распятыя девушки плотнее сжали,
 Молчали все, и снова встал судья...
- Ох, погодите, я согласна, я! —
 Горбунья-нищяя в нарядной шали,
 С пучком цветов, с душистою клюкой
 Заковыляла на помосте длинном.
- Я девушка, я до сих пор невинна,
 Я не грешила Матери Святой... —
 При общем смехе горожан трусливых
 Преступника спросил косою судья:
- А хочешь ты отдать себя в мужья
 Вот этой женщине благочестивой? —
 Преступник, церкви враг, развратник старьй
 Ответил твердо: — Нет, я не хочу, —
 Приятней голову отдать мечу,
 Чем после губ Марии, Жанны, Клары

Под старость целовать гнилые рты;
Вот вам последнее мое признание:
Мне ненавистны церкви и посты, —
Глупа их цель — от счастья воздержанье.
И целомудрие твое смешно,
Горбунья, глупо любящая бога,
Плети сама свой свадебный венок
И выбирай себе в мужа святого.

Любовь «лейтенанта флота» (Из кино-драмы)

Вс. Рождественскому

На загражденья минные кривые
Четыре миноносных корабля
Наткнулись ночью. Сбоку, у руля,
Рассыпались обломки огневые.

Корабль передний сразу же ко дну
Пошел с командой, грузом, капитаном,
Тяжелым задом, как тупым тараном,
Прорезал, взрыл морскую глубину.

Второй и третий, шедшие с ним рядом,
Машины не успели повернуть,
Вскочили на бурлящий белый путь;
Запахло море толовым снарядом.

Корабль четвертый медленно назад
Пополз и вылез из огня и пыли,
Сирены сумасшедшие завывли,
По палубе прогромыхал канат... —

На первом миноносце был ваш муж,
А на последнем я. Прошла неделя
С тех пор. Прозрачный траур вы надели,
Как дама на экране в «Мулен-Руж».

Наш миноносец в гавань возвратился:
Счастливый, праздничный и молодой,
Я выбежал на берег «городской» —
И никогда я так не веселился.

И захотелось мне увидеть вас, —
Не мог же думать я о чьем-то горе, —
Я «бешено помчался на моторе»,
Но вас нашел я только лишь сейчас.

Вы не прогоните меня, Мария, —
Ведь что случилось, значит суждено...
Как хорошо у вас, полутемно,
Надушено, обои голубые;

А на море так холодно и жутко,
И кажется всё липким, как тюлень,
Норд-ост проклятый дует целый день,
Торчат везде лебедки, трубы, будки!!! —

Стол для дежурного, свисток, печать,
Кому-то присланная телеграмма,
У двери чья-то сморщенная мать,
На стенках чертежи в дубовых рамах...
К чему всё это мне, зачем я тут,
В казарме с паутиной прошлогодней?..
На пристани гудок, — снимают сходни,
Отвалит яхта через пять минут.
А я останусь здесь сидеть до завтра,
Облокотясь на неудобный стол,
Мне вечером пришлют невкусный завтрак,
И целый день я буду груб и зол,
И в голову мне не придет ни строчки
Для нужного упрямого стиха...
В окне вспотелом крыша, щетки мха,
Два дерева и дно дырявой бочки...
Что смотришь на меня со стенки, бог,
Лукавыми и плоскими глазами.
— Ты видишь эту крышу, этот мох,
И этот стол, и стены с пауками?..
Тебя нарисовали на холсте
На хорового регента похожим,
А я когда-то без душевной дрожи
Не мог и думать о твоём кресте.
Я знаю — ты совсем не плоскоглазый,
Должно быть, в белом небе ты другой, —
Но для меня ты, бог, теперь такой,
Каким тебя рисуют богомазы.

Новый Петроград

Простреленные окна магазинов
С лучистой трещиной, с отточенным кружком,
Раскоронovaných орлов вороныи спины,
Торчащие безвольно над мостом;
Отбитые углы домов огромных,
Решетки ржавые особняков, дворцов,
Замолкнувших церквей бесколокольных, темных,
Узоры от нестриженных кустов;
Гвоздями заколоченные входы,
Трава лугóвая среди кáмней мостовых,
Прижатые к стене пустые пароходы,
Речные заросли у стен крутых...
— Менять всё то, <что> было милым прежде! —
Толпа любитсЯ и празднично орет,
Бежит по-новому в краснеющей одежде...
По-прежнему лишь скачет черный Петр.

Человек человеку — волк (Вечер)

- Ночью я протяну к облакам жесткокожую руку
И достану луны двухконечный отточенный крюк,
К одному острию привяжу рукоятку — бамбук
И узлы затяну липкотелой шершавой гадюкой.
С самодельною киркомотыгой в руке вздутожилой
Рано утром взбегу на бугор вороненой горы,
От лохматого солнца кусок отобью неостылый,
Сброшу вниз, на поверхность земли, под откосы, бугры.
И отбитый от солнца кусок, разгоревшийся камень,
Все постройки разрушит, раздавит животных-людей,
На земле лишь останутся горы из черствых камней,
Океан и один человек, как при первом Адаме...
- В разнолиственных рощах, в садах свежцветных плодовых,
Где бродили в тени первобытных животных стада,
Под плодами ходил, слушал тихие свисты и ревы
Человек первосозданный, — голый, упругий Адам,
И единый Адам синеглазый большой беззаботный
Ни забав, ни работ не нашел для себя одного;
Бог узнал, рассердился и самку создал для него,
И Адам наплодил сыновей, подражая животным...
- Я один буду жить над отбитым от солнца осколком,
Но не буду Адамом скучающим в райском саду, —
Со своей самодельной изогнутой киркоиголкой
Я работу себе на земле закоптелой найду. —
Мне не надо готовых садов с кружевными ветвями,
Сам свой собственный сад для себя я сумею создать,
Не слезая с горы, обхвачу я кирки рукоять,
Сам один отпихну раскрасневшийся солнечный камень;
И очищу я быстро поверхность земли от развалин
И в живой океан побросаю обломки и пыль;

- Птицы те, что высоко весь день над горами летали,
Будут ночью слетаться ко мне на горящий фитиль;
Разровняю я землю и, если работать устану,
Положу у подошвы горы запльившийся крюк,
И руками поймаю за головы птиц-великанов,
Птичьи шеи сверну, накормлю терпеливых гадюк;
А пахучее желтое мокрое мягкое мясо
Для себя отделию от приплюснутых перьев, костей,
Жадно съем и пещеру найду посвежей, потемней,
Захочу — отдохну, не узнав от которого часа...
- Голубые обои сереют в натопленной спальне,
Весь завален подушками шелковый длинный диван,
Много круглых портретов висит, засыхает тюльпан,
Трехаршинное зеркало светит, журчит умывальник;
Как всегда наверху опрокинута дымная яма,
В самых верхних квадратах двойного цветного окна,
Ниже — трубы торчат над неровными крышами прямо,
Между крышами в яме за дымом трясется луна...
- Как же я дотянусь до луны и до солнца руками? —
Ведь и я — человек, как и все, трехаршинный, худой,
У меня есть и спальня... О, нет, всё ж я очень большой, —
У меня есть тетради и книги с моими стихами! —
Номо homini lupus est, — я же должен быть тигром,
Если волк для меня каждый стриженный зверь-человек;
Но противны мне долгие дикозвериные игры, —
Не могу я давить каждый день по одной голове...
Что стучит за окном?.. — а, опять за ограду собора
Пулеметы, двуколки везут, тащат пушку-трубу...
- Что ж, спасибо, спасибо, — скорей открывайте пальбу... —
На углу собираются люди в папах и шпорах...
- Началось, началось, — завели броневик-пулемет,
И бегут, и орут, и ладонями кровь зажимают!.. —
Дзинь! — прорвалось стекло... — Рая!.. пуля попала... убьет...
Рая, милая Рая, проснись... не пугайся... стреляют!..

Меланхолия (Перед радостью)

На площади по каменному полю
Разгуливает тяжело матрос,
Пятно цветов краснеет у полос
Его фуражки с надписью — «на волю»;
А вот идет приятель-счетовод, —
— Позвать его к себе? — да нет, не надо...
Какой теперь я выцветший урод,
Как дерево из городского сада.
Останусь дома, — не пойду к знакомым,
Везде ведь скука, — не о чем болтать, —
Усядутся и будут угощать
Лепешками и кислым «чайным ромом»...
— Матрос счастливец, мир сейчас весь твой! —
Завидую тебе, твоей свободе!.. —
Темнеет свет над крышей голубой,
Зажглись фонарики на пароходе...

Радость

Мясистый красный небольшой мешок,
Привязанный скользящими узлами,
Из трубок-жил чеканными толчками
В себя вбирает густожелтый сок.

Сжимаясь, дергаясь, мешок-насос
Переливает сок из трубок в трубки,
Узлы, соски и оболочек губки
Пестрят узорами литых полос...

Как настоящий крепкий человек,
Я рад, что сердце у меня такое, —
Исправный двигатель без перебоев,
Необходимый в прочном мастерстве.

А ты, калека с малокровной кожей,
Свой неисправный, скрюченный комок
Желаешь видеть вычурным, похожим
На сердце — гладкий розовый брелок.

Пасха в этом году (В детский журнал)

В церковь не пошел к заутрене —
Не хотелось одеваться,
Жду домашних; — разговляться
Позовут из комнат внутренних.

Пасха — невеселый праздник,
Улицы — неосвещенные,
Ходят люди полусонные,
В кухне не торчит лабазник.

— Помню, был когда я маленький.
Перед Пасхой к нам на кухню
Приходил пахучий «чухна», —
Пахли пасхой даже валенки;

«Чухна» нам таскал большие
Разные мешки пудовые,
Нянька, мать, кухарки новые
Были суетливо-злые. —

Гнали все меня в гостиную,
Запирали в круглой спальне,
Но и там я шум пасхальный
Слышал через стенку длинную.

Ну да бог с ним, — раньше было
Много вкусного, веселого —
Я любил над печкой олово
Расплавлять и лить на мыло;

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН

Нянька видит и «щипается» —
У нее кулак «здоровый»...
— Как, уже едят в столовой? —
Не позвали, разговляются?!

ДОПОЛНЕНИЕ
К
[ОСИ]

Отшельник-эскимос запряг собак
И на охоту выехал за льдины, —
Хотелось свежей жирной моржевины, —
При запахе ее вкусней табак.

На полюсе конец оси земной,
Точенорезный стержень заржавелый,
Погнулся; терся ком оледенелый,
Скрипел в воронке синеватый слой.

И эскимос слышал странный скрип:
— Кто там на льдинах будто кости пилит?..
У берегов нигде моржи не выли,
Графитный лед полосками прилип.

— Поехать — посмотреть, кто — костепил?.. —
Собаки дернулись, кусаясь, лая...
— О чудо! — странная какая свая!.. —
И сани эскимос остановил.

— Хорошая находка, — летний дом
На этой свае был бы очень крепок,
Попробовать свалить, — ледяных прилепок
На ней немного, — обрублю багром. —

Качнул, — шатается в хромой дыре,
Качнул еще и вытянул из ямы,
Перебирая плоскими руками; —
Запахло на снегу, как на костре.

Взвалил, донес до льдин, лежавших вкось,
Но столб о что-то в небе зацепился
Концом невидным; — эскимос скривился,
Споткнулся, выронил земную ось.

И медленно проткнулся хрипый лед,
И ось прошла сквозь ком, застряла туго,
Ком наклонился на седьмую круга,
Окрасил льдины солнечный восход...

Какая небывалая зима! —
Февраль, — а поле — пестрая решетка,
Озерное стекло прозрачно, четко,
Как цейссовский двойной анастигмат.

У пулковских раскрытых горловин
К подзорным трубам липнут астрономы:
— Склонились к солнцу ледяные комы
От неизвестных никому причин.

ПРАЗДНИК
[(ИЛЪЯ РАДАЛЁТ)]

Поэмороман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1920—1921

I

— Лаборатория для медицинских исследований; —
— Зайду, отдам свою кровь исследовать, —
Пусть посмотрят, из чего состоит моя кровь;
Конечно, там нет ни разных спиралей, ни запятых, ни палочек;
Может быть, найдут в ней что-нибудь новое,
Отчего я такой органный — величественный,
простой и радостный...

Сегодня день моего рожденья;
Мои родители, люди самые обыкновенные,
Держали меня в комнатах до девятилетнего возраста,
Заботились обо мне по-своему,
Не пускали меня на улицу,
Приучили не играть с дворовыми мальчишками,
А с моими сестрами сидеть скромно у парадной лестницы
На холщовых складных табуретках.
Отец мой садился рядом со мною,
Рассказывал неинтересное
О каких-то своих турецких походах.
Вечерами я садился на подоконник,
Смотрел на улицу, на фонари керосиновые,
А отец мыл чайные чашки и стаканы,
И не потому, что у нас прислуги не было,
А потому, что ему нечего было делать,
Как всякому отставному воину;
При свете утра и стеариновой свечки,
Когда в комнатах тени желто-голубые,
Я сам научился читать азбуку;
Мне также хотелось учиться музыке,
Но на нашем рояле не действовали клавиши;

Я тихо плакал, когда пели в русском соборе,
И в особенности, когда в костеле орган играл;
У меня не было ни богатой библиотеки,
Ни бонн, ни гувернанток, ни хороших учительниц,
Была картавая белобрысая барышня,
Немка Люция Эдуардовна Вйссор;
К гимназическому экзамену
Меня приготавлил бритый восьмиклассник...
Как его фамилия? — кажется, Швейдель.
Был я мальчиком скромным, боязливым,
Не дружился с товарищами,
Перешел в следующий класс с листом похвальным;
Через год меня взяли из гимназии,
Продали за пять рублей мое пальто гимназическое,
Увезли из южного города,
Отдали весной в казенный пансион.
Помню — мои новые товарищи
Меня больно поколотили
За то, что как-то сказал я,
Совсем для себя неожиданно,
Что я выше всякого начальства
И что, по-моему, бога нет...
Нет ничего хуже, чем жизнь в общежитии,
— Зачем меня отдали в казенное зданье, —
Я так завидовал гуляющим гимназистам.
Потом — военная служба, тоже общежитие,
Люди для меня из школьных зверенышей
Превратились тогда в двулапых животных.
Потом — война... только глупые иль корыстные
Могут подставлять свои лбы под гранаты,
Быть героями в стадных делах;
Я, сидя в окопах, однажды не вытерпел,
Схватил револьвер, обернул дуло тряпкою,
Прицелился, выстрелил в нижнюю часть ноги,

- Промажнулся, — отлетел только сапожный ремень...
А теперь, наконец, я свободен,
Могу зажить своею жизнью,
Могу носить не казенное платье,
Могу гулять, когда мне вздумается,
Могу заниматься делами любимыми,
Могу жить в собственной квартире в полном одиночестве!
- Вот почему я такой радостный,
А кровь у меня, как у всех людей,
С разными там инфузорными палочками!..
Но всё-таки удивительно,
Если вспомнить мое прошлое,
Отчего я как-то сам по себе знаю всё, что мне нужно,
Отчего стал я радостным, успокоенным, дерзающим,
Безгрешным, нечувствующим ни к кому ни малейшей злобы,
Требующим только одного от своих современников:
- Они должны знать мою фамилию;
Отчего ощутил себя человеком будущего,
Нелюбящим ни религии, ни таинственностей, ни отечества...
Пойду в закусню, — закажу себе обед именинный...
- Зачем вы, гражданин, толкаетесь и хихикаете?
— Это я толкаюсь? — нисколько; ну тогда простите...
И теперь в моей новой, моей радостной жизни
Нужны мне друзья, — люди на меня хоть немного похожие.
Хочется крикнуть евангельским голосом,
Как принято, когда хотят сказать торжественное:
- Приидите ко мне все дерзающие,
Величественные, полнотельые, лицом прекрасные,
Свободные и простые,
Разгуливающие праздно по улицам,
Живущие только для того, чтобы жить!

II

Орган выдыхает круглый воздух, —
Гобои, фаготы, флейты, кларнеты,
Пастушеские свирели, деревенские гармоники,
Арфы и литавры..
Сосновый лес, деревни, ручьи, весна, облака, солнце..
Вздуродражился воздух во всей зале,
В углах, в окнах, под потолком загудел,
Задвигался в моей сжатой ладони, щекочет кожу,
Расширился внутри меня, давит на легкие!..
Отныне только слабонервные старцы
Пусть слушают скрипок пискливый скрип! —
Завтра же издам пятисотстрочный декрет:
— Все, кому еще тридцать лет не минуло,
Обязаны с восходом солнца собраться в церквях
И вынести оттуда на руках органы,
Установить их на стеклянных пьедесталах
Посреди городских площадей и лесных полян;
Каждый вечер, каждый праздничный день,
В послерабочее время,
Все должны выходить на площади и в леса
На общенародные гулянья, —
И когда завздыхают органы,
Всякий почувствует себя свободным и сильным,
Здоровым, простым и бессмертным;
Если церковные окажутся тихими,
Прикажу выстроить органы новые,
Подобные старинным колонным соборам!..
Средневековые хитрые папы,
Чтобы церкви свои назвать божественными,

А себя апостольскими преемниками
На хорах церковных ставили органы. —
— Я не желаю называться преемником апостолов,
Поклянусь, что никого не хочу обманывать, —
Я ставлю органы на площадях и полянах,
Чтоб всякий увидел себя сидящим на облаках!..
Уверен, — Иисус тоже любил всё величественное, —
Для себя он избрал имя Сына Божьего, —
В его время слово «бог» было символом всего самого величавого.
Иисус был великий, но односторонний мудрец,
И слишком большой мечтатель и мистик;
Если бы он был моим современником,
Мы бы всё же сделали с ним многое, очень многое!..
— Секретарь, бери карандаш, пиши под диктовку декрет!..

— Рая, — где она теперь? —

Глупая, она меня променяла на толстого учителя из Смоленска.

Когда узнал я это, я вошел в ее комнату,

Хотел только сказать Райке, что она глупая;

Ее не было дома, — я не стал ожидать, —

Увидал на ночном столе электрический карманный фонарь,

Подаренный мной прошлой осенью,

Сунул его себе в карман и вышел...

Где теперь Рая? — если б я ее встретил,

Я бы женился на ней!..

Фу, — подставлю затылок под кран,

Надо успокоиться...

— Странные женщины, — попробуй сказать им:

Поцелуй — это то же, что у собак обнюхиванье.

Целуя женское тело, слышишь иногда,

Как в нем переливаются соки;

Я знаю, из чего состоят люди,

Но мне ведь это нисколько не мешает целовать.

IV

В небе выключили вентилятор, —
Не проветриваются с утра
На земле кривые закоулки,
Отсыревшие росистой ночью.
Липнет потная косоворотка;
Отдохну, пока подует ветер, —
Ведь давно подмечено: затишье
Ветреной сменяется погодой.
Люди выдумали не случайно
Миф веселый о загробной жизни;
Нету дела мне до мертвецов, —
Верить в смерть позорно человеку.
Тот, кто в мире выстроил машины,
Не открыл ремонтных мастерских,
Разбросал и закопал повсюду
Матерьялы нужные в починках.
Инженеры, химики, врачи,
Вам известно, что такое смерть, —
Вы уже открыли мастерские,
Но не все собрали инструменты.
На сто лет моей машины хватит,
Но потом потребуется смазка, —
— Пospешите, — вам всего осталось
Около семидесяти лет..
Что же не включают вентилятор?
— Надоело на песке валяться!..
Небо — еле вздутое полотнище,
Потолок передвижного цирка.

V

Заглавными буквами Т
Торчат трамвайные столбы;
Решеткой связанный в пук
Серым облаком сад навис
Над разлинованной жестью мостовой;
Небо цинковое просвечивает через стекла домов...
Тричетверти города, должно быть, сейчас любовью
занимаются...

Закрыв глаза; —
Выросли подсолнечники на зеленовато-красно-черном поле,
Закачались, — высыпали незрелые белые легкие семена, —
Рассыпались семечки, полетели вверх, вниз,
Сыпятся, сыпятся...

— Звезды!

Каждое семечко — звезда,
Каждый подсолнух — звезда, планета!..
Поле размякло, посерело, набухло,
Запахло нагаром солнечным...

— А где земля?

— На землю хочу! —

Вот она — маленькое червивое семечко...
Коричневый обод вдруг раздвинулся,
Раздвоил поле на темное и светлое...

— Как однообразна поверхность земная:

Пространства водные, гористые места,
Места, заросшие травой, деревьями заросшие,
Пространства, занятые человеческими жилищами; —
Ведь больше ничего и нет!
И всюду люди, всюду люди...

- Я должен делить людей так:
На любящих меня
И на всех остальных людей! —
Любящих меня всего человек двести;
Но они не могут быть моими друзьями, а только приятелями...
Милые приятели,
Плоскоусые мальчуганы!
Как вы еще не догадались, что из разбросанных кубиков
Можно сложить только одну картинку,
Всё одну и ту же картинку!.. —
Покоробленножестяная улица,
Черное облако над решеткой...
- Только почему будто всё передвинулось:
Фонарь, сад, тот столб раньше были слева,
А теперь справа? —
Ах нет, — всё как было!..
Автомобиль, два человека, велосипед, барышня...
Велосипедист блеснул поднятым колесом,
влез в автомобиль, размахивая руками,
Шофер обруч сердито крутнул, —
Уехали;
Барышня выругалась и прошла...
Не идет, не идет, а выступает!..
- Простите, барышня, что я подхожу к вам,
Но такова уж моя мужская участь... —
Осмотрела...
- Вы видели? — шла по улице,
Сзади ехал какой-то на велосипеде и всё хотел пристать
ко мне, —
На улице — никого.
Проезжал автомобиль, — шофер знакомый. —
Остановила и разговариваю, — думаю, велосипедист отстанет,
А он проехал туда и обратно и вдруг подъезжает,
Приказывает шоферу ехать с ним к порядконадзирателю, —

Да, да, в эти ворота...

А любопытно, что было бы, если бы вдруг

исполнились желанья всех людей? —

Наверно, не было б ни людей, ни земли, ни мира...

VI

Летними вечерами мы играем в прятки, в горелки,
в жмурки, —
— Дети, когда вы играете, вы не бываете так веселы, —
Вы веселитесь, прыгаете, потому что в вас много
мышинного, стрекозиного, заячьего,
Ваше веселье и ваша дружба недолговременны и случайны, —
Кто-нибудь из вас упадет, разобьет себе нос, — и вы плачете,
У вас есть крикливые мамы и папы, которых вы боитесь,
Или добрые, которых вы не хотите огорчать своими
шалостями,
Среди вас много наследственных меланхоликов и калек,
У вас много предрассудков и страхов.
Мы же — взрослые мужчины и женщины,
Мы все влюблены друг в друга,
Нам приятно видеть мир таким, как он есть
в действительности, —
Не лучше и не хуже,
Не больше и не меньше,
У нас нет никого, кого бы мы боялись,
Кто мог бы запретить нам делать всё, что мы желаем;
Мы все равны между собою
И выбираем игроводителя не по величине мускулов
и не по возрасту.
В нашей компании пять мужчин и столько же женщин. —
Люди, все смотрите, все невошедшие в нашу компанию,
Как мы счастливы, как мы радостны! —
— Мы никогда не скучаем, ибо мы не желаем скучать,
Мы слушаем только вагнеровскую, скрябинскую музыку
И музыку больших концертных вальсов и американских танцев,

Мы не грустим, ибо мы всегда имеем возможность
Удовлетворять свои любовные желанья:
Любовная неудовлетворенность — первопричина
всякой грусти...

Земля плавно поворачивается вправо,
Сосны загораживают от нас солнце,
Но солнца ничем от нас не загородить, —
Оно отражает свой свет в поверхностях предметов
неисследованного

И поэтому бесконечного пространства.
В виде торопливых точек зажигаются звезды,
И мы, усталые настолько, что нам видна
каждая травяная жилка,

Отмываем себе с ног серо-зеленые пятна,
Бежим на огороды и в сады, посаженные самими нами,
Едим прямо с кожурой липкосочные фрукты,
Женщины выбирают — каждая того мужчину,
К которому ее наиболее влечет в этот вечер,
И мы разбредаемся, кто куда хочет,
А на утро не спрашиваем друг у друга, кто как провел ночь...
Люди, вы, должно быть, нас назовете

легкомысленными и глупыми?

— Что ж, может быть, мы самые легкомысленные, самые глупые!..

VII

- Скажите, пожалуйста: тут живет Илья Радалёт?
- Да, здесь.
- Не будете ли вы любезны показать, как пройти к нему?
- Любезным не буду, а показать — покажу.
Вот за горою — крыша; подымитесь — и найдете...
- Ах, как красиво!
Гиацинты, левкой и еще много, много цветов!
Жалко идти по ним, да нет нигде аллей.
Дом весь в повители...
А вон люди.
Что это с ними? — В цветных доколенных рубахах,
ноги голые, голые руки;
И женщины с распущенными волосами.
Нет, это не крестьяне, — смеются, целуются...
Собрались все — и вдруг гикнули и побежали...
Объявление на дереве:
мещанам, барышникам, учителям школ для среднегра-
мотных, врачам больниц для дефективных и недоношен-
ных и надзирателям исправительных домов вход строго...
- Первая, первая, я — первая!..
Вбежала женщина раскрасневшаяся, — закидывает волосы;
За ней мужчины и другие женщины...
- Илья? — Это он, конечно он... в помятой доколенке,
обветренные щеки, пятки в грязи, пополнел...
Остановился, нахмурился...
- Рая?!
- Приехала в деревню, — случайно узнала, что и вы здесь...
Но, Ильюша, мне неудобно всё рассказать...
Кто они, женщины, мужчины?..

- Слышите, слышите, все слышите!
Ведь это Рая!
Альберт, Александр, Герасим, кому не нравится Рая?..
- Ильюша, как вам не стыдно.
- Подожди... Павел, а тебе?..
Идите, друзья, отдыхать, потом на работу;
А мне простится случайное мое безделье...
Руку, Рая, и побежим! —
- Тише, тише — не поспеваю.
Что с вами, Ильюша? Как не совестно вам
так встречать меня, —
Вы — нечуткий.
- Райка, ведь я рад, я рад!
Неужели тебе хотелось бы, чтоб я плакал?..
Сейчас ты, наверно, будешь рассказывать о себе, —
Только, прошу, не говори о неудачах своих, —
Всё равно не тронешь, не удивишь.
Была ты в театрах, замечала? —
На сцене слезы, а в публике — нетерпенье и хохот. —
Всем надоели собственные слезы,
Всем надоело чужое нытье.
Долой драму!..
Вот наш сад фруктовый, длиннотенистый;
Это — бывшее владенье какого-то графа,
Расстрелянного во время крестьянских восстаний;
Мы поселились в его усадьбе,
И она теперь — наше владенье...
Раенька, куколка, не мрачней, —
Ну хочешь, — я сам расскажу тебе, что с тобой было, —
Ведь, право же, ничего особенного ни с кем не случается.
- Ничего подобного, — я так много пережила...
Да, не называйте меня, Ильюша, куклой...
Оставьте целовать мою ногу, — чулки пыльные...
Ильюша, вы не забыли еще меня? —

- Хоть немного любите?
- Ну разве ты не видишь!
В любви объясняются только в романах,
В жизни никто этим не занимается,
Всегда всё ясно.
- Помнишь, Ильюша, наши встречи в городском саду зимою?
Ты втаскивал на веранду летнего заколоченного театра
тяжелую скамью,
Мы сидели, и так было приятно;
Вечером сад закрывался,
А мы, потихоньку от сторожа, перелезали через забор.
Тогда ты был совсем другой...
- Илья, ты здесь?
- Герасим, ты? И Софья? — Что вам надо?
Вы подслушивали?
- Нет; но имей в виду: Рая будет лишняя, —
Мужчины не хватит.
- Какого мужчины? — Ах да, — понял.
Ничего, Софья; — что-нибудь выдумаем, — будет еще веселей.
- Тебя, Илья, всё-таки зовут на работу.
- Передай, Герасим, всем, что свобода и любовь — прежде всего!
Иди и не мешай мне...
- Ушли. Ильюша, как у тебя здесь странно всё.
Кто эта Софья? —
Отчего она презрительно и зло смотрела на тебя? —
Я почувствовала ее взгляд.
А Герасима я встретила у ваших ворот.
Расскажи же всё, всё о себе.
- Все эти женщины — мои любовницы,
Но ты в этом сама виновата.
- Господи! Илья, правда?
А мне так хотелось видеть тебя;
Ну зачем я искала тебя, приехала!
Я так много пережила, перечувствовала!

Думала о смерти, —
Но умирать ведь не хочется,
Когда многие умирают... —
— Поют! Слышишь? Наши поют!
Идем, идем к ним!
Безо всяких отговорок!
Ты сейчас всё увидишь, всё поймешь!..
А если они не захотят принять тебя, —
Прикажу!..

VIII

Бирюзою перстня божьего
Небо нынче не заткнүто, —
Небо серое.

Но зато и в бурю осенью
На деревьях загорелых
Листья солнятся.

В городах во время праздника
Марш дудит солдатскошагий; —
Разве весело?

Кто, гуляя в праздник по полю,
Будет петь под барабаны
И вышагивать?

Кто захочет пчел и бабочек
Променять на дым — гадюку,
Крыши жрущую?

Тоньше пойте, девки-барышни,
К нам бегите веселиться
Да отплясывать!

IX

- На фисгармонии чердачных скважин
Ветер подбирает трезвучья для хорала,
Литаврщик-дождь бьет палками по стеклам,
А сосны потные потягиваются сонно,
Вынужденные стоя слушать их...
- Ну что ж, пусть слушают, — мы их счастливей.
Закрой, Герасим, форточку плотнее. —
За ноги подвешенный к виселице — часовой коробке
Мотаает маятник головкой плоской...
- Садитесь же, друзья, вот здесь поближе, на пол,
Бедро к бедру, плечо к плечу, —
О чем-нибудь беседу поведем уютно и покойно.
Придумал! — мы, свидетели событий новых,
Давайте вспомним о людском потомстве
И беспристрастно для него опишем
Всё то, чему свидетелями были мы.
В наш век нам всё ж приходится мечтать о правде, —
Старуха-истина противно так живуча, —
Мысль изреченная есть ложь.
Ты, Александр, искусный рукописец,
Возьми перо, и вот тебе бумага.
Иль нет, постой, —
Пусть лучше каждый пишет торжественно и молча,
Затем, написанное не читая вслух,
Свернем листы в пергаментную трубку,
Укупорим в железный черный ящик
И закопаем где-нибудь под дубом,
Как золото закапывали в старину. —
Потомкам будет любопытней, торжественней для нас.

- Друзья, согласны вы, согласны? —
— Согласны, согласны...
— Пишите же поочередно молча.
Ну, тихо...
- ...Кто ходит там? — Как будто кто-то ходит, —
Наверно ветер топчется за дверью... —
— Граждане, ваши документы!
От имени местной Канцелярии по Благоустройству Человече-
ского Быта объявляется вам, что это помещение занимает-
ся под детскую колонию, а вам всем немедленно надлежит
явиться в Канцелярию...
- Позвольте, как же так? —
— Да так, идемте, — там разберут. —
...В задних рядах сосен вдруг зашумели, замахали, вытянулись, —
Надоело им слушать томительных музыкантов,
В рядах передних испуганно пригнулись, — залоснились спины,
Литаврщик нарочно застучал всё чаще, чаще
И по тарелкам звякнул...
- Закройте всё-таки за собою дверь, товарищ,
Пока наденем мы дождевики, —
Слышите — стекло разбило ветром!.. —

ПРАЗДНИК
(ИЛЪЯ РАДАЛЁТ)

Поэмороман

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1921 – сентябрь 1922

Конфету дашь? — спасибо, — очень вкусная.
Отчего вы такой добрый? — я ведь не боюсь вас, дяденька...
А какую хочешь подари, какая есть.
А вот посмотри за стекло: правда, там кукла?..
Хочешь ее подарить? она — твоя? — ну подари;
Хоть я не девочка, в куклы не играю, —
Да я никогда не видел куклу живую,
А она живая, — сам видел...
Платья на вешалке, зеркало, на олени человек черный едет,
лампа несветлая.

А здесь? — та самая комната, где кукла...
Дяденька, а дяденька, куда спрятался?..
Не хочу, боюсь подходить к тебе, кукла...
Ой, что это — пряники, лепешки, тянучки, полный карман, —
Дяденька насыпал и ушел...
И ты конфету даешь?
Отчего сегодня мне все конфеты дают?..
Нет, мне не холодно, — ну сяду, — теперь тебя больше не боюсь.
А вы не кукла? а я думал: кукла, — в окно смотрел, —
А почему у вас щеки розовые, как у куклы,
и глаза и волосы кукольные, и вы красивая? —
Лида, Танька, сестры мои, да и подруги их не такие красивые.
Чепчик шьете? — мама моя тоже безрукавки вяжет.
А у вас здесь хорошо, — мне нравится, —
Видите, — на полке место такое уютное, —
Если бы я был совсем маленький, я бы там всё время сидел.
Кто это сопит?..
Муж? а кто такой муж?..
Ну разве я большой, — нет, ведь я маленький,
все говорят, что маленький.

А тебе я большим кажусь, и с усами и с бородой?
Может быть, и мне только кажется, что вы кукла? я потрогаю...
Нельзя? — а дяденька, который привел,
обещал вас совсем подарить. Я домой...

II

По луне, по луне иду!
Скользнет ступня с хребта кратера, выбоины, канала, рва —
Звенят пластинками ксилофона рассыпанные льда деревяшки.
Снег облепляет подмышку, подол, спину,
Шею, ухо хлещет белыми крапивными ветками.
А с берега залив казался гладким небом вечерне-серым.
Спотыкаются, спешат, паром дышат, шелестят мешками
и санками
Люди, попутчики мои, обгоняют меня, отодвигаются
дальше-дальше,
И вот один я.
Вырос куст, — первая придорожная вежа, —
Тоскливый бродяга треплет засученными лохмотьями.
С версту прошел, — еще раз в семь больше идти надо...
Рвануло, сжало, визгнуло... —
Вот только где распластанный залив, —
И сразу ни берегов, ни вежи, ни звезд наземных, ни неба,
ни земли.
Лечу, в бок лечу, разъезжаются ноги,
На буйере, под парусами лечу!
Остановиться нельзя, повернуться нельзя.
Относит, в сторону несет, лечу, по водам не шествую,
а бегу — смешно, позорно!
Остановлюсь — упаду...
Колено ушиб, и опять стоять нельзя, ни бежать весело.
Где направление? — ветер дул вправо, немного в спину.
И опять, и опять надо бежать, цепляться носками,
сжиматься, падать...
Дорога! вон близко дорога! — слава людям!

Звуки стеклянные, стеклянная музыка, —
Раздавливая, перебирая льдинки, играю
на погнутом предлинном ксилофоне,
Непохожем на те, на которых обычные оркестранты играют,
Прорубь! ледокол проходил! ледокола дорога!
Шаг еще — и утонул бы, погибнул бы я...
Сзади волны трепещут, — к предлинной лохани
слетелись голуби со всех голубятен. —
Пейте, голубкí, успокойтесь, — не спугну,
не раздавлю ни одного из вас телом моим,
Не заставлю взлететь надо мной,
изображать древнего Духа Святого...
Куда иду я? и куда вообще идти мне?
Я людям дать хотел обновленное Евангелие Мужское,
Но не любят люди чувств, страстей больш́их, —
Им чувства тихие любезны...
А ветер всё хлещет, хлещет, хлещет,
А волны воркуют, воркуют, воркуют.
И небо скрипит, скрипит всё, скрипит...
Э-эй!..
Ног нет у меня, рук тоже нет, и лица нет.
Никто не умирает, всех убивают, —
Природа, случай, сами люди, самоубийства.
Хочу торжественно, спокойно умереть,
Если когда-нибудь и я убитым буду.
Пусть несут меня торжественною летней ночью,
Будь и ты торжественной, зима.
Э-э-эй!..
Уби-ва-ют!..
Спасите!..
Спаситель Христос шествовал по водам и тонущих спасал,
А я вот требую спасать меня.
Э-э-эй!!
...ы...у...а...

Кричат! голос!

Люди слышали, иль сами ждут спасенья.

В жизни только слабый одинок.

Сюда! сюда-а!!

На опытах телогнетущей жизни

Мы научились мудрости беспечной,

И все исканья нового театра,

Уверен, приведут к единой форме

Трагедии с развязкою счастливой.

III

Так закипает медленно вода,
Когда в печи большая слишком тяга.
Необходимо властью мечей
Добро и счастье в мире утверждать, —
Ведь без препятствий только на ослице
Возможно въехать в Иерусалим.
Не убежит в бесполою пустыню
И нищету тоскующий пророк.
Осмеян подвиг одинокий, ждущий, —
Но к подвигу бессмысленно влечет
Кто видит больше, чем другие видят.
Всё нужное и признанное лучшим
Единственным должно быть лишь вначале,
Впоследствии типичным быть должно, —
Признание в сочувствии других;
Общественности как предвосхищенье
Оригинальность может быть нужна.
Но не мирится творческая гордость, —
И хочется единственным быть в мире.
Повсюду неблагополучно там,
Где чем-нибудь водительство правда,
Где чем-нибудь водительство слово.
Как быт, устойчив вечный Ванькавстанька,
Как Ванькавстанка, быт людской упрямя.

IV

ГЕРАСИМ:

Берусь я вести сегодняшнее наше собрание,
И я слово беру.
Товарищи!
Долой тоскливую песню;
Песня тоскливая — песня побежденных.
Я хочу верить в солнце, правду, пшеницу и зарю.

АЛЕКСАНДР:

А кто не хочет верить, ты, человек наивный?
В самодовольстве ты взял себе право всё лучшее называть своим.
Когда узнаешь больше, ты сам себя наивным назовешь,
А может быть, и хуже имя дашь себе.
Но дальше я ничего не скажу, —
Прочту я только этот полинялый лист бумаги.
Вы помните: когда-то мы писали?
Читаю:
«Сейчас так грустно, — почему не знаю.
Нам, женщинам, почти никогда не хочется быть злыми,
И как они, мужчины, не понимают это».
Подписано — «Рая».
Читаю дальше:
«Всё было так, как быть должно.
Кто побеждал, тот грабил побежденного.
А я свое всегда возьму.
Мосты, бетон, дороги, обрядовые арки, сталь, торговля
Победителю всегда нужны.
Не рассуждай, а делай. —
Вот всё, что могу посоветовать тебе, мой внук.
Твой Альберт».

Далее читаю, — неразборчивый почерк:
«Начихать мне на всё, хочу протанцевать жизнь.
Приехала эта Райка и всю нашу кампанию расстроила.
Писала Софья».

Софья:

Врете, я так не писала.

АЛЕКСАНДР:

Однако здесь написано.

ГЕРАСИМ:

Призываю к порядку; читай дальше, Александр.

АЛЕКСАНДР:

Вот Павел пишет:

«Часто будешь трогать солнце, — оно и засалится.
Что я видел, захочет вспоминать только тот, кто сам не видел».

Вот я писал:

«Когда у бедняка стареет платье,
Перелицовкою его он...»

Но дальше этот лист я принужден был сунуть за подкладку.

ГЕРАСИМ:

Прослушав Александра, кто хочет высказаться еще?

Ольга:

Я во всем согласна с Павлом.

Правда, Павлик?

ПАВЕЛ:

Друзья, поздравьте!

Ольга и я приглашаем сегодня всех вечером
на скромный свадебный ужин;

Его обеспечили себе мы службой в Детской колонии.

Софья:

Я давно подметила; что ж поздравляем.

Быть полдня в грязи, чтоб полдня быть чистой, —

Я — ни за что!

В город, в город! Кто со мной едет?

ГЕРАСИМ:
Со мной хочешь?
СОФЬЯ:
Найдем себе попримочней, почервонестей, повоспитанней.
Альберт, со мной поедешь?
АЛЬБЕРТ:
Найдем себе поновее, побесплатней, поблондинистей.

Софья уходит.

ЕВФРОСИНЯ:
Паскудство!
Ни одной минуты здесь не остаюсь.
Герасим, гони их всех, куда запрятал Илью.

ОЛЬГА:
Павлик, уйдем поскорей. Дай твой локоть.

Павел и Ольга отходят и убегают.

АЛЕКСАНДР:
Евфросинья, кто дал тебе право так с нами говорить?

ЕВФРОСИНЯ:
Да я сама, да жизнь дала, Герасим дал.

ГЕРАСИМ:
Оставь их, Евфросинья, — они нам не страшны.
Идем со мной.

РАЯ:
Герасим, Евфросинья, вы, вы предали Радалёта?

ГЕРАСИМ:
Да, я.

АЛЕКСАНДР:
Брат и сестра Иуды.

Уходит.

АЛЬБЕРТ:
Подожди меня, Александр.

Догоняет Александра.

ЕВФРОСИНЯ:

Будь добр, Герасим, подай мою поддевку, — прохладно.
И не тереби свое ухо — открутишь; некрасивая привычка.

ГЕРАСИМ:

Пора нам расходиться.
Закрывается последнее собрание наше!..
Но где же Софья?

ЕВФРОСИНЯ:

Стыдись, Герасим, — так недопустимо.

Евфросинья и Герасим уходят.

ИРИНА:

Вот мы одни. Что ж нам осталось?..
Благовестят, — пойдете в часовню.

ВЕРА:

Не верю больше ни в любовь, ни в романсы, ни в богородицу.
Ну зачем завидовать веселым людям,
Когда надо только надуть пальцы и выйти самой гулять?
Какое дело улице, довольна ли я собой,
умер ли у меня кто, устала ли, безработна.
Любви только тогда хочется, когда недовольна собой.

РАЯ:

Милая, я недовольна.
Никто не вспомнил Илью, никто не помог ему.
Милый Ильюша, — в нем было столько здорового, детского.

ИРИНА:

Ах, оставь Илью, — он виноват во всем.
Он выродок, болезненный и глупый.

ВЕРА:

Как не стыдно; он — святой.

РАЯ:

Сорвем, Верочка, на память вот по этой красной розе.

V

- Подожди-ка, — часы бьют.
Сколько сейчас времени? —
Зазвонили во всех домах, в квартире каждой,
Поочередно, вперевивку, по несколько сразу.
- Девять, десять, одиннадцать, двенадцать...
Двенадцать — полночь.
Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать?..
Мы считаем неправильно?
Вот еще день-день, еще, еще, — бьют, звенят.
Ты слышишь, Альберт?
И прислушайся: оказывается, часы каждый удар
отбивают двухдольно;
Не могу определить второй, короткой доли, —
Что-то цепляется, придыхает кто-то.
День-х, день-и, день-хи, день-хи, день-ги, день-ги...
Деньги, деньги!
Теперь начали городские башенные часы, всегда отстающие, —
Погудели, поцеплялись, умолкли.
Одиннадцать пробило.
А все остальные по-прежнему звенят и звонят.
Во всех домах испортились часы,
И никто не остановит эти назойливые будильники.
Никто не слышит, все гуляют, вышли на улицу. —
- Довольно, Александр, не ной.
Погуляем и мы лучше со всеми, пройдем
еще несколько кварталов, —
Всюду людно, весело, светло, плакатно, беззаботно...

— ...деньги... он на меня так посмотрел, я влюбилась... эй, автомобиль!.. куда прешь!.. живешь один раз, деньги будут и... досвиданья... мировой капитал мы... дай денег... дорогие прохожие, пожертвуйте, сколько можете, дорогие проходимцы... не отдадим мамке... ненавижу людей, мерзавцы они все... —

— Александр, ты слышал: это значит, он и о нас с тобой
такого мнения.

Но что же ты молчишь? —

(...день-ги, день-ги, день-ги, день-ги...)

— Противно и тоскливо. Альберт, знаю я:
в борьбе за сытость не нужна, наивна

По добродетели извечная тоска.

И как им всем не совестно, Альберт? —

— Голодному не совестно попрошайничать,
Разлюбившему не стыдно изменять жене,
Торговцу обвешивать доверчивых покупателей,
Палачу исполнять приговоры судебные, —
Вспомнил слова Радалёта. —

— Мир существует для того, чтобы мешать мне жить.
И я хотел бы умереть, Альберт. —

— Говорящему часто о смерти своей, —
Пора умирать, —
Опять скажу Ильи словами.

И в утешенье сказать могу тебе:

Ты лишний, ты ненужный человек, —

Для некоторых быть лишним утешенье.

А я буду жить, и буду делать всё, что надо делать на земле.

Бессмысленно, бесцельно земле противоречье. —

— Прощай, Альберт, и помни:

Противоречья дух — правдиворечья дух, —

Кажется, так изрекал Радалёт. —

— Прощай, Александр... —

С соседней крыши слетел пронырливый, шустрый гудок,

В тупике боковой улицы шелохнулась, наклонилась ставня,
Высунулась голова подслушивающего человека,
Человека, будто рассматривающего крайний червонец
рукою теребящего ухо,
в созвездии Кассиопеи,
Суживающийся, слипающийся, как от света зрачок карий.
И все часы пробили раз
И смолкли.

VI

Je donne, tu donne, elle donne, il donne, —
А дальше как, а дальше как? —
Не вспомнит наш Коко никак, —
Ну да, конечно, nous donnons.

Третья строка приспособляется к любому ресторанному имени.

ОБЩИЙ ХОР РЕСТОРАН<НЫХ> ПОСЕТИТЕЛЕЙ —
Je donne, tu donne, elle donne, il donne,—
А дальше знаем: nous donnons.

Увеселяющие начинают позванивать-подыгрывать на бутылках, стаканах; скрипка и треугольник им подстеклянивать.

ЖЕНЩИНЫ —
Но где мы? — рай не исчезай!
Мы слышим розоватый звон.
Нет, не звонит так телефон,
И не часы, и не трамвай.

При слове «розоватый» ресторанный хозяин, быстро смекнув, подозвал прислуживающих и о чем-то деловой скороговоркой распоряжился.

ХОР С ПОДЫГРЫВАНЬЕМ НА БУТЫЛКАХ —
Донь-дон, эль-дон, иль-дон, донь-дон, —
Приятный деловой призыв. —

Прислуживающие выносят цветы.

МУЖЧИНЫ —
Цветов, ну что ж, цветочков нам!
И нам дают, и nous donnons.

Всем угодить спешит Донон,
Не приписав цветы к счетам.

Хор —

И нам дают, и nous donnons...

РЕСТОРАНАНЬИЙ ХОЗЯИН *(не изгибаясь)* —
Не приписав цветы к счетам,
Всем угодит Максим Донон.

УВЕСЕЛЯЮЩИЙ —

Приятна радость не всегда,
И грусть приятна иногда.
И кто из нас не очень пьян,
Зови гитару и цыган.

Музыканты переходят на общеизвестный минорный цыганский романс. Цыгане его выкрикивают. Общий хор.

УВЕСЕЛЯЮЩИЙ —

Покой небес не беспокой —
Привыкли на земле мы жить.
Жить-жить, нажить, зажить, прожить, —
А потому живи в пивной.

Хор —

Жить-жить, нажить, зажить, прожить, —
А потому живи в пивной.

Появляется эстрадный танцор.

УВЕСЕЛЯЮЩИЙ —

А вот задорный ваш танцор,
Передохни, почтенный хор.

Танцор вытряхивает из брюк песок шелестящего и шлепающего танца.

УВЕСЕЛЯЮЩИЙ —

А ежели наскучит он,
Мы сами, если захотим,

Станцуем трим-тара-ра-тим...
Фокстрот, танго или бостон.

В третьей строке куплета напеваётся танец.

ОБЩИЙ ХОР, БУТЫЛКИ, СТКЛЯНКИ,
ОРКЕСТР, ГИТАРЫ, ЦЫГАНЕ, ТАНЦУЮЩИЕ —
И нам дают, и nous donnons,
И деловой стаканов звон,
Же-дон, тю-дон, эль-дон, иль-дон...
Пей непослушное вино!!!

Некоторые, кто научился, слово «вино» произносят «в нос».

VII

Засыпающий не должен думать о себе, —
Иначе он не заснет;
Просыпающийся должен думать о себе, —
Иначе не встанет он с ложа своего...
И вышитые туфли, и полотенце шершавое, кувшин,
таз, мыло и молоко, —
Душистая услужливая женщина!
Да, да, — наука, любовь, музыка и вкусная пища, —
Наимудрейший не откажется теперь
ни от любовных радостей, ни от пищи вкусной.
Скоро Анна придет, — я щеку приложу к ее утреннему телу,
И она снова лениво найдет на висках моих
еще один поседевший волос,
И я попрошу весело с корнем его выдернуть.
Что бы ей подарить сегодня? —
Перестань угощать женщин, —
И они перестанут быть женщинами. —
Подарю брошку эту — радостный камень...
Грабили магазинщика, — помню, помню, —
Таскали из погребов вина бочонки,
Били, кричали, разливали, стреляли,
«Слава богу, — бога нету,
разбумаживай девчонок,
эх, наддай, качай бочонок!..» —
У плеча моего кто-то напевал.
И я, случайный прохожий, среди них оказался,
И я набрал, что под руку попало, —
Чем я хуже них?..

Полный, переполненный покой!..
Покачнулось и медленно всё двинулось.
Вижу, вижу, вижу, — мне не чудится!..
Короче мига! —
Зашептало внизу приводным ремнем.
(Природа не прощает никому покоя!..)
Жарко, душно, загорелся я, обожгло середину сердца.
Тянет, — я уже, уже!
Вот я ужé тоньше волоса, согнулся, переломился.
Почти таким же был я, пролезая через решетку тюремную.
Ноги — тончайшие нити, пылинки, золото, медь, свет!
Луч света!
Я — света луч!..
300 тысяч километров в секунду!
Скорей, скорей, еще скорей!
Ждите, ждите, люди такой скорости!..
Нет мира!!
Нет ничего!!

Посвящение

О времени моем искусственную повесть,
Потомок дальний мой, вот рассказал тебе;
Будь терпелив и мудр, — еще не раз тебе
Другие поднесут в различных формах повесть.
Без скромности и лжи, пристрастья, себялюбья
Открыто говорю: достоин я венка.
Так каждый думает, и каждый ждет венка;
Но, я клянусь, чужда мне наглость себялюбья.
Обычной участи не миновал и я, —
История и жизнь — учителя плохие.
Слепые книжники смешные, не плохие, —
Усмешкой тихою вознаграждал их я.
Пытливо наблюдал я спутников моих,
С собою сравнивал и убедился твердо, —
Что пьедестал литой из бронзы вечной, твердой
Удобен, подходящ для твердых ног моих.
Заслуга малая в писании умелом, —
Природой одарен так щедро человек;
Горжусь я больше тем, что я не человек,
Нет, лучший человек... но как сказать умело?
Нет в мире нового, и старого нет в мире, —
Чередования распутанный закон.
Но если б я приял, приятель, сей закон,
Тебя бы не было в спиралебегом мире.

(ФРАГМЕНТЫ)

1920—1929

* * *

Талант всегда стремится доказать,
Насколько видит дальше, чем другие,
Насколько перерос и перемыслил,
Насколько дерзновенней, одаренней.
Но жизнь всегда принадлежит подростку,
Ровеснику вблизи текущих дней.
Он своевременно и современно
Дойдет и сам, и опытом других
До утвержденного в предвосхищеньях
И обнаглеет: «Это я сказал».
И жалок будет и смешон «прогнозчик»,
Доказывая первенство свое.

* * *

Из получивших дар слагать слова и мысли
Кто быстро думает, тот пишет прозой длинной;
Медленнотум — всегда поэт.

* * *

Нередко поэт переходит на прозу;
Прозаик — почти никогда на стихи.

* * *

Не огрызаешься — никем не уважаешься.

* * *

Обычный читатель ждет от искусства
Легко подошедшее слово «чувство».

* * *

Так о писателе нередко знает посторонний:
— Сел, написал, напечатал, денежки получил
и «обязательно» — прокутил.

* * *

Умей читать стихи подряд, —
Талант всегда одиночкижен.

* * *

Поговоришь с одним, другим, тридцатым, —
Беспомощность, банальность, узкодумье.
И как ни странно, но, в конце концов,
Выносят справедливый приговор:
— Непризнанных талантов не бывает.

* * *

Давно пора узаконить защиту
И от эклектиков и ловкачей,
И охранять каким-нибудь патентом
Изобретательство в искусстве.

* * *

Только то хорошо, что в моменты создания
На ближайших соседей своих не похоже.

* * *

Есть две различных простоты:
Одна — от неспособностей;
Другая — от искушенности в игре со словом.

* * *

Оригинальность часто обвиняют
В надуманности, выверте и трюке.
Банальность же приемлется нередко
Как явление подлинного чувства.

* * *

Чем шаблоннее — тем понятнее;
Чем понятнее — тем популярнее.

* * *

Талантливый бесспорно понимает:
— Лишь для того авторитеты служат,
Чтоб уклоняться в творчестве от них;
Бездарный их как правило приемлет.

* * *

«Живой человек» — это же и есть
Правда о человеке, правда о жизни.

* * *

Несвоевременна отсталость,
Несвоеременно опережение.

* * *

Расчет на то, что люди мало знают,
Развязывает волю ловкачей,
И стряпаются перефразировки.

* * *

«Если я тебя не знаю,
Значит ты бездарен», —
Так меряет писателя читатель,
Себя в невежествах не обвинив.

* * *

Всё чаще стала проникать в искусство
«Экстравертированная» типичность.

* * *

Живи с писателем, писатель:
Сперва — знакомство, а потом — таланты.
Известность — тоже «личное знакомство».

* * *

Поэт обычно в музыке не смыслит,
А в слове — музыкант-актер-эстрадник.

* * *

Талантливый всегда отсюда начинается,
Где оставляет путь предшественник его.

* * *

Чем меньше у тебя учеников,
Тем творчество твое ценней, художник.

* * *

Поэт — мечтатель,
Хулиган — поэт...
Теперь приемли свой десяток лет,
Поэт — философ и бытописатель!

* * *

Побеждает — побежденное.

(СЛУЧАЙНЫЕ СТИХИ)

1923—1924

Конец путешествию

I

Дмитрию Агатову

Вот город — издали бурьян и тополь,
Но и Москва не всюду стройкий дуб, —
Есть пожильё и есть сырец людской.
Такие есть, всегда такие будут,
Но ведь не их предпочитает жизнь.
Пространства сужены аэропланом,
Меж городами провода и рельсы,
Депеша, пароход, письмо простое,
И радио — привычный граммофон,
Уже немного всем поднадоевший.
Глухих провинций нет, и нет столиц
Презрительных, откормленных, далеких, —
Есть только два соседних поколенья
И в каждом городе, и на селе.
Москвич летит в провинцию на отдых,
А отпускник-провинциал в Москву, —
И через сутки у Кремля, в столице,
На Сухаревке, или в Ленинграде.
Сегодня ты шахтер-провинциал,
А завтра можешь быть в Кремле и выше.
Единой волею живет страна,
Страна живет одной нуждой и волей!..
Соперничают в озорстве подростки,
На улицах вечерние гулянки,
Выносит стулья вечный обыватель,
Усаживаясь сжато у крыльца;
Над ним листы овальные акаций

Приплюснутым свисают виноградом.
Уже хрустит сентябрьским сухолистьем
Ногами стоптанная мостовая,
Но в море отражается луна,
Как будто в воду вбит латунный винт.
А ночью, сбоку в море разливное
Как выльют шлак из доменных печей, —
Горит вода, горит востоком запад,
И ситцевый провинциальный юг
С кирпичным севером одной расцветки.
Прожить без осени возможно год,
Иль круглый год себе весну устроить, —
Всё ниже двигайся от сентябрей;
Для этого не нужно много денег,
Приятелей, друзей не надо вовсе,
Не надо быть спортсменом-скороходом.
В двенадцать-сорок-пять отходит поезд.
Есть поездá и в три, и в семь, и в девять.
Куда? На запад, юг, на юго-север?
Безделье? Нет, нет, даже и не отдых.
Хочу глядеть разутыми глазами,
А не сжиматься кислым молоком.
Кто путешествует по заграницам,
Кто ездит только в двухнедельный отпуск,
Кто за день мотоциклы загоняет, —
А я без осени живу свой год.
Занятно мне и в собственной стране:
Вот будни делают вторые люди,
Упрямо уживаются в соседстве
Бетонный бак с бидоном молока,
Асфальта варка с варкою варенья.
Что правит жизнью, — разум иль романсы, —
Еще пока никто не доказал.
Но ясно и бесспорно лишь одно:

Всё самое живучее живет,
А остальное в общей трухлой свалке...
Из пригорода катит грузовик.
— Стой! Подвези! — Покатим! Место есть!
Нельзя отстать от грузовоза жизни,
Тем более его опережать!

II

М. А. Гуревичу

Два города Москва и Ленинград,
Два города совсем иных наследий,
Соперники и близнецы-друзья.
Стремится вся страна в столичный город,
Где больше денег и поближе к власти;
А в городе значения второго —
Хранилище закованной культуры.
Просторней и сохранней жить у кресел
Рабам своей квартирной обстановки;
Удобней для усидчивой работы
Доценту и писателю романов;
Мечтателю по вкусу светлоночь;
Хозяйкам и молочницам-чухонкам
При свете пробуждаться веселее;
Путиловцу почетному родней:
— Вот переулком этим я бежал,
Когда в семнадцатом стреляли в Зимний. —
Дворцы подновлены под стиль эпохи,
Переименованы названья улиц;
И петербуржец вынужденно свыкся.
Не то бывало с питерцем, когда
Меняли Петербург на Петроград.

Привычны петербуржцу-ленинградцу
И зданья, где он спит и ест и служит, —
Но всё же из невольного упрямства
Невой гранитной, белыми ночами
И замечательностями хвастнет.
В стенах глаз ищет след застрявшей пули,
Хотя заштукатурены следы.
Нетрудно по стране распространиться,
Когда захвачена в столице власть, —
Упрямствуют окраины недолго:
Казарма — лучшее из общежитий.
Всего бодрей, бесспорней, любопытней
Не питерцам, а только ленинградцам.
Им не с чем сравнивать; и всё, что видят,
Построено последним поколеньем.
Нет предков — нет и жалости к вещам.
Легко узнать последнюю постройку, —
Стиль времени — «стандартный» серый куб
В решетчато-стеклянных переплетах,
В растянутых, как полотно, балконах, —
Побольше света и поменьше стен.
И не желает видеть ленинградец
Меж городами — селами различий.
И что ему до пушкинских домов?
Одна и та же власть. Засёлок каждый —
Один из округов одной страны.
В Москве немного только суетливей,
Прохожий, путая названья улиц,
Ответит: — Я нездешний, я — с Одэссы. —
День складывается не по приказам,
А как уложится он сам собою
В борьбе простых житейских интересов.
И человек с житейски крепкой волей
Всегда стремится к власти иль в тюрьму.
Лишь горделив и сдержанно обидчив

Интеллигентствующий Ленинград.
 Гордиться пушкинской культурой предков
 И на любом бесспорном матерьяле
 Пятерки зарабатывать легко.
 Провинциал приезжий любопытен,
 Спешит культурничать по эрмитажам,
 Где даже доски сбоку бронзой пахнут.
 Без пушкинцев нельзя в литературе.
 Мне незачем быть тысяча четвертым
 И Пушкину шептать такие строки:
 — Мне трудно, Пушкин, и себя сокрою,
 Как скрыл и ты себя в строках последних
 В своем «Брожу ли я вдоль улиц шумных».
 Сейчас весна. Ползет река обычно
 В привычной и тебе припухшей ночи,
 Цветет черемуха, и школьник крутит
 Меж пальцами отрывок синей ветки.
 И даже о наклонное стекло
 Мигнувшего вдали автомобиля
 Цветочный веник непривычно мнется.
 Тебе, конечно, непонятно слово,
 Какое я назвал тебе впервые, —
 Не слез ни разу ты с автомобиля,
 А я ни разу не сидел в карете.
 Я — в том же городе, где ты родился,
 Но улица Немецкая зовется
 Теперь иначе, — всё же не по-русски.
 Тобою хвастают вторые люди.
 Скажи им, что как раз борьба с тобой
 И есть достойная поэта дружба.
 С тобою говорить без подхалимства
 Они считают юным хлестаковством.
 Скажи глупцам, что истинный поэт
 Себя считает, может и обязан,
 По меньшей мере, Пушкиным вторым.

Кто без уверенной надежды станет
Отказываться от удобной жизни
И праздность сердца в мире сохранять?
Ты правдолюб был и плохой служака,
И пунш любил и мальчуганов шалость,
И перечеркивал свои записки,
И добивался долго женских ножек;
О Терпсихоре, помнишь, ты писал? —
А так напишет только неудачник.
Талантливый не должен быть красивым,
Талантливый не должен быть счастливым, —
Ему во всем затруднены успехи, —
И в этом даже справедливость жизни...
— Для жизни Пушкин лишь восьмая часть.
Немало воспитал столичный город
Людей других семи частей культуры.
Всё лучшее в стране всегда стремится
К уму, портфелю, кошельку страны.
О них расскажет в Ленинград приезжий
Подросток своевременно москвич.

1923 — начало 1924

Петербург — Харьков — Ростов — Таганрог — Москва

Сосед

Размеренный служебный платный день,
Наверно, и полезней и покойней.
Сосед — заведующий скотобойней —
Спокойно заправляет свой ремень.

Он знает, как вылушивают кости, —
Ему привычна служба и легка.
Но и ни мяса, и ни молока
Он даже запаха не переносит.

Из пестрой яшмы туша — бык-лентяй,
И кости для меня не пахнут воском.
Сосед досадует: — А ну вас в доску,
Хоть тушу мрамором не величай. —

Пусть слово «мрамор» не для просторечья,
Быка и голубя бьем без торжеств.
Нет, человек есть то, что он не ест, —
Ему противно мясо человечье.

Но снова обещается война,
История — проньера и задира,
Не ждут леса гусарского мундира,
И только ель в поход снаряжена.

Я стал нуждаться в людях. Это — признак
И одиночества и неудач.
Трагедии свои в себя запрячь
И торжествуй о подрастаньи жизни.

Войны преднамечая точный срок
В году двадцатьдевятом иль тридцатом,
Я от подростков в мнении предвзятом
Услышу в тайнолюбии упрек.

Какая мистика? А если знание —
Естественное право лезть вперед!
И прозой писать есть свой расчет,
Воздерживаясь от иносказаний.

Нетрудно предсказать, что мой сосед
Очутится на козлах кашевара
И, подружив с ловчилой санитаром,
Не вытерпит и съест мясной обед.

Предпочитаю всё же думать гибко
И размерять хотя б догадкой даль.
Когда я продал наобум рояль,
Была единая моя ошибка.

И как бы ни был мой сосед случаен,
Он важно заправляет свой ремень
И с хитрецей наречья деревень
Он величается «домохозяин».

Я видел, как военный атташе,
Присутствующий гостем на параде,
Полки оценивал по виду сзади
Раскачивая кисть на палаше.

Дождь

Сигнальным шаром опустилось солнце, —
Земля дымится, — на земле пожар, —
Так не дымится никогда туман, —
И по небу заторопились каски
Вечерних звезд.
Команды стали по своим местам
В привычном еженощном беспорядке;
Одни приволокли комки брезента,
Издаেকে похожие на тучи;
Другие разместились на дороге,
На той, которая на картах неба
Зовется почему-то «Млечный путь».
Раскатисто накачивая воду,
Испробовали громовой брандспойт.
Качнули раз, еще качнули раз...
Быть может, в небе выбились из сил,
Иль где-нибудь испортилась машина,
Иль надо было так тушить пожар, —
Ведь не всегда пожар водою тушат, —
Но только понемногу сжался ливень,
Тряхнув последней каплей зрелый колос,
Разросшийся на смоченной земле.
Но только перестали тарахтеть,
А раскатали весь запас брезента
И сбросили полотнищем широким,
И скрылись в копоти и темноте,
Оставив несколько поблекших касок —
Усталых звезд, отставших от команд,
И медленно полотнище спустилось,

Но не могло упасть плашмя на землю,
Повиснув на верхушках гор и сосен.
Дым сперся, заметались на земле
Неукротимые природой люди
И бросились к верхушкам гор высоких.
Одни из них, кто первыми взобрались,
Проковырять лишь несколько отдушин
Отточенными пальцами могли;
Но надоело ждать другим из них,
Ютившимся в болотах и низинах, —
Они схватили топоры, кремни,
Ножи, дреколья, ломы, пилы, косы,
Взбежали на гору толпой единой,
На самую высокую из гор,
И, оттолкнув медлительные пальцы,
Возились трудных несколько часов, —
И, задыхаясь от ночного дыма,
Прорвали противопожарный холст;
И в отдыхе предутреннем недолгом
Развешали сушить свои рубахи,
Окрашенные пылью кирпичей, —
Вот протянулась над горой заря!
Но быстро стали подсыхать рубашки,
Окрашиваясь в свой обычный цвет —
То в розовый, то в голубой, то в желтый.
Не замолкая, двигались часы
На безучастной пригородной башне.
Часы показывали шесть утра,
Когда из-за горы простерлось солнце...
Не видно было, из чего оно, —
На свет глядеть довольно больно глазу.
Одни ответили, что это люди
Зажгли дневной передвижной фонарь;
Другие спорили и уверяли,

Что это вышел в вычищенной каске
Гуляющий небесный брандмайор;
А третьи, отмахнувшись, повторяли,
Что это самое простое солнце.

Весенний ситец

В который раз весна — девица, —
Не нужно и нельзя узнать;
Весна — большая мастерица
Из самого простого ситца
Косоворотки расшивать.

Как много пуговиц пришила,
Обметку — берега озер
Прошивками перерасшила
И моет всё пахучим мылом
Кому-нибудь наперекор!

Кусты — как от зеленых ниток
Откусанные узелки,
И всюду пролито, разлито,
Набросаны во все корыта
Измятых гор воротники.

На всех рубашках-разлетайках
Пятнится солнца желтизна,
А прачку тянет к балалайке...
— Хотел бы ты иметь хозяйку
Такую, как сама весна?

Ощупай радостно свои мужские мышцы,
Возьми ружье, пращу, удилице и стек, —
Ведь больше не на что, как на сухие мышцы,
Надеяться тебе, румяный человек.

Одно из двух: земля иль самоцветы,
Зарытые в пластах небесных недр;
Ты прав, предпочитаая самоцветы
Из недр земных, размеренных на метр.

Как девочка в очках, уродлив
Звук пожилых условных слов.
Конечно, и твой рот уродлив,
Когда кричишь, идя на лов.

Бери меня с собою,
Ружье, вина хваток;
А я возьму с собою
Лес, хлеб и ручеек.

ОТДЫХ

Мы отдохнем немного, сколько надо.
Нет, дольше, на одну минуту дольше!
О, хорошо вздохнуть до самых пальцев!
Вот так дышать, и кажется, что видишь —
Под кожей жир налимом проплывает.
Ты слышишь — бережно, стыдливо, длинно
Расщелкались и рассвистались липы,
А день перебежал — и пусть бежит!

После отдыха

Отдохнул, отмечтался, — пора домой, —
Дом выглядит мой иначе.
Остаются при мне на ноябрь луга
И чудятся в каждой вещи.
Очертание пальцев моей руки
Похоже на лист дубовый.
Волоски — разве не из простой травы,
Но только другого цвета?
Полированный стол, — я сажу за ним,
Как будто по плечи в речке.
Деревянной резьбою резвится шкаф, —
Ну, просто, живой орешник!
Складки скатерти — это тропинки в лес;
Тропинка ведет к оврагу.
Край стола — почему не обрыв в овраг
Для мухи, ползущей к полу?
Неслучайно зеленым сукном обит
Диван — для зайчат поляна.
Всюду зелень. И только блестит снежком
Бюст гипсового Вольтера.
За подарок-покой расплачусь с людьми —
Не дам никому покоя.

На катке

Под ведомость разделяет лед
Нефилософствующий счетовод.
В свою графу вихлявую восьмерку
Поставил он на ледяную корку.

По снегу заживо прошла лопата,
Размашистая Маша грустновата,
В оркестре — пожилые кустари, —
Марш, вальсик, оперное попурри.

Особый шик — норвежские коньки,
Пуховый свитер, с ободком чулки.
И елки в свитерах бело-зеленых
Ждут только приглашенья ветрогонов.

Понюхал снег — чуть отдает арбузом.
И захотелось всем весенним грузом
Надрезать лед до незамерзших вод, —
И пусть каток бесхитростно зальет.

Но почему позволено весне
Не радоваться зимней седине?
На легкомыслие имею право,
Хоть размышляющий всегда раззява.

Поэт и прозаик

Поэт прочел стихи о носе, о воришке,
Недобродетельную бросил мысль —
И заглянули все в лицо поэта.
Прочел прозаик —
Никто его воришкой не назвал.
Он может высказать всё, что захочет,
От имени героя своего рассказа, —
И лично к автору никто не придерется.
Легко прозаику!

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН

Словоигрушка

Влечет настойчиво созвучье слов игривых
На Запад, на Восток словесных мастеров.
О, экзотических совсем немало слов:
ИНДУСтрия,
 НЕГрамотность и
 ПЕРСпективы.

Электричество

- Спать, спать и спать, — до тошноты устала, —
Весь день стряпня, возня и суетня;
Скорей под шерстяное одеяло:
Нагрелась мягкой ямкой простыня.
Лень высунуть из-под подушки руку,
Забыла выключить, — мешает свет.
Поднять Володю? — нет, ступнет в грязюку,
Простудится еще, — босой, раздет.
Лежит Володя, не мигнет зрачками,
На лампочку глядит над головой.
Там, за сверкающими волосками,
Не палочка, — а сам «Электрострой».
Заерзал мальчик на своей кровати,
Вскочил. Пустяк на пятках добежать,
И повернулся скрёбко выключатель.
— Какая чуткость, — умилилась мать.
Так захотелось ей прижать вплотную
Головку сына; лоб совсем крутой.
— Нет, не сейчас, а завтра расцелую,
Теперь же только спать — тепло, покой.
Но мальчик не бежит под одеяло,
Остановился, ноги нагишом.
У столика на полке застучало
Не то карандашом, не то гребнём.
Потом подходит к маминой кровати,
На ней нащупал головы кругляк.
Провел по волосам. — Ласкает, гладит?
— Нет, не похоже, не ласкают так, —

- Володик, больно; Вовка, что с тобою! —
Не вытерпеть, — так можно выдрать клоч. —
Схватила за руку всей пятернею, —
В руке Володи частый гребешок.
- Ну, мамка, ты мешаешь, мне ж неловко, —
Володя палец потянул к губе, —
Подставь, пожалуйста, еще головку, —
Как много электричества в тебе! —

Детское

Вл. Пясту

- Кого ты, тетя, больше всего любишь из вещей,
из кушаний, из птиц, из людей и из детей?
- Из вещей, Нюрочка, я больше всего
новую швейную машину люблю.
- Нет, ты послушай лучше.
Кого ты больше всего любишь из вещей,
из кушаний, из птиц, из людей и из детей?
- Из кушаний, скажем, я больше всего пирог с капустой люблю.
Из птиц я больше всего жаворонка над полем люблю.
- Да нет же! Ты не так хочешь ответить.
Кого ты больше всего любишь из вещей,
из кушаний, из птиц, из людей и из детей?
- Из людей я больше всего твою маму люблю.
- Опять ты не подумала.
Кого ты больше всего любишь из вещей,
из кушаний, из птиц, из людей и из детей?
- Из детей я маленькую Нюру,
когда она в чистом переднике, люблю.
- Ну еще чуть-чутьочку подумай,
Кого ты больше всего любишь из вещей,
из кушаний, из птиц, из людей и из детей?
- Больше всего и из всего на свете
я маленькую толстушку Нюрочку люблю.
- Ну вот, так бы давно и сказала.
Какая же ты, тетя, недогадливая. И я тебя, тетечка,
очень-преочень люблю.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ
ФОРМА

1920 – 1929

Искренность (Непринужденность)

Леониду Борисову, моему свидетелю и другу

<I>

Войди в город, стань, иль можешь прохаживаться, как захочется,
Иль можешь подняться на удобную высоту

трех ступенек любого крыльца,

И считай, откуда желаешь, всех женщин мимоидущих, —

Какая из них могла бы тебя лицом порадовать.

Знай, — ближе семьдесятвторой не попадетс тебе. —

Я подсчитывал.

Если же приятней тебе лица мужские,

можешь то же проделать и с ними.

Полезное шаловливое занятие!

Запоминаются, как никогда, природа, жизнь,

каждый белок, нитка, морщинка, —

И презрительно оттянутся губы твои.

Мало, мало носов-носиков, глубоких губ,

Даже только изредка круглеют щеки с яблочными подтеками.

Немного, немного и тех прямых линий

от основания переносицы, касаясь губ и подбородка,

В чем красота прекрасницы.

В Ростове проще, — там можешь седьмую, девятую выбрать.

Там даже у случайной молодой метельщицы

сверкают протяжно зубы.

А пальцы! Приглядиись — у большинства они коричневатые,

Будто ими целыми днями чистят яблоки.
Женщины и сами это знают, подавая неотделанную руку
застенчивым кулачком.

Не бойся, приятель, если тебя назовут бездельником,
Или еще обыденнее — нравственным уродом.
Не злободневствуй ни с кем, не рекламируй.
В примирении всегда — правда, но безделье.
А во всех твоих словах пусть звучит только искренность.
Ты сам испытал и даже то, что для всех, для всех
Чистые ноги лучше обожженных крапивой,
Полированный стол лучше скобленного ножом,
Запах роз приятнее запахов чада
И хрестоматия не годится в настольные книги.
Не вини никого в лицемерии, уме, вздорности, глупости,
начитанности, —
Иной раз даже обезьяне обидно считать людей своей родней.
Ну хватит, приятель, ты сам уже всё видишь,
А не видишь, — для тебя счастливей.
Ну, чтоб ты сделал сам, когда бы выбрал ту,
семьдесятвторую иль девяностоттретью?
(На двадцатьвосьмой почти всегда кривоногое пройдет).

Подойди вежливо к прекраснице и расскажи, как выбрал ты.
Она обидится, ругнет, если ты урод или у тебя воротник
в перхоти, —
И презрительно оттянутся губы ее.
Если ты некрасив, — будь серьезным ты.
И будет права прекрасница, — нет ничего забавнее
любви уродов,
Хотя некрасивое — всегда трагичней, и непривлекательное
лицо — обиднейшая из обид, скука из скуп.

На всякий случай вспомни ты:

— Женщину если захочешь прельстить, узнай,
каков до тебя был любовник, —
Если ревнивец, — не будь ревнив; если добряк, —
будь злым, очень злым.

Иль это припомни: — Уменьем говорить о повседневности
любую женщину к себе расположишь.

Нет, лучше ничьих ты советов не слушай.

Не слушай и иди, когда не согласилась тебя порадовать
прекрасница.

У тебя даже найдется утешенье:

Ну что там особенного! — изгибы, складки кожи, жира, —
И почему такой-то изгиб, такая-то складка достойны
твоей заботы? —

Иди, иль можешь прохаживаться, как захочется,

Или можешь подняться на неудобную высоту
любого карниза иль тумбы чугунной, —

И считай тогда всех людей мимоидущих.

Знай, — сколько б их ни было, вечно есть восемнадцать,
восемнадцать различных людей.

Всё остальное — промежутки.

Ты можешь отыскать и свое место, — но не обидься,
если отыщешь в промежутке.

Я знаю, неприятно это будет тебе. Но что поделаешь? —
не виноват ни я, ни ты,

И далее в этом мало виноват твой мамапапа.

Если подойти тебе к кому-нибудь захочется, не надо вежливить.

— Очень часто вежливость понимается как признак слабости.

И на слова «нравственный урод» ответь:

— Безнравственный пошлее.

И на женскую иронию: — Если всего восемнадцать людей
различных, то вы, наверное, себя девятнадцатым,
единственным считаете? —
Отвечай: — Да, я единственный, один;
а так бы хотелось быть вдвоем. —
И ты начнешь понимать обет лирических молчаний.
И заметишь тогда, как собачка перегоняет заднее колесо,
Как мальчуган пальцем протыкает сбитый с тополя листок,
Как под ногами твоими обломки кирпича
перемешаны с камнем и сухолистьем,
Как проходит девушка, раскидывая прической,
Как при солнце радугой цветет пушок на твоём носу,
когда на него глаз скопишь,
Как везет грузовоз ворохи сукна второсортного.
И тебе захочется, — сознайся, — ведь захочется
стащить отрез, хоть один?
Ты, конечно, не стащишь, побоишься, не сумеешь, —
можешь попробовать;
А если у тебя ничего не выйдет, иди и выйди из города.
Там, в полях, рощах, подсчитывать нечего,
Там всё бесспорно, будто после любовного наслажденья,
Когда бывает только одно прекрасное желанье:
— Мне больше ничего не надо.
Ложись лицом прямо и рассматривай привычную
полосу заката.
Это так же приятно — полезно, как путешествие
с одним ручным багажом.
И ты крикнешь: — Как мир прекрасен!
Но не кричи, приятель. Крикнешь — и почти сейчас же,
иль дойдя до первого пня,
Ты иль запнешься, иль вскочишь от укуса муравья,
иль от росистого холода;
Или вспомнишь, что надо тебе утром побежать
за проклятым золотом — медяками.

Для себя иль для другого, — не всё ли равно?
И тогда лежать тебе ни за что не захочется,
Ни рассматривать пушок — ни на носу, ни на закате розовом.
И о правде ты не подумаешь; а если подумаешь,
то лишь в неудачах своих.
Но что такое правда? хочешь знать? —
Пусть радует тебя всегда и всюду, вошел ты, не вошел,
стоишь, прохаживаешься, любишь, —
Пусть искренность возрадует тебя;
Пусть искренность хотя бы будет развлечением.

II

Поговорить вслух с самим собою, —
Вот для чего нужны рассуждающие освобожденные
словесные формы,
Серьезнее однотонных стихов — словоигрушек.
Бунтарь молчащий — трагичнейшая из трагедий, —
Как ни зови ее праздным, уязвленным измышлением,
Словохвастливость не делает событий.
Только малосолнечные края хвастают зеленью елок круглый год,
А странам теплым незачем довольством красок прихвастнуть...

Из подвального этажа слышна заглушенная гармошка.
Гармошка из подвала всегда пронизывает сердце жутью.
Вечер не сидит бабушкой, вспоминающей вечер девичий, —
Нет сбережений у него, чтоб отдохнуть в приниженном покое.
Уставший за день спит, не раздеваясь,
иль доделывает свои дела денные,
Зная, что беседы успешны не в конторской обстановке.
А я один сижу, досадуя: — Почему именно на мне
Жизнь захотела вслух поиздеваться,
Назначила меня в показательнейшие правдолюбцы? —
Мое несчастье, что я уже был зрелым,

Когда подросткам стала жизнь принадлежать;
Жизнь обновляется неведением подростка;
Мудрить нельзя в работе повседневной, —
Думающего работа не видна, — бездействуют руки...

Пойду скучать к каким-нибудь знакомым,
Но нужно выбирать по-житейски: ходи к тому,
кому нравишься ты, а не кто нравится тебе.
Но не умею я выбирать людей, или люди не умеют
выбирать меня.

Уехать, что ли, в какой-нибудь незнакомый город?
Но в каждом обществе и общежитии замкнут
всё тот же подбор людей.

Примусь писать! Пусть пощастливится какой-нибудь вещи,
Что именно ее я описал!
Но размышленье, глубже общеизвестного, зовется глупцом
мистическою болтовней.

И я, наверное, не поэт, —
Поэты могут быть безграмотеями,
И рифм я не люблю, — мужские рифмы слишком пахнут
козьим потом,
А женские? — а женщины вообще только забавны
в своих проделках ради мелких выгод.

Есть филин, есть сова, есть пеликан — медлительность
сидячего раздумья.

Во льдах нельзя высоко взлетать и лапы заменяют крылья.
Для филина, совы я слишком неочкаст,
Для пеликана слишком нежен и ненавижу льдины, —
Я — Нельдихен; — по-русски пусть коверкают Нельдихин.

Кричи в досталь даже до того, чтоб покачнулась луна,
Но раннюю худобу твою, морщинистость и седину поймут,
как признак неумеренного пьянства и разврата.

Надо только раз угодить времени и пространству,
чтоб иметь возможность от них освободиться.
И вспоминается, как развлекает ветер и на дубах
изогнуты стволы и ветки, —
Я их согнул бы иначе немного.
И как не пожелать: — Чтоб избежать банальность
повторений,
Хотя б однажды не было зимы
И звезды-канарейки пусть превратятся в пеликанов. —
Мыслетворец всегда рождается в безвластном поколении,
И слишком искушен, чтоб жить с подростком,
И слишком молод, чтоб в старье не видеть гнили...
Не хватает на два горя человека.

III

Наверное, ссорятся и камни меж собою.
Иначе не было бы гор притихших и заостренных
камешков тщедушных.
В мире всё везде одно и то же, как в человеке и у людей.
Я даже дам тебе действеннейшую заповедь борьбы:
— Позволяй недругу во всем как можно меньше,
а себе как можно больше. —
Ты победишь, но не возомни, что мир окончился
с твоими успехами, —
Прямая линия — для подростка и глупца,
Круг замкнутый — для недодума старца,
Спираль — для недодума,
Спираль спиралей — для думающего недодума,
Спиральный шар — для мудреца.
В конечном ведь должны быть развиты и замкнуты
все возможные движенья, —
Развития от точки и до шара.

И я, додумавшись до самого конца, остановился,
выжидая подсчетчиков, подобных мне.
И заупрямились во мне простые символы:
и чацкий, и бетховен, и чайковский,
И дон-кихот, и байрон, и ньютон, и вольтер.
Во всякой тишине таится катастрофа,
И в одиночестве смысл обобщенный есть, —
Я начал понимать, как вырастает месть.
И пусть упрямствуют: — Только лицемер рискнет
доказывать, что есть уже земля,
Не нуждающаяся в напоминаниях об искренности — правде.
Но, «чтоб сказать великое, нужна возможность высказаться»,
И, чтоб существовало слово, нужно иносказанье.
Вот почему ты не поймешь меня, мне не удивишь,
меня не расцелуешь.
Самоуверенное сознание знания приемлется всегда
как глупость,
И часто мудреца свободное дерзанье
Приемлется как пошлость балаганья.
Но разве можно быть умней своего хозяина?
Земля — хозяйка наша, и мудрость вся ее в заботах
о недодельшах своих,
Учащихся ходить от стола к двери и обратно по линии прямой.
Земля, ты б родила парочку ребят совсем способных!
Наивность подрастанья! Ее даже глупостью нельзя назвать.
И пусть в садах, скверах духовые оркестры разыгрывают
вальсы, марши, песни,
На чувствах, на сердцах подростков выверенные годами.
Предпочитаю не полуграмотную расчувствовавшуюся
гармошку,
А, по меньшей мере, широкодумнейший орган, —
совершеннейшую из гармоник.
В обычных глазах, ушах, сердцах запаздывают мира отпечатки

И все они не исчезают; мы видим их всегда, —
и это памятью зовется.

И в Древнем Риме шел обыкновенный дождь,
А разве кто-нибудь дождливым Рим припоминает?
Но есть вечные истины, какие необходимо вечно повторять,
А слово «новое» — это ботинок новых пара, —
Ботинки новые до первой грязи и до первой чистки.
И ты придумал только одну словоигрушку:
— «Бог-ач» всегда от слова «бог». —

Ты будешь отрицать, что я тебе помог додуматься
до слов подобных!

Ну, хорошо, — давай не хвастать заслугами своими, —
Хотя есть форма безнаказанного воровства —
это замалчиванье заслуг другого,

И замалчивание заслуг другого — скрытый плагиат.
Я вижу по глазам твоим, — ты сам уже всё видишь,
Но еще стыдно тебе сознаться в недодумствах,
Просить прощенья у меня и закормить меня
достойною наградой — бессмертьем.
Никем иным не мог и не могу я быть, как только
подсчетчиком спокойным, одиноким, ранним...

Войди в город, стань, иль можешь прохаживаться,
как захочется,
Иль можешь подняться на удобную высоту трех ступенек
любого крыльца,
И считай, откуда желаешь, всех женщин...

Ты хихикнул, подмигнул и легкомыслием упрекнул меня?
Несчастница-любовь, о ней обычно без подхихикиванья
не говорят.

Но войди в город, стань, иль можешь прохаживаться,
как захочется,

Иль можешь подняться на удобную высоту трех ступенек
любого крыльца,
И предпочти, приятель, легкомыслие тяжеломыслию.
И если увидишь ты сплошное благополучье, не доверяй ему, —
Где недовольства нет, там нет и благополучья.
И если заметишь кого-нибудь благополучнее тебя, придержи, —
Он украл у тебя твое благополучье.
Прохаживайся лучше ночью, — тебе удастся занять собою
весь тротуар.
Вот камень. Сколько ног наступало на него,
сколько самых длинных и обычных ног и ножек,
А он лежит как ни в чем не бывало — и никаких следов.
А может быть, на него наступала ножка той прекрасницы,
которой ты с восхищением расцеловал бы
влажное междупальцье.
Давай и мы наступим на этот камень.
Я наступлю, ты выкопай и снеси в музей:
— На камень сей тогда-то наступил такой-то и такой-то. —
Но вряд ли попаду живым в рекомендованный учебник...
А мы с тобой входили в город, прохаживались, выходили,
вновь входили,
Подсчитывали, рассматривали даже пушок на носу
и на закате розовом.
Всё подсчитали, над всем поразмышляли,
додумались до конца всех концов.
Какой же предпочтем конец? —
Концы счастливые — наивность, ложь, самодовольство.
Несчастливые — трагедия, ирония, искушенность, грусть.
И лучше никаких концов не надо, —
— Они напоминают о смерти.

1923—<1929>

Монолог неопасного человека

— Приказываю вам любить меня!
 Смешно, не правда ль, — глупо иль трагично
 Для тех, кто даже власти не имеет
 Ни в дворницкой, ни в третьем этаже.
 Но что же делать мне? — не примиряться
 С обыкновеншею жалобой природе, —
 Хоть мир не кончился лишь для того,
 Чтоб повторить ее еще не раз.
 Кто брошен в жизнь без спроса, без участия,
 Должна тому жизнь предоставить всё, —
 А мне дают иль ничего, иль мало.
 Виною этому, конечно, розы,
 Да, самые обыденные розы, —
 Мы перед ними часто лицемерим.
 Еще, пожалуй, этому виною
 Мой нос, — не радует меня он сбоку;
 Не нравятся мне также толстяки.
 И вот какую шалость — месть избрал я:
 Как всем известно, я не одинок,
 Еще живет других ватага, уйма;
 У каждого из них есть по карману,
 В карманах есть по несколько рублей. —
 Я — с первым словом: «Дай займы полтинник», —
 И в большинстве полтинник получаю,
 А иногда и рубль, а иногда и больше, —
 Так в день и наберется сколько надо.
 И я протрачу это подаянье
 С усмешкой тихой, только мне присущей,
 На прихоть, сладости и на табак,

На кружку тихого вина и пива.
А добродетельный «свободолюб»
Пусть для себя не купит лишней булки.
А если попадетсЯ домосед,
Иль губонос, зазнавшийся служака,
Тогда я рубль из своего кармана
Ему дарю с усмешкою: «На бедность».
Всё вытасу, что быть должно моим
И что другой злорадно прикарманил!
А от меня что нужно им, противным? —
Не раз показывали мне они,
Кого они считают интересным, —
А этот интересный человек
Оказывался просто
Нет, не додуматься им никогда,
Что добросовестно платить налоги
Еще не значит быть достойным жизни;
И не додуматься им никогда, —
В конце концов почти одно и то же
Так вытасчить доходную рублишку
Иль так, как делают они, служаки.
Я понемногу с каждого тяну,
Они ж — прикрыто с помощью другого, —
У каждого из них есть покровитель.
И часто слышу я ответ злорадный:
— Тогда вам ничего не остается, —
Пойдите завтра же и расстреляйтесь. —
И каждый раз я отвечаю смело,
Всё с тою же присущей мне усмешкой:
— Я никогда один не умираю,
А если умираю, то последним. —
Пускай живут, гордятся и плодятся,
И, может быть, когда-нибудь умрут.
Умру и я, и, кажется, наверно,

В сорокседьмом — пятидесятом годе,
 А может быть, еще немного позже,
 Нет, может быть, и не умру совсем.
 А между тем сегодня в первый раз
 Сказал мне кто-то, проходя вдогонку:
 — Стыдитесь, вы уже не молодой,
 А вы себя мальчишкой ведете,
 Кривляетесь, — ведь все и так смеются.
 Я ничего, конечно, не ответил,
 Но в зеркало-жестянку пригляделся:
 — Ужели правда? Да. В морщинках лоб,
 Лицо такое — ненадежный меч, —
 Я только в темноте кажусь красивым.
 Ну вот, добегался и дошалился. —
 Пошел к ученому, сказал врачу:
 — Умелый человек, вот так и так, —
 Исправьте нос и освежите тело,
 И сделайте: пусть щеки не висят.
 Ведь я же не был при родах природы,
 А если можно что-то делать с жизнью,
 То надо каждому свой нос подправить. —
 Умелый человек послушал сердце,
 Постукал грудь, еще проделал что-то
 И удивился: — Вы совсем здоровы, —
 На прихоти нет пальцев у меня. —
 Тогда я взял щипцы и молоток,
 Хрящ хрустнул, нос распух, скривился,
 Я кровь глотнул и к лекарю опять:
 — Теперь, надеюсь, будете чинить? —
 И он подправил, этот глупый старец. —
 Послушай, вы, умелый человечек,
 Ты сохранил уродцам их рублишки,
 А мне... Ну, слушай, слушай, что я крикну:
 — Себе приказываю всех любить!

1925

Из комнаты

Да, жизнь — ларек с товаром второсортным
В заманчивой дешевой упаковке,
Но если обнаглел ты до того,
Что мне советуешь самоубийство, —
О, как ты мало чувствуешь и видишь.
Пусть как нарочно не везет ни в чем,
Пусть надрывается крикун-ребенок,
Сосед-воришка сторожит трусливо
И нет нигде веселого покоя, —
Так это только комнатная жизнь.
Нисколько не обижен, — всё в порядке.
Я только презираю тихо, сжато,
И тихо презирать имею право.
Ведь нас с тобою презирает море, —
А что поделаешь, — оно молчит.
Ну разве ты не видишь тонких губ, —
Меж берегов презрительную складку?..
В порядке всё, в насмешливом порядке.

1924

Пальцем в грудь (Любопытство к мысли и любви)

Я мнил, что я какой-то особенный;
Что у меня всё не как у порядочных людей,
Для меня необязательны образцы предшествующих
поколений, —
Но, ежевечерне перебирая пальцами жизнь свою,
Хочу нащупать, где слабоволье.
Есть три породы людей: одни способны отмечать
в жизни только хорошее, другие — только плохое;
А для третьих, — когда всё хорошо, то хорошо, что плохо.
От слабоволья всегда можно кому нужно подлечить
запуганные нервы иль вином приободрить.
От двух причин безделье — от безволья
или от горделивого крепковолья.
Недаром радуют только женские круглые формы.
Люди верят в способности,
только если ощутимо награждение деньгами.
Забавно и понятие о чести и честности у многих людей!
Твой должник назначает тебе срок уплаты, —
Ты приходишь.
Твой должник, извиняясь, просит срок отложить, —
Ты приходишь.
Твой должник клянется, что снова не может, —
Ты снова приходишь в назначенный срок.
Твой должник повторяет с тобою всё то же, —
Ты терпеливо веришь ему и снова приходишь.
Но когда, наконец, ты не вытерпишь:
— Я имею право тебе больше не верить! —
Твой должник... он обидится, вскочит, сожмет кулаки:

- А, в таком случае, я вообще не разговариваю
и никаких дел не веду с теми, кто мне не верит. —
И искренне будет считать себя вправе
Освободиться от всех своих обязательств...
Но не стóбит и не почетно расставлять события и фразы
в надуманном порядке мелко-житейских романов,
Сочинять имена подставных героев.
Гораздо проще переписать остатки общих фраз:
«Я не настолько прост, чтоб не любить простое».
«Где тонко, там и рвется. Но где порвалось,
там и завязываются узлы».
«Ошибка — это обязательный закон оттягиванья совершенства».
«Меняются только масштабы».
«Ценятся не герои жизни, а герои смерти».
«Рельсы — это символ пути знания. Смотришь дальше —
мир суживается».
«Что неуместно говорить о доме своем,
Говори это о доме врага своего».
«Обыкновенный человек себя обыкновенным и считает».
«Хоровая песнь почти всегда самореклама».
«Отцы как будто существуют только для того,
чтоб народить и, попрекая жизнь свою,
заведомо быть у последней в загоне».
«Люди только тогда попадут на Марс, если обобщится Земля».
«Женщин меряем только волнующим нас типом.
Вот почему они кажутся особенными.
Невольнующих просто не берем в расчет».
«Любовь — это добровольное подхалимство.
Редко кто не способен на него».
«Ненужное молчит, а нужное торгует».
«Только на осле можно въехать в Иерусалим.
Тому пример и в Евангелии».
«Притихает человек перед счастьем».

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ФОРМА

«Радость совсем не в борьбе, а в победе быстрой».

«Прошло — значит вновь настанет».

— Но что же, собственно, вновь настанет?

— Пусть пробуждается любопытство к мысли и любви.

1920—1923

У древнего памятника

Властители владели площадями
И украшали площади собой, —
На каменных коней себя сажали,
Рука простерта непременно вдаль.

Не обязательны талант и гений
Для властимущего и торгаша.
Искусство жить нужней искусства слова,
Нужнее музыки умение лгать.

И даже право на молчанье — редкость,
Оно доступно только чугуну,
Лишь под личиною единомумья
Владыке можно правду говорить.

Противно, тяжело и скучновато;
Кто поколение пережил одно, —
Ему несносна вера в добродетель,
Неведенья задор и хвастовство.

А пережил, — и старость раздражает
И кажется негодным пожильём.
Совсем не всем необходима правда,
Как говорят, — бездумно легче жить.

Мечту и палку должен дать властитель, —
Доверчивость и Выгода возьмут.
А если ты без правды жить не можешь, —
Молчи иль мсти, беги и не женись.

1924

Дети и отцы

Взял за ухо наполовину молодого человека,
 Подвинул ближе и растряс его, —
 Пусть держится самим собою,
 Без всякой выучки, сноровки и приманки.
 Качнул его: — Мальчишка-мальчуган,
 Вот барабан тебе, вот щетка, вот перо. —
 Мальчишка радостно всё выдернул из рук моих
 И даже попросил — потребовал ружье.
 Занятно поиграть в солдаты несолдату.
 Я дал ему ружье, — скачи и торжествуй. —
 Мальчишка поскакал и первым делом
 Свернул лоток торговки мелочной,
 В рот — яблоко, в карман — коробку спичек,
 Передразнил самодовольно старца,
 Перелистал свою тетрадь для справок,
 И в общем сделал всё, что надо было сделать
 Обычному, полезному, простому мальчугану.
 Потом к себе я поманил девчонку,
 Хотел погладить, — руку протянул.
 Она стряхнула руку: — Что за нежность! —
 И для себя потребовала пушку,
 И сделала всё то же, что и мальчик,
 Во всем ему хвастливо подражая.
 Я усмехнулся, — и мне стало скушно,
 Наверно, заскакались и они, —
 Мне ничего не стоило поймать обоих.
 Но огрызнулся мальчуган:
 — Не смей нас трогать, — мы как бы святые. —
 С нарочной грубостью потрянул своею пятерней,

Привыкнув, что в машине шестерня всегда бывает в масле.
За ними по пятам шел их товарищ, —
Но, видно, не из ревности и любопытства.
А через полчаса напротив в доме
Нарочно, чтобы слышно было, — окна настежь, —
Они запели под гитару — балалайку,
Гудя не в такт на всех свободных струнах,
Романс привычный на слова победы.
В соседней комнате работала — училась их подруга,
Работать — значит делать то, за что в конторах платят.
А мальчуган запел по-школьному крикливо:
— Живи хоть век, хоть век учись,
А, в лучшем случае, профессором умрешь. —
Всё делали они как будто для того,
Чтоб ничему не мог я удивиться.
А как хотелось им, чтоб удивлялся я!
Но чем тебе похвастать, мальчуган-девчонка,
Как только вновь пересказать на канцелярский лад
Премудрости обычайших пословиц.
Не удивился я и даже дальше, —
Я наступил на спичечную желтую коробку, —
Ее курильщик-мальчик обронил.
Припомнились и толки и упреки:
— Зачем расчет — надежда на потомство,
И надпись на коробке разве не бессмертье,
Да и потомки будут ли достойны? —
Нет, я еще не разлюбил столетья,
По-прежнему обскакивая подхалюзы — сутки!
Мне непонятно, почему прекрасен
Как раз тот миг, когда живу хотя бы я,
А тридцать лет вперед примерно будет хуже?
А потому живу вперед, хотя б на тридцать лет.
Мне обеспечено, конечно, долголетье, —
Уже и потому, что мною заполняется медлительно земля.

- Лишь умному прослыть глупцом забавно.
Девчонка-мальчуган,
В тетради у тебя, наверно, есть карикатура
На твоего врага, соседа иль отца,
Я дал тебе перо, — скорее подпиши:
— Из поколенья в поколенья, браня своих отцов,
Предпочитают бабушек и дедов. —
Сейчас ты мне задашь вопрос крикливый:
— Каким умом ты хвастаешь, «учитель»? —
Так знай же, мальчуган, что мудростью зовется:
Зову я мудростью безвредную усмешку,
А надо ведь немало, чтоб безвредным быть...
Я не докончил, — сверху на голову мне упала щетка.
Я поднял щетку, приподнял и шею.
Девчонка-мальчуган уже старательно сажился за конторку.
— Оставь мне голову, девчонка-мальчуган,
Хоть голову носить трудней, чем руки.
Я эту щетку сохраню для сына твоего,
И ты отцом не так далёко будешь.

1925

И всё-таки

Всё же досадно и грустновато, когда сдергивают
отслужившую празднеству иллюминацию.
Всё-таки придиркой к слову позабавлюсь, —
как бы ни было неповоротливо выспренное слово, —
Забавно произвести, например, «категория»,
«категорический» от «катись с горы»,
И ни при чем тут греческие корни.
Как бы для любви я уже не требовал талантливую красавицу, —
Всё же достойно влюбляться и в обыкновенных.
И всё-таки и Чайковский воспринялся бы радостно,
Если только переставить последние части шестой симфонии.
И всё же подростком лучше быть, чем четвертью
или целым человеком.
И как бы за стеной ни шмыгала носом посудомойка,
будто прошмыгнула мышь, —
Всё-таки есть только два извечно обнадеживающие землю
слова: это — пролетарий и бедняк,
А переподхалимствовавший интеллигент — просто жутко.
И всё же послелиственной осенью иногда бывают дни,
неотличимые от предлиственного марта.
И всё-таки: — живи, как все; но пиши, как никто.

1925

На север за солнцем

Двадцатьседьмое сентября

тысячадевятсотдвадцатьдевятого года!

Я вернулся в Москву; громыхая, доехал в жестком вагоне.

А месяц назад по тем же рельсам катил из Москвы.

За окно перегнулся: ничего от меня на пути не осталось,

Разве только если поковырять хорошенько в пыли и камнях,

Можно найти газетный комок, спичку мою, окурок мой,

яблочную кожуру иль арбузный отгрызок.

Колеса скачут predetermined по рельсам,

Подражая мне в неподсчитанном доверчивом ритме,

Но, наверное, пересказывая только вычитанное

из вечерних газет.

Ничто никуда не ушло, пробыв без меня целый месяц.

Даже стадо коров по тем же лужайкам раскинуто

осенними листьями;

Коровьи хвосты явно торчат стебельками,

Увертливые поля сторонятся ползком,

Сверчки и кузнечики размножают на своих

пишущих машинках статьи из столичной газеты.

Сжатые поля уже отделаны под заячий мех в подборку с лисьим,

А горизонт укутан голубым песцом.

Как и во всем: чем дальше, тем изнеженнее и дороже.

Вагоны тянут за собою кривоугольные тени,

Будто увозят за собой на север чернозем.

А ветер, поигрывая сушеными бахромками кукурузы,

Выдергивает, пробежавшись, запонку из шелки

моего воротничка.

Птицы издеваются над березами и дубами.

Добродушные березы позволяют делать с собой всё,
что захочется озорникам;
Изредка понатужившись, пытаются стряхнуть с себя
надоедливые лапки воробьишек.
Ах, зачем мне трудиться описывать поля, леса и лужайки!
Каждому из нас доступен только час случайной
сосредоточенности.
А надо было бы, не отрываясь, сидеть всю жизнь над бумагой,
Щелкать фотографическим аппаратом,
иль завести своего свидетеля, иль стенографистку.
Но в странствиях приятно только созерцать...

Кавказ хваленый, ты только газированный Кавказ,
Ты только «эрмитаж» среди «воробьевых» гор московских.
И многие уважают не тебя, а лишь свое здоровье;
а женщины свои девичьи бока.
И все воспоминанья о тебе в кустарных палках
с надписью «кавказ»,
Дешевеньких колечках из уральских камней, костяшках,
расшитых чувяках — ночных туфлях.
И мне ты радостен, лишь когда, взобравшись на откос,
Верхушки тополей твоих желают быть на уровне
моего подбородка.
К одиннадцати часам вечерним повсюду спускают
с цепей дворняжек.
И гуляке приходится подхалимничать, причмокнув языком.
Я тоже не раз подхалимничал перед Арабкой,
Куриными косточками угощал ее и быстро приручил.
О, как далеко это от способностей приручать к себе людей!
И каждый вечер из добрых чувств Арабка царапала мне
ноги, —
Пришлось мне самому заштоповывать штанину, —
На мое содержание не рассчитан государственный бюджет.
И редко кто пользуется газированными твоими ночами!

С девяти часов пора спать отдыхающим, как детям.
И что это за глупые болезни, от которых люди должны
прохаживаться только по тропинкам?
А некоторые даже спать как следует не умеют
И только в скуке предпочитают полудремасть:
«Если скучно, — значит серьезно, если серьезно, — значит умно».
Это архивники, иждивенцы науки от искусства...

Ищу в степях машинные колеса.
Но, видимо, машин не выстраивают для показа вдоль дороги...
Насмотрелся вдосталь и — в вагон,
А там повсюду суетятся, тянутся, раскачиваются
живые строчки для юмористических журналов.
Живут и едут счастливы с биографией банальной...

— Который час?

Пыль придорожная ухитрилась заползти даже за стекло
ручных часов;
Замедляется стрелка, и я не верую в свои часы...
Без лишних слов, — всякому известно, как подходят
поезда к перронам...

...Я дома. Опять сосед мой выматывает у жизни половые
тряпки, сажень дров и свои ежемесячные
триста рублишек.
Он труслив, и злобу свою вымещает не по адресу —
на добродушии моем.

Живительная встряска путешествий!
Я из трамвая даже заметил балкон напротив в доме,
а раньше, проходя, никогда не замечал.
Надо только уметь смотреть, и Москва ночью такая,
Будто, стоя на месте, путешествуешь из страны в страну.
Трубы превращаются в кипарисы, тополя — в трубы,

Это уже история — семнадцатый год,
 Это уже бесспорное геройство, —
 И следующие поколения будут недоумевать:
 Неужели приходилось кому-то бороться,
 Доказывать, что ворочать — укладывать каменные глыбы,
 Радоваться — хвастать каждой электрической лампочкой,
 Подыгрывать на подкрикивающей гармошке,
 Верстать учебники по истории человечества
 Способен лучше всех пролетарий.
 Выживший дольше других очевидец-ветеран
 Будет рассказывать о своих геройствах, как водится,
не без отсебятин,
 О пулеметной трескотне, о сборищах, о хлебных четвертушках.
 И похвастает, что как раз пришлось ему очутиться
рядом с трибуной,
 Когда вожди размахивали лозунгами проходящим
толпам и войскам.
 История сохраняет только победителей,
 Остаются только общие места десятилетий;
 Газетчики оставят воспоминанье как об эпохе
великих геройств и добродетельных преступлений.
 И не вчувствоваться последышам в жалобы
и слезы побежденных,
 Не догадаться, что бурность жизни зависела лишь
от ожиданий, комкающих часы и дни,
 Например, завтра получка, — «а дни перед нею
как-нибудь перебьемся».
 Каждый последующий год вычеркивает предыдущий,
 Подрастая в критике своих юношествований,

И сознает, что в следующем году появится лучшее, —
И тем самым предшествующее обречено на заведомую
второсортность...
Вот проезжаю я, повиснув двумя пальцами на трамвайном
ручном ремешке;
Каменщики-плотники сносят старинную часовню,
Остался один остов и вырезанный под русское кружево
жестяной навес.
И какое мне, собственно, дело, — кто ходил в эту часовню
из мужиковатых, бородатых бояр,
Выматывала ли свою душу в молитвах чья-то родная бабушка?
Умерли — прошли.
И даже у родственников, пожалуй, не сохранились
их портреты, —
Особенно, если у дедушки-дядюшки был на груди хотя бы
сиротливый орденок царских времен;
Печки лукаво проглотили немало воспоминаний
о дядюшках-бабушках,
Чтобы в первые годы расплат соседи не разнесли
подхихикивающий слух:
— У Петра Львовича дедушка при орденах был; верно,
царский сановник...
А вот промелькнуло продолговатое стекло лавчонки.
И какое мне дело, чем торговали здесь тридцатилетье назад.
Для обитателей этого района важно только,
можно ли сейчас здесь достать свеклу..
А вот, сторонясь трамвая, переступает площадь старушка.
И стоит ли мне вчувствоваться, раздражает ли эту бабку
старость ее,
Иль это просто обыкновенная, глупая, приниженная женщина,
Вздуродраженная лишь заботами о свекле и помидорах.
Смешно, — стану ли я бороться за такую старуху, —
Пусть в свое время она и своевольничала и прельщала.

Наконец-то мои интересы совпадают с интересами общежития.
Людам понадобились опережающая мысль и зрелость, —
Правда, только по поводу планировки бетонных построек, —
Но и это уже узаконяет и мысль и таланты.
Я веду себя честным талантом,
И пора жизни оправдать мое появление, —
Иначе надо было бы объявить незаконными
все законы природы.
Благотворительство слабым, глупым и типичным
представителям обедающих в «вегетарианках» —
Это не по мне занятие;
Угодничать — завистничать перед ловкачом — богатеем, —
Этим во много раз лучше меня занимается,
по крайней мере, полмира;
Бунтарничать не с кем и не для кого;
Бездельничать? — А как же и когда доказывать себя?
Люди звали меня: живи, работай, ешь, спи, обыкновенничай.
— Хорошо, ладно, согласен, — но удовлетворите меня
И платите мне только за лучшее из моих изделий,
А раскупательный товар — всегда только средние сорта,
И только в рекламах они отличного качества.
А ну-ка, приглядитесь, — ведь слово «отличный» —
от лица, от лица своего.
Надувающий, обманывающий меня — меня не уважает.
И когда я, наивно поддакивая, заглядываю ему в зрачки
(Лень просто и врать и уличать и спорить), —
Он назавтра обнаглеет и разнесет среди знакомых
и дельцов слух о моей беспомощности.
Я всегда удивлялся хвастунишкам, —

Трудиться выдумывать ведь гораздо утомительнее,
 чем просто говорить «как оно есть», —
 Нужно напрягать фантазию и выкручиваться —
 трусить, чтобы не попасться.
 Но какой же я сам фантазер!
 Ложь — это первая и надежная защита своих интересов.
 А что такое правда, как не фотография событий?
 Но обычные глаза, нос, уши, пальцы — фотографы-любители.
 Так с какой же стати мне быть чем-то в роде
 «общества по охране фотографического производства»?
 Найдутся у меня поинтереснее занятия, — например,
 доказывать себя
 И вырваться из сожительства с заведомо мне подобным.
 Работаю, — но когда же работать как не ночью,
 Когда уже не тревожат все денные делишки.
 Ложусь спать с запевами осоловелых петухов,
 Засыпаю под запевы лудильщика под окошком.
 И не считается вызывающим озорством,
 И разрешается не обращать вниманья на привычное
 расписание текущих суток
 Только гудкам, водокачкам, паровозам и петухам.
 Люди спят и вдруг среди тишины взревет паровоз
 на все закоулки-переулки...
 Днем, проснувшись в четыре, взглянув на перекрестки улиц,
 я понял, что автомобили даром не даются.

Но нет ни одной площадки, степи, лужайки,
какие бы вместили всех и всех.
А если и подошла бы по размерам пустыня, —
надо было б отказаться, —
Нельзя же, в самом деле, не позаботиться о слушателях своих,
Не предоставить простейших удобств иль приманки, —
По крайней мере, кустарник в отдаленьи иль по одному
сухому бутерброду.
Моя беседа тянулась бы всё же более полутора часов, —
есть о чем потолковать.
Я даже знаю, как бы отнеслись ко мне мои слушатели-зеваки.
Пусть даже поколотили бы, иль даже растерзали,
а потом исподхалимничались в раскаяньях, —
Это всё же лучше, чем возиться с каждым поодиночке,
Втолковывать по частям себя;
Всегда найдется опоздавший вовремя узнать,
Иль тот, кто ничего знать вообще не способен;
А кто раньше успел узнать — услышать,
тот будет обвинять в повторяемости.
Но что мечтать, — нет для меня простейших удобств, —
умных, сноровистых прохожих и уборщиков.
Ничем нельзя заставить знать и понимать.
Начало каждого лишь со вступленья на тропинку жизни.

1927

Ум и глупость

Не выяснено, что такое умный, что такое глупый?
Делец зовет глупостью непрактичность романтика,
Новаторствующий иронизирует по поводу пушкиниста,
Глупый всегда ошибется в подлинно умном,
Политик всегда воспользуется растяпством
«правдолюбивого либерала»,
Матери хвастают необычными способностями
своих соплёнышей,
Для боксера глуп всякий интеллигент; для интеллигента —
всякий спортсмен,
Для подростка ум — ловкость в озорстве,
Для дамы глуп малозарабатывающий иль неумеющий
развлекать,
Для большинства философ — лекторишко, возящийся
с темками о философии Толстого-Достоевского,
С непременным условием, — если скучно, значит серьезно;
если серьезно, значит умно.
Для комнатной хозяйки глуп всякий неподметающий
свою комнату иль неловко чистящий картошку.
Для женщин глупы большинство мужчин,
Для мужчин — большинство женщин..
Так что же такое ум, — раз и навсегда? —
Способность знать всегда и во всем больше, чем надо знать,
И самому додуматься до своей меры для измерения всего.

1921–1936

Вверху

Извозчиком в тулупе синем
Уселось небо меж холмов;
На козлах — кнут, торчит осина,
Фонарик — солнце в сто кругов.

Земля — нелегкая двуколка
До всех краев нагружена, —
Отрезы ситца, кожи, шелка
И сплавы вроде чугуна.

— Тпру, стоп! куда везешь, извозчик?
Хозяин кто? Ты, что ль, глухой?.. —
Не оборачиваясь, возчик
Везет свой воз тугой рысцой.

И, уклоняясь от скандала,
Фонарик-солнце снял рукой.
И стало будто у вокзала
На дальней площади ночной.

Извозчики, автомобили
Зажгли ночные фонари, —
И будто звезды заогнили,
Везде, куда не посмотри.

Провел я время интересно
И переслушал всех сверчков;
А там, на площади небесной,
Всё поджидают седоков.

Я сжалился над извозцами
(Ну что за жизнь, — овес, тулуп!) —
— Эй, вы, «среднячки» с конями,
На, подрабатывайте руп!.. —

И ни один не дернул вожжи, —
Не всколыхнулся огонек...
Но спать пора; будь я моложе,
Я до утра бродить бы мог.

Днем стал и я как будто проще,
Взглянул опять на холм кривой, —
Не оборачиваясь, возчик
Везет свой воз тугой рысцой.

<РАЗРОЗНЕННЫЕ СТИХИ>

В зеленовато-лунной мгле
Бывают тени живописней
Вещей, торчащих на земле,
Привычных для обычной жизни.

И хочется поставить тени,
А вещи в тени распластать.
Смотри: вот пальма, вот кровать,
Тюлений хвост, рога олени.

1923

Жизнь обновляется неведением подростка,
И смысл «осознанной банальности» бесспорен
И рифм: любовь и кровь; берез и грез и роз.
Трава зеленая, а небо голубое, —
Ничем не доказать исчерпанную мудрость, —
Лишь личным опытом и каждому себе.

1924

<Эпиграфы>

1. К СБОРНИКУ «ОРГАННОЕ МНОГОГОЛОСЬЕ»

*И все-таки нет никого,
кому радостно мог бы посвятить я
книгу мою.*

<1921>

2. К СБОРНИКУ «ОН ПРИШЕЛ И СКАЗАЛ»

*— Дела моих соседей — это еще не значит «мои дела». —
Помни, читатель и критик!*

<1929>

3. К СБОРНИКУ «ОН ПОШЕЛ ДАЛЬШЕ»

*— Издательская марка — только побочный
«литературный признак».
А иной раз, — вовсе и не литературный. —
Запомни, читатель, критик и раскупатель книг.*

<1930>

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН

Отныне Скорбный Андрей,
Любитель замужних женщин,
Будет любить сильнее
Всё тех же замужних женщин!

1923

<РАЗРОЗНЕННЫЕ СТИХИ>

Я потерял бы душу вновь,
Когда б она была живая.
Гляжу на дымную любовь
И только головой киваю.

1924

Как пепел, небо догорает
И гаснет розовая кровь.
Так постепенно умирает
Едва расцветшая любовь.

Я знаю, мы в воде не тонем,
Не гибнем в огненном кольце,
И лучшую любовь хороним
С улыбкой светлой на лице.

Нас смерть не сможет захлестнуть,
И труп любви мы не погубим,
На нем так сладко отдохнуть,
Ведь не любя мы всё же любим.

1924

Страшный доктор (Подражание «детским» стихам)

Клетки под столом стоят —
Режет доктор собачат,
Банки на столе стоят —
Режет доктор лягушат,
Пилки, ножики лежат —
Пилит кроликов, мышат.
То распилит пилкой
Жилку,
То заглянет в ухо,
В брюхо,
Сердце вытянет, живот,
Мушке голову свернет.
То себе наморщит лоб,
Смотрит в трубку — микроскоп.
Вдруг надумал, запер стол
И по улице пошел, —
Всех безруких и безногих
Собирает на дороге.
А пришел назад в свой дом,
Вывеску прибил гвоздем:
«Доктор Меди-Санко-Трут
Принимает тут,
Всех бесплатно,
Аккуратно.
От ворот направо вход». —
Что-то мастерит и ждет.
К стенке ящички пристукал;
Здесь в коробках ноги, руки,

Там животики, носы,
Уши, бороды, усы.
Вот идут к нему калеки,
Все кривые человеки,
Все немые,
И глухие,
И хромые,
И слепые.
Начал доктор их чинить,
Переделывать, винтить.
Каждый доктора боится, —
Страшновато тут лечиться.
Вышел из толпы калек
Длинноногий человек:
— Так и так, без всякой лжи
На себе ты покажи.
— Надо доказать ему,
Даже голову сниму. —
Голову-то открутил,
А приделать как, — забьл.
Вот увидел это Гришка,
Прыгнул, подбежал вприпрыжку,
Да под мышкой с головой
Поскакал по мостовой,
Голову закинул в сад
И жует свой виноград.
Под руку попалась птичка, —
Гришка р-раз, сломал, как спичку.
Перепутал доктор части, —
Вот так здрасьте! —
— Тот, кому идти вперед,
Тот назад совсем идет,
У другого нос с комод
И толстеннейший живот.

<РАЗРОЗНЕННЫЕ СТИХИ>

Третий маленького роста,
А теперь — ну дылда просто.
А учитель вместо бэ
Тычет вовсе не на бэ,
Даже азбуку забыл,
Будто сам и не учил.
А один идет рукой,
А один глядит ногой,
Вместо носа закорючка,
В ухе — письменная ручка.
Тетя Катя стала дядей,
Дядя Петя тетей Надей.
Все прохожие с испуга
Давят, лезут друг на друга, —
Гришка сам теперь не рад, —
Ну какой тут виноград!

<1929—1930>

ПЛОДЫ

Нет, не уныние сплошное —
Осенний желтоватый зной.
Плодовой ласковой порою
Мир с ласковою кожурой.

Спектр подобрать по семицветам
Для глаза смелого простор.
Не составляется ль при этом
И лучший вкусовой подбор?

Иль признак одного отлива,
Ну скажем, цвет лиловый взять —
Так свекла, баклажан и слива
Себя позволят сочетать.

1934

<РАЗРОЗНЕННЫЕ СТИХИ>

Не бойся тех, кто на большом посту,
Но бойся человечью мелкоту!

<НЕ ПОЗДНЕЕ 2 АПРЕЛЯ 1936>

Книга стихов

1923—1933

<Обобщенные фразы>

* * *

Сперва надо знать, что надо знать, чтобы знать,
И только потом судить о вещах, знаниях и талантах.

* * *

Интересно услышать обо всем, о чем не говорят,
А не говорят, прежде всего, о том, что вообще
о чем-то не говорят.

* * *

«Неугодный» — это еще далеко не значит «негодный».

* * *

Желал бы ты сам своими пальцами брезгливо потрогать
Тот череп, пуговицу и четыре кости,
Что останутся навсегда от тебя?

* * *

Интеллигент сделал не свое дело —
Интеллигент не может уйти.

* * *

Револьвер, кулак и ругань
Не обязательны для <моего> друга.

* * *

Если в городишке сносно слаженный духовой оркестрик
пожарников, —
Значит в городишке благополучно по части пожаров.

* * *

«Переоценки ценностей» в конце концов приводят
к недооценкам ценностей.

* * *

Всё подчинено первобытной психике человеческих возрастов.
И философия чередует: «всё течет», «всё недвижимо»,
«всё повторяется»... и т. д.

1924

Часы

Самая страшная из вещей — часы,
А я зачем-то на них надеюсь.
«Сейчас или никогда» — вот как должно «приспичить»,
Чтоб захотелось ухватиться за каждый текущий час.
Желаю побеждать и времена и пространства,
А, извините, обедаю ежедневно в обеденные часы.
Или ты, или я, или каждый девятый
Служим тайными рассыльными у стенных часов.
Как же мы разоткровенничаемся в наших страстях?
Как же мы разоткровенничаемся в наших страстях?

1924

На рыжеватом глянцевоm картоне
Остался я ребенком навсегда, —
Простейшим способом, почти домашним,
Над временем достигнута победа.
Я узнаю себя и вспоминаю,
И провожу по плоскому картону,
Досадуя, что время без объемов
И не за что фигурку обхватить.
Мне пять-шесть лет. О чем тогда я думал? —
Мудреного, наверно, ничего.
Но этот мальчик — я. Я — весь отсюда.
Фотограф долго двигал свой треножник,
Потом меня зажал понеудобней
В суконные тиски колен отцовских,
Заманивая всеми чудесами.
— Спокойненько, на стеклышко смотри,
Моргнет, и выпорхнет оттуда птичка.
Ну, — раздватри... —
Фотограф стеклышко свое заставил,
Сняв колпачок, раскланяться со мной
И снова крышку на стекло напялил.
А я стоял «спокойненько» и просто,
Сосредоточенно и грустновато, —
И не сказал: — А почему без птички? —

1925

Пейзажи

Бывает подлая погода:
То облаглют облака,
То солнцу предстоит работка,
То каплет дождь исподтишка.

Чтоб за тепло взять подороже,
Припрячет свой товар весна,
Покроется гусиной кожей
Речушки голая спина.

Вода спокойна между гор,
И если постучать по глади,
То звякнет жестью гладь озер
И звон замрет на водопаде.

Жесть прорвана невядалеке, —
Озера переходят в реки,
И водопады налегке
Спешат вдогонку дровосеку.

Кому вы кланяетесь, тополя?
Всякая благодарность — временная благодарность.
Временное спасибо, временное спасибо.

Сны восхвалялись не одним поэтом,
Хотя на сон уходит треть всей жизни.
Проснусь и сразу за окно смотрю,
Как ведут себя деревья. —
Вот оторвался от куста цветок
И почему-то вниз не полетел.
Ах, это — бабочка, цветок левкоя,
А сам левкой под бабочку цветет!

Какой редчайший сброд деревьев!
Всё выше человеческих голов, заборов, крыш
осыпано листьями.
Не различишь ни одной веточки-прикрепки,
Сами висят, придерживая друг друга.

На тополя, на ясени
Живущие глядят, —
И чем пейзаж прекраснее, —
Бессмысленнее взгляд.

1926

* * *

Человек может быть и одинок и заброшен.
Но возле одинокой машины предполагается человек.

* * *

Женщина должна уметь недомыться.

1926

Хитрит с людьми природа, соблазняя
Простыми наслаждениями любви.
И разве о потомстве рассуждают,
Подругу угощая сладким чаем
И покупая сласти и бисквит?

Нередко только для житейских выгод
По глупости спешат детей рожать.
Родители начнут зрочками двигать,
Когда сынок, тряхнув наследной книгой,
Прикрикнет: — Мама, ты дрянная мать. —

Вот жизни выверенные эскизы:
Кудряшки — зубки — тряпки — молоко —
Абэвэгэ — штаны — в пехоту призыв —
На службу в девять — бланки — пиво — визы, —
А вот уже везут тебя шажком.

И как сознаться жизни ни приятно
В своей обыденности бытовой, —
Чужие человечки мне заняты, —
И большинство лишь на словах развратно...
Не дам простой любви хитрить со мной!

1926

Интеллигенты

Быть молодым достаточно забавно,
Хоть молодость до наглости труслива.

- Один из молодых людей похвастал
Таким своим любовным приключеньем:
— Не вовремя домой вернулся муж, —
И впопыхах за шкаф шмыгнул любовник.
Муж медленно на гвоздь пальто повесил, —
Привычный поцелуй в щеку. А дальше,
Он дальше, разминаясь, сел, поёрзал,
Потом он к полке книжной потянулся,
И с полки вытянул зеленый том.
Перелистал...
— Надюша, хочешь, я прочту стихи? —
Жена — опасливо, притворно, строго:
— Какие тут стихи? Еще что вздумал! —
— Э, нет, не говори, — смотри какие.
Теперешних, конечно, не читаю,
А Лермонтова, Кольриджа, Кольцова, —
И музыка, и смысл, и красота.
Прислушайся, какая красота!.. —
И строчку отчеканил с выраженьем:
— Печальный демон, дух изгнания... —
И дальше всё подряд, за строчкой строчку.
А даже малограмотный смекнет —
На «Демона» уйдет не меньше часа.
«Зашкафник» — дух изгнания печальный —
Прослушал профессиональным ухом
Классических стихов несложный ритм.

Наверно, в жизни это первый случай —
Ему пришлось прослушать со вниманьем.

Жена нарочно звякала стаканом.
Муж, до конца поэму дочитав,
Том отложил, непринужденно встал.
— Прекрасные стихи. Теперь придется
С небес спуститься на кривую землю. —
И вышел в кухню, с чайником возиться.
«Зашкафник» — дух изгнания печальный —
Конечно, улучив момент, сбежал.
И всё ж недолго размышлял любовник,
Что означает неурочный «демон»? —
Ничем себя при всех дальнейших встречах
Не выдал мстительный интеллигент.

1923

Семидесятники

Пресытился и властью и раздумьем
О правде, боге и простолюдине
Бунтарь из образованных дворян.
Но нет опоры у интеллигента, —
Ослаблен классовый инстинкт и вера;
За помощью, за силой шел к солдату
Житейские инстинкты подбодрять.
Нетрудно мозг растормошить солдатский, —
Достаточно напомнить о деревне:
Оброки, нищета, шинки, сивуха
И зависть-месть к помещичьим лесам.
Нет, заговор совсем не безнадежность:
Одни примкнут к ближайшему начальству,
Другие сами, по нужде крестьянской,
А третьи — бойкий заводской народ,
На правых флангах те же командиры,
Полковник приказал: — Свергай царя! —
Но царство не дается, а берется, —
Бывают деловыми и цари.
Инстинкт невежества, инстинкт надежды —
Всё наглой властью <было> учтено.

1927

* * *

Арифмометр изобретен. А рифмометр?

* * *

А время идет, нисколько не интересуясь,
Успеешь ли ты выполнить начинанья свои.

* * *

Одни подменяют диалектический дипломатическим,
Другие философию фаллософией или афоризм аферизмом.

* * *

Только всё частное изменчиво (в движеньи),
Всё основное в мире неизменно.

* * *

О невозможном существовать
Нельзя было бы и мыслить и мечтать.

* * *

Не понимать свои выгоды, свои потери —
Так это же глупость, по меньшей мере!
Глупость иль подлость? Что почетней?
Пожалуй, согласятся и наши отцы
Про все времена, не только про каждое сегодня:
Большие люди, — можно сказать, — большие подлецы.

1923

Древняя мудрость (Повторение)

Приходит к раввину бедный еврей:
— Помоги мне, ребе, в беде моей, —
Живем мы в чулане, — бог не помог, —
Два шага до стенки и два поперек.
У нас, — сам знаешь, — сколько душ, —
Счастливый я дед и отец и муж, —
Повернуться негде ни мне, ни дочерям, —
Посоветуй, ребе, что делать нам. —

Раввин подумал, локшен жуя,
Спросил: — А где корова твоя? —
— Корова моя стоит на дворе,
Но что о корове, — негде жить детворе. —
И ребе ответил: — Левиафан,
Поставь корову к себе в чулан. —
— Ой, ребе, меня ты не понял, — я сам
В своем чулане складываюсь пополам. —
А ребе сказал: — При чем тут гевалт?
Иди, делай, как я приказал. —
А когда говорит мудрый раввин,
Нельзя перечить — выход один.

Стоит корова лбом к углу,
То Фирин, то Хайкин куток займет на полу.
Приходит к раввину еврейский старик,
Теребит в прихожей лбом половик.
— О, ребе, но стало ведь хуже, тесней,
Помет прилипает к бороде моей. —

А ребе подумал, а ребе сказал:
— А есть ли у тебя хоть одна коза?
Поставь и козу в твое жильё,
Совсем не так плохо дело твое. —

У еврея, конечно, выход один —
Устроил козу на крышках корзин.

Бежит к раввину через несколько дней
Совсем очумелый старый еврей:
— Не могу я, ребе, больше терпеть,
Осталось мне, ребе, одно — умереть! —
Вытер раввин еврейскую слезу,
Сказал: — Из коморки выведи козу. —
Выгнал козу из чулана еврей, —
Стало в чулане, конечно, свежей.
Раввин еврею тогда в упор:
— Теперь коровенку выставь на двор. —

Примчался к раввину через несколько дней
Довольный и радостный старый еврей:
— О, ребе, мудрость святая на твоём лице, —
В чулане моем, как в Абрамовическом дворце.

1927

Плакат

Кто курево и водку бросил, —
Сберег для дела серебро сил.

* * *

Всегда найдется извратитель,
Кто даже «грызть гранит наук»
Поймет с тупоголовьем слуг:
— Грызешь гранит? Ах ты, вредитель! —

1927

Стоит кувшин,
Будто кот сидит.
От известных причин
Молоко съел в кредит.
Вот и чайник рядком —
Безнадежный верблюд:
И крышка горбом,
И воды в брюхе — пуд.
А вот нож-тонкорез,
Ловче глаз раза в три,
В хлеб по пояс влез,
Смотрит, кто там внутри.
Пьянчуга-стакан, —
Эх ты, старый бандит!
Из беглых крестьян
В яме блюда спит.
Каждый крашенный стол,
Каждый тихий дом
Не туда забрел,
Говорит ропотком.

1927

Соблазн

Ну что тебе стоит произнести вместо «нет»
всего два звука — «да»!
Короче даже, звучнее, радостнее даже.
Ну что же ты? Поддакивай, поддакивай, не стесняйся
И через год будешь на должность гения назначен.

1927

* * *

Вставлять суетливо оконные рамы,
Чтоб через несколько месяцев их выставлять.
По этой достаточно сложной программе
Живет человек. Где ему рассуждать?!

1927

Приятель

Интересуешься ты что-то слишком мной, —
Догадываюсь я, — ведь ты следишь за мной,
Предатель дорогой, — приятель мой.

1927

* * *

Хотя бы коротко, хотя бы строчкой,
Но зафиксировать, оставить след
Своих желаний, убеждений, жалоб.
Вот для чего стихи необходимы
Во времена печати затрудненной.

1927

Потом окажется всё очень просто, —
Я не был даже и своеобразен,
А выражал собой такой-то слой,
Сословье, группу общества людского.

(Пусть даже так. Но я-то сам не должен
Кого-то там в себе подозревать.
Творцу необходим самообман,
Что труд его, по меньшей мере, новость.)

И даже вовсе не опережал,
И гордость одиночества напрасна, —
А просто вовремя мой современник
Был занят чем хотите, но не мной.

«При жизни воздают за угожденье,
А после смерти за непримиренье», —
Так фразой общей о законах жизни
Полицемерствует обществовед.

1927

Нарочно выбираю стих
Привычный, значит — и бесспорный, —
Поменьше в слове задирих,
Побольше правды беспризорной.

Наш покупатель — только свой,
Юнец — наивностей захлебник.
Я вряд ли попаду живой
В рекомендованный учебник.

Но есть и у меня тетрадь —
Архив — семейный многолеток.
Как о себе не собирать
Рецензий, вырезок, заметок!

Смерть и бездарник-современник
Всегда поэта теребят:
Одно сплошное оскорбленье
Без права защищать себя.

1926

* * *

Яйцом куриным и коровьим маслом,
Питающими человеческий мозг,
В конце концов и создаются в мире
Великие и всякие дела.

* * *

И «чорт меня дернул родиться с душой и талантом».
Не сто́ит родиться ни Дантом, ни Кантом и ни фабрикантом.

* * *

Разреши мне, Справедливость, немного поподличать!

* * *

Не знаю почему, но если при прощаньи
Недопрощаешься, — что-либо помешает, —
То непременно встреча предстоит.

* * *

Всякое последнее оказывается предпоследним.

* * *

Досадует нередко кто к судьбе пострже,
Что жизнь ему не вовремя дана, —
На тридцать лет бы раньше или позже, —
А то на срок его приходится война
Иль доморощенная тишина.

* * *

На вопрос: — А ты откуда? —
Сказать не худо: — Отовсюду.

* * *

Не всякий научный сотрудник — наученный сотрудник.

* * *

Собиратели изящных книжных изданий
Обычно не блещут сущностью знаний.

* * *

Форма обобщенной афористической фразы —
Одно из желаний побеждать времена и пространства.

* * *

Человек — это звучит почти как «чиновник».

1928

Ко мне заходят вечерами дети.
Я угощаю их, шучу, вожусь.
Девятилетний сын моих соседей,
Засовывая мармеладки в рот,
Подумав, глуповато мне признался:
— А мы хотели, чтоб ты, дядя, умер, —
Тогда забрали б мы твою кровать,
Твои конфеты, — всё бы нам осталось. —
Я ничего, конечно, не ответил.

1928

Ей крикнули: — Скорей воды,
С хозяйкой плохо... —
В ответ — обычное: «чичас».
Засуетилась в кухне Феня, —
В стакан забулькала вода.
Но как подать стакан без блюдца?..

Покамест Феня терла блюдце,
Успела барыня очнуться.

1928

В определенном возрасте у всех
Жизнь делается всё скучнее,
Глаза угодливее и добрее.
Словхатишься и проклинаешь всех
За молодость, за глупость, за лицо
(Как раз за то, в чем личной нет заслуги),
А сам-то я в подруге или друге
Ищу сперва приятное лицо.

1928

Решившим дельно раз и навсегда,
Что без начальства мир не существует,
Намного облегчен житейский труд.
Они на стороне любых правлений,
Всех комендантов и секретарей.
Не всё ль равно — у всякой власти хлеб,
Бифштексы, привилегии и деньги.

1928

* * *

Государственные преступники всех стран, соединяйтесь!

1928

Ночь

Что творится у цикад, —
По ночам не спят — свистят?
Хлопотливы, высоки
«Полицейские» свистки.

Что у них? Быть может, сплошь
Пьянка иль ночной грабеж?
Как у них поставлен сыск,
Разрешается ли писк?

Средь полей, кустов и трав —
Непрерывный телеграф;
Морзе знает назубок
Среднеграмотный сверчок.

Кто сказал, что соловей
Распеваает для затей? —
Есть мыслишко у ручья,
Есть она у соловья.

Слушайте его причмок!
Хоть бы кто-нибудь помог
Разобраться соловьям
В расшифровке телеграмм.

Может быть, луна — судья
Для ручья и соловья?
Не был первый простаком,
Кто луну сравнил с лицом.

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН

Сторож бродит без свистка.
Лай собак среди ветерка...

1928

* * *

Запрешь в общую клетку мышей, —
Мыши перегрызутся между собой.
Не лучше, не умней и у людей,
Только ярлычок приклеен другой.

* * *

Пойми меня, «судьба», «природа», «дьявол», «бог»,
И ты, «случайность», ты, удачи мозжечок, —
Лишь намекните мне предчувствием, догадкой,
Как лучше действовать — расчетливо, иль хваткой? —
Невразумительно ответила «беда»:
— Смотри кому, смотря когда. —

1928

И снова бесполезный год —
Год ожидания удачи.
Не на Пегасе, а на кляче
Плетется правдолюб-урод.

Так вот рождается когда
Потребность в «действующем боге», —
Пусть это печники, пусть йоги,
Гипотеза иль ерунда!

Бог это страх. Но страх невежду
Лишь временно продвинуть мог.
Задумана хитро надежда,
Страх и надежда — вечный «бог».

Но люди на земле живут
В борьбе сословия с сословьем,
И из соседского злословья
Свой создают верховный суд.

Возись с каким-то божеством,
Когда земное по соседству,
Испытанное также средство —
Охапка сена пред ослом.

Естественнее мысль о боге
От человеческих верхов;
А у кого начальства много,
Тому далёко до Верхов.

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО

Не может быть бог — старцем-богом.
Бог — что не осуществлено.
Невежды бог — дед-недотрога,
Бог знающего — символ... Но

Живот, варя прекрасно пищу,
Не переварит сам себя.

1928

Служаки, обыватели, пройдохи
Со мной не церемонятся — наглеют,
Романтики учуяв непрактичность.
Я им не страшен в гордости своей.
Позвольте мне им больше не позволить!
Но как же я могу? Чем буду страшен?
Мое уступчивое поколение
Всё обворовано. И каждый — трус.

1928

Все эти нищие, бездомники, бродяги,
Все неудачники, завистники, уроды —
Им предстоит сперва хвастливо доказать,
Что в их несчастьях повинны не они —
Непредприимчивость, бездарность, глупость, трусость, —
А кто-нибудь другой: злодей иль общежитье.
Лишь в редких случаях найдется между ними
Талантливый иль вождь, опередивший время.

1928

По электрической проводке
Внутри течет прозрачный ток, —
В непромокаемой обмотке
Разбавленный сосновый сок.

Растенье юга иль востока,
Ни водоросль, ни повитель
Длиной стеблей, упрямым соков
С ним не сравнится и в апрель.

Обрывок провода витого
Прочней веревки и ремня, —
Перевязать сундук бывшего
Да сдать в багаж хоть на два дня.

Что «мистикою» постигалось
И същиком начал начала,
И углублением в богов —
Доступно сети проводов:

И ясновиденье, и транс,
И передача мыслей вдаль,
Доклады, сплетни, ложь, романсы,
И завыванье, и мораль.

Электролампочка простая
Шпионкой также может быть, —
Лишь стоит в середине мая
В проводку радио включить.

Как это делают — не важно, —
Иль делается ль вообще.
Исходит ток и гул протяжный
И от людей и от вещей.

А вещи! Пусть они грязнули —
Попробуй не стирать с них пыль!
В прекрасном месяце — июле
Пыльнее всех автомобиль.

Всё оказалось слишком просто, —
Лишь электричества игрой;
Стремятся люди с малым ростом
Достать до потолка рукой...

Быть человеку одиноким,
Заброшенным — немудрено.
Но в одиночестве машину
Увидит редко человек.

1928

* * *

Способность к музыке у соловья
Не многим больше, чем у воробья.
Он отзывается высоким свистом
На свист смычковый виолончелиста. —
Я музыкаю проверял певца.

Единое в природе

Оказывается, что сахарин и тол, —
Подделка сахара и взрывчатое вещество, —
Одной породы — из угля.

* * *

Энциклопедический словарь в стихах,
В последнем счете, — верх словесных достижений;
Вершина также всех побед и слав —
Попасть своей фамилией в словарь.

* * *

Вступающим с тобой в самодовольный спор
Глушцу иль неучу иль юноше ответь:
— Я был уже тобой, но мной еще ты не был! —

* * *

Окончательно обозлен на стихи!
И, в самом деле,
Что это за несчастнейшее и неблагодарнейшее
из человеческих достижений,
Когда считается, что все имеют к нему отношение,
Кроме ближайших участников его?
Лишаю вас, стихи, всех прав на самобытное существованье!

Пьеса
1923–1926

Действующие лица

Абэ из Вэгэ.

Деж — правитель канцелярии.

Зика — дочь хозяина кабачка.

Эльм — инженер.

Нопер — фотограф.

Стуф — коммерсант.

Хацеч — инженер-изобретатель.

Шащ — большой философ.

Хфут — главный полицейонер.

Сэрп — мэр города.

Онмэль — жена Эльма.

Киз — жена Нопера.

Ж<е>дэ — главный лекарь.

Гэв — горожанин с тухлым мясом, фармацевт, предс<таватель> Лиги мирных горожан.

Бэя — прислуга.

1<-й> и 2<-й> молодые люди.

Полицейонер тайного розыска.

Женщина с отталкивающей физиономией.

Просители.

1<-й> и 2<-й> канцеляристы.

Художники.

Члены Лиги мирных горожан.

Чужестранцы — конкуренты Сэрпа.

Переводчик.

Хозяин и хозяйка кабачка.

Певец.

Музыканты.

Посетители кабачка.

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН

ГОРОЖАНЕ, ГОРОЖАНКИ.

ШПАНА<, ХУЛИГАНЫ>.

ПОЛИЦИОНЕРЫ.

<ПРОХОЖИЕ.>

<ПРОДАВЕЦ.>

<ДОКЛАДЧИКИ.>

<МАЛЬЧИК-ПРИВРАТНИК.>

Пролог

Городская площадь. За домами вид на гору. В стороне большой дом с колоннами. Среди прочих домов — дом с крыльцом и другой — с потертой вывеской: «Аптекарский маг<азин.> Фармацевт Гэв». Забор. Прохожие. Абэ в дорожном костюме; останавливает прохожих.

Абэ (к <1-му> прохожему) — Простите, — я приезжий. Скажите, где у вас в городе тут... обманывают?

1<-й> прохожий — Я?..

Абэ — Не можете ли мне указать, где у вас в городе обманывают?

1<-й> прохожий — Не понимаю. Обманывают? — кого обманывают?

Абэ — Ну вас, например. Где вообще здесь обманывают?

1<-й> прохожий — Позвольте, уважаемый, что вам, собственно, от меня нужно?

Абэ — Мне хотелось бы узнать, где у вас в городе обманывают? Вот всё, что мне нужно.

1<-й> прохожий — Что за вопрос! Извольте не отрывать занятых людей. (*Проходит, пожав плечами.*) Будто нечего делать людям.

Абэ — Нет, напротив, — у меня есть, чем заниматься.

1<-й> прохожий — Да ну вас! (*Скрывается.*)

Абэ (ко 2<-му> прохожему) — Виноват, не можете мне указать, где у вас в городе обманывают?

2<-й> прохожий (*испуганно*) — Да вы что? с какого крючка сорвались? Оставьте меня. Ничего не знаю. (*Проходя.*) Ненормальный, что ли? (*Уходит.*)

Абэ (к 3<-му> прохожему) — Горожанин, где здесь, в вашем городе, обманывают?

3<-й> прохожий (Гэв) — Обманывают? А это что? (*Трясет мешком.*) Да всякий дьявол здесь обманывает; жулик — на жулике; мошенник — на мошеннике. А вы еще спрашиваете. Помилуйте, — ничего нельзя на рынке купить, — всюду гниль подсунут. Нет, вы сами посудите, — ну разве ж это мясо? Ни за что не покупайте в лавке Стуфа. Советую вам... А потом, как можно такие слова: где здесь обманывают? Да ведь вас сразу же... (*Показывает на шиворот.*) Нет, вы посмотрите, мясо-то какое.

Абэ — Нет, это неважно, — мне бы...

3<-й> прохожий (*перебивая*) — Неважно, по-вашему, неважно, а по-нашему, так очень важно. (*Возмущаясь, проходит.*) Сам, верно, привык надувать, вот и — неважно. (*Передразнивая.*) «Неважно, неважно...» (*Скрывается.*)

Абэ пытается остановить еще некоторых прохожих. Прохожие с портфелями заняты своими разговорами — не обращают вниманья. Быстро появляются две девицы. Абэ хочет к ним подойти но, увидев, что за ними следуют двое молодых людей, — отходит. Девицы шушукаются, оборачиваются на молодых людей, потом, хихикнув, взбегают на крыльцо, — ждут у двери. Молодые люди, пройдя, останавливаются.

1<-й> молод<ой> чел<овек> — Заговорим, — пока не поздно.

2<-й> мол<одой> чел<овек> — Подожди, — неудобно. Посмотрим, — кто откроет. Во всяком случае, — (*Громко, чтоб их услышали девицы.*) — знаем, где живут и теперь нетрудно позна...

Женский смех прерывает молодого человека. Девицы сбегают вниз, — идут обратно.

1<-й> мол<одой> чел<овек> — Обманули?

2<-й> мол<одой> чел<овек> — Брось рассуждать! Не видишь, что ли? Да пусти ж ты! Поздно! Теперь не поймаешь, — удрали.

1<-й> мол<одой> чел<овек> — Как же? постучать в первый попавшийся подъезд? Нет, не может быть, что они — нарочно.

2<-й> мол<одой> чел<овек> — Да кто тебе сказал, что стучали? Ты слышал, — что стучали? Могли... просто постоять у чужих дверей, чтоб мы не посмели... У меня раз так было.

1<-й> мол<одой> чел<овек> — Проверим!

2<-й> мол<одой> чел<овек> — Проверим. Как зовут? Одну — Бэя, а другую?..

1<-й> мол<одой> чел<овек> — Не расслышал. Ну всё равно. Стучу.

Шаловливо стучат в двери, дверь распахивается. В дверях — полицейер.

ПОЛИЦИОНЕР — Входите, входите, горожане.

2<-й> мол<одой> чел<овек> — Мы... Бэя... здесь живет?

ПОЛИЦИОНЕР — Здесь, здесь этот самый Бэя. Входите.

1<-й> мол<одой> чел<овек> — Да нет, мы...

ПОЛИЦИОНЕР — Входите, входите. (*Захлопывает за молодыми людьми дверь.*)

АБЭ (*к следующим 2<-м> прохожим*) — Виноват, не можете мне указать, — где здесь в городе... правду говорят?

ПРОХОЖИЕ — Не знаем, горожанин. (*Осторожно переглянувшись.*) Шпик. (*Уходят.*)

Абэ хочет подойти к следующему прохожему.

6<-й> прохожий (Хацеч) (*подходя к Абэ, приподымая шляпу*) — Скажите, где здесь можно чисто побриться? Первый раз в городе — не знаком еще.

АБЭ — Не могу сказать, я тоже — приезжий.

ХАЦЕЧ — А, вы тоже приезжий; тоже на постройки? Очень рад. А то, знаете, — в городе, где нет знакомых, — человек

в одинаковом положении — самый близкий человек. Успели уже осмотреть город?

АБЭ — Нет.

ХАЦЕЧ — По-моему, — недурной город, но, конечно, — неимоверно запущенный; мало парикмахерских, — мало парикмахерских. А так недурной. Взгляните, например, — на то здание с колоннами. Здание замечательно стильное. Давней стройки, по всей вероятности.

АБЭ — Не нравится. Меня вообще радуют только круглые формы.

ХАЦЕЧ — Здания есть новые, с толком поставленные.

АБЭ — Вы, должно быть, — инженер?

ХАЦЕЧ — Да, вы угадали, инженер-изобретатель. А вы, простите, тоже инженер?

АБЭ — Нет, — не совсем.

ХАЦЕЧ — Ну тогда — коммерсант?

АБЭ — Не угадали. И, как мне кажется, вовсе на него не похож.

ХАЦЕЧ — Тогда извините. Где тут угадаешь — так всё перепуталось, — ничего не поймешь.

АБЭ — А что, собственно, перепуталось?

ХАЦЕЧ — Да всё.

АБЭ — Что же, собственно?

ХАЦЕЧ — Ах, какой же вы! да всё, всё. (*Меняясь.*) Вы, пожалуйста, ничего не подумайте. Я совершенно согласен с правителем и весь на его стороне. И, как видите, — приехал к нему работать. Замещаю прежнего инженера. А, по-вашему, — значит, — ничего не перепуталось?

АБЭ — Представьте себе.

ХАЦЕЧ — Ваше дело, ваше.

Появляются трое прохожих: Деж, Стуф и чужестранец, говорящий на непонятном языке.

АБЭ (*к Хацечу*) — Одну минуту. (*К прохожим.*) Где здесь в городе есть частная парикмахерская? — с дороги необходимо.

ХАЦЕЧ (к Абэ) — Как вы предупредительны. Не извольте беспокоиться. Я сам. (К прохожим, приподымая шляпу.) Да, будьте добры.

Деж и Стуф презрительно переглянулись.

ДЕЖ — С такими вопросами надо, в крайнем случае, обращаться к постовому полицейному, а не... Идем, Стуф.

АБЭ — А скажите теперь, горожане, — вы не знаете, где здесь в городе обманывают?

ДЕЖ и СТУФ (переглянулись) — Что?

СТУФ — Да, что хотите сказать?

ХАЦЕЧ (отодвигается в изумлении, приподымая шляпу) — Всё это очень любопытно, даже забавно, но... благодарю вас. (Поспешно проходит.) И если в городе так мало парикмахерских, — значит в городе вообще не благополучно. (Скрывается.)

ДЕЖ (<к> Абэ) — Кто вы такой, — что позволяете... Вы, очевидно, меня не узнаете?

АБЭ — Откуда же, горожанин? — Я — приезжий.

ДЕЖ (важно к Стуфу) — Идем, Стуф. (К чужестранцу, указывая рукой идти.)

Испытующе взглянув на дом с крыльцом, проходят. Чужестранец издает непонятные звуки. Абэ некоторое время со стороны наблюдает прохожих, прогуливается.

АБЭ (к одному из следующих прохожих — Ноперу) — Не можете мне сказать, где здесь, в городе, обманывают? Я — не здешний.

НОПЕР (быстро смекнув) — Обманывают, — это неудивительно, обманывают всюду, — а вот вы лучше спросите: где не обманывают? И тогда я вам скажу: не обманывает только фирма «Нопер-Сыновья», — фотография «Нопер-Сыновья», — чистота, аккуратность, скорость. Да и производство, — вы по-

нимаєте, — такое само по себе, что не допускает никаких обманов; фотография — натура; что есть — то и получается.

АБЭ (*вставляет*) — Это правда.

НОПЕР — Не угодно ли портретик заказать, — с вас самих, в повороте, без поворота, — как желаете, — с жены, с возлюбленной, с детишек. Приятно и необходимо каждому иметь в боковом кармане.

АБЭ — Нет.

НОПЕР — Как будет угодно. Но, если понадобится, не забудьте: Нопер-Сыновья, фотография «Правда», — улица Правителей, 100. Отсюда два шага, — ни дать ни взять.

Появляется фигура.

ФИГУРА (*полушепотом*) — Не купите, — случайные вещи, — кольца, серьги?..

НОПЕР — Какие? Ах, эти жены!.. По дороге покажете, — спешу.

Нопер спешит, потом, вернувшись, направляется к дому с крыльцом.

АБЭ (*останавливая Нопера*) — Вы, кажется, в этот дом?

НОПЕР — Фу, опять, — странный вы человек.

АБЭ — Я, правда, не знаю, кто здесь живет, — но, во всяком случае, не советую туда входить.

НОПЕР — Это еще почему?

АБЭ — Там, кажется...

В это время в доме с крыльцом открывается дверь, — конвой выводит инженера Эльма и еще нескольких, среди которых и двое молодых людей. Нопер отскакивает, конвоируемые скрываются. Дверь хлопывается.

НОПЕР — Ни дать ни взять! Эльм! (*К Абэ, трясет его руку.*) Очень, очень благодарю. Простите за недоверие. Вот видите, как

можно попасться. Можете считать меня своим должником. Вы спрашивали: где обманывают? — я вам сразу скажу. Вон! (*Указывает на дом с колоннами, шепчет.*) Там вы найдете всё, что нужно, — будьте уверены. Было бы интересно узнать, зачем вам на улице, да еще вслух, такие странные вопросы, — но не рискую задерживать, да и сам спешу, — ни дать ни взять. (*Проходит.*) Ай-ай-ай, Эльм, — за что ж его?

Продавец опять предлагает.

НОПЕР — Вы еще здесь? Покажете по дороге, — показывайте. (*С продавцом скрываются.*)

Появляется прохожий в полуформенном пальто.

ПОЛИЦИОНЕР (оглянув Абэ) — Ваш паспорт, горожанин? Паспорт ваш! — Полиционер тайного розыска.

Абэ вынимает паспорт.

ПОЛИЦИОНЕР ТАЙНОГО РОЗЫСКА (*перелистав, записав*) — Так. Приезжий? Остановились где? Адрес ваш?

Абэ — Г-м... Улица Правителей, 100.

ПОЛИЦИОНЕР ТАЙНОГО РОЗЫСКА (*записав, возвращает паспорт*) — Получите. (*Уходит.*)

Абэ, остановившись у рампы, задумывается.

Занавес.

Действие 1

Приемная фотографа Нопера. Большое окно. Три двери. Умывальник. Шкаф. Полка с фотографическими принадлежностями. На диване — Киз. Посреди комнаты — стол, на нем вино, сладости. За столом Нопер.

НОПЕР — Тогда прибежала, есть хотелось, пряталась, — выгодно было, целовалась, в любви объяснялась, слушалась; а теперь со мной противно жить стало? Я ее поил, кормил, — целуй, тебе говорю, Киз, и непременно прощенья проси, — иначе голодом морить буду! А смотри, что на столе...

Киз — Не могу, не хочу больше, уйду.

НОПЕР (*подходит к Киз*) — Ну, Киз, не сердись, ну, довольно. Мне ж обидно. Я тебе покупаю, — забочусь. (*Вынимая из кармана футляр и флакон духов.*) Вот, смотри, какие серьги, и духи пахнут как!

Киз — Не надо, — пожалуйста, отстаньте.

НОПЕР — Ну, Кизи.

Киз — Отойдите от меня. Не желаю. (*Вскакивает, хватая футляры, быстро взглядывает на вещи, потом открывает форточку, выбрасывает за окно.*) Вот тебе твои подарки!

НОПЕР (*направляется к двери, возвращается, убирает всё со стола, запирает в шкаф, ключ — в карман, берет шляпу, выбегает*) — Беги просто из собственного дома.

Пауза. Киз остановилась; потом зовет Бэю. Появляется прислуга.

Киз — Бэя, сбегайте сейчас же вниз, на улицу, поищите возле дома, под окном, под этим, коробочку такую, футляр и флакон духов, — уронила. Ну, скорей, чтоб никто не поднял.

Бэя — Коробочку? А в коробочке что-нибудь было?

Киз — Да, да. Бегите же.

Бэя выходит.

Киз (*нервничая у окна*) — Не видно.

В дверь стучат.

Киз — Ну же, Бэя, входите.

В дверях Абэ.

Абэ — Фотографа могу видеть?

Киз — Ах, его дома нет. Заказ я могла бы принять. Повремените минуту, у двери. Я — сейчас.

Абэ (*выходит*) — Виноват.

Киз — Я сейчас. (*Подбегает к зеркалу, прихорашивается.*) Можно.

Входит Абэ.

Абэ — Мне бы самого фотографа.

Бэя (*появляясь*) — Нету; баночка разбитая, а футлярчика никакого нету. Да и не под окном совсем нашла, а почти на мостовой. Вот осколок. Всякие по улицам ходят, — почему не поднять. А пахнет-то как, — на всю улицу.

Киз — Надо было торопиться, а вы — «да какая коробочка, да что там было».

Абэ — Я не мешаю?

Бэя (*шепчет Киз, указывая на Абэ*) — А вы бы их спросили. Может, подняли, — ведь входил. (*Уходит.*)

Киз (*оглядев Абэ*) — Простите, — вы, когда входили, — перед домом ничего случайно не находили?

Абэ — Кажется, ничего. (*Посмотрев на Киз.*) Нет, впрочем, как вам сказать. Вы позволите присесть, — подождать фотографа.

Киз — Заказ я могла бы принять.

Абэ смотрит пристально на Киз. Киз кокетливо оправляется.

Абэ — Простите, а вы... кто?

Киз — Как кто?

Абэ — Да, кто вы?

Киз — Я? Фотограф — мой муж.

Киз прихорашивается, усаживается.

Абэ — Я вам все-таки не очень мешаю?

Киз — Нисколько. Смотрите, чем я занимаюсь.

Абэ (*заинтересованно*) — Это у вас капор?

Киз — Да. Капор детский шью.

Абэ — У вас — дети?

Киз — Еще чего не доставало... Знаете что?.. Вам пока всё равно нечего делать, — сверните мне папиросу. Вон, на столе табак в коробке. Там и мундштук.

Абэ — Вы курите?

Киз — А что, — находите некрасивым, когда женщина курит?

Абэ — Нет, отчего же. Угостить вас хорошей сигареткой?

Киз — Мы здесь привыкли свертывать, это экономичнее и, по крайней мере, занятие. А вы, очевидно, приезжий?

Абэ — Да.

Киз — Иностранец? Вот хорошо! Я так интересуюсь иностранцами!

Абэ (*кланяется; потом*) — Если вам так хочется, — я сделаю; только, наверно, плохо.

Киз — Ничего.

Абэ (*свертывает, дает папиросу*) — Как сумел.

Киз — Заклейте ее сами... Ну да, заклейте.

Абэ — Г-м. Если хотите. Вот и мундштук.

Киз — Теперь огонь и дайте прямо в рот.

Абэ дает закурить. Остается стоять. Киз поднимает голову, — улыбка.

Киз — Вам я странной кажусь?

Абэ — Нисколько. Вы...

Киз — Ну садитесь. (*Бросает папиросу.*) Фу, раскрутилась, и надоело. Дайте сигаретку.

Абэ услужливо предлагает сигаретку. Садится.

Киз — Да, вы, кажется, говорили, что нашли что-то. А что именно?

Абэ — Да, нашел.

Киз — Нашли? У нашего дома?

Абэ — Вернее, в вашем доме.

Киз (*поняв*) — Ах так. Нет, а у дома? Случайно уронила за окно одну вещь.

Абэ — У вашего дома какой-то приятный запах, чем-то очень хорошо пахнет. Позвольте понять это как хорошее предзнаменование.

Киз — Ну, ну. А что же нашли в самом доме?

Переглядываются.

Киз (*встает*) — А теперь вот что: мне хотелось бы умыться. Подадите мне на руки?

Абэ — Умыться?

Киз — Вас, кажется, всё удивляет? Обыкновенно я прямо с постели принимаю ванну, а сегодня как-то не пришлось — еще не умывалась. Но у меня счастливое лицо, — никогда не бывает заспанным, — сколько бы я ни валялась. Согласны подать мне?

Абэ — Что я могу ответить!

Киз — Идемте к умывальнику.

У умывальника.

Киз — Мыло! ну давайте же, наливайте полней, — на пол — меньше. Так. *(Моем руки.)*

Абэ — Какие у вас руки! Мои самые любимые, — большие, белые.

Киз — Ну, ну, не говорите банальностей.

Абэ — Вы, вы... удивительная.

Киз — Опять — удивительная. Нет, самая обыкновенная. Ну, лейте еще.

Абэ — Руки!

Киз — Руки красивые? А вот взгляните... *(Показывает.)* Шрам на пальце — колола в детстве сахар и полпальца себе откромсала. Ведь некрасиво, правда?

Абэ — Дайте поцеловать вашу руку.

Киз — Целуйте, — только она мокрая.

Абэ наклоняется. В дверях Нопер.

НОПЕР — Чем могу служить? *(К Киз.)* Может быть, ты уйдешь купаться в другую комнату?

Киз — Можно. *(Выходит.)*

НОПЕР *(к Абэ)* — Чем могу служить?

Абэ — Вы — фотограф Нопер? Мы с вами уже встречались. Помните?

НОПЕР *(узнав)* — А, как же, как же. Ну, вот видите, — пригодился. Какой — визитный, кабинетный?

Абэ — У меня к вам немного сложнее дело.

НОПЕР — Прощу. С радостью.

Усаживаются.

Абэ — Мне нужно сделать несколько снимков по городу. Предлагаю ваш ежедневный заработок.

НОПЕР — Я еще не совсем понимаю, — но отчего же. Заверяю вас, наша фирма... Ну, скажем, три золотых в день.

Абэ — Многовато, но хорошо.

НОПЕР — Я еще не совсем понимаю... будьте добры повторить ваши условия.

АБЭ — Я нанимаю вас на несколько дней. Вы будете делать для меня снимки по городу и вообще где понадобится и когда понадобится.

НОПЕР — И тут, простите, нет ничего... такого?..

АБЭ — Можете не беспокоиться.

НОПЕР — Ах, что я говорю... Ну, да, ни дать ни взять. Вы приезжий, — путешествуете, — желаете сохранить в памяти, или для каких-нибудь научных целей. Так я вас понимаю. А правду сказать, — вы меня немного удивили еще на площади Науки, но потом я сразу сообразил, что знатные иностранцы иногда позволяют себе некоторые странности, и совсем не в них дело. Вообще же нам, фотографам, иногда приходится бывать в различных переделках, видеть разные виды; иногда бывают, хи-хи, даже пикантные.

АБЭ — К сожалению, ничего особенно пикантного вам не предложу.

НОПЕР — О, понимаю, понимаю. Я согласен. Когда же мы начнем? Ваш телефон?

АБЭ (*вынимает бумажник*) — Я могу дать вам вперед.

НОПЕР — Не извольте беспокоиться. Я не к тому. Успеем. Разве не видно, с кем имеешь дело? (*Кладет деньги в карман.*)

АБЭ — А когда начнем? Телефона у меня пока нет. И вообще не посоветуете ли мне найти какое-нибудь приличное жилище. Все гостиницы переполнены.

НОПЕР — Да, да. Понаехало столько на постройки-перестройки, — столько всякого сброда: инженеры, машинисты, каменщики. И всё выдумки, выдумки мэра. Вот поживете — увидите... Но вот, сударь, надеюсь не оскорбить вас. Позвольте угостить вас рюмкой хорошего вина. И с дороги необходимо, и, само собой, не мешает; «вино лучший друг всяких дел». (*Достает из шкафа бутылку, суетится у стола.*)

АБЭ — Нет, зачем же. А скажите, дама, которая здесь была, — ваша жена?

НОПЕР — Да, вообразите, — ни дать ни взять.

АБЭ — Если хотите угостить, то приятно было бы участие и самой хозяйки.

НОПЕР (*вскакивая*) — Нет, больше не могу! Вы видели эту женщину! Ах, как они себя ведут, как ведут! Виноват, может быть, вам неинтересны семейные дела и мне самому не стоило б начинать, но я больше не в силах. Как, при вас она так и мылась? Где у них эта скромность? Разврат, везде один разврат, половая суета. И всё потому, что мэр допускает, поощряет женскую свободу. Да, да. Хотя, понятно, и женщины сами не ангелы. Вы знаете, — она меня до того довела, что я вынужден, — да, да, — буду голодом морить, буду!.. Не перебивайте меня, прошу вас. Ну разве не обидно: прибежала, в любви объяснилась, — а потом «уйду», и никаких. Но всего не перескажешь. Фу-у... (*Устало замолкает.*) Так рюмочку?..

Наливает, пьют. Пауза. За окном на улице шум и музыка. Абэ подходит к окну. Нопер прислушивается, подбегает, раскрывает окно, высовывается.

НОПЕР — Ну да, так и есть — фанфары, фанфаристы! Взгляните, — мэр себя рекламирует! Опять какое-нибудь шествие, на «благо города». А вот, обратите вниманье на лица — усмешки, — замечаете, как довольны всем горожане? Так за спиной и хихикают; смотрите, — напротив в доме даже ставни затворяют. Вон сбоку, — видите?

АБЭ (*быстро*) — Сейчас же готовьте аппарат. Начнем.

НОПЕР — Что с вами сударь! Зачем это?

АБЭ — Готовьте аппарат!

НОПЕР — Ну если нужно. (*Суетливо вскакивает на подоконник, устанавливает аппарат.*)

АБЭ — Снимайте, о ком говорили. Скорей.

Нопер щелкает аппаратом.

АБЭ — Еще тех, у столба, — их лица, выраженья, — понимаете? Ну!

Нопер щелкает: «Готово».

АБЭ — Несколько снимков, всего несколько снимков. Того, кто читает объявление, руками машет.

Нопер щелкает.

АБЭ — Теперь тех трех, — синяя спина.

НОПЕР — Вон тех? — понял, понял. (*Щелкает.*)

АБЭ — Еще у забора...

НОПЕР — Всё, больше нет пластинок. Не приготовлено.

АБЭ — Ну ничего, — достаточно.

Фанфары, пенье и шум постепенно умолкают. Нопер спрыгивает с подоконника. Абэ вынимает деньги, протягивает Ноперу.

НОПЕР (*остановился*) — Нет, я не согласен. Зачем вам эти снимки? Это, может быть, очень опасная вещь, — если только я вас немного понимаю. Да и почему вам самому не заняться? У вас нет аппарата? Я вам уступлю по сходной цене, — ни дать ни взять.

АБЭ — Я же вам сказал, — вы исполняете мои заказы. Вас приглашаю, как знатока, специалиста, — нужна бóльшая ясность снимка.

НОПЕР — Я всё понимаю, но перест...

Входит Киз, эффектно наряженная.

Киз — Ноп, перестань шуметь.

АБЭ — Приготовьте хоть эти. И возьмите. (*Протягивает деньги.*)

НО ПЕР (*разводит руками, потом берет деньги*) — Придется, — не пропадать же даром. (*Махнув рукой, пряча деньги.*) А, всё равно! Я сейчас. Пять минут. (*К Киз.*) Пока поразвлеки, — знатный и с деньгами. (*Скрывается.*)

Киз (<к> Абэ) — Ах, мой муж совсем не умеет вести себя. О чем это он спорил?

Абэ — Какая вы эффектная!

Киз — Вы находите? Очень рада. (*У зеркала, спиной к Абэ, поправляет прическу.*)

Абэ — Вы... Я совсем не могу понять, как можно... Простите, но я буду с вами так же откровенен, как и вы со мной.

Киз — Да, да, пожалуйста.

Абэ со стола, где лежит капор, берет капор, прячет в карман. Киз подходит к столу, как бы нехотя берет пирожное.

Абэ — Неужели правда, — ваш муж так обращается с вами?

Киз — Например?

Абэ — Он вас, ну... заставляет голодать?

Киз (*смутившись, кладет пирожное*) — Вот глупости, — я ни в чем не нуждаюсь. А вы уже сплетничали?

Абэ — Значит это правда, что он сам говорит?

Киз — Он сам говорил, хвастал? — какая низость.

Абэ — Нет, не хвастал, но...

Киз — Ну оставим.

Абэ — За что же?

Киз — За что он на меня злится, да? Только за то, что я собираюсь его бросить. А потом, подумаешь, как интересно с ним!..

Абэ — Я придумал. Мечь.

Киз — Ого, — какой вы!

Абэ — Мечь... но, конечно, без крови и шпаг. Киз — Какую?

Абэ — Мы его разыграем. Хотите? Съедем его сладости, — всё, что на столе.

Киз — Фи, — слишком мелко.

АБЭ — Нет же: он вернется, мы все усядемся и всё уничтожим.

И прежде всего — вы; всё, всё до хвостика от груши.

Киз — Да я не в состоянии буду всё съесть.

АБЭ — Я помогу. Только вы должны всё скушать. Всё, всё, побольше.

Киз — Что вы вздумали меня жалеть? Так, наконец, я вас поняла. Пожалуйста, без жалостей. Терпеть не могу!

АБЭ — Нет же.

Киз — Ну хорошо, — будем мстить.

Шаги у дверей.

Киз (*шаловливо*) — Вот сейчас.

Появляется Бэя.

Бэя — Бумага из полиции.

Киз — Из полиции? (*Пробегает глазами бумагу.*) Нет, такого не знаю, не живет. Абэ? — нет, не знаю такого. Справка из полиции о каком-то... (*Читает.*) Абэ из Вэгэ, 34<-х> лет, холост, — сообщить, проживает ли в доме и почему не записан в книгу. Может быть, в другой квартире?

Бэя — Не слыхала.

Входит Нопер.

НОПЕР (*несет снимки*) — Вот; сейчас пообсохнет.

Киз (<к> Ноперу) — Ты не знаешь какого-то Абэ? — прочти.

НОПЕР (*пробежав глазами, <к> Бэе*) — Скажите, нет такого, и дело с концом.

Бэя выходит.

АБЭ (*улыбаясь*) — Это я.

НОПЕР — Как?..

АБЭ — Это я. Не хочу вас дольше беспокоить.

НОПЕР — В чем же тут дело?

АБЭ — Ничего особенного. Вы тогда, на площади, дали свой адрес. Какому-то полицейному вздумалось меня спросить. — Подвернулся ваш адрес...

НОПЕР — Немного неосмотрительно с вашей стороны. Но не сомневаюсь в вашей порядочности.

Киз (<к> Абэ) — Почему ж вы дали именно наш адрес?

АБЭ (*взглянув на Киз, лукаво указывает на сердце*) — Что-то подсказало. Да.

Киз — А может быть, опять предзнаменование какое-нибудь хорошее? (*Кокетливо.*) Во всяком случае, — мы теперь, как следует познакомились, Даже узнали и такие подробности, как лета, семейное положение. Абэ из... Вэгэ, — 34<-х> лет, холост; а вот чем вы занимаетесь — не сказано.

АБЭ (*затнувшись*) — Путешественник.

Киз (*к Ноперу*) — Ноп, как же ты не догадался раньше узнать хотя бы имя сударя Абэ. (*К Абэ.*) Очень приятно.

НОПЕР — Не мешай, Киз. Сударь Абэ сам всё расскажет. (*Дает снимки.*) Как находите все подробности, лица?

АБЭ — Отлично.

НОПЕР — Ну вот видите. Фирма Нопер...

АБЭ — Не продолжить ли нам? (*Указывает на стол.*)

НОПЕР — Само собой, ни дать ни взять. (*В сторону.*) Компанейский.

АБЭ (*лукаво к Киз*) — Вы, как хозяйка, позволите?

Киз — Да, очень прошу. (*Садится, иронически поглядывая на Нопера.*)

НОПЕР (*останавливается; потом, меняясь*) — Киз, и ты хочешь? Ну да, — само собой. (*Наливает.*) Вот вам, сударь Абэ. Вот, Киз, тебе.

Абэ и Киз разочарованно гримасничают.

Киз — Ну, налей полрюмки.

НОПЕР — Зачем же пол — целую, целую.

Киз — Расхотелось.

Абэ — Нет, вы всё-таки...

Киз (*тихо*) — Уже неинтересно.

НОПЕР — Ну, пьем.

Чокаются. Пауза. Абэ уплетает сладости.

Абэ — Скажите, заказов у вас много?

НОПЕР — Эх, какое там! Ну кто сейчас будет интересоваться фотографиями? Нет, неважно идут.

Абэ — Хотите разбогатеть?

НОПЕР — Кто этого не хочет! Я очень благодарен за заказы, но вы ведь скоро уедете.

Киз — Жаль.

Абэ — Я бы остался и дольше, — но у меня нет пока удобного жилища. И даже, знаете, нет никого. Приехал и... (*К Киз.*) Представьте, — во всем городе не мог найти ни одной комнаты.

НОПЕР — Помилуйте, — мы так стеснены. Всего три комнаты!

Киз (*к Ноперу*) — Ноп, у нас же есть, с розовыми обоями, где была твоя лаборатория. Можно ведь?

НОПЕР — Нет же, там грязь, неубрано.

Киз (*наклоняясь к Ноперу*) — Тебе же выгодней.

НОПЕР (*тихо <к> Киз*) — И тебе, кажется.

Киз — Оставь, пожалуйста.

НОПЕР (*шепчет Киз, потом громко*) — Ну, уговорила. (*К Абэ.*) Хотите оставайтесь у нас?

Абэ — Вас не стеснит?

НОПЕР — Нет, нет, напротив, всё взято на видеоискатель, и смотрите, будет удобно; зачем далеко ходить. — Вы из своей комнаты: «Нопер, вы готовы?» — я говорю: «Готов». И пошли делать снимки. Эта комната — (*Указывает на приемную.*) — проходная, — общая, а вот дверь в вашу. Об условиях, само собой, сговоримся. Да и потом, — помните, я, как тогда сказал, — ваш должник...

Абэ — Признателен.

НОПЕР (*указывая на Киз*) — Ее, ее благодарите.

Абэ кланяется.

НОПЕР — Значит вы согласны?

Абэ — Значит и вы согласны? Перестали сомневаться?

НОПЕР — В чем? (*Вспомнив.*) Ах, да, да. Надо было бы, само собой, выяснить подробней, — это правда. А то, знаете, как же приступить, если не знаешь самой сути?

Киз — О чем ты толкуешь, Ноп? Кажется, уже всё ясно, — Абэ будет жить у нас. Ведь правда?

Абэ — Можно задать вопрос: а что такое «правда»?

НОПЕР — Правда — это... Вот вам и на, не знаю. А моя же собственная фотография называется «Правда». Да, и нет просто времени раздумывать над такими...

Абэ — «Фотография — натура, что есть — то и получается», — ваши слова. А что же такое «правда»?

Киз — Ой, какие вопросы! До чего договорились.

Абэ — «Правда есть фотография события». Не так ли?

НОПЕР — Допустим.

Киз — А зачем вам? Только к чему вообще правда? Даже, по-моему, часто неправда лучше всякой правды; а иногда — просто лень врать, а еще вернее, так это: для кого — правда, а для кого — неправда. Я часто замечала. А правда — просто скука. (*К Абэ.*) А вы всегда говорите правду?

НОПЕР — Вот они, эти женщины, послушайте, что она говорит: зачем им правда? (*Мотает головой.*)

Абэ — Как, например, доказать кому-нибудь, убедить? — «Сфотографируй событие» — скажешь правду, — всё будет наглядно, беспристрастно. Ведь если это использовать, то ваша профессия может быть самой популярной.

НОПЕР (*вскакивает*) — Bravo, bravo. Правильно, правильно, согласен, — ни дать ни взять. «Правда — есть фотография события». Вы философ. Вам, обязательно, надо как-нибудь побеседовать с Шашем. Есть в городе такой умный чело-

век — большой философ. Многие горожане с ним советуются.

Киз (<к> Абэ) — Бедный, вас, наверно, кто-нибудь в свое время очень и очень обманул. Это очень трогательно.

НОПЕР — Ну, ура!

Пьют; оживление; весело. Стук в дверь. В дверях Онмэль — в трауре.

Киз (*встает*) — Онмэль, милая...

Все притихают.

Онмэль (*подходя*) — Не помогает, ничего не помогает.

Киз — Это ужасно, похудела, милая.

НОПЕР (*целуя руку Онмэль*) — Не отчаивайтесь, детка, главное не отчаивайтесь. Онмэль Эльм, — сударь Абэ. (*Знакомит; к Абэ*.) Муж-инженер арестован и кажется... нет надежд. Да вы его видели, при вас его выводили.

Онмэль садится. Неловкое молчание.

Киз — Немного выпьешь? Забудешься? Я налью.

НОПЕР (*к Онмэль*) — Какие же всё-таки подробности?

Киз — Не приставай, Ноп.

НОПЕР (*к Абэ*) — Не пройти ли нам? Покажу вашу комнату. (*Тихо.*) Не будем им мешать, не по настроению; они пусть сами выплачутся. (*К женщинам.*) А вы пока посетуйте на нашу грустную, грустнейшую жизнь.

Нопер и Абэ уходят.

Киз (*хочет развлечь подругу*) — Онми, я уже почти сшила капор. Показать? Чудесно вышел, будет к лицу твоему Лоэку. (*Ищет.*) Да где капор? Куда положила? Здесь был. Ну, Онми, куда я положила?

Онмэль — Успеем, не до капора теперь.

Киз — Онми, так же нельзя. Где капор?

Онмэль — Не суетись, Кизи, потом найдешь.

Киз — Хорошо, если так. А тебе нравится мой новый знакомый? Правда, приятный? А главное, — он очень вовремя.

Как по-твоему, правда, мне пока не стоит бросать Нопа?

Онмэль — Я же не знаю.

Киз — Как тебе не совестно. Я понимаю, конечно, твое горе.

Нет, — ты посоветуй, — этот Абэ, — ты знаешь, я, кажется, сразу влюбилась. И я ему уже нравлюсь. Он у нас будет жить, Ноп при нем не будет изводить меня, — и потом, он, кажется, очень состоятельный. Если б я сейчас ушла, — то куда я пойду? А в случае, если уйду... Поняла? А пока будет всё по-прежнему: ты будешь к нам приходить, мы с тобой будем капоры шить. Я уверена, что и остальное кончится благополучно. Я остаюсь, — решила. А если захочешь когда-нибудь, — будет грустно, — я тебе буду уступать Абэ. А?

Онмэль — Нет, Кизи, спасибо.

Киз — Ты у меня скромница. Но нельзя вечно... А-то совсем закиснешь.

Онмэль (*достает из сумки сверток*) — Кизи, нас еще ограбили. Спрячь это где-нибудь у себя. Я принесла; ведь я одна теперь во всем доме.

Киз — А это не опасно?

Онмэль — Я бы тебя никогда не подвела.

Киз — Хорошо. Только куда их деть? В стол? — нет. В шкаф? —

А вот куда-нибудь сюда, — никто не полезет, — такой хлам. (*Роется на полке, где сложены старые запыленные фотографические принадлежности.*) Фи, пыль какая. Куда же засунуть? Нашла! Вот старая камера, — самое подходящее. (*Открывает запыленный аппарат, засовывает сверток.*) Ну вот.

Онмэль — Спасибо. Теперь, по крайней мере, буду меньше беспокоиться.

Киз — А какие вещицы?

Онмэль — Да мои брошки, кольца, — самое ценное.

Киз — Вообрази, милая, — я сегодня так глупо потеряла новые серьги. Ноп подарок сделал.

Появляется Нопер и Абэ.

НОПЕР — Ну вот, они и разговорились.

Киз — Ноп, ты не знаешь, куда девался капор? Я шила.

НОПЕР — Знаю.

Киз — Ну где?

НОПЕР — Ни дать ни взять, — я надел его на голову и вышел в нем гулять.

Киз — Нет, серьезно спрашиваю.

НОПЕР — На что мне твой капор! И если ты будешь ко мне придирааться, — я всё брошу и буду ухаживать за вами, Онми.

Киз — Бросай. А я здесь останусь. Онми, хочешь, чтоб Ноп за тобой ухаживал?

Онмэль — Ах, Киз, оставь. Ко мне и так пристаёт Деж. Мне же не до этого.

НОПЕР — По-прежнему, этот Деж!

Онмэль — Ну, Кизи, я пойду. Лоэка нельзя одного оставлять.

НОПЕР — Я провожу, само собой. А ты, Киз, пока устраивай Абэ.

Онмэль целуется с Киз, прощается с Абэ.

Киз (к Онмэль) — Не задерживаю. Знаю, что тебе нельзя, — ты не сердись.

Онмэль направляется к дверям, вдруг рыдает.

Киз — Онми, Онми, милая, тебе тяжело, — нельзя так. Оставься.

Онмэль — Нет, я должна идти.

НОПЕР — Успокойтесь, детка. Я вас провожу.

Киз — Успокой ее, Ноп.

Нопер и Онмэль выходят.

Киз (к Абэ) — Вообще — истеричка. Бедная, мне ее жалко. Мужа страшно любит, — он арестован. Ну довольно неприятностей! Вам нравится ваша комната? — Остаетесь? Довольны?

Абэ — Вы, вы удивительная.

Киз — До сих пор всё удивляетесь, — и ничему не радуетесь? Да?

Абэ — Нет. Я даже, кажется, начинаю...

Киз — Ну что, продолжайте...

Нопер впопыхах возвращается.

Киз — Ноп, уже? Ты ее пустил одну?

НОПЕР — Да нет же! Она ждет внизу. Аппарат, аппарат хочу взять.

Киз — Зачем? какой аппарат?

НОПЕР — На всякий случай. (К Абэ.) По вашей идее. Ну, некогда, — Онми ждет. Скоро вернусь. (Убегает.)

Киз (Продолжая прерванную сцену.) — Так что вы хотели сказать?

Абэ молча приближается к Киз.

Киз — Вы хотели сказать, что влюбились? Да?

Абэ — Да.

Киз — Значит, хотели б, чтоб я была вашей? — сейчас, сию минуту?

Абэ (после короткою молчанья) — Да.

Киз (меняясь) — Фи, так не отвечают.

Абэ — Почему? Я же сказал правду.

Киз — Вот и плохо. Оставьте, не подходите.

ФОКИФОН

Небольшая пауза. Киз отходит.

НОПЕР (*появляясь*) — Ну что я могу с ней поделать? Не желает, чтоб я провожал. Да и потом, прежде всего, не могу же я оставить нашего гостя. (*Указывает на Абэ.*)

Киз — Фи, Ноп, как не стыдно!

НОПЕР — Раз дела, так дела! (*К Абэ.*) Не правда ли? Но зато... Вы понимаете, идем, вдруг встречаем — знаете кого? — Дежа, — правителя канцелярии — вдрызг пьяный. Я его щелк... (*Ударяя по аппарату.*) Не знаю, это вам пригодится?

АБЭ — Очень хорошо.

НОПЕР — Ну вот видите...

Занавес.

Действие 2

Сцена разделена на две части. Стена — перегородка. Большая закрытая дверь. Вторая сторона — приемная. Горожане-просители сидят, толпятся, ожидают. Дверную ручку держит мальчик-привратник. В приемную — две двери. Первая сторона — кабинет мэра. Сэрп за письменным столом, подписывает бумаги. Секретари суетятся, — докладывают. Докладчики ожидают своих очередей. В стороне художники; главный полицейский. За сценой всё наполнено ритмической музыкой — стуком пишущих машин, выкриками «Стоп!» и ритмическим гулом диктующих.

Первая сторона.

СЭРП — Размеренность, методичность, знание, самоотвержение, вера в себя, только в себя, настойчивость, смелость — быстрота — натиск — победа... Докладчик по торговле.

ДОКЛАДЧИК ПО ТОРГОВЛЕ — План выполняется, сношения завязываются.

СЭРП — Ни одного медяка лишнего. Все средства хороши. (*Докладчик уходит.*) По благоустройству.

ДОКЛАДЧИК ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ — Всё благополучно. Читается, строится, налаживается, ремонтируется. (*Уходит.*)

СЭРП — План железнодорожного моста.

ХАЦЕЧ (*по привычке тянет руку к шляпе*) — Вот, горожанин мэр, почти разработан.

СЭРП (*взглянув на план*) — Нет! Проще, проще, Хацеч. Взгляните сами — чего только не наворотили. Можно и нужно гораздо проще. Ну к чему эта свая? Срочно переработать под страхом строжайшего наказания за недобросовестность.

ХАЦЕЧ — Иначе нельзя, горожанин мэр.

СЭРП — Вздор! Всё можно! Думайте!

ХАЦЕЧ — Кстати, горожанин мэр, могу представить проект оборудованья автоматических парикмахерских. У меня есть проекты. Или вот, например, простая ручка, или чернильница, — а вы знаете, что можно из них сделать? Из ручки можно кисточку для бритья, или зубочистку, а из чернильницы — пуговицу.

СЭРП (*рассерженно*) — Какие там парикмахерские! Делайте мост. (*Ухмыляется.*) Ха-Хацеч.

Хацеч уходит, по привычке приподымая шляпу. Все услужливо подхватывая слово «Ха-Хацеч», — передают друг другу, с усмешкой глядя на Хацеча.

СЭРП — Вооруженье!

ДОКЛАДЧИК ПО ВООРУЖЕНИЮ — Организовано. Рады служить.

СЭРП — Всё использовать. Обратить большое вниманье на изученье химических средств.

ДОКЛ<АДЧИК> ПО ВООР<УЖЕНИЮ> — Рады служить. (*Уходит.*)

СЭРП — Главный полицейонер.

ГЛАВНЫЙ ПОЛИЦИОНЕР — Строго наблюдается. Получены сведения о прибытии в город одного чужестранца, Абэ из Вэгэ, 34<х> лет, — по профессии — путешественник, — и о производстве им в городе каких-то фотографических снимков, — на улице Радости — два снимка, на углу площади Науки, в городском сквере — два снимка — в 5 ч<асов> 15 м<инут> и 6 ч<асов> 28½ м<инуты>, — совместно с горожанином Нопером, местным фотографом.

СЭРП — Если преступник, — высшая мера наказания.

ГЛАВНЫЙ ПОЛИЦИОНЕР — Наблюдается. Дело инженера Эльма о разграблении государственных ценностей пока не подвинулось.

СЭРП — Подвиньте.

Главн<ый> полиц<ионер> — Наблюдается. (*Уходит.*)

Параллельно с этой сценой в приемную входит Абэ, за ним нехотя Нопер.

СЭРП (*ко всем*) — Как прошло шествие?

ВСЕ — Энтузиазм!

Художники — Сделали зарисовки. Вот!

СЭРП (*просмотрев*) — Хорошо. (*Кладет на стол.*)

Художники — Можно будет получить аванс?

СЭРП — К казначею. Как найдет нужным.

1<-й> художник — Казначей очень скупой, ничего не добьешься.

СЭРП — Так и нужно. Скажите, чтоб выдал.

Художники уходят.

(В продолжении действия во второй стороне — в первой кипит работа.)

Вторая сторона.

Просители, устав ждать, подталкивают друг друга, вздыхают.

1<-й> ПРОСИТЕЛЬ (*к мальчику-привратнику*) — Да ты пойдی скажи, — горожане дожидаются.

2<-й> ПРОСИТЕЛЬ — Скажешь ты, наконец?!

Мальчик<-привратник> — Не велено пускать. Я сказал раз.

НОПЕР (<к> Абэ) — Вы сами лучше. Я подожду там, внизу. (*Торопливо выходит.*)

3<-й> ПРОСИТЕЛЬ (<К> *остальным.*) — Да что с ним разговаривать, с этим дрянцом-мальчишкой. Пхните его хорошенько, горожане, — пойдет — скажет.

ПРОСИТЕЛИ — Три пустопорожних часа толчемся, — прямо издевательство.

Мальчик<-привратник> — А вот только покричите, — я пойду и пожалуюсь, — и останетесь с «восьмушкой ничего».

2<-й> проситель — Ну пойдя доложи, — тебе говорят.

Абэ (*стоящий в стороне, подходит к мальчику*) — Пропустите, — мне нужно.

Мальчик<-привратник> — Нужно не нужно, — ждать будете.

Просители — И мы не пропустим. Почему хотите вперед нас пройти? Мы тоже по делам. — Не ловчитесь. Всем нужно, — кому не нужно?

Абэ — Я и о вас позабочусь.

2<-й> проситель — Значительный какой. Может, и вправду устроит. Пустить?

1<-й> проситель — Попробуйте. Только сами отвечать будете.

Просители — Не лезьте лучше, горожанин.

1<-й> проситель — Проходите вперед.

Абэ взялся за дверную ручку.

Мальчик<-привратник> — Я сказал раз, убирайтесь с вашими...

3<-й> проситель — Пхните, пхните, горожанин, — что с ним церемониться.

Просители — Толкните как следует. Если теперь мальчишка такой, какой же он будет, когда вырастет. Проучить такого надо.

Абэ отдернул руку привратника, мальчик крутнулся, упал. Общее смятение, шум.

Просители (*вдруг обступают Абэ, возмущенно*) — Как можно, как же можно так драться! Вы соображаете что-нибудь! Да как вы смели, — убить могли... мальчик бедный... больно? Да как вы смели, горожанин. Драться вздумал.

Выбегает канцелярист.

КАНЦЕЛЯРИСТ — Что за беспорядок? Нарушение тишины карается шестью месяцами с заменой... Вот сейчас, сейчас получите, получите.

В кабинет мэра вскакивают <просители>. В дверях Сэрп.

ПРОСИТЕЛИ — Мэр!..

СЭРП — В чем дело?

Просители уклоняются, потом 3<-й> проситель, за ним другие.

КАНЦЕЛЯРИСТ — Вот свидетели.

СЭРП — Короче.

3<-й> ПРОСИТЕЛЬ — Горожанин мэр, стояли мы вот, все горожане, — приема дожидались, — потом пришел этот горожанин, пролез вперед, — мальчик его не пускал, — а он как пхнул мальчика, так тот даже перевернулся и головой о косяк.

ПРОСИТЕЛИ — Да, да, мы видели. Таким нельзя позволять, — сегодня он мальчика побьет, а завтра на улице грабить будет. Много развелось грабителей всяких.

АБЭ — Но вы же сами...

2<-й> ПРОСИТЕЛЬ (*перебивая Абэ*) — И я тоже стоял вместе с ним, и я тоже скажу: так нельзя с людьми обращаться и совместно, — толкаться так не следует: можно было по-иному как-нибудь — поосторожней.

АБЭ (<к> *Сэрпу*) — Я отказываюсь оправдываться.

ПРОСИТЕЛЬНИЦА — Нет, и так тоже нельзя. Правду сказать, мы все очень долго стояли, мальчик этот тоже толкался, а вот эти горожане тоже уговаривали пхнуть, — а горожанин, можно правду сказать, за правду стоял. Зачем на одного сваливать.

МАЛЬЧИК<-ПРИВРАТНИК> — Я его не пускал, а эти горожане меня ругали, а тот горожанин взял и, когда эти горожане...

ПРОСИТЕЛИ — Что мы стояли долго, так это правда. (*Смелее.*)
Долго и очень долго...

СЭРП (*к канцеляристу*) — Вы дежурный? Почему не было порядка?

КАНЦЕЛЯРИСТ — Всё время здесь был.

СЭРП — Вы виноваты. Штраф.

КАНЦЕЛЯРИСТ — За что же?.. Слушаюсь... Прикажете составить протокол об оскорблении лица при исполнении служебных обязанностей?

СЭРП — Разберите.

АБЭ (*к Сэрпу*) — Мне необходимо вам кое-что сообщить.

СЭРП — Что? Говорите.

АБЭ — Хотелось бы лично.

СЭРП — Ждите. (*К канцеляристу.*) Время приема началось?

КАНЦЕЛЯРИСТ — Да, горожанин мэр, давно.

СЭРП — Почему не напомнили? Объявите прием. Или нет, я занят. Поручите правителю канцелярии.

Выходит в кабинет. Канцелярист выходит, появляется с Дежом.

ДЕЖ (*подходит к просителям*) — Что у вас?

1<-й> ПРОСИТЕЛЬ — Прощение. Третьего дня я на вокзале сдал собачку, моего пуделька, на хранение в камеру хранения ручного багажа и, когда пришел получать, за то, что собачка пищала, на станции взяли с меня штраф, очень большой штраф.

ДЕЖ — Если недовольны и незаконно — подайте заявление смотрителю станции.

1<-й> ПРОСИТЕЛЬ — Как же, уж подавал...

ДЕЖ (*ко второму просителю*) — Ваше?

2<-й> ПРОСИТЕЛЬ — Нельзя ли отсрочить, горожанин правитель канцелярии, не успеешь никак столько уплатить в назначенный срок.

ДЕЖ — Для всех одно постановление — исключений нет. Кто еще с подобными просьбами, — просьбы не удовлетворяются.

ПРОСИТЕЛИ — Горожанин правитель, да как же, и у нас тоже...

ДЕЖ — Исключений нет. Не задерживаться.

Многие из просителей, постояв, недовольно расходятся.

ДЕЖ (*к следующему просителю*) — У вас?

ПРОСИТЕЛЬ<ница> — Подаю заявление, чтоб разрешили открыть ресторанное предприятие на площади Науки. Всё оплачено. (*Уходит.*)

3<-й> ПРОСИТЕЛЬ — Гэв, фармацевт Гэв. Проживаю я с большой семьей, покупаю каждый день на рынке мясо для своей семьи на обед, а иногда и на ужин. И я пришел жаловаться на торговца Стуфа. Нет, вы только сами посмотрите, какая тухлятина. (*Сует мешок.*) Жена не принимает, послала обменять, а в лавке не обменивают. Прошу приказать обменять.

ДЕЖ — Следующий! Какие пустяки.

ГЭВ — И потом прошу разрешить возобновить мою аптеку для духов и прочее. (*Проходит.*) Опять «пустяки», всюду «пустяки», «не важно, не важно». (*В сторону.*) Уж и подпущу я такого запаха, такой тухлятины! (*Проходя, про себя.*) Сероводород, кислота, розовое масло, фиалковая настойка, сероводород, хлор, фиалковая настойка... (*Уходит.*)

ДЕЖ (*к просителям*) — Конец приема. Заявления сдадите дежурному канцеляристу.

Канцелярист собирает заявления; горожане расходятся.

КАНЦЕЛЯРИСТ (<к> Дежу) — Тут еще один, позволивший себе оскорбить...

ДЕЖ (*к Абэ*) — Где я вас видел?

2<-й> КАНЦЕЛЯРИСТ (*входит; к Абэ*) — Пройдите в кабинет. Мэр просит.

Абэ идет в кабинет. Деж выходит в другую дверь.

Первая сторона.

СЭРП (*поднимая голову*) — Я вас слушаю. Берите стул. Вы иностранец?

АБЭ — Прежде всего, я буду просить ни при каких обстоятельствах не сердиться на меня, потому что...

СЭРП — <Во-первых,> никаких таинственностей. Во-вторых, я предпочитаю иногда быть «без сердца», можете быть уверены — «сердиться» не намерен.

АБЭ — Ваша откровенность... Я недавно приехал в ваш город...

СЭРП — Маленькая поправка; не «ваш», не «мой» город, а «я» — (*Указывая на себя.*) — для города.

АБЭ — Хочу убедить вас... (*Разворачивает пакет.*)

СЭРП (*прерывая*) — Ваше имя Абэ?

АБЭ — Да.

СЭРП — Так. Скажите теперь, что означают ваши фотографированья?

АБЭ — Вам уже известно? За мной, оказывается, следят?

СЭРП — Ответьте на мой вопрос.

АБЭ — Вот! (*Подает пачку снимков.*)

Сэрп просматривает фотографии.

СЭРП — И что дальше?

АБЭ — Хочу показать вам правду, ибо правда есть не что иное, как фотография событий.

СЭРП (*улыбнувшись*) — Так. Зачем же вам правда?

АБЭ — Люблю правду.

СЭРП (*испытующе смотрит на Абэ*) — И больше ни на что?

АБЭ — Этого и так много, что я ее люблю.

СЭРП — Ваше происхожденье? В сведениях о вас этого важного пункта нет.

АБЭ — Был когда-то техником, если вам любопытно. Потом стал думать.

Сэрп, еще раз просмотрев снимки, нажимает кнопку звонка. Входит канцелярист.

СЭРП (канцеляристу) — Хфуга.

Канцелярист скрывается. В дверях Хфут.

СЭРП (<к> Хфугу) — Хфут, вам работа. Узнаёте кого-нибудь? (Передает снимки.)

ХФУТ (просматривая) — Кое-кто есть. Нам очень полезно.

АБЭ — Я вас не понимаю! Что это значит?!

СЭРП — А теперь взгляните. (Дает Абэ рисунки художников.) Ничего общего с вашими. То же шествие, но энтузиазм, радость, а у вас балаган, похоронная процессия.

ХФУТ (рассматривая снимки Абэ) — Ну что это за рожа... (Мимирует.) Или эта... (Мимирует.) А это кто? (Мимирует. Вдруг приглядывается.)

АБЭ (просматривая рисунки) — Но ведь я же сам видел, сам фотографировал, не выдумал же я их. Как вам доказать?

СЭРП — А никак не доказывайте. А фотография? Кому нужна фотография жизни?

АБЭ — Я допускаю вашу правду, но нужно знать, что если есть две стороны, значит — две правды. То есть надо помещать рядом две фотографии.

СЭРП — Вы разговариваете со мной как школьник, или как иезуит. У делового человека правда одна. Если иезуит, или преступник, — у нас есть... (Указывает на Хфуга. Хфут кланяется. <К> Хфугу.) Хфут, всю эту свору, кто на снимках — под особый надзор. (Передает полицейнеру снимки Абэ.)

АБЭ — Меня не поняли. Я не намерен... Требую возвратить мои снимки.

ХФУТ — Никаких требований. (К Сэрпу.) Как поступить?

СЭРП — Попросите Хащеча.

ХФУТ (хочет выйти, возвращается) — Да, в городе по рукам ходит этот снимок. Как находите — надо предупредить? (Дает один из снимков.)

СЭРП (*рассматривая*) — А-а. Вот как!.. (К Абэ.) Это тоже ваш снимок? Вы, оказывается, очень полезный.

Абэ — Требую возвратить снимки! Это нечестно.

СЭРП — Честно всё, что полезно. (*В дверях Хацеч. К Хацечу.*) —

Немедленно же приступить к постройке городской фотографической камеры, большой силы, для фотографирования на огромное пространство. Разработать проекты, объявить конкурс. Поставить фотографическое производство на должную высоту. Остальные инструкции потом.

ХАЦЕЧ — Виноват... (*По привычке жест приподнимания шляпы.*) Но я должен доложить, это производство вне моей компетенции.

СЭРП — Ну вот, так и знал! Ха-Хацеч. Вы, главный инженер, должны во всем быть главным. На какой ветер вы мне тогда? Извольте приняться за работу. Пригласить в таком случае специалистов! Идите.

ХАЦЕЧ — Другое дело, автоматические парикмахерские. (*Направляется к двери.*)

СЭРП (*останавливая Хацеча*) — Да, позовите сюда лекаря Ж<е>дэ.

Хацеч выходит.

Абэ — Я доносчик! Никак не думал!

СЭРП — Я занят.

Готовится уезжать. Абэ молча стоит в раздумьи и отчаяньи. В дверях главный лекарь Ж<е>дэ с ассистентами.

Ж<е>дэ — Добрый день.

СЭРП (*указывая на Абэ*) — Произвести экспертизу, здесь же.

Абэ — Да я здоров! В чем дело?

Ж<е>дэ — Не волнуйтесь. Расслабьте нервы, мышечные волокна. Сядьте. Успокойтесь. Снимите пиджак. Дышите.

Ассистенты ловко усаживают Абэ, держат его руки, приготавливают и подают Ж<е>дэ инструменты.

Ж<Е>дэ (*осматривая Абэ различными инструментами*) — Так. Дышите. Поглубже. Остановите дыхание. Теперь язык! Высуньте, высуньте, не бойтесь. Головные центры. Дайте руку. Так. Скажите «а», теперь «о», затем «ы». Теперь вскрикните. Так. Быстро, не напрягая ни мысли, ни воли, сразу скажите, что взбредет вам на ум, что, так сказать, подвернется, без всякого напряженья.

Абэ — Вы дурак!

Ж<Е>дэ — Нет, вы напряглись. Это было отмечено прибором. Еще раз...

Абэ — Фокифон!

Ж<Е>дэ — Как вы сказали? (*Раздумывает; потом.*) Теперь вашу кровь позвольте... <Н>у так. Всё. Одевайтесь.

Абэ одевается.

Ж<Е>дэ (*подавая Сэрпу листок со своими записями*) — Испытуемый, по-видимому, страдает органическим ослаблением задерживающих центров органов речи в хронической форме, железы злой воли в нормальном состоянии, не увеличены и, скорее, заметен уклон к атрофии; реакция дала отрицательный результат, — у пациента совершенно отсутствует, кроме того, склонность к изобретательности.

СЭРП (*к Ж<е>дэ*) — Можете идти.

Ж<е>дэ и ассистенты, собрав инструменты, выходят.

СЭРП (*к Абэ*) — Вы пока свободны.

Абэ — Я протестую. (*Одевается, опускает голову, некоторое время стоит в отчаяньи.*)

Вторая сторона.

В приемной появляется Онмэль, за нею Деж и Стуф.

Деж — Всё, что будет от меня зависеть. Посидите, успокойтесь. Попробую в последний раз. Вот все необходимые бумаги. Если эту не подпишет — приговор не утверждается.

ОНМЭЛЬ — Неужели не поможет?

Утирает слезы. Стуф безразлично курит. Ждут. Деж идет в кабинет. Стуф хочет заговорить с Онмэль.

ОНМЭЛЬ — Помолчите. Я так волнуюсь. Ведь сейчас должно решиться. Деж просит — последняя надежда.

Первая сторона.

В кабинет входит Деж.

СЭРП — Что скажет Деж?

ДЕЖ — Вот дело инженера Эльма, — приговор... подписать.

АБЭ (<к> Сэрпу) — Если вам нужны инженеры для постройки аппарата, поручите инженеру Эльму.

СЭРП — Почему вы за него просите? Вы с ним знакомы?

АБЭ — Нет. Но лучше ведь иметь лишнего человека. Освобожденный от смерти будет работать за десятерых.

Деж уставился взглядом на Абэ. Сэрп думает, откладывает приговор.

ДЕЖ (*запинаясь, взглянув на Абэ, <к> Сэрпу*) — Но ведь Эльм — государственный преступник.

Абэ удивленно отшатнулся от Дежа.

СЭРП (*испытующе смотрит на Дежа*) — Да, Деж, но не всегда преступники по тюрьмам сидят, некоторые, например, не только на свободе, но и пользуются всеми благами.

ДЕЖ (*удивленно*) — Что вы хотите сказать! какие преступники?

СЭРП — Потом поговорим.

ДЕЖ — Нет, меня это даже заинтриговало. О ком вы говорите?

СЭРП (*достаёт один из фотографических снимков, даёт Дежу*) — Это вы?

ДЕЖ (*взглянув*) — Ложь, чьи-то сплетни! Кто доносчик? Уверю, это чьи-то сплетни.

СЭРП — Ну, Деж, что там говорить — у меня есть доказательства. Идите. (*Звонит.*)

Канцелярист входит.

СЭРП — Еду.

Канцелярист кланяется, выходит. Сэрп выходит из кабинета. Деж берет со стола приговор. За Сэрпом выходит Деж, потом медленно Абэ. В приемной Онмэль, вскакивает, взглядом хочет узнать ответ; Деж пожимает плечами.

ДЕЖ (<к> Сэрпу) — Как же с делом Эльма?

СЭРП — Спешу, не приставайте. (*Потом останавливается.*) Покажите бумаги.

Быстро просматривает, подходит к столу, обмакивает перо, делает короткую подпись. Деж удовлетворенно ухмыльнулся. Онмэль вскрикивает. Сэрп быстро выходит.

ОНМЭЛЬ — Подписал! (*Рыдает.*)

КАНЦЕЛЯРИСТ (*в дверях*) — Горожане, просят соблюдать тишину.

ДЕЖ — Всё было сделано с моей стороны. (*Берет подписанный лист, меняет.*)

ОНМЭЛЬ (*подбегая*) — Что? Что? (*Радостно вскрикивает.*) Смотрите, смотрите: «повременить» — написал «повременить». Вот, вот! (*Заглядывают в бумагу.*) Деж, милый, как я благодарна. Какое счастье! (*Трясет руку Дежа.*)

ДЕЖ (*притворно*) — Да, да, очень хорошо. Г-м. (*Отходит в сторону.*)

ОНМЭЛЬ — Не могу, не могу, — бегу домой. Какая радость. Деж, спаситель, не знаю, как благодарить. Приходите, приходите к нам. (*Выходит.*)

ДЕЖ (*быстро подходит к Абэ*) — Что это значит? Снимки — ваши?

АБЭ — Не виноват. Никак не ожидал, что так выйдет.

ДЕЖ — Вы после этого... мерзавец, доносчик!

АБЭ — Да.

ДЕЖ — И он еще не оскорбляется. Послушайте, вы негодяй. Немедленно же...

АБЭ (*подымая голову*) — Но это не значит, что вы будете позволять... Я вас подвел, сознаю... А скажите, зачем вам понадобилась смерть Эльма?

ДЕЖ — Не намерен объясняться с такими негодяями. (*Притворно.*) Кто вам сказал, что мне нужна его смерть? Государственных преступников нельзя миловать. Вы, вы тоже им будете. Да, имейте в виду. (*Спихватившись, умолкает.*)

Нопер быстро входит.

ДЕЖ (*говорит со Стуфом*) — Нет, ты знаешь...

НОПЕР (*увидев Абэ*) — Абэ, дорогой! Поздравляю. Успех, успех какой. Весь город заинтересован, все только и говорят о нас. По улицам просто проходить нельзя — все так и шепчутся: «Вот тот, Нопер, помощник». Мэр заказал крупнейшую камеру, — будут строить. Теперь наша профессия... Деньги, денег будет... Дайте, я вас расцелую. Но что с вами, дорогой?

Абэ стоит с понуренной головой.

АБЭ — Больше снимать не будем.

НОПЕР — Что, что такое? Ничего не понимаю. Такой успех, все заинтересованы, всё начато, тут-то и развивать.

Абэ направляется к выходу.

НОПЕР (*<побежав> за Абэ*) — Абэ, Абэ, что такое, что с вами!

АБЭ — Оставьте. Я уже вам сказал. (*Уходит.*)

ДЕЖ (<к> Стуфу) — Говори ты.

К Ноперу подходит Стуф, оттягивает от выхода.

Стуф — Горожанин Нопер, — на минуту.

НОПЕР — Объясните. Ничего не понимаю. Горожанин Деж...

Стуф (<к> Ноперу) — Вы меня, наверное, знаете: Стуф, торговец.

НОПЕР — Как же.

Стуф — Вы помогали этому Абэ?

ДЕЖ (*вставляет*) — Негодяю...

Стуф — Вы помогали Абэ. Это не секрет.

НОПЕР — Да как же, само собой. А что?

Стуф — И вы, конечно, знали на что шли?

НОПЕР — Что вы, собственно, пристааете. На что же я такое шел, по-вашему?

Стуф — Вы притворяетесь, или вы дурак?

НОПЕР — Да в чем же дело?.. Что вы от меня хотите?

Стуф — Этот Абэ — шпион, доносчик, закатал чуть ли не сотню мирных горожан в тюрьму и даже самому Дежу, правителю канцелярии, лицу неприкосновенному, этот проходивец... Вы как соучастник...

НОПЕР (*в ужасе*) — Да не может быть! Ну да, само собой, — теперь всё ясно. Ай-ай-ай, — значит и я... Нет, нет, я только исполнял его заказы, ничего не думал... (*Бежит к выходу.*) Догоню, догоню, — так нельзя.

Стуф возвращает Нопера.

НОПЕР — Что ж вы задерживаете? Ну да, ни дать ни взять, я тогда еще говорил: как можно пускать в дом первого встречного? Только вы не шутите? Разве мыслимо?

Стуф — Есть выгодное дело.

НОПЕР — Вы, может быть, шутите. Так же нельзя шутить.

Стуф — Выслушайте сначала. Вы, человек солидный, а потом будете сами знать, что вам выгодно.

НОПЕР — Ну?

Стуф (*тихо*) — Можно воспользоваться. Разбогатеть желаете?

НОПЕР — Да я — уже... почти богатый. Наша идея даст...

Стуф — Как хотите. Я хочу вам дело предложить. Ваша затея даст вам, в самом лучшем случае, казенное место где-нибудь в городской фотографии, но зато горожане будут против вас.

НОПЕР — Что вы говорите! Да, это возможно, я сейчас всем, всем скажу, я не при чем.

Стуф — Горожане разбираться не будут.

НОПЕР — А вы что хотите предложить?

Стуф — Приглашаю вас... (*Тихо.*) Открываю фотографическое производство для широкого частного потребителя, спрос и сбыт... Надо воспользоваться — <на>пример, в семейных делах, войдет в моду... Вам теперь ясно?

НОПЕР — Позвольте, позвольте... Значит, вы мне предлагаете... О, это же большое дело!

Стуф — Конечно. И пока нет конкуренции. Ваши знания — мой капитал.

НОПЕР — Правильно, — но... но я должен все-таки с Абэ выяснять.

Стуф — Как хотите. На что вам теперь этот...

Деж (*вставляя*) — Подлец, мы с ним расправимся.

Стуф — Теперь можно самостоятельно. Еще вопрос: вы на чьей, собственно, стороне? — Горожан, или? (*Указывая на дверь.*) На той, где выгоднее? Не правда ли? Фотограф не может быть глупым. Значит, по рукам. Я у вас, сегодня. Ваш адрес знаю.

НОПЕР — Заходите, посмотрим.

Стуф — Помните, широко поставленное дело не жалеет затрат. (*Потрогал карман.*)

НОПЕР — Посмотрим, посмотрим. Поговорим, поговорим. (*Выходит.*)

Стуф — Одно почти сделано. (*Шепчется с Дежем.*) Тише, кто-то идет.

Появляется с планами Хацеч.

ХАЦЕЧ — Вы слышали, какую мне головоломку <задал мэр>? Я изобретатель, с большим опытом, с большим стажем, бьюсь целый час, — ничего не придумал. А вот могу вам показать последнее свое изобретение. Изящество и портативность. (*Расстегивает пиджак.*) Автоматические пуговицы, никогда не отрываются, расстегиваются только в нужную минуту по вашему желанью, — то есть я хочу сказать, вы не можете в обществе очутиться в каком-нибудь таком неловком положении, всё предусмотрено. Тонкая, ювелирная работа. Это вам не какая-нибудь громоздкая, вроде каких-то стоверстных аппаратов. У вас, например, что это за пуговица! И отскочила. (*Взялся за пуговицу Стуфа, — оторвалась.*) Ну вот видите. Сколько хотите. (*Тихо <к> Стуфу.*) И у меня к вам просьба: так, между делом как-нибудь, вы понимаете, обратить внимание мэра на мое изобретенье. Мэр мне как будто не то что не доверяет, а так как-то... Надо бы немного упрочить мое положение, не мешало бы. А то «Ха-Хацеч», даже обидно. А вы знаете, что, например, можно сделать из вашей пуговицы? Прекрасную брошку-медальон, или что-нибудь в этом роде.

ДЕЖ (*переглядывается со Стуфом*) — Какую там брошку!

ХАЦЕЧ — Или нет, постойте. (*Задумывается, бьет себя по лбу.*) О, из пуговицы — аппарат! (*Быстро проходит.*) Из пуговицы — аппарат!..

Занавес.

(Между 2-<м> и 3-<м> актами выставляются «фотографические снимки» Абэ. Сделать это можно или на экране; или в виде «живых пластических картин» с применением коричнево-серого освещения, в подражание фотографическим изображениям; или в виде больших рисунков. Выбор «снимков» в соответствии с текстом предоставляется театру.)

Действие 3

Приемная Нопера. Та же, что и в первом действии. Телефонный звонок.

Киз (*подходит к телефону*) — Слушаю... Его дома нет... Не знаю... Не знаю; должно быть... Заходите, когда хотите... Весь день... да... (*Вешает трубку, подходит к зеркалу, лениво смотрит на себя.*) Отчего я все-таки толстая?

Телефонный звонок.

Киз (*у телефона*) — У телефона... Нет дома... Да нет же дома... Зачем звонить? Заказ принимается, когда хотите... Ну так что ж, значит вышел... (*Вешает трубку.*) Что это сегодня?! (*Бродит по комнате, потом решительно подходит к комнате Абэ.*) Аби! Нельзя же так, отдохнуть надо. Ну, чем там заняться? (*Раздраженно.*) Нет, я же так не хочу. Фу, какой он. (*Отходит.*) Не представляю.

Телефонный звонок.

Киз (*у телефона*) — Дома нет. (*Вешает трубку, разводит руками, подходит снова к двери.*) Абэ, я так рассержусь. Я вам не позволяю. (*Ласково.*) Абик. Если сейчас не выйдете, я попосорюсь. Наконец-то...

Выходит Абэ. Всклоченные волосы, небрежно одет.

Киз — Милый, на кого вы похожи! А я забочусь так о вас.
Абэ — Вы очень любезны... Но я занят.

Киз — А вы что-то слишком любезны. Это подозрительно. И в комнате у вас такой беспорядок. Бумаги, пепел, воздух. Ах, духов нет! Обязательно купить надо. Вы мне подадите?.. И не говорит, что за занятие выдумал. Занятный вы. Что ж из того, что у вас что-то не вышло. Какая там правда! Значит, если б между нами что-нибудь было, вы бы пошли и сами сказали мужу? Вот чудак.

Абэ (*вынимая из кармана сверток*) — Можно вам возвратить?

Киз — Не припоминаю. Серьги? Вы взяли?

Абэ разворачивает, протягивает капор.

Киз — Капор? На что вам был капор? А серьги не подымали? Вы не вор?

Абэ — Нет, Киз, не вор. И вы не обманщица. И никто...

Киз — Вот новости. А почему я могла быть обманщицей? Что я не позволяю вам целоваться, да?.. Но, милый, мне это как-то не нужно. Мне с вами и так хорошо. А вы? Я вам уже не нравлюсь? Да что я распинаюсь! Он еще возомнит...

Абэ — Пойду к себе. Скоро заканчиваю.

Телефонный звонок.

Киз (*у телефона*) — Вот наказание, целый день... Слушаю... Ах, опять!.. Дома нет... Будет... Что, что вы сказали!.. Я вешаю трубку... (*Вешает трубку.*) Где Ноп? Что он натворил? Его ругают, а я выслушивай.

Абэ — Не знаю. И мне это уже не нужно знать... Киз, нет! Когда я был маленький, у меня была сестренка. Помню: она разложила куклы на своей постельке, а потом, когда спать ложиться, девочка вдруг заплакала: «Куклы всю постельку заняли, мне спать негде». Я сейчас, как эта девочка. Сам всё разложил, придумал, а теперь... (*Махнув рукой, направляется к двери.*)

Киз (*зовет*) — Абэ!

Абэ не останавливается.

Киз — Идите сюда.

Абэ продолжает идти.

Киз — Абэ, подойдите ко мне.

Абэ остановился.

Киз — Ближе.

Абэ подходит.

Киз (*откидываясь*) — Целуйте. Я так хочу.

Абэ — Всё равно!

Киз — Мой мальчик, мой наивный, трогательный! (*Детским голосом.*) «Положила куклу, а потом мне места не оставили». (*Телефонный звонок.*) Не подойду, ни за что. (*Настойчивый звонок.*) Уйдем, уйдем!

Абэ хватает Киз на руки, несет в свою комнату.

Киз — Пустите, пусти! Уронишь, тяжелая...

Скрываются. Телефонный звонок. Пауза. Появляется Нопер. Телефонный звонок.

НОПЕР (*у телефона*) — Алло!.. Да... Нопер... Фотография, ну да, Нопер... Я сам!.. Что?.. Как?.. С кем я говорю?.. Какое имеете право!.. Сами вы мерзавец... С кем говорю?.. (*Вешает трубку.*) Хулиганство!

Телефонный звонок.

НОПЕР (у телефона) — Алло!.. да... Позвольте, что за безобразиие! Я буду жаловаться... (Вешает трубку.) Возмутительно! Опасно.

Телефонный звонок.

НОПЕР — Опять! (Боязливо берет трубку.) Алло! Ах заказ?.. Да, да, сколько угодно, в любое время... До свиданья. (Вешает трубку.)

В дверях Бэя, впускает женщину с отталкивающей физиономией, уходит.

ЖЕНЩ<ИНА> С ОТТАЛК<ИВАЮЩЕЙ> ФИЗ<ИОНОМИЕЙ> — Вы фотограф? (Нопер важно кивает головой.) Вы сейчас, сию минуту свободны? Умоляю, едем сейчас же. Ах, отчего у меня нет аппарата! Надо снимок. Иначе будет поздно.

НОПЕР (важно) — Я понимаю, ни дать ни взять, бывают такие случаи, когда требуется немедленная фотографическая помощь. Но вы подробнее объясните.

ЖЕНЩ<ИНА> С ОТТАЛК<ИВАЮЩЕЙ> ФИЗ<ИОНОМИЕЙ> — Ах, не буду же я вам всё рассказывать. Если говорю, значит нужно. Ах, отчего у меня нет аппарата.

НОПЕР — Но зато у меня несколько. И один будто как раз для вас. Могу уступить.

ЖЕНЩ<ИНА> С ОТТАЛК<ИВАЮЩЕЙ> ФИЗ<ИОНОМИЕЙ> — Да я не умею обращаться с вашими аппаратами.

НОПЕР (достаёт с полки аппарат, тот самый, в который Киз спрятала вещи, сдувает пыль) — Пустяки. Вот камера. Стоит нажать этот рычажок, и всё сделано. Потом занесете для негатива.

ЖЕНЩ<ИНА> С ОТТАЛК<ИВАЮЩЕЙ> ФИЗ<ИОНОМИЕЙ> — Не знаю. Ну давайте.

НОПЕР — Две кассеты вставить сюда, направить видоискатель, тронуть этот рычажок. Два золотых только для вас. И будет годен до самых хороших времен.

ЖЕНЩ<ИНА> С ОТТАЛК<ИВАЮЩЕЙ> ФИЗ<ИОНОМИЕЙ>
(роется в сумке) — У меня всего один золотой.

НОПЕР — Так и быть. Один для первого раза.

ЖЕНЩ<ИНА> С ОТТАЛК<ИВАЮЩЕЙ> ФИЗ<ИОНОМИЕЙ>
(бросает деньги, берет аппарат) — Рычажок, и больше ничего?

НОПЕР — Вот именно.

Женщ<ина> с отталк<ивающей> физ<иономией> торопливо выходит.

НОПЕР (отшатывается) — Фу, какая отталкивающая физиономия! (Ходит по комнате, потирая руки. Вдруг останавливается, прислушивается, подходит к двери комнаты Абэ, потом бежит к аппарату, крадется к двери. В щелку щелкает аппаратом. Отбегает. Передразнивая.) «Но, к сожалению, никаких пикантных видов я не предложу». (Проявляет снимок.) Наклеим на розовое паспарту и в нужный момент...

В дверях Бэя.

НОПЕР — Ну, что там еще?!

Бэя — Пакет вам и сударю Абэ. Рассыльный принес.

НОПЕР (вскрывает пакет, пробежав глазами) — Ну, не угодно ли, не угодно?.. Конечно, конечно! Ничего общего с этим проходимцем! Вон, вон его!

За дверьми комнаты Абэ шаги, в дверях Киз. Бэя, прыснув в руку, уходит.

НОПЕР — Где этот... твой?

Киз — Ты сегодня прямо невозможный! Абэ еще не вернулся.

НОПЕР (ехидно) — Не вернулся?

Абэ (появляясь; гордо) — Я.

Киз (испуганно отходит) — Ах, зачем так!

НОПЕР — А, вы здесь? Ну, если говорить правду...

АБЭ — Давайте, Ноп, лучше ее не говорить.

Киз — Скандал выйдет. (*Шепчет Абэ.*) Сдержись.

АБЭ — Я слушаю вашу правду.

НОПЕР — Читайте! Это во-первых. (*Читает.*) «Горожанину Ноперу, подлецу, мерзавцу, доносчику... Нам стало известно, — последние события в городе, аресты и какие-то новые постройки и проч. и проч. вызваны наглым шпионством некоего проходимца, безответственного чужеземца». (*К Абэ.*) О вас... «С которым вы находитесь в ближайшем сообществе. Пагубная выдумка начала заражать... В городе станет невозможно жить, если это примет общие... Тайная Лига мирных горожан, не признающая никаких насилий... Дабы сохранить добрые традиции... клеймим позором... предупреждаем... вам грозит...» Подпись: «Лига мирных горожан...»

АБЭ — Да, можно было ожидать.

НОПЕР — Как, вы ожидали, значит знали?! Понимаете, как вы меня подвели!

Киз (*вырывает пакеты, читает про себя, потом в ужасе, к Абэ*) — Как они смеют! Кто они, эта Лига?.. Абэ, если вы не уедете, они собираются... убивать.

Телефонный звонок.

НОПЕР (*боязливо берет трубку*) — Алло! Алло же... Да, я, Нопер... Бросьте трубку... Да я с ним ничего, вы понимаете, ничего больше иметь не желаю. Поняли? Не буду! Поняли? Не имею! Понятно? (*Вешает трубку.*)

АБЭ — Но вы мне кое-чем обязаны.

НОПЕР — Хороша обязанность! Грозят чуть ли не виселицей, из-за вас в доносчики попал... Да, я вам обязан... В вашей затее, само собой, был один недурной способ вытаскивать в нужные минуты, х-м... мужей из их собственной квартиры. Потрудитесь сегодня же выехать из моего дома! Ты, Киз, тоже... (*Быстро идет к телефону.*) 444-02. Говорит Нопер. Горожанин Стуф?.. Окончательно, согласен. Помните?.. Да...

Вы сейчас где?.. Хорошо... Иду. Да, да, найду. *(Вешает трубку, одевается, уходит.)*

Абэ — Да. Он прав.

Киз — Прав? Ты находишь? А я, нет, — не прошу, ни за что! Абик, видишь, как неосторожно. Он, конечно, заметил, но это к лучшему. Только плохо, ты как будто уже жалеешь Нопа. Ну скажи, любишь меня, или только так, попользовался и хватит?

Абэ *(в раздумьи)* — Уезжать, или нет?

Киз — А я как? Ну, конечно, по дороге между прочим подвернулась. Много перепробовал женщин? Уезжай, уезжай куда хочешь! Нет, и я с тобой. Я тоже здесь не могу!

Абэ — Но ведь позорно, досадно, я ничего не добился!

Киз — Как не добился? А только что... со мной? Брось свои выдумки. Уедем! Займемся серьезным делом.

Абэ — Ты самая обыкновенная женщина.

Киз — Да, да, самая, самая. Я и говорила. И гораздо серьезней смотрю на вещи, чем ты. Вовсе не обидишь.

Абэ — Герои — смешные люди, Киз.

Киз — Он себя героем считает. Ха-ха! *(Другим голосом.)* Ну, не обижайся, ты герой, герой.

Абэ — Уехать — самое лучшее. Но...

Киз — Ах, не томи!

Абэ — У меня нет денег. *(Киз изумленно отодвигается.)* Нет денег.

Киз *(разочарованно)* — А я думала, ну... комерсант, ну... путешественник, или вроде. А ты просто какой-то... трагичный. *(Вдруг решительно.)* Абэ!.. У меня есть деньги! Ты серьезно, что у тебя нет? Дай глаза. *(Загадывает в глаза Абэ.)* Нет, не врешь, ты хороший. *(Идет к фотографической полке, быстро идет, вскрикивает.)* Абэ, где?! Не сможем уехать! Кто? Кто украл?

В дверях Бэя и Шаш.

Бэя (<к> Шашу) — Да никакого такого искателя здесь не живет. Здесь фотограф.

Киз — Кого надо?

ШАЩ (*произнося вместо «л» — «у», вместо «р» — «г», букву «к» произносит с большим затруднением, словно икает*) — Я знаю, что здесь фотогаф. Мне также известно, что здесь живет один чеуовек, пгавду ищущий и пгочее. Мне он нужен.

Киз — Кто он такой?

ШАЩ — Абэ, кажется, его имя.

Абэ — Меня?

ШАЩ (*к Бэе*) — Ну вот видите. Мне доподуинно пегедавауи, что здесь. (*К Абэ.*) Уюбопытнo побеседовать с вами; суышау, — вы задауись высокою цеую. Есуи вы гаспоуагаете вгеменем, охотно побеседую. Мое имя — Шащ, занимаюсь фиуософи-ей, богосувием.

Абэ — Ага. Очень хорошо. Говорят, вы большой философ. (*Протягивая свою руку, хочет пожать руку Шаща.*)

ШАЩ (*уклоняясь от рукопожатья, кивает головой, раскланивается, не подавая руки; рука у него двумя пальцами на шнурке, — на перевязи*) — Считайте себя пожатым, гукопожатие негигиенично.

Усаживаются.

Киз (*подзывает Бэю, спрашивает ее, досадливо бегаёт, ищет на полке, перерывает ящики, заглядывает за мебель*) — Ах, всегда не вовремя.

ШАЩ (*к Абэ*) — Ваша специауность богосуовие? наука?

Абэ — Можно вам сразу же задать три вопроса?

ШАЩ — Фиуософия, как доподуонно вам известно, и занимается именно газгешением вопгосов. Но мы все доужны от-ветить суовами веуикого Сокгата: я знаю, что я ничего не знаю. Ничего не подеуаешь: чеуовек бессуен.

Абэ — А все-таки. Что, например, будет хотя бы завтра?

ШАЩ — То есть?

Абэ — Ну, скажем, хотя бы, какая будет завтра погода? Это первый вопрос. Второй: что такое правда? И потом...

ШАЩ (*удивленно перебивая, разводя руками*) — Видите уи, не ожи-дау, что вы зададите такие, пгостите, вопгосы. Во-пегвых, я не

предсказателю погоды и даже немного странно, что вы меня спгашиваете. На это вы найдете ответ в метеогоуогическом бюетене, да и то пгибузитеуно. Одному богу доподуинно известно, что будет завтга. Что же касается до втогого, то я пгямо ответчу: а кто знает, кто может утвегждать, что такое пгавда, что такое истина? Вечно негазгешимые вопгосы, моуодой чеуовек. Ни великие мудгецы, ни... Так где уж нам, ггешным.

АБЭ — Так с какой стати вы тогда философ, да еще большой?! И неинтересно, что такой-то философ то-то говорил, а вот вы ничего не говорите.

ШАЩ — А вы скажете? Уюбопытно.

АБЭ — Не только я скажу. (К Киз.) Киз, скажи, если, например, ботинки сейчас модные такого фасона, — узкие, — не знаешь, какая будет мода в следующем сезоне?

Киз — Отстань, пожалуйста, с глупостями. Ничего не знаю. Скажи лучше, кто взял.

АБЭ — Ну минуту, прошу тебя. Погоди и ответь: если сейчас узкие, как по-твоему, какие будут?..

Киз — Да что вы ко мне пристали! По-моему, будут широкие. Отстань! Не время.

АБЭ — Умница, умница Киз! Правильно! (К Шащу.) А вам известно, что это и есть основной закон мира?..

ШАЩ — Ну, знаете, надо иметь боушую смеуость. Учиться, учиться нужно.

АБЭ — В том-то и дело, что всякое новое есть пародия на предшествующее. Во всяком случае, надо иметь мерку, какая бы мерила вам всё в жизни. Иметь такую мерку — единственно значит быть мудрым, умным, что хотите.

ШАЩ — Пгостите, еще какой вопгос хотеуи пгедуожить?

АБЭ — Да. Где здесь обманывают?

ШАЩ (*неодобрительно мотая головой*) — Одно могу и доужен сказать: обманывать можно кого угодно, но бога, моуодой чеуовек, обмануть неужа.

АБЭ — Это же не ответ!

ЩАЩ — Как хотите.

Абэ зевая, отходит.

Киз (*к Щацу*) — Может быть, вы скажете, как ясновидящий?
У меня пропали вещи.

Щац — Нет, бугадогаю вас, — я не сыщик. (*Кланяется, не подавая руки.*) Считайте себя пожатым. Фотоггафа, видно, не дождусь. Мне нужно пгиготовить нескоуюко диаггам. (*Махнув досадливо рукой, обиженно идет к двери.*) Упауа, упауа, упауа вега. (*У двери спотыкается.*) Фу, чофт! (*Уходит.*)

Абэ — Если такие большие философы, что же можно ожидать от обыкновенных (*передразнивая*) «смегтных»? Нет, таким никак не отдашь!

Киз — Ты взял? Говори!

В дверях Нопер и Стуф.

НОПЕР (*к Киз*) — Еще здесь? Освободи эту комнату, поняла! Сию минуту, поняла? От всех посторонних, понятно? (*В двери.*) Ничего, ничего, вносите.

Абе хочет сделать движение к Ноперу, останавливается, быстро идет в свою комнату. Посыльный вносит свертки. Стуф с ним рассчитывается. Посыльный уходит.

Киз (<к> *Ноперу*) — Говори, куда делся аппарат, старый, с этой полки? Помнишь, стоял?

НОПЕР — Отвяжись.

Киз — Да ты понимаешь, если пропал аппарат, то пропали вещи Онмэль. Я бы не стала вообще разговаривать с тобой. В аппарат спрятала драгоценности Онмэль. Кто-то украл.

Из дверей комнаты появляется Абэ, одетый в дорожное платье, с чемоданчиком, проходит, говорит Киз: «Прощайте». Выходит в выходные двери.

Киз (к Абэ) — Куда, куда, не обращайтесь вниманья!

Стуф (<к> *Ноперу тихо*) — Скажите просто, что он.

НОПЕР (к Киз) — Не смей останавливать. Спросила б лучше своего Абэ, не понадобился ли ему. С самого начала тебе говорил: как можно пускать в дом первого проходимца? А потом, как ты скрывала без меня какие-то вещи! Всегда запрещал вмешиваться в мои фотографические дела.

Киз — Ушел. Ушел... Капор, серьги, аппарат. Неужели?!. (*Идет в комнату Абэ. У открытых дверей.*) Ни одной его вещицы. Ушел. Совсем.

Появляется Онмэль. Киз вскрикивает.

Онмэль — Кизи, Ноп, поздравляйте, — Эльма выпустили.

НОПЕР — А, очень хорошо, очень хорошо... Сейчас занят, а вот с Киз...

Онмэль — Ну, а ты как, здорова?

Киз — Полу. (*Раздумывает, потом решительно.*) Сейчас скажу. (*Впускает Онмэль в комнату Абэ; запираются.*)

НОПЕР — Как назло, так и лезут.

Стуф — Настоящий делец не должен попусту время тратить. Женщин хватает в первом же кабачке, заодно можно на скорость... Слушайте меня и вы будете вторым богачом в городе.

НОПЕР — Почему вторым?

Стуф — Первым я. Ну, приступайте!

НОПЕР (*распаковывает свертки, суетится*) — Учись, учись, Нопер. И, как у настоящих коммерсантов, всё под рукой: нажал, — и везут, доставляют, скупают. Пусть теперь кто-нибудь достанет самое последнее стеклышко. А вы заметили, как даже наши имена подходят, Нопер и Стуф; Нопер, Стуф; фирма Нопер-Стуф.

Стуф — Прикройте дверь, и даже совсем закройте.

НОПЕР (*пишет на бумаге: «Фотография закрыта по случаю ремонта»; зовет Бюю*) — Вывесите у входа.

Бэя уходит. Закрывает двери на ключ, суетится у пакетов. Несколько времени проходит в работе Нопера по сборке аппаратов. Готовые аппараты выставляют напоказ. Стуф самодовольно поторапливает Нопера. Стук в дверь.

НОПЕР — Кто там? Никого не впускать!

БЭЯ (*за дверьми*) — Забыла. Абэ оставили барыне записку.

НОПЕР (*у дверей*) — Просуньте в щелку.

Записка просовывается в дверь.

БЭЯ — Нашли?

НОПЕР — Да. Ступайте (*Вскрывает конверт.*) А, что там церемониться! (*Читает про себя, комкает бумажку.*) Вот и хорошо, совсем ушел. С женой прощается. Знаем, всё знаем. (*Вынимает из кармана фотографию на розовом паспарту, подмигнув, прячет в карман. Готовит аппараты. За дверью шаги.*) Да что это расходились! Кто?

ГОЛОС ДЕЖА — Нопер, вы? Деж. Стуф здесь? Скажите, чтоб пустила.

Нопер открывает дверь, впускает Дежа.

НОПЕР — Целая фабрика Нопер-Стуф на полном ходу.

За Дежем появляются два горожанина, Гэв и иностранцы, говорящие на непонятном языке.

ДЕЖ — Это со мной, не беспокойтесь. (*Таинственно.*) Хотят сниматься. А это чужестранцы. Почет и уважение.

Иностранцы переговариваются на непон<ятном> языке, усаживаются.

ПЕРЕВОДЧИК — Судари просят передать свой привет.

ВСЕ — И от нас, и от нас.

Переводчик передает.

НОПЕР (<к> Дежу) — Рад служить правителю канцелярии!

ДЕЖ — В том-то и дело, уважаемый Нопер, я уже не правитель канцелярии.

НАПЕР — Как?

ДЕЖ — Да. Где ваш Абэ?

НОПЕР — Сбежал только что. Не знал, что надо задержать.

ДЕЖ — Куда?

НОПЕР — Не знаю.

ДЕЖ (*шепчет 1<-му> горожанину; горожанин кивает головой, выходит*) — От них не скроется. Они в курсе. (*Указывая на горожан.*)

ГЭВ (*узнает Стуфа*) — Вы? В вашей же лавке тухлое мясо.

СТУФ — Всегда первый сорт.

ГЭВ — Но если вы здесь, тухлое мясо уже не важно. И даже наоборот, если б не было тухлого мяса, то... (*К Дежу.*) Горожанин Деж, на вас надеюсь. Нет посторонних?

ДЕЖ — Какой может быть разговор.

ГЭВ (*закрывает дверь; возвращается; к Ноперу*) — Горожанин Нопер, если не ошибаюсь. Вы, конечно, на стороне <лиги> мирных горожан?

НОПЕР — Т<о> е<сть>? Стуф же знает, для кого аппараты... Позвольте, позвольте, ну а как же они сами? В телефон только и слышишь: «подлец», «мерзавец», — бумажки получаю, чуть ли не вешать меня...

ГЭВ — Пока вы были с этим проходимцем...

НОПЕР — Да вы сами не из Лиги?

ГЭВ — Т-сс...

НОПЕР — Вы, может быть, хотите, чтоб и я? А я просто, чтоб меня уважали, чтоб богатым был, ни дать ни взять.

ГЭВ — Дайте нам сочувствие. (*Вынимает деньги.*) И вот возьмите. Вас устраивает пятьсот? С производства будет больше.

НОПЕР (*к Стуфу*) — А вы как находите? Соглашаться?

СТУФ — Всецело.

Нопер кладет деньги в карман.

Гэв — А теперь к самому важному. (*Ко 2<-му> горожанину.*) Переводчик, — пожалуйста. (*К Дежу.*) Можно?

Деж махнул головой.

Гэв — Иду я раз мимо вашего дома. (*Указывает на Нопера.*) Слышу, нюхаю, чем-то пахнет, вроде духов. А в руках у меня мясо; тухлое мясо, что ли, обменивать бежал. Тут-то и пришла в голову мысль. Тухлое мясо, духи, запахи, вонь... Всё дальше, дальше... Вниманье! Они нас аппаратами, — а мы их запахами, невидимыми газами, ядом, вонью, вонью! Чтоб в каждую щелочку пролезло, чтоб никуда не скрыться, чтоб сразу — смерть! (*Внимает баллон и стеклянку.*) Вот ядовитые запахи. Единственное средство — фармацевтическое! Несколько сортов. Мирные горожане, думайте, напрягите головы: подпустить вонь, или, наоборот, пусть разнесутся чудные запахи, пахучей всяких фиалок? И те и другие препараты приготовлены в моей аптеке. Советую вонь, вроде тухлой говядины. Кто — за, кто — против? Обсудим со всех сторон. (*К Стуфу.*) Вы, должно быть, за тухлое?.. (*Спохватившись.*) Нет, виноват.

НОПЕР — Я против духов. Эти жены...

СТУФ — Я, конечно, за запахи, за духи. Захочется больше нюхать. Всюду нужен коммерческий подход.

ДЕЖ — Это еще вопрос. Для духов не у всех носы приспособлены. Нюхать, пожалуй, не станут.

ГЭВ — Совершенно верно. Сам видел — на улице: проходит горожанка, — от нее духами пахнет. Так ее прямо вслед «ходячей уборной» кто-то обозвал.

ПЕРЕВОДЧИК (*переводивший чужестранцам*) — Судари чужестранцы стоят за хорошие запахи, как они говорят, «за хороший воздух».

ГЭВ — Значит, духи! Вы поймите, без шума, наверняка! Самое последнее слово техники.

Все — Правильно, правильно.

НОПЕР — Позвольте, а мои аппараты на задний план?

ГЭВ — Заткнитесь. У каждого должны быть всегда готовыми, при себе, по баллону вони и по стеклянке запахов, — чтобы в любой момент и подпустить... Оставляю у вас, Нопер, пару флаконов. *(Засовывает Ноперу в карман.)*

НОПЕР — А это не опасно? Пробка выскочит...

ГЭВ — Да. Надо только, чтоб мирные горожане не нанюхались. Впрочем, в небольших дозах неопасно, — действует, как наркотик. Каждому будет выдан носопредохранитель чужестранной системы. *(Указывает на чужестранцев.)*

ПЕРЕВОДЧИК — Судари говорят, чтоб ни о чем не беспокоились. Всё будет отпущено. Хотят только абсолютной тайны, делового отношения и порядочности.

СТУФ — И я вступаю в пайщики. Передайте. Дело подходящее.

Переводчик перевел. Чужестранцы жмут Стуфу руку.

ГЭВ — В случае удачи, горожанин Стуф, — вы, наверно, будете выбраны в правители по финансовой части. Я возьму на себя — здравоохранение, Деж — государственный инспектор. Об остальном — увидим.

НОПЕР — А я? Главный фотограф?

СТУФ — Всецело.

ГЭВ — А теперь выпустите меня. Мне надо еще многих, многих... *(К Ноперу.)* У вас самое удобное помещение. Никаких подозрений, — фотография — общественное место. Мы будем пользоваться вашей квартирой.

СТУФ (<к> Гэву) — Зайдете в любое время в лавку, вам отпустят самого лучшего мяса.

ГЭВ — Вот бывают какие случаи. Подружились, можно сказать. И конечно, что у вас было тухлое мясо — это недоразуменье.

СТУФ — Вам отпустят самого душистого мяса.

ГЭВ — Нет, уж в этом вопросе, — попрошу вас, как раз поменьше всяких запахов.

НОПЕР (*вздыхая*) — Провожу сам. Ради бога осторожней.

Нопер с Гэвом выходит.

Стуф — Дельный покупатель. (*К Дежу.*) — У Нопера пропали вещи Эльма. Его жена будто принесла на хранение. Слушай, — нам везет. Два больших дела. А эти духи мы, конечно, разольем по небольшим флаконам и будем продавать общедоступно. Охотников найдется слегка поддурманившись.

Деж — Надо воздержаться. Не увлекайся личной выгодой.

Стуф — Коммерция, коммерция, Деж.

Деж — Надеюсь, ты не из собственного кармана?

Стуф — Ясное дело.

Деж — Недурно послать благодарность этой шельме Эльму.

Он и не подозревает, в каком ходу его бриллианты.

Стуф — Ха-ха.

Деж (*переводчику*) — Передайте сударям, что скоро пойдем.

Эта квартира — наша резиденция.

Переводчик передает. Иностранцы приветливо кланяются.

НОПЕР (*возвращаясь*) — Стуф, Деж, нельзя ли как-нибудь без этих лиг? Вы меня не обдувайте, ни дать ни взять!

Стуф — Взял деньги, и еще получит, а всё «ни дать ни взять». Не теряйте времени, уважаемый Нопер, готовьте аппараты, аппараты тоже необходимы. Первая партия, по крайней мере.

Нопер суетится, делает аппараты, выставляет новые. Стуф, Деж, переводчик и иностранцы между собой переговариваются.

НОПЕР — Готово!

Стуф — Теперь по магазинам!

Запаковывают, нагружаются, направляются к дверям. В дверях испуганная Бэя.

Бэя — Ой! сударь Абэ! ой, не могу!

Появляется Абэ в растерзанном виде, без чемодана.

АБЭ — Я, я...

Из дверей комнаты выбегает Киз, за нею Онмэль.

Киз — Он, он, голос!

АБЭ — Я, я бы не... В переулке... душили. — Некуда бежать...

НОПЕР — Нахальство! Мой дом не постоялый двор!

Киз (*подбегает к Ноперу*) — Не смей... я не позволяю... Если ты только посмеешь, я закричу. (*К Абэ.*) Идем, идем!

НОПЕР — Прямо неммыслимо.

СТУФ (*к Ноперу*) — Будет! И так теряем время.

НОПЕР — Да что, я не хозяин в своем доме!

СТУФ (*махнув рукой*) — Да ну вас, — пока нет конкуренции. (*Выходит с пакетами.*)

Онмэль, сидящая в стороне, оглядывает полку.

Киз — Онмэль, нельзя же, помощи. Воды... повязку... кровь!
Уложить! (*Указывая на двери в комнату.*) Туда, туда!

Онмэль остановилась, потом помогает. Ведут Абэ в комнату.

АБЭ — Подождите. (*Трогает карман, потом успокаивается.*)

Киз — Не говорите, вредно!

Скрываются в комнате. Некоторое время женщины суетятся, бегают с водой, с повязками.

ДЕЖ (*к переводчику*) — Спросите, знают ли они Абэ?

ПЕРЕВОДЧИК — Да ну, это сам и есть?

ДЕЖ — Да, да.

Переводчик поговорил с иностранцами, иностранцы отрицательно машут головами.

ПЕРЕВОДЧИК — Говорят, что не знают.

ДЕЖ — Не понимаю. (*К Ноперу.*) Вы оставайтесь пока здесь. Не выпускайте Абэ.

НОПЕР — А аппараты? Это же важнее.

ДЕЖ — Всё важно. Оставайтесь пока. (*Приглашает иностранцев выйти.*)

Деж, иностранцы и переводчик выходят. Нопер бегаёт растерянно.

НОПЕР (*ходит, кричит*) — Вон, вон его! Надо заявить, надо заявить!

КИЗ (*в дверях*) — Онми, поухаживай. (*Подбегает к Ноперу, полуголосом.*) Ты тише, идиот. Потрудись немедленно подарить мне серьги, духи, коробку конфет и мои любимые пряники!

НОПЕР — Ты что, — совсем с ума сошла?

КИЗ — И выложи сейчас же все 500 золотых.

Нопер с открытым ртом замирает.

КИЗ — Всё, всё знаю. И о лигах, и обо всем. Я серьёзно сказала. И ни одной неприятности. А сам девайся куда хочешь.

Нопер хочет пробормотать.

КИЗ — Ни звука! Потрудись сделать!

НОПЕР — Я... я с тобой могу сделать всё, кроме трупа. А это как раз и надо было б.

КИЗ — Ну будешь, или нет?!

Нопер со злобой вынимает из кармана футляр, швыряет.

Киз (*громко*) — Повезливей нельзя?! (*Спохватывается.*) Да ты тише, идиот. (*Открывает футляр. Удивленно.*) Те?! те самые?! Серьги?! Как очутились?!

НОПЕР — Очень понятно. Ты выбрасываешь, а я люблюйся? Выбежал тогда и поднял.

Киз — Ах, негодяй. И спрятал. (*Рассматривает.*) Камни настоящие? Тебя спрашиваю.

НОПЕР — А то какие же?

Киз — Теперь 500 золотых. Выкладывай! И духи! Слышала, вы о духах разговаривали.

НОПЕР (*остановился, передернулся, потом вынимает деньги и стеклянку с духами*) — Вот тебе!

Киз (*нюхает стеклянку*) — Приятный.

Нопер, улучив удобную минуту, хватая шапку, выбегает.

Киз (*делает движение выталкивания коленкой*) — Ну, деньги есть! (*Выбегает в свою комнату, пробегает к комнате Абэ.*)

Онмэль выходит из комнаты Абэ на цыпочках.

Киз — Тише, — не шуми. Ну как?

Онмэль — Успокоился, будто уснул.

Киз — Какое счастье. Бедный...

Входит в комнату Абэ, возвращается. В руках у нее пиджак.

Киз — Пока пришью. Смотри, — на что похож. Ни одной пуговики.

Показывает пиджак, берет иголку, шьет. Пауза.

Онмэль — А мои вещи? Ведь нельзя же так.

Киз — Пусть даже вор, пусть самый последний мошенник...

Будем тише.

Онмэль — Скажи: он? Как всё-таки по-твоему?

Киз — У тебя нет никаких оснований. Я начинаю обижаться и за него и за себя. Не мешай. Я шью. (*Вздыхает.*) Ах, как трудно быть женщиной! Ты не поверишь.

Онмэль — Почему не поверю? А я кто? Тебе еще ничего. А меня... никто не любит.

Киз — А Деж?

Онмэль — Нет, это не то.

Киз — Вот глупышка. Если противно, какая ж благодарность.

Онмэль (*встрянувшись*) — У меня, с одной стороны, — усталость, а с другой, когда всё кончилось, — стало хотеться чего-то другого. Я почувствовала, что Эльм мне не так дорог. И он теперь всё время должен работать... Киз, помнишь? — ты обещала. Уступи Абэ.

Киз — Не могла обещать таких вещей.

Онмэль — Тогда я сама.

Киз (*улыбнувшись*) — Он не прельстится.

Онмэль — Ты говоришь дерзости. Почему так думаешь?

Киз — Потому, — не прельстится. (*Подмигнув на зеркало.*)

Онмэль (*у зеркала*) — Ну что, — у меня глаза правильные, нос...

Досадливо теревит свое лицо. Издалека слышатся звуки рояля. Женщины вздыхают. Пауза.

Онмэль — Киз, уступи Абэ.

Киз — Помолчи, пожалуйста. Дай слушать.

Тихо из дверей выходит Абэ, стоит, слушает. Через некоторое время, увидев Абэ, <Киз> пронзительно вскрикивает.

Киз — Ложись, ложись. Нельзя, нельзя.

Абэ (*вдруг выходя вперед*) — Да, да! Вы слышите, как звуки то поднимаются, то опускаются, — иначе не было б музыки; а день переходит в ночь, а от ненависти до любви — только один шаг; вы знаете добро — зло, мужчину — женщину, черное — белое, да — нет, жизнь — смерть; парами, двойками — всё

и всюду. Иначе не существовал бы мир, не было бы никакой борьбы. Но сердце, голова, нос, уши, глаза и пальцы — фотографы-любители. А сколько в мире сердец, голов, ушей, пальцев, — вы только подумайте! Так где же бесхитростный фотограф?! Он там, куда всё, всё стремится: к третьему, к выводу, <к> соединенью, к равновесию, к благоустройству, к примиренью, к радостному концу, который не должен быть концом!.. Фотограф там, и он, чорт его подери, вот тут! (*Указывая на себя.*) А пока всё дело в том: у кого больше правды, больше оправданья? И больше его там, у кого шире объектив и уже диафрагма... Эх, хорошо бы сейчас или поиздеваться над самим собой, или бросить всё и не «рас<с>траиваться». Ведь можно слово «рас<с>тройство» производить от слова «тройка»?.. А потом, — вы думаете, — мне есть не надо, любви не надо, денег не надо, уваженья не надо?

Киз (*перебивая*) — Успокойся. Ничего мы не думаем.

Абэ (*продолжая*) — Еще как надо! Если я человек, — мне всё надо. Если я хороший человек, — мне нужно в десять раз больше!..

Киз — Ложись, успокойся, Абик!

Онмэль (<к> Киз) — Он взял!

Абэ — Ну говори, кому же фокифон?

Киз — Он бредит.

Проиграв несколько тактов, рояль начал повторять одну и ту же музыкальную фразу.

Киз — Да что это, — будто уперся в одно место!

Рояль, проиграв еще несколько раз, пискливо умолкает.

Киз — Ах да! механический, — у соседей. Совсем забыла. Всегда только раздражал, барабанил, будто по голове.

Онмэль расплакалась. Стук в дверь. Все вздрагивают.

ХАЦЕЧ (*в дверях приподымая шляпу*) — Фотография здесь, или здесь портниха?

Все недоумевающе останавливаются.

ХАЦЕЧ — Фотограф Нопер здесь? Я туда попал? (*Присматриваясь, узнает Абэ.*) Вот встреча! Абэ, если не ошибаюсь. (*Пожимая плечами, шепчет что-то Абэ.*)

Киз — Что вы хотите? Его нельзя тревожить. Я — хозяйка. И даже не знаю, кто вы. (*В двери зовет.*) Бэя, Бэя! (*Бэя не появляется.*) Бэя, да где ж она? (*Отходит от двери.*)

ХАЦЕЧ — Простите. Но горожанин Абэ невозможен, — в таком костюме, — тут дамы.

Киз (*к Абэ*) — Какие пустяки! Не стесняйтесь. Скоро пришью пуговики.

ХАЦЕЧ — Пуговики? (*Достает коробку, раскрывает, роется.*) Разрешите, я вам подберу. Вот, кажется, подходящий формат.

Киз — Да вы, собственно, кто? Предлагаете пуговицы?

ХАЦЕЧ — Нет. С вашего позволения — главный инженер Ха-ха... (*Запнувшись.*) Тьфу. (*К Абэ.*) Только вам подношу.

Все удивлены.

Абэ — Что ж, — пришей, если так.

Киз, пожимая плечами, нетерпеливо пришивает.

ХАЦЕЧ — Оденьте, прежде всего. Неприлично в дамском обществе... А затем...

Абэ одевает пиджак.

ХАЦЕЧ — Затем, — повернитесь теперь к тому предмету, который, допустим, вам дороже всего. Скажем, к даме.

Киз — Да что за новости! Абэ, — с посторонним человеком...

АБЭ (заинтересованно) — Ну?

ХАЦЕЧ — Выберите предмет. Станьте как раз против.

АБЭ (оглянув женщин, поворачивается к Киз, потом к Онмэль) — Ну?

Киз удивленно взглядывает на Абэ, Онмэль потупилась.

ХАЦЕЧ — Теперь покрутите пуговицу, осторожней, двумя пальцами. Покрутили? — Всё!.. Только вам подношу, первому основателю, — так сказать.

АБЭ — Ошибаетесь, — никогда выделкой пуговиц не занимался.

ХАЦЕЧ — Это большой недостаток.

АБЭ (сообравив, рассматривает пуговицу) — Аппарат?

Все рассматривают пуговицу.

ХАЦЕЧ — Позвольте, — объясню: самая обыкновенная камера, немного, правда, уменьшенной и приплюснутой формы. Мое двадцатьтретье изобретение. А вот другая исключительная вещица: пуговица-чернильница. Позвольте... (Придельывает к пиджаку пуговицу-чернильницу.) В случае надобности, в пути, в путешествии, в дороге.

Киз — Вот именно, в пути, — в дороге.

ХАЦЕЧ — Изящно и портативно.

Нажимает пуговицу. Вдруг выплескиваются чернила, заливают пиджак.

ХАЦЕЧ — Ах-ах! Виноват, неудачно, — снимите, снимите — перепачкаетесь.

Абэ сбрасывает пиджак. Женщины вскрикивают.

ХАЦЕЧ — Случайно, — неудачный экземпляр. Ничего не поделаешь. Но вот другой...

Киз — Нет, нет, не позволю.

ХАЦЕЧ — Вы несправедливы. Но зато аппарат-пуговицу не можете отрицать. И это не то, что с громоздким аппаратом. Ну не выходит, — да и только. (К Абэ.) Виноват... перед дамами неудобно в таком виде... Фу, простите!.. Да, да... в таком случае другой костюм... У вас, наверно, найдется?

Абэ горько усмехнулся.

Киз (*шепчет*) — Не беспокойся, будет.

Абэ молча стоит, рассматривает пуговицу-аппарат.

Абэ — Обменяемся; у меня есть проект городского аппарата.
ХАЦЕЧ — Что вы говорите! Откуда? Чей? Но вы ведь не инженер!

Абэ — Ха-ха. И даже не изобретатель. (*Вынимает из-за пазухи сверток.*) Фокифон.

ХАЦЕЧ — Как вы сказали? Дайте, дайте. Даже на это пойду.

Абэ — Или нет... (К Онмэлю.) Где сейчас ваш муж?

Онмэль — На службе, наверно.

Абэ — Мог бы он придти сюда?

Онмэль — Можно позвонить.

Абэ — Позвоните. Мне надо ему передать...

ХАЦЕЧ (<к> Онмэль) — Э, нет, горожанка. Чего вы суетесь!

Киз (*отстраняя Онмэля*) — И по-моему тоже.

Онмэль удивленно останавливается.

Онмэль — Ты — против? Почему?

Киз — А потому. (*Демонстративно отходит.*) Противный, хитрый. Неужели у него такой вкус? (*Перебирает лежащий на столе капор.*) Не получит... (*Передразнивая.*) «Этот слюнявый Лозк».

Абэ (<к> Онмэль) — Позвоните.

Онмэль — Ну, можно?

Абэ — Конечно.

Онмэль (*у телефона*) — Номер 55. Эльм? ты? Можешь сейчас придти к Ноперу. Очень важно. По одному делу... Да, как будто очень важно. Не знаю. Потом узнаешь... Да, я здесь... (*Вешает трубку*.) Сейчас будет.

Хацеч — Горожанка, что ж вы перебиваете. Я не соглашаюсь. Мы уже сговорились. При чем тут ваш муж. Да ему никто и не поручит. Репутация. (*К Абэ*.) Нехорошо с вашей стороны.

Абэ (*насмешливо*) — Совсем, совсем нехорошо... Хотите... Я буду распространять ваши пуговики. И в самом деле, почему бы мне не заняться более выгодной...

Киз (*тихо <к> Абэ*) — Не беспокойся. Скорей оканчивай. Всё есть.

Хацеч (*к Абэ, приподнимая шляпу*) — Вы меня извините, а с такими, как вы... Сейчас одно, через минуту — другое.

Абэ — Напротив. Теперь всё определено.

Хацеч — Как знаете. Ваше дело, ваше.

Абэ — Зачем вы заходили к Ноперу? Хотели предложить ваши аппараты?

Хацеч — Вы меня простите, но это не ваше дело.

Абэ — Так хотите: я буду распространять ваши пуговицы?

Хацеч — Это же, извините, по-моему, называется...

Абэ — Хотя часто всё дело только в названьях, а мне наплевать...

Берет коробку с пуговицами-аппаратами, засовывает себе в карман. Женщины выжидательно смотрят.

Хацеч — Вы крадете? вы надуваете? вы сами надуваете? Это же подлость! Отдайте, я не позволяю.

Абэ засовывает коробку в карман. Хацеч возмущенно всплескивает руками, быстро поднимает пиджак, направляет на Абэ пришитую аппарат-пуговицу, фотографирует, затем, весь перепачканный, открыв пуговицу, направляется к двери.

ХАЦЕЧ (*приподнимая шляпу*) — Снимок есть. Честь имею кланяться. (*Быстро уходит.*)

Киз (*к Абэ*) — Да не надо же! Отдай ему! Отдай. Потом скажу. (*Шепчет.*) Деньги же есть. Зачем так делать?

Абэ — Зачем? Затем, что я — не капор!

Киз — Капор? При чем тут?..

Онмэль оглядывает полку с фотографическими принадлежностями. В дверях Эльм.

Эльм — Давно, давно здесь не был. (*Останавливается, ищет глазами; увидев Киз, подходит к ней.*) Киз, очень рад, очень рад. Узнаете? Я Ноп? (*К Онмэль.*) Ты меня звала?

Онмэль — Эльм, познакомься. (*Указывая на Абэ.*) Собственно, горожанин Абэ просил тебя...

Эльм — А-а. (*Выжидательно останавливается.*)

Онмэль — Абэ — новый друг... Киз. (*Переглянулась с Киз.*)

Эльм подходит к Абэ, знакомится.

Абэ — Мы хоть и не были знакомы, но я о вас почти всё знаю... Но сразу к делу. Вам поручена постройка городского аппарата.

Эльм — Да, работаю. Но нет..

Абэ — Знаю. (*Вынимая бумаги, развертывая, ищет подходящий стол; к Киз.*) Где можно разложить?

Киз — Где хотите. Можете в «вашей» комнате.

Абэ — Пройдемте. Там большой стол.

Эльм — Только извините — могу на очень недолго. Занят.

Скрываются в комнате Абэ.

Киз — Запугалась. Даже не знаю совсем, как к нему относиться.

Пауза.

Киз (*подходит к столу, берет капор, рассматривает в ожидании, вдруг удивленно протягивает капор; к Онмэль*) — Это твоя работа? Ты довязала?

Онмэль — Ничего я не довязывала. Не придирайся, пожалуйста...

Эльм (*появляясь с Абэ, жмет ему руку*) — Замечательная изобретательность. (*К Онмэль.*) Онмэль, да ты знаешь: мне сделано сейчас такое одолжение. Как благодарить?

Абэ — А пока никак не надо. Я не богадельня. Просто сам в этом заинтересован. Во сколько времени вы сможете закончить?

Эльм — Ну, в сутки. Смены у нас на подбор.

Абэ — Вот и постарайтесь.

Эльм (*трясет руку Абэ*) — Будет сделано. (*К Киз.*) Киз, передайте Нопу привет. Освобожусь — непременно зайду. И вы все к нам. (*К Онмэль.*) Ты домой? Идем.

Онмэль — Немного побуду. Ты иди, если нужно.

Эльм — Мальчика надо было б покормить и вообще.

Онмэль (*стиснув зубы*) — Ну, идем. (*Подходя к Киз.*) Ты, пожалуйста, выясни с вещами.

Киз — Успеем.

Онмэль — Нет, я серьезно.

Киз — Не волнуйся.

Онмэль (*кивает головой; к Абэ*) — Счастливо.

Эльм (*жмет руку Абэ; к Киз*) — Вы не сердитесь.

Онмэль и Эльм уходят.

Киз — Ну, кончил? А теперь будем говорить. У меня есть деньги. Я достала. Видишь, какая. Теперь мы едем.

Абэ молчит.

Киз — Ну что с тобой говорить. Стойт, — ни туда ни сюда. С тобой нужно энергично. (*Выбегает в соседнюю комнату.*)

Абэ остановился в раздумьи. Пауза. Абэ щупает карманы, осматривает пиджак, ищет шапку.

Киз (*появляясь в дорожном костюме, с саквояжем*) — Пришла бежать. (*Вынимает из саквояжа.*) Смотри: всё достала. Духи. (*Вынимает футляр.*) А вот серьги. (*Вынимает бумажник.*) А вот... Как по-твоему, что делится на два? У тебя там всё делится на что-то. Здесь пятьсот золотых. А по-моему, не делится, — потому что всё это нам обоим, вместе, всегда милый. Что ж ты стоишь? (*Меняясь.*) Да, у тебя есть женщина? Говори! Есть? (*Со стола берет капор, показывает.*) Довязано. Значит, женщина. Ну, теперь всё ясно. Говори.

Абэ досадливо молчит.

Киз — Не лги. Есть.

Абэ (*иронически*) — Онмэль.

Киз — Врешь, у тебя не может быть такой вкус. Стыдись.

И так не выдают. У тебя есть третья. Теперь я понимаю, — ты всё о «третьем» чём-то болтал. Говори, кто?

Абэ — Я же тебе сказал: я — не капор, не капор, не капор!..

Киз — Не притворяйся.

Абэ, махнув рукой, берет пиджак, хочет его надеть, бросает, потрогав карманы брюк, быстро идет в свою комнату. Возвращается повязанный простым шарфом, с одной шляпой в руках.

Киз — Абэ, ты бросаешь? Уезжаешь один?

Абэ — Нет. (*Передразнивая.*) Бегу идти. (*Быстро выходит.*)

Киз — Абэ, Абэ, не смей! Стой! Подожди! (*Меняясь.*) Обманщик, вор, подлец, воришка!..

Останавливается, плачет.

Киз — Как трудно, трудно быть женщиной! Этот — идиот!
 Ноп — идиот! Онмэль — идиот<ка>... А я? Ах, все идиоты!..
(Шмыгает носом, ищет платок, не находит, подымает с полу валяющуюся бумажку, сморкается, комкает, бросает. Потом, встряхнувшись, смеется, подходит к зеркалу, надевает серьги, пудрится, душитя из стеклянки, выливает на себя всю.) У-ух! Накачус<ь> вдрызг! (Одевается, направляется к двери, останавливается, меняется.) Что? что со мной?! (Ослабевшим голосом.) Бэя, Бэя! А-а!..

Вскрикивает, падает. Небольшая пауза. За дверьми шаги. В дверях полицейонер <тайного розыска>.

ПОЛИЦИОНЕР <ТАЙНОГО РОЗЫСКА> *(останавливается, оглядывает, наклоняется к Киз; потом у телефона)* — Дайте телефон главного полицейонера... Говорит агент. По вашему распоряжению... В квартире не оказалось... Найдена женщина в обморочном состоянии... Еще не выяснено... При ней стекляночка с духами, раскрытая сумка, футляр от какой-то драгоценной вещи, мужской пиджак... не выяснено... Сильный дурманящий запах... Так точно... Как поступить?.. Не расслышал, — что приказываете?.. Взять вещественные доказательства?.. И... Повторите... До 12 часов вообще снимается с постов вся охрана?.. Почему это?.. То есть как же?.. Слушаюсь... *(Пожимая плечами, вешает трубку.)*

Занавес.

Действие 4

Площадь Науки. Та же, что в прологе. За домами, на горе, вдали сооружение вроде фотографического ящика, большой рупор, натянуто полотно наподобие экрана. Горят, мигают электрические лампочки. На горе люди, бегают, заколачивают. Площадь полуосвещена. Сбоку веранда кабачка. Витрина с фотографиями. На одном из домов надпись: «Читальня». На столбах объявления: «Чиню аппараты», «Ремонт аппаратов», «Быстро, дешево обучаю фотографическому ремеслу. Согласен в отъезд». Прохожие в страхе и любопытстве посматривают на гору. Некоторые с биноклями. Суетня. У многим фотографические ручные аппараты. Всюду щелкают — снимают друг друга, преследуют, улучают удобные минуты, оглядывают недоверчиво. Бегают разносчики, предлагаю<т> аппараты, выкрикивают: «Моментальная фотография. В любое время, полезно, дешево, ново, модно! В любом положении, в положениях, без положений! — кому прикажите? Спешите, спешите!» Горожане покупают, торгуются. В стороне несколько фигур подзывают гуляющих, таинственно предлагают небольшие стьянки с запахами. Некоторые из горожан дрожащими руками покупают, отходя в сторону, нюхают: «Блаженство, как чудно!» Ходят как в дурмане. Среди них 1-й молодой человек. На веранде кабачка за одним столиком сидят хозяйка, хозяин, Зика. На столе одна бутылка. Перед каждым по стакану. Скрипач и пианист сонно настраивают инструменты. Столики пустые. Разноцветные фонарики.

Хозяйка (<к> Зике) — Приоткрой, тебе говорят! И делай вид, суетись, несносная какая!

Зика — Ах, мама, да я и так сделала кокетливо. *(Досадливо встает, приоткрывает, поправляет занавеску на окне веранды.)* — Так хорошо?

Хозяйка — Сообрази только этот стол, чтоб пустых не видели. Кто пройдет, чтоб соблазнился, будто полно...

Зика — Да разве я родилась, чтоб делать эту самую публику!
Папа, я тоже жить хочу.

Хозяин — Знаем; по-вашему, жить — значит по улицам бегать, мальчишек ловить.

Хозяйка — Что она, в самом деле, не понимает пользы общей? Ее это не касается. В кого только ты уродилась!

Зика — Да ведь ты меня не спрашивала, хотела я на свет появляться, или вовсе не хотела. И вообще, наплевать мне на всякую девственную плеву!

Хозяйка (*плюет в сторону Зики; потом, взглянув на витрину*) — Заглядывают. Веди прилично. Мать небесная, пошли посетителя!

Хозяин (*махнув рукой*) — Голоштаный народ. Только шляют по улицам.

Хозяйка — Идут!

Все за столиком начинают усиленно болтать, хозяин делает знак музыкантам, музыканты засуетились. Входят первый и второй посетители.

1<-й> ПОСЕТИТЕЛЬ (*второму*) — А вот здесь прямой вид. Самое удобное.

Усаживаются за столик. К ним подходит Зика.

1<-й> ПОСЕТИТЕЛЬ — Два стакана чаю.

Зика — А еще?

1<-й> ПОСЕТИТЕЛЬ — Больше ничего.

Хозяин разочарованно садится. Зика приносит чай.

1<-й> ПОСЕТИТЕЛЬ (*<к> хозяину*) — Когда открытие? Говорят, сегодня?

Хозяин — Чего открытие?

1<-й> ПОСЕТИТЕЛЬ — Вот тебе и раз. Что вы, слепой, глухой?
(*Тычет пальцем на гору.*)

Хозяин — А чего мне знать, какая мне прибыль! Был бы посетитель, вот и всё наше дело.

2<-й> ПОСЕТИТЕЛЬ (*рассматривает в бинокль гору*) — Непонятно.

1<-й> ПОСЕТИТЕЛЬ — Секрет делают из этого пипофона, что ли. А что это за машина, чорт разберет. Нет, каково, каково: по улицам не пройдешь — всюду щелк, щелк.

Сидят, пьют. Хозяйка время от времени хнычет: «Мать царица небесная, пошли посетителя!» Некоторые из прохожих, разглядывая витрину, отходят. Среди говора на площади: «А пусть будет, что будет, лучше кутнем, как говорится. Надо жизнью пользоваться». — «Пропьем всё до последнего». — «Немыслимо, невысказано». — «Прямо из дому нос не высунешь». — «Кикифон какой-то будто свет всем давать будет, так слышал». — «Какой там свет, — для летанья». — «Летанье еще выдумал. Преступников наказывать будут». — «Ну что вы говорите». — «Не могу ручаться, такие слухи». Фотографы и фотографирующие появляются в продолжение всех сцен на площади и в кабачке. Появляется отдельная группа горожан, <которые> ходят по площади. Многие из них часто держатся за карманы, будто боясь что-то выронить, шепчутся таинственно между собой. Проходит Гэв. Отзывает в сторону группу.

Гэв — Совершенно верно. Ни одного полицейонера. Хитрецы! Но мы этим воспользуемся. Бодритесь, выдержка, выдержка! И удобный момент! Не прозевать! Поняли? Бодрись!

Горожане из группы, утвердительно махнув головами, расходятся по площади.

Гэв (*увидев вдыхающих запахи, подходит к 1-му мол<одому> ч<еловеку>*) — Это что?

1<-й> МОЛ<ОДОЙ> ЧЕЛОВЕК — Ах, блаженство!

Гэв — Откуда взяли? Кто вам продал? (*Отнимает небольшую стеклянку.*) Чего доброго все перенюхаются. Это недопустимо. Стыдитесь! (*Проходит.*)

Кабачок постепенно наполняется. Площадь соответственно пустеет. Хозяйка шепчет: «Мать царица небесная, услышал<а> молитву!» Хозяин, хозяйка суетятся, разносят кушань<я>. Зика недовольно им помогает. Некоторые посетители при заказывании напитков оговариваются: «Дайте две бутылки проявителя», или: «Бутылочку закрепителя», или: «Флакон вираж-фиксажа». Хозяин переспрашивает. На площади появляется самодовольный и важный Нопер. Идет в кабачок, усаживается.

НОПЕР (<к> хозяйну) — Дюжину вина, высший сорт. Закуски. Отдельный столик. Не могу же я с кем-нибудь! (*Презрительно оглядывает кабачок.*) У вас, любезный, слишком тесно и вони этой...

ХОЗЯИН — Ничего не поделаешь, ваше здоровье.

НОПЕР — Скажите, что Нопер не желает, пусть не пускают ЭТОТ ДЫМ.

Хозяин угодливо разводит руками.

СТУФ — Хватит, нахвастаетесь, это не солидно.

Сидят, пьют, едят. На площади проходит Онмэль, направляется к дому с крыльцом. Ее останавливает 1<-й> молодой человек.

1<-й> МОЛ<ОДОЙ> ЧЕЛ<ОВЕК> — Девочка, куда так спешите?

ОНМЭЛЬ — Оставьте, я с вами не знакома. (*Оглянув молодого человека.*) А почему вас интересуется? Скажем, иду домой.

1<-й> МОЛ<ОДОЙ> ЧЕЛ<ОВЕК> — Муж, дети пищат, вед<ь> так, наверно? Почему вам не погулять, не подышать? Можно вас проводит<ь>? Пройдемся.

ОНМЭЛЬ (*нерешительно*) — Да как же, я пришла почти. Вот я живу...

1<-й> МОЛ<ОДОЙ> ЧЕЛ<ОВЕК> (*вглядываясь в лицо Онмэль*) — Будто не похожа. А вы не знаете таких барышень, как их — Бэя, а другую... Зика?

Онмэль — Поняття о таких не имею.

1<-й> мол<одой> чел<овек> — Этот дом... Вышел один случай. Инженер Эльм, может, слышали? Я с одним моим приятелем попался в засаду.

Онмэль — Что вы говорите!

1<-й> мол<одой> чел<овек> — Очень глупо вышло. Пройдемся. Расскажу. Не бойтесь, честное слово.

Онмэль — Я могла бы еще погулять...

1<-й> мол<одой> чел<овек> — Так вот, идем мы с приятелем, впереди две барышни, мы...

Проходят, скрываются. На улице некоторое время те же сцены с прохожими и фотографами. Издалека раздаются отдельные выстрелы. Бегут горожане, кричат: «Полицейнер, полицейнер!» — «Спаси-и-те!» — «Грабят!» Среди прохожих: «Ни одного полицейнера! Прямо страшно идти. Идем скорей!» Проходят. Снуют хулиганы, подозрительные фигуры.

1<-й> хулиган (<к> другим) — Ни одного!

Хулиганы — Разуи глаза! Гуляй во всю!

Проходят, крадутся, воруют у зазевавших<ся> прохожих.

Онмэль (*возвращаясь под руку с 1<-м> мол<одым> чел<овеком>*) — Нет, отчего вы отказываетесь? Мне вдруг захотелось. Я так давно не веселилась!

1<-й> мол<одой> чел<овек> — Одно обстоятельство — бумажник забыл.

Онмэль — Я плачú. Решит<ь>ся — так сразу на всё. Но, может быть, вы вообще со мною просто так говорите? Вы меня не обманываете?

1<-й> мол<одой> чел<овек> — Нет, на этот раз зачем же? Честное слово, бумажник забыл.

Онмэль — Да я не о том!

1<-й> мол<одой> чел<овек> (*спохватившись, наклоняется к Онмэль*) — Девочка... И вы непременно записывайтесь

в наше общество. Изумительно, интересно, весело. «Общество явного вранья!» Это же прекрасно. Вы не «душитесь»? Вы не представляете, какое это блаженство. (*Наклоняясь к Онмэль.*) У нас как-нибудь попробуете.

Идут в кабачок, садятся за столик. Онмэль непривычно осматривается.

НОПЕР (*увидев Онмэль*) — Онмэль! С кем она! Ага, вот они время как проводят! Все одинаковы эти женщины.

СТУФ — В кабаке следить за нравственностью, по меньшей мере, глупо.

НОПЕР (*подходит к Онмэль*) — А-а! Вот не ожидал. Но не мое, не мое дело. Подсаживайтесь к нам. Поздравляйте. Будем пить? Я теперь... вы знаете... (*Поглаживает живот.*) Хотите ужинать? Вина? Вот теперь я начну за вами ухаживать.

ОНМЭЛЬ — Побольше. (*Нопер укоризненно качает головой.*) С чего это вы взяли стыдить, Ноп? Делаю, что хочу. Знаком<ь>тесь. Мой хороший знакомый, друг детства. Ноп — известный фотограф.

Рукопожатье.

НОПЕР (*считает*) — Раз, два, три. (*К <1-му> молодому чел<овеку>.*)
Тоже будете?

1<-й> мол<одой> чел<овек> — Не беспокойтесь, я закажу.

ОНМЭЛЬ — Глупости, глупости. Все вместе.

НОПЕР (*хозяину*) — Четыре самых вкусных ужина и вина.

1<-й> мол<одой> чел<овек> (*в сторону*) — Конечно, буду, что за вопрос.

К Стуфу подсаживается одна из девиц. Стуф встает и выходит. Скрывается. Хозяин спешит, разнося бутылки, роняет перед столиком поднос. Стекло бьется; хозяин суетливо подбирает, продолжает разносить<ь>. Пьют.

ОНМЭЛЬ — А где Киз?

НОПЕР — Ну, это меня мало, знаете, интересует. Сама виновата.

Появляется женщина с отталкивающей физиономией, разодетая. За ней вереница мужчин интеллигентского типа. Проходит в кабачок, усаживается. Нопер ее замечает.

Мужчины (*к женщи<ине> с отталк<ивающей> физ<иономией>*) —
Какая вы притягивающая, тонкая. Глаза, волосы, губки так
и притягивают... тягивают!

На эстраде начинается концерт. Дивертисмент. Последним номером
выходит певец.

ПЕВЕЦ (*говорит хозяину, театрально протягивает руку*) — По-
лутьма!

Хозяин притушил свет. Полумрак. Певец поет. При окончании пе-
ния между столиками протягивается рука, бросает на эстраду букет
цветов.

ПЕВЕЦ (*кончив петь, подымает цветы под аплодисменты*) — Пре-
лестные горожанки! Приятно было бы узнать, кому я обя-
зан? (*Вдыхает цветы.*) Считаю до трех. Если прелестница не
сознается, цветы раздаю дамам.

ПОСЕТИТЕЛИ — Bravo, bravo, остроумно, остроумно! Бис!

ПЕВЕЦ — Считаю. Один... два... два с половиной... два три чет-
верти... два девять десятых... и... три... Раздаю!

Под общий смех раздает цветы ближайшим женщинам.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС — Не смейте этого делать! (*Все оборачиваются,
певец направляется к говорившей.*) «Очаровательница».

Зажигается свет.

ПЕВЕЦ (*наклоняется над рукой женщины с отталк<ивающей> физ<иономией>, отскакивает, опускает руку*) — Очень благодарен, очень благодарен! (*Отходит с гримасой; соседям.*) Всюду эта отталкивающая рожа. Замучила, покою нет!

Посетители быстро забывают, едят. Общее пьянство. Музыканты начинают играть модную песенку. Посетители подтягивают, хором поют:

Ночь пройдет, настанет утро,
 Пройдет утро, будет день,
 День пройдет, настанет вечер,
 Пройдет вечер, будет ночь.
 Ночь пройдет, настанет утро... и т. д.

Хозяин проносит бокалы у стола перед Онмэль. Онмэль роняет платок. Наклоняясь за платком, толкает нечаянно хозяина. Поднос со стеклом падает. Онмэль отшатывается.

ОНМЭЛЬ — Ах, нельзя же! Чуть в глаз!

Хозяин угодливо извиняется. Подбирает стклянки. На площади появляется «универсальный нищий», бродит, просит.

<1-й> ГОРОЖАНИН (<к> «универсальному нищему») — Да ты знаешь, сколько хлопот с вашим братом? Вы нищие — счастливицы, вот что я тебе скажу! Бог подаст. Иди.

«УНИВЕРСАЛЬНЫЙ НИЩИЙ» (*другому горожанину*) — Тогда купите буквы для белья, поддержите.

2<-й> ГОРОЖАНИН — Вот когда разбогатею, буду крайним индивидуалистом, — даже свои штаны буду от чужих отмечать.

ДЕВИЦА (*к<о> 2<-му> горожанину*) — Как не стыдно! Купи. Он, наверно, бедный, больной.

«УНИВЕРСАЛЬНЫЙ НИЩИЙ» — Ничего подобного, больные в больницах лежат.

ДЕВИЦА — Забавный какой.

2<-й> ГОРОЖАНИН — Профессиональная гордость.

«Унив<ерсальный> нищий» продолжает просить у 2<-го> горожанина.

2<-й> ГОРОЖАНИН — Виноват, дорогой, у нас конфиденциальный разговор. *(Проходит, смеясь, с девицей.)*

В группе горожан, оглядывают нищего: «Что это за “универсальный нищий”? Подозрительно». Следят за ним. «Универсальный нищий» идет в кабачок, бродит, допивает, доедает остатки. 1<-й> молодой человек, сидя за столиком, потихоньку прячет в карман яблоки, плитку шоколада, ложку.

«УНИВЕРС<АЛЬНЫЙ> НИЩИЙ» *(заметив поступок 1<-го> мол<одого> чел<овека>, громко)* — Горожане, фокус, прошу внимания! Кладу в карман два яблока *(берет со стойки)*, ложку, плитку шоколада. Теперь раз-два! *(Фокусническим жестом.)* Всё очутилось в вашем кармане. *(Указывая на 1<-го> мол<одого> чел<овека>.)*

1<-й> МОЛ<ОДОЙ> ЧЕЛ<ОВЕК> — Ты дурак! Как ты смеешь!

«УНИВЕРС<АЛЬНЫЙ> НИЩИЙ» — Покажите карман!

Выворачивает карман 1<-го> мол<одого> чел<овека>. Под общий смех вываливается спрятанное <1-м> молодым человеком. «Унив<ерсальный> нищий», улыбнувшись, отходит, уплетая в стороне вынутое из своего кармана, яблоко и шоколад.

1<-й> МОЛ<ОДОЙ> ЧЕЛ<ОВЕК> *(сконфуженно выходит из-за стола; проходит, в сторону)* — Угостили, и то дело.

Взглянув на Зику, узнает ее, подходит к ней. Зика, всплеснув руками, хохочет; 1<-й> м<олодой> ч<еловек> тащит Зику из кабачка. На площади появляется, разгуливающий с Бэей, 2<-й> мол<одой>

челов<ек>, происходит встреча приятелей: 1<-го> и 2<-го> м<олодо-го> ч<еловека>, Зики и Бэи. Здравуются, болтают, смеются.

ЗИКА и БЭЯ — Честное же слово, не нарочно. Не хотели. Я так совсем не знала.

«УНИВ<ЕРСАЛЬНЫЙ> НИЩИЙ» (дает яблоко, неожиданно выкрикивает) — Ап-па-рат — пуговица! Не продается, а распространяется. Не бьется, не ломается, от простой пуговицы не отличается, а всё уличается, всё снимается. Не продается, а распространяется!

Посети<тели> обступают «унив<ерсального> нищего». «Унив<ерсальный> нищий» им демонстрирует, раздает. Через некоторое время всюду фотографируют аппаратами-пуговицами в различных забавных позах в зависимости от того, куда пришита пуговица, спереди, сзади.

НОПЕР (вскакивая) — Как?! Уже! Конкуренция! обман! Горожане, не верьте, не верьте, надувательство! (Бежит по площади, кричит.) Не верьте, не верьте, обман! Покупайте только настоящие, фирмы Нопер-Стуф.

С противоположной стороны появляется Хащеч. Сталкивается с Нопером.

ХАЩЕЧ — Кто, кто мои пуговицы?!

НОПЕР — Ваши пуговицы? Да чтоб я... (Тащит Хащеча в кабачок.) Забирайте, забирайте вашего комиссионера!..

ОНМЭЛЬ (присматриваясь к «унив<ерсальному> нищему», вдруг вскрикивает) — Абэ! (Все настораживаются.) Абэ! — или я пьяна?

Посетители разглядывают «унив<ерсального> нищего», щелкают под самым его носом аппаратами-пуг<овицами>.

ГОЛОСА — Снимай его! Снимай с него голову, по-настоящему. Бей, лупи!

Среди группы отдельно сидевших горожан оживленные переговоры.

Один из группы (*загораживает «унив<ерсальному> нищему» дорогу*) — Стойте, говорите правду. (*Ко всем.*) Кто знает этого человека? (*К Абэ.*) Вы Абэ?

«УНИВ<ЕРСАЛЬНЫЙ> НИЩИЙ» — Нет!

ХАЦЕЧ (*подходя к Абэ*) — Ложь! Горожане, насколько всем известно, пуговицы — мое изобретение! И этот человек попросту похитил у меня. Вот. (*Роется в кармане, показывает сделанный им снимок из 3<-го> действия.*)

НОПЕР (*приглядывается к Абэ*) — Ни дать ни взять, Абэ!.. Вот, вот. Его портрет. — Он у меня снимался.

Роется в кармане, вынимает впопыхах снимок на розовом паспарту. Снимок идет по рукам. Горожане просматривают, хихикают.

НОПЕР (*спохватившись*) — Перепутал, перепутал! Отдайте! Не этот, не тот! (*Растерянно пытается задержать снимок на розовом паспарту, дает другой — на обыкновенном сером паспарту.*)

Горожане, передавая первый снимок друг другу, подмигивают, гогочут. Снимок ходит по рукам.

НОПЕР (*махнув рукой, выбегает из кабачка, бежит по площади*) — Покупайте только фирмы Нопер-Стуф. (*Скрывается.*)

ГОЛОСА — Так где же обманывают? Пусть теперь скажет. (*Наступая на Абэ.*)

Некоторые из кабачка выходят: «Подальше от скандалов», — скрываются; другие обступают кабачок.

1<-я> ЖЕНЩИНА (*пробираясь вперед*) — Интересно, какой он? Тебе нравится?

2<-я> ЖЕНЩИНА — Ну нет, — верно, нахал.

ГОЛОСА — Так он сам и надувает. Ха-ха.

На площади появляется горожанин с чемоданчиком Абэ, подходит к горожанам из Лиги, показывает чемодан.

ГОР<ОЖАНИН> С ЧЕМОД<АНОМ> — Вырвался... Успели чемодан... Не вскрывали. Где наши? Бегаю — ищущу.

ГОРОЖ<АНИН> ИЗ ЛИГИ — Вскрывай.

Рассматривают чемодан, принохиваются к нему, постукивают по крышке. Услышав шум в кабачке и узнав, в чем дело, — направляются к кабачку.

ГОР<ОЖАНИН> С ЧЕМОД<АНОМ> (к Абэ) — Это ваш чемодан?

ГОЛОСА — Ключ! Взламывай! Нечего!

Чемодан взламывают. Из него вываливаются разноцветные капоры. Чемодан весь наполнен капорами.

ГОРОЖ<АНЕ> (удивленно рассматривают) — Капор? Капоры? АБЭ — У кого есть детки?! (Разбрасывает горожанам капоры. Горожане ловят, рассматривают, пожимают плечами.)

ГОЛОСА ГОРОЖАН — Ишь ты, — задабривать вздумал... На нежность бьет... Не слушайте его. Снимай его! Не растрогаешь!..

Некоторые горожане с усмешкой напяливают на себя капоры, гогочут. Некоторые — прячут со словами: «Куда-нибудь пригодится». Один из группы срывает фонарики. Тушится свет. Полумрак.

В это время, одновременно с I<-й>, II<-й>, III<-й>, IV<-й> и пр<очими> сценами, огромный сноп света с горы освещает всю сцену. Слышен стук машины. Тарахтенье как киноаппарата, шипенье наподобие заведенного граммофона. — Заработал фокифон. Фокифон направляет прожектор во все стороны, просвечивает через стены, шарит лучом, перебрасывает за сцену. Общая пауза. Все на площади от удивленья, любопытства и испуга замерли.

- I. Из подозрительных фигур один бросается на Абэ с ножом. Онмэль вскрикивает. Отталкивает руку разбойника. Нож падает. За ножом наклоняется разбойник и Абэ. Онмэль, сообразив, хватается со стола горсть стаканов, бросает между поднимающимися. Звон разбивающегося стекла. Абэ с ножом в руке. Но осколок попадает в глаз Абэ. Абэ хватается за лицо. Разбойник с группой подозрительных горожан спешат к выходу.
- II. 2<-й> молодой чел<овек>, шаловливо остановившись у надписи «Читальня», развязно приписывает мелом впереди «ходячая» и позади «с пивом» (*ходячая Читальня с пивом*).
- III. В других местах площади хулиганье и воришки, пользуясь случаем, воруют у прохожих сумки и тому под<обное>, лезут в окна, взламывают и т<ому> под<обное>.
- IV. Из<-за> забора протягивается рука с баллоном в сторону дома с колоннами.

Через просвечивающие фокифоном стены и окна видно:

- V. В доме с крыльцом: в детской на неубранной кровати сидит Лозк и вовсю ревет.
- VI. В прочих домах, разделенных на перегородки, через просвечивающуюся стену видна жизнь обитателей: ложатся спать, просыпаются, вскакивают, ссорятся, сидят в уборных. На кухнях моют посуду, убирают и т. д.
- VII. В доме с надписью «Читальня» — сидят над книгами, зубрят. Школьная обстановка.
- VIII. В доме с вывеской «Фармацевт Гэв» — в подвальном помещении несколько человек, среди них Гэв, иностранцы, Деж и Стуф востыются у различных перегоночных аппаратов, изготавливают «запа-

хи». Деж передает иностранцам разные драгоценности, оценивают, раскладывают по футлярам.

На горе осветился большой экран. На киноэкране повторяется всё происходившее от начала действия фокифона. Одновременно повторяются все шумы, говор. Из домов высовываются горожане с биноклями, смотрят на экран. Узнав кого-нибудь, кричат: «Ага, ага». — «У меня, у меня, украл». — «Ага, попался, отдавай!» и проч.

Экран:

1. Несколько времени остановившиеся на площади горожане, среди которых можно различить каждого в отдельности, в лицо, чтобы дать возможность приглядеться зрителю.
2. Общая беготня.
3. а) Нагруженные чемоданами и футлярами чужестранцы усаживаются в поезд.
 б) Самодовольно пыхтя сигарами, <они> стоят у окна внутри вагона. Поезд медленно отходит. Чужестранцы машут прощально руками. Вагон вдруг останавливается. Чужестранцы удивлены.
 в) В вагон входит агент тайного розыска.
4. Стуф, потирая руки, спокойно усаживается у себя в квартире за обед.
5. Полуразрушенный дом, где приютилась шпана. Шпана залезает под обломки; делят между собою покраденные сумки, деньги...
6. Шаш, воздев руки к небу, злорадно и саркастически качает головой, глядя из окна вниз.
7. Онмэль и Деж в квартире Эльма. Деж насильно целует Онмэль. Входит Эльм.
8. а) Женщина с отталкивающей физиономией упрягивает в узелок фотографический аппарат с драгоценностями. Переодевается в старое платье.
 б) Везет на ручной тележке вещи. Сталкивается с Нопером. Нопер узнает женщину. Тележка опрокинулась. Нопер роется в вещах, — находит аппарат, тащит женщину за собой, остав-

ляя тележку. Тем временем воришки увозят тележку. Женщина — в отчаянии. Нопер открывает аппарат. Аппарат — пуст.

9. 1<-й> и 2<-й> молодой человек бегут по переулку за руки с Зикой и Бэей, на ходу целуясь.
10. Хащеч со своими «пуговицами».
11. Гэв, хватаясь за голову, пускает запах себе в нос, взмахнув руками падает.
12. Горожане и члены Лиги мирных горожан (*типаж*).
13. Лицо Киз.
14. Вид на строящийся мост.

(Постановщик догадается в случае технических затруднений, напр. с <ис>пользованием кино, упростить обстановку.)

После общей паузы. На площади и в кабачке — горожане разбегаются во все стороны, прячась, скрывая лица. Крики: «Фокифон!» — «Пикифон!» — «Копифон!» — «Пипофон!» За сценой шум постепенно умолкает. Из домов высовываются обыватели, смотрят, прячутся. Суетня. Рука с баллоном из-за забора быстро прячется. Из-за забора валится растерянный член Лиги <мирных горожан>, бежит с баллоном, пускает запахи себе в нос и во все стороны; взмахнув руками, падает. В группе Лиги <мирных горожан> то же смятение — пускают запахи. Некоторые горожане во время беготни останавливаются, нюхают, глубоко вдыхают, в судорогах падают. Запах разносится и по зрительному залу. Через некоторое время с горы слышен звук наподобие хлопанья вбирающего насоса. Запах исчезает. Площадь пустеет. На площади остается один Абэ, весело и самодовольно останавливается, смотрит, на гору, прижимая платок к глазу.

Голос (с горы в рупор) — Горожане, слушайте все, все, все, все! На благо города, на общее благо горожан ничто не скроется от глаз наших. *(Горожане на площади и в кабачке испуганно приседают, прячутся друг за друга.)* Честному труженику, добросовестному бояться нечего. Оставьте всякие попытки к нечестности, и городу обеспечен мир, тишина, спокойствие.

Через некоторое время на площади появляются бегущие из города. Везут на ручных тележках домашний скарб, нагружены мешками, чемоданами. Некоторые верхом на других. Раздаются полицейские свистки.

АБЭ (*выбегая на площадь, улыбаясь, останавливает бегущих*) — Стой, стой-те!!

Бегущие растерянно останавливаются.

АБЭ (*к горожанам*) — Если вас сейчас отпустят, — вас это устроит?

Полицейеры окружают площадь.

ХФУТ (*со списком в руках, к Абэ*) — Абэ из Вэгэ! Вы?.. Так... (*К Дежу.*) Деж? Так. (*К Зике.*) Ваше имя?

ЗИКА — Зика.

ХФУТ (*записав*) — Эльм! Ах да. (*Продолжая.*) Нопер? Здесь. Стуф. (*Оглядывает всех.*) С вами нет такого? (*К Хащечу.*) Хащеч? Так... Шащ...

На экране записываются имена вызванных, составляющие азбуку.

АБЭ (*к горожанам*) — Так как же? Если вас отпустят, — вы раскаетесь, «больше не будете», — вас это устроит? (*В сторону горы.*) Если сейчас их отпустить, если все будут видеть, что не скроются от глаз чужих, если раскаются добровольно, или вынужденно, — вас это устроит?

Пауза. Все выжидательно напрягаются.

Голос (*в рупор*) — Хо-ро-шо.

АБЭ — Ну, идите. Что ж вам еще?

Горожане, переминаясь, хотят что-то сказать; потоптавшись, возвращаются; расходятся, неловко и растерянно переговариваясь между

собой. Некоторые, проходя, жмут руку Абэ. В задних рядах другие за-
лезают к соседям в карманы, — крадут. Площадь пустеет. Абэ направ-
ляется к дому с колоннами.

<МАЛЬЧИК->ПРИВРАТНИК — Ваш пропуск, горожанин?

АБЭ (*останавливается*) — Да ведь...

<МАЛЬЧИК->ПРИВРАТНИК — Ничего не знаем. Пропуск.

Появляется Киз. Абэ радостно оборачивается к ней.

Киз — И не стыдно тебе? И не стыдно? Бросил. Ты ничего не
знаешь, что было со мной. И не стыдно?

АБЭ — Ничуть. Но зато теперь — без любви никак нельзя!

Постепенно настала тишина. Фокифон перебрасывает, шаря, свой
прожектор. Выходит луна.

АБЭ — Киз, Кизи, я всё примирил! Ах, ты слышишь, как тихо,
будто всё, всё остановилось! Не надо говорить. Говорить не
хочется... Будто всё остановилось...

Тянет ее к себе, Киз отстраняется, Абэ ловит ее губы. Поцелуй. Пауза.
В полутемноте пробегает, крадется фигура, испуганно крадется, сто-
ронится.

АБЭ — Кто?!

ФИГУРА — Кто? Чего остановился?

Вдруг фигура, узнав Абэ, подкрадывается сзади. Сверкнул нож. Голос
Абэ прерывается. Абэ падает. Киз визгливо вскрикивает. Фигура бы-
стро пробегает. Сноп фокифона пробегает по площади.

Занавес.

*(Постановщик догадается в зависимости от ближайших театральных за-
даний изменить конец.)*

ОСНОВЫ
ЛИТЕРАТУРНОГО
РАЯ

Статьи и воспоминания

1921–1929

Пути русской поэзии

Конец 19<-го> и первые годы 20<-го> века были периодом разочарований, неудовлетворенностей, томлений, что отразилось и в поэзии того времени, создав романтическую, идеалистическую, символическую поэзию.

Период этот, как оказалось, был предреволюционным периодом русской жизни; наступило затем время всяких революций.

Революция в поэзии, естественно, должна была идти по пути борьбы с символизмом, как с последним литературным течением.

Появились различные школы реалистических направлений, из которых одни задалась целью борьбы с символизмом (акмеисты), другие пошли дальше и начали бороться вообще со всем старым, не только в поэзии, но и в жизни (футуристы).

Наиболее действенным всеобъемлющим футуристическим направлением был футуризм типа Маринетти. Его появление оправдала следовавшая затем политическая революция. Требование всех этих школ, несмотря на различные подходы и частные несоответствия, свелись в общем к следующему: устремление к земле, к обыденной жизни человека; освобождение творчества (наиболее крайнее — освобождение слова даже от его смысла, значения); обновление поэзии новым материалом и формами. Футуристы наиболее смело и грубо подошли ко всему этому: они дали право говорить в поэзии обо всем, «называть вещи своими именами», наиболее, приблизили поэзию к земле, обновили ее рифмами, ритмами (введя даже обыденную разговорную речь).

Различные фокусные ухищрения всё же не умаляют их достоинств.

Акмеисты делали всё более осторожно, академически и «благородно» (напр., в ритмы ввели только т<ак> наз<ываемые> «паузники», в рифмы — «рифмойды»; приближение к земле выразилось в требованиях «вещности», но вещи ими брались, по большей части, не совсем обьденные, а из Африки, Рима...)

Революции произошли; — футуристы характеризовали собою их появление; теперь футуристов остроумно называют презентистами.

Отпрыски футуристов, — имажинисты, экспрессионисты занимаются опытами над частностями футуристической поэзии.

Дальнейшее русской поэзии представляется или в виде появления какого-нибудь романтического течения как реакции вообще против современного реализма, или в виде развития достижений современной поэзии, но с естественным влиянием реакции против футуристических крайностей. Наверное, и то и другое будет иметь место. Исходя из второго предположения, можно представить себе дальнейшее *развитие русской поэзии в таком общем виде:*

- В поэзию войдут чувства, мысли человека, пережившего события последних лет и воспользовавшегося результатами этих событий.
- Поэту захочется оперировать не с огромными пространствами и не с теми небольшими вещами, которые характеризовали прежнюю поэзию, а с миром обьденным, «таким, как он есть в действительности, — ни лучше и ни хуже, ни больше и ни меньше».
- От поэзии потребуется искренность, простота, «реальный логический смысл», конкретность, скрытость технических приемов.
- Ритмы будут более спокойные, чем революционные отрывистые ударные ритмы футуристов.

- В смысле стремления к новым сжатым словообразованиям поэзия, должно быть, не прибегнет к формам слов, модным в наше время (домкомбед, райлеском), ибо такие слова требуют расшифровки, необходимой для их понимания, и существовать могут только условно.
- Возможны такие словообразования, в которых соединены в одно слово существительное и все относящиеся к нему прилагательные эпитеты (прыщавокрасноносый) или соединения в одно слово прилагательных (пахучежелтомое мясо).
- В отношении формы речи будет продолжаться культивирование в поэзии прозаической речи.

Всё сказанное невольно приводит к мыслям о поэзии Уот<а> Уитмена. Уитмен имел подражателей, но не имел продолжателей.

Он был, собственно, не поэт и в своих произведениях не руководствовался поэтическими приемами; он исходил из библейского текста.

В его произведениях не чувствуется каких бы то ни было систематизаций ни в ритме, ни во внешней форме.

Культивирование прозаической речи в поэзии может совершаться двумя способами: введением прозы в поэзию и, наоборот, введением поэзии в прозу. Второй способ будет лучшим приемом для нахождения формы свободной от недостатков форм уитменовских произведений. Именно в таком виде мнится форма будущих стихов, которых, пожалуй, можно стихами и не называть, а придумать им какое-нибудь другое название.

Наименование «свободный стих» к ним не подойдет: свободные стихи всё же писались языком «поэтическим».

Опоэтизирование прозаической речи может быть достигнуто: разбиванием фразы на строчки, — части удобные для дыхания, заключающие в себе определенное число и различные сочетания ритмических ударений и более или менее са-

мостоятельные отрывки фразы; некоторыми перестановками слов; применением в фонетическом и стилистическом отношении обновленных стихотворных приемов; сжатостью изложения. Забота об удобстве дыхания до сих пор не входила в задачи стихосложения; исполнитель, чтец приспособлял свои средства к написанному. Мерой строчки может служить гекзаметр, принятый за меру дыхания в искусстве декламации. Например, время произнесения строчки гекзаметра, при соблюдении требований декламационной теории, 6—7 сек. Это может служить мерой максимальной длины строчки. Построение стиха в ритмическом отношении может исходить из следующих соображений: в употреблявшемся т<ак> называемом свободном стихе ритмические (фактические) ударения, основанные на том, что каждое слово имеет по одному ударению; предлоги, союзы, местоимения, иногда прилагательные (короткие слова) и др. мелкие части речи входят в состав ударения того слова, к которому они принадлежат, или никак не подсчитывались (к этому типу относится и уитменовская поэзия), или подсчитывались только ударения, — неударяемые же промежутки между фактическими ударениями были совершенно произвольными. При одновременном переходе от одного ритмического ударения к другому, эти промежуточные слоги, произносятся скорее или медленнее, в зависимости от их количества. При известной их систематизации, они могут дать новые ритмические фигуры. Здесь возможны различные комбинации: напр., построение всех строчек по одному избранному типу; различное чередование частей ритма на протяжении всего стиха.

В рифмованном стихе рифмующиеся строчки составляют естественные группы; в нерифмованном возможны различные комбинации мужских, женских, дактилических и пеоических окончаний.

Ритмическая сторона свободного стиха, к которому и сейчас заметно всё больше и больше устремлений, до сих пор мало разработана.

В будущей поэзии, естественно, на нее обратят большое внимание.

Применение поэтических приемов в фонетическом отношении может свестись к употреблению аллитераций гласных, согласных и целых слогов (внутренние рифмы) во всех строчках; возможно употребление звукоподражательных аллитераций.

В стилистическом — к употреблению поэтических сравнений, метафор, образов; причем можно предположить, что метафоры будут всё более и более заменяться сравнениями.

Такая универсальная форма наиболее может отвечать предполагаемым требованиям будущей поэзии, ибо позволяет свободно говорить о земле и вообще обо всем.

Поэты будут говорить так, чтоб создавать максимум впечатления; — об «отвратительном» — наиболее «отвратительными» словами, о «приятном» — наиболее «приятными».

Высказанные предположения, может быть, не совсем новые, в этих направлениях, может быть, велась уже работа; но всякое будущее ведь и состоит ни в чем другом, как в развитии, систематизации, синтезе прошлого.

Новое всегда исходит из старого.

Наше же будущее, в особенности, представляется веком всяких синтезов.

Мысли о современной русской литературе

За последнее двадцатилетие в стихотворную форму допущены такие изменения: в обычные для русского стиха размеры, основанные на простых двух- и трех-дольных движениях, стали вводиться т<ак> наз<ы-ваемые> паузники, приближающие стихотворный язык к разговорному; затем еще больше стали ломать равномерное движение в стихе, вводя принципы свободного стиха, близкого по ритму к прозе; последние поэтические школы объявляют, что свободный стих является неотъемлемою сущностью их поэзии (ритмы имажинистской поэзии образуются из тех, которые дают сочетания слов, необходимых для выражения «образа»), в обычные рифмы всё более стали вводиться созвучья приблизительные (рифмойды, ассонансы, диссонансы), — вообще т<ак> наз<ываемая> музыкальность стиха последними поэтическими школами признается «роковым заблуждением»; в особый «поэтический» язык вводятся «прозаизмы» — слова и обороты обыденной речи; появилось также стремление уничтожить строфы, уничтожить чисто внешние особенности стиха; в отношении поэтического образа всё более увеличивается требование выражения его посредством сравнений, метафор, дающих возможность наибольшей сжатости, выразительности речи, и в последнее время этот прием доведен до максимума — до требования применения его в каждой строчке, и даже больше — в каждом сочетании слов (имажинисты).

Всё это вводилось для обновления стихотворной формы, и обновление поэзии пошло по путям приближения поэзии к прозе, при требовании сжатости, выразительности, образности речи.

Поэзия начала XX столетия, канонизовавшая символическую, романтическую поэзию, в следующие периоды своего развития должна была быть «реалистической». Так и случилось. И в этом отношении «поэзия» приблизилась к прозе.

Причем акмеисты, наполнившие свою поэзию вещами, обновили поэзию эпитетами, прилагательными, называя самые вещи их общепринятыми именами. Футуристы, боровшиеся вообще со всем старым, общепринятым, наиболее смело, грубо и всеобъемлюще потребовавшие обновления поэзии, освобождения творчества, приближения поэзии к земле, развили способы, позволяющие не называть вещи их именами (сравнения, метафоры), занялись придумыванием и образованием новых слов, вплоть до крайнего требования освобождения слова вообще от его смысла, значения.

К нашему времени футуризм вполне определился, и в общем достижения его довели поэзию до состояния, расширившего рамки стиха, позволяющего в данное время говорить в стихах обо всем, — но, наряду с этим, сводящего творчество поэта к придумыванию образов, выраженных посредством сравнений, т. е. к доведению до крайностей главного поэтического элемента.

Вышедшие из футуризма имажинисты и вообще школы, группирующиеся с <19>17 года в Москве, переняли от футуристов их достижения.

В этот период времени в Петербурге, явившемся центром акмеизма и вообще дофутуристической поэзии, не было никаких методологических достижений. Но синтез был неизбежен, и выразился он: в примерах некоторых петербургских поэтов — в уничтожении вообще рифм (канонизация этого приема), как дальнейшем и крайнем развитии стремлений к приблизительным созвучиям; в сохранении тенденций свободного стиха в ритмическом отношении; в реакции против употребления сравнений и, в особенности, метафор; в усложнении композиции стиха; в скрытости технических приемов; в искренности; в акмеистической конкретности вещей.

При введении в стихи этих приемов стихи принимают вид разбитой на строчки, удобочитаемой, звучной, сжатой, выразительной прозы, удобной для вмещения любого «содержания», вставления в стихи любых диалогов, монологов, отрывков и проч.

Если стихи приблизить к прозе со стороны формы, то и «содержание» приблизится к ней — к бытописанию.

Все стремления приближения поэзии к прозе, расширение рамок стиха вполне естественны: жизнь дала много того, о чем хочется сказать. За революционные годы в нашей литературе не было прозаической беллетристики, в то время как книжный рынок переполнился стихами. И любопытно, что к моменту приближения поэзии к прозе интерес к стихам пал, появился интерес к прозе, и естественно народилась целая группа новых прозаиков, и народилась она в Петрограде.

В писаниях этих прозаиков подмечаются приемы, приближающие, наоборот, прозу к поэзии: много сравнений, сжатость, образность речи, ритмичность, звуковые сочетания, недлинность самих произведений (нет длинных романов)...

Литература наших дней стремится к одному общему виду, соединяющему прозу с поэзией. По всей вероятности, к подобию библейской прозы!

1922

Общественно-литературная жизнь Петрограда

Детом 1920 года в Петроград прибыла из Москвы одна поэтесса (Н. Павлович) с мандатом от образованного раньше в Москве «Всероссийского Профессионального Союза Поэтов», с целью организации в Петрограде отделения этого Союза. Необходимость какого бы то ни было объединения деятелей литературы после <19>18 и <19>19 годов революции, чувствовавшаяся остро, и большая приспособляемость москвички быстро дело наладили: собралась инициативная группа из поэтов различных возрастов и направлений. Председателем Союза был избран Блок. Просуществовали очень короткое время дружно, но вскоре выяснилась неприспособленность Блока к общественно-административной деятельности; естественно, руководительство в Союзе приняли «стоявшие близко» к приехавшей из Москвы поэтессе и «примыкающие к Блоку», ибо, как оказалось через некоторое время, «московская» поэтесса была «блоковской поклонницей». Союз начал бездействовать, появились недовольства среди членов на то, что во главе объединения стояли имена с небольшими «именами», и другие недовольства... Должен был выделиться кто-нибудь из наиболее деятельных, приспособленных к административной работе из поэтов старшего возраста. И таким оказался Гумилев. Тогда же всё более стала ощущаться разнородность поэтической среды: поэты старшие, деятельность которых была в прошлом, бездействовавшие по различным причинам в то время; поэты, работавшие деятельно и в те времена; поэты молодые, начинающие — различных идеологических, литературных симпатий...

В Петербурге в то время были две ярко различные группы: выросшие на символизме и выросшие на акмеизме «мо-

дернисты», — футуристов и др<угих> не было; все они перекочевали в Москву.

Центр первой группы — Блок, второй — Гумилев. Другие старшие поэты играли малую роль в общественной жизни, сразу уединившись (Сологуб, Ахматова, отчасти Кузмин). Вокруг Гумилева, работавшего энергично, сгруппировались его друзья и все «действовавшие» и желающие действовать в литературе. Несовместимость двух различных поэтических характеров, невозможность соединения в президиуме представителей их почувствовалась еще сильнее, и гумилевская группа, как ни более деятельная, жизнеспособная, начала стремиться к преобладанию в Союзе. Кончилось тем, что после неоднократных перегруппировок в президиуме, наконец, победила гумилевская группа, Гумилев стал председателем, и в президиум вошли близкие Гумилеву. Близкими же к нему были поэты из III<-го> «Цеха поэтов» и несколько новых имен.

Осенью <19>20 года возродилась организация «Цех поэтов» (четвертый), которая и вошла в президиум Союза. «Цех поэтов», организация из небольшого числа членов, не задаваясь целями какого-нибудь одного идеологического направления (признаками общими для членов ее были: взаимные приятельские отношения, уверенность в возможности «говорить о стихах», подвергать свое творчество обсуждению других, желание работать даже и в тогдашних малопривлекательных условиях, а не ждать лучших времен), естественно, стала уделять внимание больше своей собственной организации, а не «Союзу поэтов», жизнь которого была менее интересной.

Группа, не сочувствовавшая Цеху, в связи с улучшающимися постепенно условиями жизни начала понемногу оживать.

Недовольство ее заключилось статьей Блока в «Литературной газете», летом <19>21 года, предпринятой издательством Союза Писателей, но не вышедшей по «независящим от издателей обстоятельствам». В этой статье Блок раскрыл противоположность поэтич<еских> характеров.

Блок говорил о вредности всяких литературных студий, о ненужности и вредности обучаться стихотворству, о вредности вообще литературных объединений с целью совершенствования искусства путем бесед, находя, что «поэзию — дар божий» обращает всё это в ремесло.

К этому присоединилось и большинство его почитателей.

Приблизительно в это же время появилась в газете «Жизнь Искусства» статья Кузмина по поводу книги А. Радловой, в которой главную заслугу автора стихов Кузмин видел в том, что Радлова не состоит ни в какой литературной организации, существует самостоятельно и гордо.

Самостоятельность А. Радловой была, впрочем, только кажущаяся: Радлова принадлежала к «организации Кузмина»; правда, организация эта была домашняя, никакого названия не имела и состояла из друзей Кузмина. Совершенно понятно, что молодые поэты группируются возле старых, признанных мэтров.

Недовольство Цехом выяснилось еще больше после того, как члены его, будучи в то же время членами президиума Союза, открыли «Клуб Союза Поэтов», задуманный вначале как место для общих поэтических собраний, вечеров, но под влиянием материальных условий вынужденный открыть двери посторонней публике... Противники Цеха увидели в этом подражание «московским нравам», подрывающим «литературные традиции». Клуб Поэтов вскоре переименовал свое название на «Дом Поэтов» (дом Цеха поэтов).

В противовес Цеху противоположная группа пыталась к этому времени организовать, объединить всех несочувствующих Цеху в т.<ак> н<азываемое> «Содружество Поэтов», но из этого ничего не вышло. Между организаторами содружества были и Радлова и Ходасевич. Ходасевич, приехавший в Петербург осенью <19>20 года, вошел сначала в Цех, но вскоре выяснилась его сущность «блюстителя традиций». Он вышел из Цеха, соблазнившись уйти и Вс. Рождественского...

Момент смерти Блока и Гумилева.

Смерть их разрешила участь Союза. «Охранители традиций» получили много козырей: уважение к памяти Блока, общее послепохоронное настроение, слабость Цеха после смерти его синдика, «выходки» московских поэтов «по поводу Блока». Руководителем оказался Ходасевич, который на устроенном собрании предложил закрыть Союз под предлогом обиды за оскорбление памяти Блока.

Вынесено было и осуждение Цеху.

Клуб поэтов закрылся. Союз «закрылся» и с тех пор, с осени <19>21 года, не возобновлялся.

Союз, действительно, в Петрограде был очень мало нужен: не было предпринято ни одно издание, было очень мало литературных собраний; не нужен он был и как профессиональная организация, могущая защитить профессиональные интересы. Было за все существование Союза устроено всего три вечера поэтов, и группировка имен лучше всего показывает тогдашнюю группировку петербургск<их> поэтов.

Со смертью Блока и Гумилева, в силу наступившей реакции, восторжествовала группа «блюстителей традиций и тихих чувств». Выдвинулся Ходасевич и его друзья, и «блоки» (от слова Блок); наряду с ним Рождественский, почувствовавший большое свое родство с Ходасевичем. У Рождественского был приятель Н. Тихонов, начинающий осенью <19>21 года поэт. Эта группа и была «сильной» до отъезда Ходасевича из Петрограда. Группе этой симпатизировала и Шагинян; все тогдашние издательства печатали поэтов только по их рекомендации. Цех поэтов «сошел со сцены», — выяснилась его слабость; выяснилось его существование на воле его синдика.

После смерти Гумилева в Цехе равнение пошло на Г. Иванова и Г. Адамовича как на наиболее старших. Интерес к «исканиям», «новому» в Цехе прошел, выдвинут был лозунг «возвращения к Пушкину». Оцуп примкнул к нему, ибо, как оказалось, не имел своей твердой, куда-нибудь точно направленной линии. Заслугой Цеха в свое время явилось вообще признание в Петербурге всех поэтических направлений, терпимое отно-

шение к футуризму и проч., и некоторое противоборство петербургскому консерватизму.

К этому времени народились в Петербурге беллетристы, организовавшие кружок «Серрапионовы братья», куда вошли по преимуществу студисты Шкловского и Замятина.

Родившись в момент главенствования Ходасевича и Шагинян, они, естественно, сблизились с самого начала с этой поэтической группой, взявши к себе Полонскую и Н. Чуковского, ибо Рождественский взял под свое покровительство Н. Тихонова, и под его крылышком организовался кружок «Островитяне», куда вошли молодые, начинающие тогда, должно быть, по рекомендации Н. Тихонова — Вагинов, Волков, Колбасьев, покровительствуемые из приятельских соображений Ходасевичем, Шагинян, О. Форш. «Островитяне», хотя и существовали под своим названием, но тесно связались с «Серрапионовыми братьями». К данному времени, к моменту падения в литературе интереса к стихам и к появившемуся естественному интересу к беллетристике, в Петрограде главенствуют «Серрапионовы братья», очень живые и смелые люди, взявшие в свои руки власть во всех издательствах и литературных учреждениях.

В поэтических же кружках — мертво. Существует единственный кружок «Звучащая раковина», кружок бывших студистов Гумилева, где по заведенной традиции собираются поэты всех возрастов, приходя в гости к «раковине» по понедельникам.

Пролетарские литераторы существуют самостоятельно. Была неудачная попытка в ноябре <19>21 г<ода> устроить общий вечер поэтов «различных лагерей».

Есть еще в Петрограде Профессиональный Союз Писателей, взявший на себя хлопоты по распределению всяких пайков и работающий в дружбе с Домом Литераторов, о котором говорить не буду.

<Три отрывка из ненаписанных воспоминаний>

<I>

Зимой <в декабре> 1918 г. Е. М. Браудо, преподававший историю музыки в Институте Истории Искусств, однажды посоветовал мне поинтересоваться «обществом Арион», обещав познакомить с Гумилевым. Браудо повел меня на Невский, в издательство «Всемирная Литература», подвел к человеку с остриженной, вытянутой, узкой головой, моргающему бесцветными глазами, бритому, худому, в коричневом пиджаке, с длинным желтым ногтем на мизинце, разговаривавшему гордо, но с пришепетыванием. Это был — Гумилев. Вблизи я увидел, что выражение гумилевского лица было всегда насмешливое. Через несколько дней я был в «Арионе», на обычном собрании. Народу было мало; сначала играли на бильярде, слонялись по пустым богатым большим комнатам, ели пирожные, затем все уселись и начали читать «загробным голосом» каждый свои стихи. Из читавших запомнились ноющий голос Рождественского, старая студенческая фуражка Майзельса, читавшего стихи «Комната — куб, окно — квадрат», Верин, читавший «изысканные» стихи про Париж, сюсюкающий лепет Г. Иванова, визитка и холеная внешность Н. Оцупа. Разговорился с Майзельсом, — ибо все остальные смотрели на меня или слишком участливо, или свысока. Майзельс подарил мне свою только что отпечатанную книжку «Трюм». Я спросил его наивно, почему книга называется «Трюм»? Майзельс удивленно промолчал. Гумилев назначал очередь чтений, одобрял все прочитанные стихи, в особенности Рождественского. Мне было предложено прочесть свои стихи. Не помню, что я застенчиво прочел, хотя теперь было бы любопытно вспомнить. Знаю только, что стихи те я теперь бы определил словом «надсоновские». Окончил я под

откровенные усмешки слушавших. Потом потушили свет и из-за ширмы показывали театр марионеток, разыгрывали пьесу о каком-то «белом слоне». На рояле аккомпанировал Абрам Каменский. «Белый слон» — коллективное произведение Гумилева, Оцуца и <Лозинского>. Вечер показался скучным. Теперь я знаю, что так бывает почти на всех собраниях поэтов. Ушел в 1 <час> ночи. По дороге потерял книгу Майзельса.

<II>

Литературная жизнь Петрограда известна мне с сентября 1919 года. [До этого времени петербургских поэтов слышал я несколько раз. Помню один из вечеров поэтов в Институте Истории Искусств. Гумилев читал в своей рыжей с узор<ами шубе>.]

Большинство литераторов сотрудничали в издательстве «Всемирная Литература», покровительствуемом Ком<итетом> Нар<одного> Просв<ещения>, — переводили иностранных авторов, ибо печатать собственные произведения не было возможности ввиду гонения в то время на т<ак> н<азываемую> «буржуазную» литературу. Этой кличке подверглись литераторы, не примыкавшие к Пролеткульту, и главным образом литераторы, живущие в России. Умерших и иностранных авторов участь эта почти не коснулась; показатель — хотя бы сам факт существования издат<ельства> «Всем<ирной> Литературы», печатавшего книги без непременно агитационной цели.

Наряду с этим большинство литераторов служили где-нибудь в Культотделах и раб<очих> клубах, читали красноармейцам и матросам общеобразовательные лекции (в особенности отличался приспособляемостью в этом отношении К. Чуковский).

Главными руководителями «Всем<ирной> Литер<атуры>» были М. Горький, А. Н. Тихонов, Замятин, Чуковский, Гумилев, Блок. Можно было встретить в приемной издательства даже уединившихся Сологуба и Ахматову.

Самым популярным литературным деятелем был М. Горький, покровительства и заступничества которого искали многие организации (напр., Д<ом> Ученых, Д<ом> Искусств, издат<ельство> Гржебина и мн<огие> др<угие>), обиженные интеллигенты, и этим злоупотребляли. Дошло до того, что ходатайствам Горького перестали доверять.

<III>

Август 1920 года. Солнечный, голубонебный подвечер. Пахло смолой, соснами, — горящим за городом лесом. Всю тогдашнюю осень пахнул Петроград горящими соснами. Изредка тархтели внизу, по Вознесенскому проспекту, автомобили, — дрожали стекла в окне; покачивалась этажерка в углу, в моей комнате; шаркали по вывороченным торцам человеческие ноги; смеялись женщины; напротив, в окне дома, старикашка мыл и чесал на подоконнике серую собаку, сбрасывал вычесанное за окно.

В этот вечер я чувствовал себя как-то необычно спокойно. Пришел домой, взглянул с четвертого этажа вниз, на улицу, закурил, сел у еще распахнутого окна; потом захотелось писать, — сказать очень большое, значительное, искреннее, свободное.

И я написал сразу, в один присест, начав словами «Лаборатория для медицинских исследований». Проходя по улице, я часто встречал такую вывеску, назойливо лезшую в глаза мне... Перед этим, с начала года, я не мог написать ни одной строки, прежние стихи мне нравиться перестали и вообще стихи всякие мне стали казаться ненужными. Форма стихов, названных мной поэмой-эпосом, а затем «поэмороманом» ПРАЗДНИК, для меня, писавшего «акмеистические» стихи, была неожиданностью. Я начал искать ей оправдание и без всякого труда и натяжки вскоре нашел это оправдание, анализируя современные литературные течения. Но об этом — потом.

<Послесловие к поэмороману «Праздник»>

Герой поэморомана — Илья Радалёт.

Радалёт говорит сам о себе, поэтому поэмороман ведется от имени «я».

В самом слове «поэмороман» указана форма обобщающего писания. В «Празднике» две части. Следующее деление — по метрованным главам. Каждая глава написана отдельно.

В 1920 году в период общего стихотворчества, увидел я «узкость обычного стиха» (во многих смыслах) и общую символично-акмеистическую утвержденность и исчерпанность.

Повлекло к большим обобщающим темам и формам.

Начал писать поэмороман, «как написалось». В начале 1921 г. захотел быть своим критиком и нашел естественность появления «Праздника», попробовав исходить из тогдашней «московской поэзии», не в пример тогдашнему Петрограду. (Мои статьи: в г<азете> «Жизнь Искусства», <№> 694—696, 16—18 марта 1921 г., П<етро>гр<ад>; в «Литературной Неделе», объявленной в г<азете> «Петроградская Правда», 24 июня 1922 г., № 138; в ж<урнале> «Книга и революция», № 7 (19) — 1922 г., П<етро>гр<ад>; в г<азете> «Накануне», № 188, 17 ноября 1922 г., Берлин; окончательная и полная статья «Литературное четырехлетие Петрограда и основы литературного синтетизма» известна многим в Петрограде).

Часто оттягивал сам время своего утверждения — хотелось быть в начале «одним», и знал, что утвержденное перестает быть интересным, а подмеченное правильно будет неминуемо утверждено.

С осени 1921 г. в поэтическом обществе восторжествовали все «тянущие назад», а в Москве утвердился футуро-имажи-

низм. К этому времени народилась молодая проза, быстро распространившаяся.

С весны 1922 г. осознан общий «стихотворный выдых», книжные рынки переполнились стихами и у многих в статьях, пожеланиях, в стихах (у более или менее «передовых») и в молодой прозе появились признаки, утверждающие высказываемое мною с 1920 г. Чью бы то ни было подражательность я не склонен подразумевать.

«Праздник» печатался несистематически в альманахах, затем первая часть его появилась в книге «Органное многогололье». В таких условиях читателю трудно было «составить должное представление».

Ныне выходит часть вторая (всё).

Но теперь я уже почувствовал недружелюбие к сложным словесным организованностям.

И следующая книга моя будет подобием «Записной книжки».

Выдержка из «Основы литературного синтетизма»

- 1) Уничтожение вообще «рифм» в стихе, как дальнейшее и крайнее развитие стремлений к приблизительным созвучиям.
- 2) Усложненность композиции, как следствие условий экономии, сжатости речи, организации мелких, сжатых отрывков.
- 3) Неподсчитанность ритма и вообще протест против ритмизации, утверждаемой в современном искусстве.
- 4) Свободная искусственная расстановка слов, независимых от метра, строф.
- 5) Протест против сравнений и метафор, против доведенных до крайностей имажинистических требований; что дает право в поэтическую речь вводить и разговоры, и всякие вставные отрывки, подлинную речь, пользоваться разнотипной речью.
- 6) Скрытость технических приемов.

- 7) Успокоенность восприятия (т<ак> н<азываемая> «классическая») мира, чувств, ритмов, как протест против отрывочности, ударности, динамизма, пафоса, истеричности, характерным в динамичное время.
- 8) Употребление слов и понятий в их обобщающих формах, ввиду недолговечности и условности многих слов.
- 9) Соединение в одно слово нескольких посредством естественного для языка соединения через «о» и «е» полных слов.
- 10) Стремление к типичности, изображению типов, обобщениям, эпичности, как протест против лирическо-индивидуального начала, утвержденного в предшествующий период развития стихотворчества.
- 11) Постепенное расширение речи, в связи с условиями, уничтожающими требования экономий.

Стихотворная форма приобретает вид разбитой на строчки (строчку определяет более или менее самостоятельная часть предложения, часть фразы), искусственной, сжатой, выразительной прозы, позволяющей вмещение любого «содержания», любых отрывков, монологов, диалогов и пр. Ориентация на стихотворную форму помогает лучше следить за всеми элементами речи. Со стороны произнесения так разбитая фраза указывает на необходимость искусственного произнесения.

Эта синтетическая форма заставляет находить ее некоторое родство с литературными формами древности (библейская проза, формы древне-классической литер<атуры>) и делает возможным в дальнейшем возвращение к «обычному» стихосложению, в котором постепенно конструировались все элементы речи. К периоду третьему (первый в литературе характерен развитием стихов, формы, удобной для выражения лирических углублений, пафоса, призыва, идеализованностей, удобной для публичного чтения, в условиях затрудненного печатания и медленной работы; второй — развитием про-

заической беллетристики в условиях, потребовавших и позволивших бытописание, появившейся возможности более широкого печатания, в условиях развития журнальной литературы типа еженедельников, где главным литер<атурным> материалом является беллетристика) к периоду устроенности, подытоживания, обобщения должно появиться стремление к писанию обобщающему, описанию событий, идеалов, философии, морали человека, прошедшего через эпоху, проверяющую жизненные ценности, возвращающую темы вечно-го первобытного значения, и утверждению их согласно с опытами этой эпохи.

<1923>

Лев Лунц <Некролог>

Жизнь не повторит ни осени 1919-го года, не соединит в Петрограде (а теперь уже Ленинград), на Литейном, в доме Мурузи, десятка два людей в студенческих фуражках или совсем не носящих фуражек (тогда было модно так ходить), не назовет этих людей студистами «Всемирной Литературы», не впустит в белую «детскую» с полосатыми обоями, где разрисованы девочки, играющие в мячик, — студиста Леву Лунца, «похожего на моего чудесного мишку» (как вспоминал Замятин). Не повторит ни <19>20-го года, всю забавную студийную жизнь Петербургского «Дома Искусств», где подготовлялись «лунцы», бегали со стихами, рассказами, веселились, получали по куску черного хлеба, намазанного коричневой повидлой, ни сентября 1921-го года, когда эта молодежь заявила о себе, сначала в комнате Миши Слонимского, что они «Серапионовы братья», не выпустит вновь к августу <19>22-го года журнала «Литературные Записки», где напечатаны задорные автобиографии серапионов и между ними о том, что:

Лев Лунц родился в 1902 году в Петербурге. В 1922 г. окончил университет. Оставлен при кафедре западно-европейской литературы. Написал трагедию «Вне закона», — и что дальше Лунц о себе писать больше ничего не хочет, а пишет о «братьях-серапионах».

Недолго жизнь соединяла этих людей. Один из них, Лева Лунц, еще был слишком молод, чтобы его можно было вполне определить. В альманахе издательства Гржебина в 1922 году напечатана первая трагедия Лунца «Вне закона», а в сборнике «Серапионовы братья» — первый его рассказ. Е. И. Замятиным, первым литературным руководителем серапионов,

Лунц был определяем как представитель «западной» группы современной молодой беллетристики, в отличие от восточной, как Всеволод Иванов, например. Но у Лунца были рассказы на разнообразные темы и стили — от библейских до гротесковых из современной жизни (например, «Исходящая № 37», напечатан<ный> в журнале «Россия», № 1 в 1922 г.).

Лунца, по-видимому, больше влекло к драматургии. В своей серапионовской автобиографии он указал не на свои рассказы, а на пьесу: еще на литературных вечерах «Дома Искусств» он был большой охотник сочинять сценарии и участвовать в живом кинематографе.

Трагедия «Вне закона» была взята сразу для постановки на Александринской сцене; известны его трагедия «Бертран де Борн», напечатанная в журнале «Город», забавная «Обезьяны идут» в «Веселом альманахе» и в заграничном сборнике «Беседа».

С другой стороны, Лунц проявил себя исключительно способным к научной работе. Ведь он за два года окончил университет и в 20-тилетнем возрасте был оставлен при университете. Летом <19>23-го года Лунц уехал за границу. О его заграничной жизни известно немного. Умер он в Гамбурге от крупозного воспаления легких.

1924

ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОГО СИНТЕТИЗМА

Неудовлетворенность стихом имеет оправдание или в осознанной исчерпанности стихотворного материала; или в авторском творческом «выдыхе»; или в причинах, подчиняющих слово задачам не непосредственно литературным и тем ослабляющих как бы значение и достоинства искусства и ближайших участников его; или в причинах малого читательского спроса; или в причинах «деловитости и практичности времени».

Неудовлетворенность, прежде всего, вызывает отрицание. Недомыслие, частность, постепенное узнавание процесса развития обычно сводится к отрицанию привычно-основных качеств и выдвиганию частностей.

Всяческие затрудненности ведут многих по линии наименьшего сопротивления к простому «бросанию писать стихи» и переходу на обычную прозу.

Но достойное и правильное отрицание состоит в естественном развитии движения приближением к его родственной противоположности. Конец стихам — в прозе; конец прозы — в стихах. Разделяемость словесных организованностей на стихи и на прозу естественна и обычна.

Если стихи — теза; то проза — антитеза. Основной материал (слово) для стихов и для прозы единокорен.

Организация слова в стихе ориентируется на ближайшие, основные элементы, на лучшую их подсчитанность.

Организация художественной прозы исходит из заданий последовательного, или организованно-непоследовательного рассказа, сплетений событий, композиции, занимательности, насыщенной передачи собственных слов действующих в рас-

сказе лиц, размещений второго порядка, больших по самому размеру, чем в стихе.

Разграничивание приводит к суживанию каждого понятия.

Затем наступает сближение — устремленность к стадии синтеза. Но так как обычно всё находящееся в ближайшем, непосредственном движении переживает и осознает лишь стадии тезы и антитезы, и стадия синтеза осознается только как переход к вновь накопленной тезе, то и синтез в слове не удерживается, снова разделяясь, или утверждаясь в синкретизме, в эклектизме, в механической смеси. Отсюда нормальная непримиримость с утверждениями обобщений и слияний, без осознанного хотя бы подхода к этому, как к «недосягаемости конечного синтеза». Обычно обновление стиха приводит к свободному стиху и на этом задерживается. Свободный стих может быть рассматриваем — и чаще всего и оправдывается — «расширением рамок», обогащением стихотворного материала.

Но он может быть также осознанным приближением к прозе.

В прозе — наоборот, обновления приводят к пользованию стихотворными элементами.

Затем начинаются с обеих сторон обычные «возвращения» к типичным образцам, «классикам», авторитетам, или к «осознанной банальности». Но достойный выход для конечного отрицания с обеих сторон — это осознанность синтетической стадии, — единой, обобщающей, синтетической формы.

Стихи — лучшая литературная форма, но только для лирики; художественная проза — форма для частных жизнеописания.

Обобщение формы имеет оправданье в потребности и необходимости всяких обобщающих раздумываний и жизнеописаний и выражении их в широкой, не стесненной частностями, художественной форме, при искушенности с чисто формальной стороны и ослаблении интереса к «игре со словом».

Литература периода протеста против канонов, начиная с появления футуризма и по 1922 год, проделала еще раз круг, вернее, оборот по спирали.

Причем стадия первая характерна развитием стихов — формы, удобной для выражения лирических углублений, пафоса, призыва, идеализованностей, удобной для публичного чтения, в условиях затрудненного печатания и медленной работы; вторая — развитием прозаической беллетристики в условиях, потребовавших и позволивших бытописание, появившейся возможности более широкого печатания, в условиях развития журнальной литературы, где главным литературным материалом является беллетристика, более удобная и среднечитательским запросам.

С конца 1921 года появилась беллетристика, быстро и почти бесспорно распространившаяся в условиях подготовленности этого времени всей поэтической работой, и именно поэтической, организующей лучшие формы.

Синтетическая, третья стадия нормально должна осознаваться своевременно после «прозаической» искушенности. Причем синтетизм естественен именно со стороны поэта.

Синтетическая форма характеризует:

- 1) Уничтожение вообще «рифм» в стихе, как дальнейшее и крайнее развитие стремления к приблизительным созвучиям.
- 2) Усложненность композиции как следствие организации мелких, сжатых отрывков.
- 3) Неподсчитанность ритма и вообще протест против подчеркнутой ритмизации; или подсчет по фактическим ударениям как в отдельном слове, так и в сочетании со вспомогательными.

- 4) Свободная искусственная расстановка слов, независимых от метра, строф.
- 5) Протест против сравнений и метафор, против доведенных до крайностей имажинистических требований, что дает право в поэтическую речь вводить и разговоры, и всякие вставные отрывки, подлинную речь, пользоваться разнотипной речью.
- 6) Скрытость технических приемов.
- 7) Успокоенность восприятия (т<ак> н<азываемая> «классическая», вернее — «синтетическая») мира, чувств, ритмов как протест против отрывочности, ударности, динамизма, пафоса, истеричности, характерных в динамичное время.
- 8) Употребление слов и понятий в их обобщающих формах ввиду недолговечности и условности многих слов.
- 9) Соединение в одно слово нескольких посредством естественного для языка соединения через «о» и «е» полных слов.
- 10) Стремление к обобщениям, лирико-эпичности как протест против лирического начала, утверждаемого в предшествующий период развития стихотворчества.
- 11) Ориентация на запись непосредственно текущей мысли, а не на условия организации того или иного жанра.

Стихотворная форма приобретает вид «заданий на стихи», — разбитой на строчки (строчку определяет более или менее самостоятельная часть предложения, часть фразы), искусственной, сжатой, выразительной прозы, позволяющей вмещение любого «содержания», любых отрывков, монологов, диалогов и пр. Ориентация на стихотворную форму помогает лучше следить за всеми элементами речи. Со стороны произнесения так разбитая фраза указывает на необходимость искусственного произнесения.

Эта синтетическая форма заставляет находить ее некоторое родство с литературными формами первоисточников человеческой мысли (библейская проза, формы древне-клас-

сической литературы) и делает закономерным возвращение к «обычному» стихосложению, в котором постепенно конструировались все элементы речи.

Эта же синтетическая форма в ее окончательно-осознанном и утвержденном виде и есть та форма записанной или произносимой человеческой речи, которая мнится как конечная цель литературы.

1920—1921

Несмотря на то, что у большинства появилась раздраженность обновленческим литературным периодом, всё же следующие признаки, появившиеся с <19>22 — <19>23 г., показательны для постепенной оправдываемости высказанного о синтетизме в 1920 году:

- 1) осознана многими нестихотворность времени;
- 2) поэты часто переходят на писание прозы;
- 3) поэты часто группируются совместно с прозаиками;
- 4) общедоступность стихотворной технической грамоты;
- 5) начиная с футуристов, стали с <19>22 года разбивать стихотворные строки на подстрочки. Обычно даже футуристические строчки были смежно рифмованы. При разбивании на подстрочки, получающиеся строки приобретают вид нерифмовки. В длинных, собственно, строках при разбивке на подстрочки расстояния между рифмами могут получиться слишком большими. При большом расстоянии рифма не ощущается и теряет свой смысл;
- 6) отовсюду стали слышаться желания искренности;
- 7) ослабление интереса к игре с формой;
- 8) утверждение в стихах обязательной сюжетности (напр., у конструктивистов), т. е. элемента от прозаической беллетристики;

- 9) учащение случаев механического соединения стихов с прозой, перебивка стихов и вставка в них прозаических строк и отрывков (напр., у таких различных авторов, как Д. Бедный и Б. Зубакин);
- 10) обновление не могло остановиться на недоведенности до логических крайностей. Ни разрушавший каноны футуризм, ни имажинизм, ни другие пофутуристические устремленности до крайности форму не довели. Последующий конструктивизм, или в Ленинграде, напр., канонизаторы балладной формы явились также уже «собирателями формы» из рук футуризма;
- 11) появление в <19>27 г. в г<азете> «Вечерней Москве», 29 января, № 23, заметки Вс. Иванова, в которой, между прочим, говорится: «...Я думаю, что писать надо коротко, ясно; романы не больше шести печатных листов, газетные размышления не больше двадцати строк»;
- 12) появление у И. Сельвинского «Записок поэта» — комбинированной формы, могущей даже восприниматься как перефразировка поэморомана «Праздник», написанного в 1920 году;
- 13) появление «Третьей фабрики» Шкловского, хотя в значительной степени она написана в подобии Розанову;
- 14) в Москве, как реакция на футуризм, постепенно проявляется возвращение и подражательство акмеизму и даже символизму;
- 15) особенно конструктивисты, являясь неосознанно повторителями ленинградского Цеха поэтов последнего состава (или, вернее, — акмеизмом от футуро-лефовства) постепенно намечают уклоны на прозаические задания и помимо сюжетности.

<1929>

Примечания

Литературное наследие Сергея Евгеньевича Нельдихена (далее — Н.) никогда ранее не собиралось и не изучалось, а трагическая фигура одного из самых эксцентричных поэтов первой трети XX века до сих пор — в отсутствие текстов и исследований — воспринимается как комическая и не заслуживающая серьезного внимания. Причин такого небрежного отношения несколько. В начале 1920-х гг. Н. входил в «Цех поэтов», воспринимаясь как «наивный акмеист», но при этом оставаясь внутренне чуждым акмеистской среде, и наоборот, формально не примыкая ни к одному из авангардных течений тех лет, внешне был близок именно к ним, что в итоге привело к негативным для его творческого наследия последствиям — оно фактически выпало из поля зрения исследователей как одного, так и другого литературного лагеря, лишь изредка привлекаясь в качестве дополнительного историко-литературного материала. Авторский архив Н., видимо, был полностью конфискован при аресте и уничтожен НКВД, а сохранившиеся автографы его неопубликованных произведений крайне рассредоточены по государственным и частным собраниям, и целостного представления о них до сих пор нет. Кроме того, после смерти поэта не нашлось ни одного активного пропагандиста его творчества, какие бывали даже у авторов, куда менее оригинальных и значимых для развития русской поэзии. В связи с этим давно назрела необходимость введения представительного корпуса текстов Н. в научный и литературный оборот.

Настоящее издание является первой попыткой представить его как поэта, драматурга и теоретика поэзии. В сборник включены все выявленные на сегодняшний день стихотворные произведения, как объединенные самим автором в книги и циклы, так и разрозненные, пьеса «Фокифон», а также избранные историко-литературные и теоретические статьи вместе с отрывками из воспоминаний.

Все поэтические книги, вышедшие в свет при жизни Н. («во времена печати затрудненной»), являются по своей сути сборниками, в которые поэт включал наиболее актуальные и важные для него в тот или иной момент стихотворения (содержание сборников см. ниже). Кроме того, книги 1929—1930 гг. проходили через Главлит и, видимо, были подвергнуты цензурному вмешательству. Так, известна история со сборником «С девятнадцатой страницы», восемнадцать страниц которой были изъяты цензурой (см. рецензию А. Македонова в Приложении № 1 на с. 470). Книгами стихов, отражающими единство авторского замысла, можно считать только фактически невышедшую «Ось» и неопубликованное «Гражданское мужество». Эти две книги публикуются здесь в том виде, в каком они были задуманы автором. Стихотворения из прижизненных сборников распределены по разделам, имеющим названия, данные им самим автором; исключение составляет раздел «<Разрозненные стихи>», название которому дано мной.

Поэмороман «Праздник», являющийся безусловной вершиной поэтического творчества Н., при жизни автора был опубликован в двух отдельных сборниках, из которых первый вышел в Петербурге, а второй — в Таганроге. Здесь части поэморомана, собираясь вместе впервые, расположены в двух последовательных разделах. Послесловие к нему, напечатанное вместе со второй частью, вынесено в раздел «Основы литературного рая», в котором собраны основные статьи Н., отражающие его взгляды на современную ему поэзию и свое место в ней. Неопубликованная при жизни пьеса «Фокифон» занимает отдельный раздел.

За пределами настоящего издания остались следующие произведения Н.: стихи и рассказы, написанные для детей; учебные стихи для красноармейцев, написанные по заказу военных издательств; одноактные пьесы, писавшиеся в 1920—1930-е гг. исключительно ради заработка; пьеса «Достойный Козьма Прутков»; многочисленные статьи о литературе, театре и кино, а также рецензии, как публиковавшиеся в периодике, так и неопубликованные; письма к различным адресатам, кроме тех, которые представляют, на мой взгляд, наибольший биографический интерес и по этой причине даются полностью

ПРИМЕЧАНИЯ

или частично в Приложении № 1, представляющем собой «нарезку» из расположенных в хронологическом порядке разнообразных документов, касающихся жизни и творчества Н., критических статей, воспоминаний и отзывов о нем его непосредственных современников.

Орфография и пунктуация публикуемых текстов по возможности сохранена и лишь отчасти приведена к современным нормам. Все опубликованные произведения Н. (кроме републикаций в берлинском альманахе «Цех поэтов») были напечатаны после реформы орфографии 1918 г., поэтому не требуют серьезных орфографических изменений. Исключения составляют: написание слова «всё» всегда через ё, поскольку в абсолютном большинстве случаев это соответствует авторской орфографии; в некоторых случаях ё сохранено или представлено в качестве ударения; слово «бог» и его производные везде со строчной буквы, как оно выглядит не только в печатных текстах, но и в автографах. В произведениях, публикуемых впервые, знаки препинания расставлены сообразно общей логике, присутствующей в произведениях опубликованных. Особо стоит оговорить некоторые изменения, касающиеся авторской пунктуации, а именно: не выделяются запятыми мнимые вводные слова «вообще», «именно», «непременно», «хотя бы» и т. п.; везде сохранена запятая перед «или/иль»; запятая перед «как» оставлена только в необходимых случаях. Явные опечатки и описки безоговорочно исправляются.

Раскрываемые сокращения, вставки из других источников текста, а также некоторые мои пояснения заключаются в угловые скобки, в квадратные — взяты фрагменты, зачеркнутые автором.

В настоящем издании полностью сохранена авторская датировка текстов со всеми ее особенностями, в том числе с неверными и общими, стоящими сразу под несколькими текстами, датами.

Произведения Н. достаточно просты для восприятия и особых пояснений не требуют. В примечаниях приводятся подробные текстологические ссылки на все известные составителю прижизненные публикации, на доступные архивные материалы, отмечаются значимые разночтения и варианты, даются некоторые историко-литературные справки, необходимые для понимания контекста, очевидные и общеизвестные вещи не комментируются.

Возникновением интереса к творчеству и личности Н. составитель во многом обязан поэту, критику и литературоведу Татьяне Александровне Бек, и поэтому свою работу посвящаю ее памяти.

Выражаю глубокую признательность всем, кто оказал мне всемерное содействие и разнообразную помощь в работе: Михаилу Араμισовичу Айвазяну, Денису Дмитриевичу Безносову, Алексею Леонидовичу Дмитренко, Татьяне Алексеевне Кукушкиной, Евгению Александровичу Ламихову, Михаилу Анатольевичу Мельниченко, Татьяне Львовне Никольской, Марии Борисовне Правдиной, Марион Рутц, Роману Давидовичу Тименчику, Льву Михайловичу Турчинскому и Сергею Владимировичу Шабалову.

Условные сокращения и обозначения

А — альманах «Абракаса». Пг. Вып. 2 — ноябрь 1922; вып. 3 — февраль 1923.

АПООИ — Альманахи: Петербургское объединение обновленного искусства. Пг. 1922. № 1.

АЦП — «Альманах Цеха поэтов». Пг. Кн. 2 — 1921; кн. 3 — 1922.

ГМ-1 — *Нельдихен С.* Гражданское мужество. <1.> Стихи 1923—1928. [1-й вариант.] <2.> Дополнение № 2 к библиографии. Черновая машинопись с рукописными поправками и дополнениями. РГАЛИ. Ф. 1527. Б. М. Эйхенбаум. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 2—27.

ГМ-2 — *Нельдихен С.* Гражданское мужество. Стихи 1923—1928. [2-й вариант.] Беловая рукопись. Коллекция А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург). <Л. 1—34>.

ЖИ — газета «Жизнь искусства» (Петроград).

изд. — издание.

ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы Российской академии наук (Москва). Ф. 386. С. Е. Нельдихен. Оп. 1. Ед. хр. 1—9.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

ПРИМЕЧАНИЯ

- МАО — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург). Фонд рукописей и документов. Коллекция М. С. Лесмана.
- О — <Нельдихен С. Ось. Книга стихов. П., 1920.> С. 3—25. Тираж неизвестен.
- ОМ — Нельдихен С. Органное многоголосье. Пб.: <Цех поэтов>, 1922. 53 с. Тираж 1000 экз. Содержание: 1. Праздник (поэмороман), ч. I. 2. Третий года (стихи).
- ОПД — Нельдихен С. Он пошел дальше. М., 1930. 31 с. Тираж 1000 экз. Содержание: 1. Синтетическая форма (1926—<19>27 гг.); 2. Стихи (1923—<19>24 гг.); 3. Литературные фразы (1921 г.); Стихи 1919 г. (второе изд.); 5. Об авторе (дополнение к библиографии).
- ОПиС — Нельдихен С. Он пришел и сказал. М., 1930 (29). 31 с. Тираж 1000 экз. Содержание: 1. Синтетическая форма (1923—<19>25 гг.); 2. Об авторе (библиография). На обложке — заглавие на девяти языках: русском, украинском, немецком, французском, английском, эсперанто, латыни, турецком (арабицей) и китайском.
- П — Нельдихен С. Праздник (Илья Радалёт). Поэмороман. Ч. 2. <Таганрог.> Украина, 1923—1924. 32 с. Тираж 1000 экз.
- ПНД — Поэты наших дней: Антология. М.: Всероссийский союз поэтов, 1924.
- примеч. — примечание.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
- СДС — Нельдихен С. С девятнадцатой страницы. М.: Издательство Всероссийского союза поэтов, 1929. 32 с. Тираж 1000 экз. Содержание: 1. Основы литературного синтетизма (1920—1921 г. Выдержки. 2-е изд.); 2. Non cogito ergo sum (Случайные стихи), 1923. <3>. Сочинения С. Нельдихена [библиография].
- СС — Альманах «Собрание стихотворений». Л.: Ленинградский союз поэтов, 1926.
- ст. — стих.
- ст-ние — стихотворение.
- Стожары — Альманах «Стожары». Пг. Кн. 3 — 1923.
- Фокифон — Нельдихен С. Фокифон (Пролог, четыре акта) (2-й вариант). Л., 1925—<19>26. [IV], 86, [2] с. — (Театр). Содержание: <1.> Фоки-

фон [пьеса]. <2.> Книги Сергея Нельдихена [библиография]. КОРРЕКТУРНЫЙ ОТТИСК. МАА. КОЛЛЕКЦИЯ М. С. ЛЕСМАНА.

ЦП — альманах «Цех поэтов». Берлин. Вып. I — 1922; вып. II—III — 1923. 31 рука — Ленинградские альманахи: 31 рука. Сб. 1. Л.—М.: Изд. авторов, 1927.

NRLA — Neue Russische Literatur Almanach. Salzburg, 1978. № 1 (Нельдихен С. Стихи. С. 51. Чертков Л., Никольская Т. Стихи Сергея Нельдихена. С. 99—100).

Ось
<Книга стихов>
(1919)

О. была отпечатана, скорее всего, в начале 1920 г., но по неизвестным причинам не вышла в свет. Книга отсутствует даже в таких собраниях, как РГБ и РНБ, но в частных коллекциях сохранились единичные экземпляры «чистых листов» (формата чуть меньше половины современного А4, без издательских обложек, титульного листа [с. 1—2] и страниц с содержанием и выходными данными [с. 27—28]), которые автор дарил друзьям, заключая в самодельные обложки с рукописными надписями (см. изображение на вкладке). В коллекции известного московского собирателя и библиографа Л. М. Турчинского есть экземпляр О с дарственной надписью: «Игнатию Игнатьевичу Бернштейну. Это — Вам! С. Нельдихен (библиограф<ическая> редкость) “Ось” стихи <19>19 года. 9 ноября 1920 г. П<етро>гр<ад>»; об адресате надписи см. сноску к воспоминаниям А. Ивича (И. И. Бернштейна) в Приложении № 1. В коллекции М. С. Лесмана (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург) сохранился другой — более ранний — экземпляр книги с надписью: «Нуме Тривас. Это — Вам! С. Нельдихен. Ауслендер. 18 июня <19>20 г.»; адресат надписи — Наум Соломонович Тривас (см. воспоминания о нем в кн. И. М. Наппельбаум «Угол отражения. Краткие встречи долгой жизни». СПб., 2004. С. 73—75). Еще два экземпляра О., насколько мне известно, находились в коллекции московского библиофила М. Е. Кудряв-

ПРИМЕЧАНИЯ

цева и, вероятно, после его смерти перешли в другие частные собрания. Можно предположить, что на руках у коллекционеров находятся еще около десяти-пятнадцати экземпляров О.

В авторских библиографиях есть указания на О., как на вышедшую книгу: «Ось — стихи 1919 г. Петроград» (Фокифон. С. [1]), или то же с добавлением слова: «(Ленинград)» (СДС. С. 32; ОПиС. С. 32).

Ст-ния, вошедшие в О., были написаны с сентября по декабрь 1919 г. («треть года»), в периодике предварительно не публиковались и в книге выстроены в определенной последовательности. Однако в ней композиционно как бы не хватает завершающего ст-ния, и оно было написано, однако уже после того как О. была отпечатана. В ОМ ст-ния из О. перепечатаны под заглавием «Третий года (сентябрь 1919 — 1920 г.)» с изъятием стихотворений «Новый Петроград» и «Меланхолия (Перед радостью)» и добавлением «Отшельник-эскимос запряг собак...», кроме того, были сняты все посвящения и некоторые названия; в ОПД — под заглавием «Стихи 1919 г. (второе изд.; из кн. “Органное многоголосье”») с изъятием еще трех стихотворений: «Любовь “лейтенанта флота” (Из кинодрамы)», «Стол для дежурного, свисток, печать...» и «Пасха в этом году (В детский журнал)». Некоторые ст-ния из книги печатались в 1920-е гг. в газетах и антологиях. Здесь состав О., заглавия ст-ний и посвящения восстанавливаются в первоначальном виде, дополнительное ст-ние выносится в отдельный раздел.

Книга посвящена К. И. Чуковскому, с которым Н., вероятно, познакомился в 1919 г. на одном из литературных вечеров в Доме искусств. Определенное влияние на оригинальную поэтику Н. оказали переводы Чуковского из Уолта Уитмена. В дальнейшем отношения между ними прошли несколько стадий — от восторженного приятия до взаимного охлаждения.

В ст-ниях книги чувствуется влияние акмеистского окружения Н.

Сонет (С. 29). О. С. 5. — ОМ. С. 37; без заглавия и посвящения, в ст. 12 вместо «над пепелом обрыва» — «над пеплом у обрыва». — ОПД. С. 19; текст как в ОМ. Единственное ст-ние Н., написанное в твердых формах, поэтому не случайно, что именно оно посвящено Н. Гумилеву, об отношении которого к Н. см. целый ряд воспомина-

ний в Приложении № 1. Ст-ние образует пару с «Отшельник-эскимос запряг собак...» (см. «<Дополнение к “Оси”>»).

Вместо примечаний к содержательной и образной стороне ст-ния хочу процитировать отрывок из книги М. Л. Гаспарова, в котором говорится об «Оде» 1937 г. О. Мандельштама: «Укажем <...> два малоизвестных стихотворения С. Нельдихена из сб. “Органное многоголосье” (Пг., 1922), где исправителем оси в одном выступает “озлобленный калмык”, т. е. — на общепринятом тогдашнем эзоповом языке — Ленин, а в другом — отшельник-эскимос; оба образа перекликаются в “Оде” и со Сталиным, и с упоминанием “ста сорока народов”. Кто видит в “Оде” исхищенное издевательство поэта то ли над Сталиным, то ли над самим собой, может считать, что этот нельдихенский подтекст обыгрывается Мандельштамом сознательно; вероятнее, однако, что реминисценция была произвольной, а внимание Мандельштама было обращено через ее голову на общую “космическую” образность ранней революционной поэзии типа “Кузницы” или “Мистерии-буфф”.

Любопытно, что стихи Нельдихена сами порождены реминисценцией из Г. Иванова — из стихотворения “Литография”, кончающегося “И жалобно скрипит земная ось»» (М. Л. Гаспаров. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996. С. 92).

...над пепелом обрывает — Формы склонения слова «пепел», в которых не выпадает второе *e*, встречаются не только в церковнославянском переводе Библии, памятниках древнерусской литературы, поэзии XVIII в., но даже в современном городском просторечии.

«В моей столовой на висящем блюде...» (С. 30). О. С. 6. — ОМ. С. 40; без разбивки на строфы, в ст. 13 вместо «кривой» — «босой». — ОПД. С. 22; текст, как в ОМ, но с разбивкой на строфы. Ст-ние имеет определенное родство с двумя ст-ниями М. Кузмина — «Фузий на блюдечке» (1917) и «Ходовецкий» (1916); в свою очередь к нему восходят два ст-ния И. Сельвинского из «Записок поэта» — «Пейзаж» (1922) и «Бронза» (1924). Об этом ст-нии упоминает в мемуарном отрывке Ф. Гопп (см. в Приложении 1 на с. 468).

...на висящем блюде — Настенные бронзовые блюда голландского производства с гравированными или чеканными изображениями

бытовых сцен и сцен охоты служили украшениями столовых и гостиных.

Буфы — пышные рукава со сборками.

Средневековье (С. 31). О. С. 7—9. — ОМ. С. 41—42. — Современный декламатор, под ред. Н. Омелянович и В. Пяста. Л.–М.: Книга, 1926. С. 55—56; с разбивкой: 12-стишие + 8-стишие + 16-стишие. — ОПД. С. 23—24; с разбивкой: три 4-стишия + 8-стишие + 4-стишие + 8-стишие + 4-стишие. В ст-нии описан обычай, существовавший в некоторых европейских странах со времен Средневековья, когда даже самого отъявленного преступника, осужденного на смерть, могли помиловать, если какая-нибудь благонаравная девица изъявляла желание взять его себе в мужья. Такой брак, вступление в который было сравнимо с пожизненной пыткой, заключался тут же, не отходя от эшафота.

Любовь «лейтенанта флота» (Из кино-драмы) (С. 33). О. С. 10—12. — ОМ. С. 43—44; без заглавий и посвящения. Ст-ние, скорее всего, является автобиографическим, так же как «Интеллигенты» из книги «Гражданское мужество», и отсылает к службе автора во флоте. С адресатом посвящения Н. находился в дружеских отношениях с 1919 по 1923 г. (см. упоминания в Приложении 1); впоследствии дружба прервалась. Закавыченная цитата, вероятно, отсылает к какому-то раннему ст-нию Вс. Рождественского.

«Мулен-Руж» — Имеется в виду кинотеатр в Санкт-Петербурге (Невский проспект, д. 51), открытый в 1908 г. предпринимателями Н. В. Бурковым и С. Э. Сасоном.

Вы не прогоните меня, Мария — Возможно, аллюзия на известные строки из поэмы «Облако в штанах» В. Маяковского.

«Стол для дежурного, свисток, печать...» (С. 35). О. С. 13—14. — ОМ. С. 45—46. Ст-ние, как и предыдущее, очевидно, является автобиографическим, и связано с военной службой Н.

Новый Петроград (С. 36). О. С. 15. — Нева. 2001. № 5. С. 231, в статье М. Эльзона «Петроград в “незабываемом 1919-м”»: поэтическое свидетельство современника». Картина полуразрушенного послереволюционного Петрограда напоминает описание Санкт-Петербурга после наводнения в «Медном всаднике» А. Пушкина; упоминание скачущего Петра — прямая аллюзия на поэму.

Человек человеку — волк (Вечер) (С. 37). О. С. 16—20. — ОМ. С. 49—52, где в двух последних стихах вместо «Рая» — «Надя». — ОПД. С. 25—27; текст, как в ОМ. Ст-ние является своеобразной иллюстрацией термина «адамизм», определяемого Н. Гумилевым в статье «Наследие символизма и акмеизм» (1913) как «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь». Именно это ст-ние книги во многом заложило основу дальнейшей поэтики Н.; такого количества двусоставных эпитетов на единицу текста нет ни в одном другом ст-нии поэта. Название восходит к латинскому крылатому выражению из «Ослиной комедии» Т. Макция Плавта, процитированному в ст-нии. Л. Чертков и Т. Никольская в своей статье отмечали: «<...> выделяется маленькая поэма “Человек человеку — волк (Вечер)”, отразившая трагизм переживаемой эпохи и близкая по настроению стихам его сотоварищей по “Цеху” — “Град” Н. Оцупа, “Золотое веретено” В. Рождественского и др.» (NRLA. С. 99).

...в руке вздутожилой — Этот эпитет вынес в название своей статьи «Вздутожилая поэзия» М. Слонимский (см. в Приложении 1 на с. 408—409).

Меланхолия (Перед радостью) (С. 39). О. С. 20.

Радость (С. 40). О. С. 21. — ЖИ. 1922. № 1. 3 января. С. 12. — ОМ. С. 53. — ОПД. С. 28.

Исправный двигатель без перебоев — Сравнение сердца с двигателем или мотором — общее место авангардных поэтик первой трети XX в.

Пасха в этом году (В детский журнал) (С. 41). О. С. 22—23. — ОМ. С. 47—48; без заглавия и подзаголовка, в ст. 16 вместо «суетливо-злые» — «мокрые и злые».

<Дополнение к «Оси»> (1920)

«Отшельник-эскимос запряг собак...» (С. 45). ОМ. С. 38—39. — ОПД. С. 20—21. Стихотворение написано после напечатания О в первой

ПРИМЕЧАНИЯ

половине 1920 г., но примыкает к книге и ее закольцовывает. См. примеч. к ст-нию «Сонет».

...цейссовский двойной анастигмат — Тип фотографического объекта, впервые разработанный в 1890 г. П. Рудольфом, изобретателем фирмы К. Цейсса, и состоящий из двух оптических групп, в каждую из которых входят не менее трех линз; под названием «Двойной Протар» выпускался до начала 1930-х гг.

У пулковских раскрытых горловин — В 1904 г. с установкой зенитного телескопа на Пулковской обсерватории началось регулярное наблюдение за передвижением полюса мира — точки небесной сферы, вокруг которой происходит видимое суточное движение звезд из-за вращения Земли вокруг своей оси.

Праздник <(Илья Радалёт)> Поэмороман. Часть первая (1920—1921)

«Праздник» — главное поэтическое произведение Н. Жанровое определение возникло у него не сразу: сначала он называл свое творение «поэма-эпопея», и только с осени 1921 г. — «поэмороман». Общего плана у автора, судя по всему, не было: он созрел по мере развития реальных событий, нашедших свое отражение в «Празднике». Одной из особенностей текста является фрагментарность, другой — разностилевое письмо в его отдельных главах. События, описанные в поэморомане, происходили в 1920—1922 гг. Места действия — послереволюционный Петроград и колония Дома искусств в Холомках (см. воспоминания Н. Чуковского в Приложении 1 на с. 426—428). В «Празднике» Н. повествует о крушении иллюзий и несбывшихся надежд, связанных с революцией, о свободе любви и творчества. Л. Чертков и Т. Никольская в своей статье охарактеризовали его так: «Это — своеобразная анархическая утопия, показывающая на фоне разрухи и голода крах попытки построения земного рая, основанного на близости к природе, свободной любви и свободном отношении к собственности» (NRLA. С. 99).

Составить представление о поэморомане как целом, о масштабах замысла и его воплощении прежде могли лишь немногие счастливые обладатели книг ОМ и П. Обе части «Праздника», опубликованные в разные годы и в достаточно удаленных друг от друга местах страны, в настоящем издании собираются впервые. Вероятно, Н. хотел свести весь текст воедино и отправил машинопись в Главлит, о чем свидетельствует запись в авторской библиографии под 1930 г.: «Г. 57539; Праздник» (ОПД. С. 29).

Первая часть поэморомана писалась по главам (вероятно, не в прямой последовательности) и публиковалась в периодике и сборниках по мере их написания. Лишь пятая глава впервые была напечатана в составе первой части в сборнике ОМ. Рецензий на его выход было много; некоторые из них см. в Приложении 1 на с. 436—437, 443—450.

I. «— Лаборатория для медицинских исследований...» (С. 49). Дракон: Альманах стихов. 1-й выпуск. Петербург, 1921. С. 44—46. — ЦП. Вып. I. С. 46—50, под загл. «Праздник» (в старой орфографии). В обоих изд. ст. 18 выглядит так: «Вечерами я садился возле окошка...» — ОМ. С. 9—12. Глава написана в августе — октябре 1920 г. Рассказ Н. об истории ее создания см. в разделе «Основы литературного рая» на с. 334. Автобиографические подробности, рассказанные в ней, являются практически единственным источником сведений о жизни Н. до его появления в литературном мире Петрограда (см. в Приложении 2 на с. 487). Этот текст является первым опытом обращения Н. к форме свободного стиха и считается одним из ярких его образцов в русской поэзии Серебряного века, привлекая внимание стиховедов. М. Л. Гаспаров, сравнивая его со стихотворением в прозе Ш. Бодлера «Полмира в волосах» в переводе Эллиса, посвятил разбору ст. 7—31 отдельную главу:

«Этот текст по содержанию гораздо более “прозаичный”, чем предыдущий; если бы напечатать его сплошными строчками, никто не подумал бы, что это могут быть стихи. (Недаром С. Нельдихен дал своему юношескому “Празднику” подзаголовок “Поэмороман”). И все-таки предыдущий текст был прозой, а этот текст — стихи, именно потому, что он напечатан раздельными строчками. В нем

нет рифмы, в нем нет метра и ритма, но в нем есть заданное расположением строк членение на сопоставимые и соизмеримые отрезки.

Разумеется, такое стиховое членение нимало не отменяет языкового, синтаксического, а лишь накладывается на него и осложняет его. По большей части стиховое членение стремится совпадать с синтаксическим, концы предложений и синтагм совпадают с концами стихов; но они могут и не совпадать — такие “переносы” (*фр.* enjambements, “анжамбманы”) фраз из строки в строку придают стиху специфическую интонационную напряженность. Попробуем разбить этот же текст на строки иначе: “...мои родители, люди самые / обыкновенные, держали меня в комнатах / до девятилетнего / возраста, заботились обо мне / по-своему, не пускали меня / на улицу, приучили не играть...” — он зазвучит по-иному; слова, разорванные стихоразделами, окажутся повышено многозначительными, словно выделенными интонационным курсивом. Если бы текст был напечатан как проза, сплошной строкой, то каждый читатель был бы волен членить и интонировать его (про себя или вслух) как “синтаксически”, более спокойно, так и “антисинтаксически”, более напряженно, на самые разные лады, и все интерпретации были бы равноправны. Но так как текст Нельдихена напечатан отдельными строчками, то из этого множества интерпретаций выделяется как правильная лишь одна: произвол читательского восприятия ограничивается.

Поэтому неверно говорить (как бывает в полемике): “Это не стихи, а рубленая проза”; от такой “рубки” проза приобретает новое качество, новую организацию — становится стихом. Такой стих, отличающийся от прозы только заданной расчлененностью и свободный от правильного ритма и рифмы, называется **свободным стихом** (*фр.* vers libre, **верлибр**)» (*Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. 2-е изд. М., 2001. С. 14—15. Раздел «Стих и проза», подраздел «Свободный стих»).

Любопытно, что свободный стих Н., впервые использованный в этой главе, имеет внутреннее типологическое родство со стихом «первого русского верлибра» М. Собакина «Благополучное соединение свойств...» (см. мою статью «Младенцествующая речь: к 270-летию русского свободного стиха». — Журнал «Арион». 2007. № 3).

Публикация этой главы вызвала множество пародий, например такую, написанную Евгением Геркеном (см. о нем сноску в Приложении 1 на с. 430):

«Торговля продуктами питания».
Испеку калач — продам — куплю дом трехэтажный,
Пусть посмотрят, из чего сделано тесто.
Конечно, там нет ни мух, ни тараканов, ни прочей гадости,
Но может быть, найдут что-нибудь новое:
Отчего такой пышный, величественный и сдобный.
Сегодня день моего рождения;
Мои родители, люди весьма неудачливые,
Чему я — живое доказательство,
С детства приглашали мне учительницу,
Но она ничему хорошему меня не научила.
Кто меня научил этому занятию? — Не помню,
Кажется, Георгий Иванов.

(«Башня». Стихи. Предисл. М. Кузмина. Л., 1926. Отд. «Пародии».)

Мои родители, люди самые обыкновенные — Полемиическая аллюзия на ст-ние М. Кузмина «Мои предки» («Моряки старинных фамилий...»), написанное свободным стихом и открывающее его первую книгу стихов «Сети» (1908). См. также сноску в Приложении 1 на с. 481.

Сегодня день моего рожденья — Н. родился 27 сентября (9 октября).

Держали... до девятилетнего возраста — В этом возрасте детей отдавали учиться в гимназию.

О... турецких походах — Известно, что отец Н. был участником русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

...фонари керосинные — Керосиновые фонари в России использовались для освещения улиц в ночное время во второй половине XIX в., пока не были заменены электрическими.

II. «**Орган выдыхает круглый воздух...**» (С. 52). Дом искусств. 1921. № 2. С. 46, под загл. «Из поэмы-эпопеи “Праздник”», с пометкой: «Сентябрь 1920 г.». — ОМ. С. 13—14. — Современный декламатор, под

ПРИМЕЧАНИЯ

ред. Н. Омелянович и В. Пяста. Л.–М.: Книга, 1926. С. 170—171, под загл. «Орган многоголосый». Идея создания описанного в стихотворении органа явно носилась в воздухе. В ЖИ (№ 758—760) появилась анонимная заметка «Орган труда»: «Артистом Студии Московского Художественного Академического Театра А. А. Гейротом разработан проект гигантского органа, звучность которого, достигающая необычайной силы, может распространяться на несколько верст в округности. <...> Говоря о своем проекте, А. А. Гейрот рисует удивительную картину, когда по окончании дневных процессий, митингов и вечерних массовых зрелищ затихающий город наполняется еще не слышанными доселе звуками органа, как бы льющимися из черных пространств ночи и звездного купола. Впечатление должно получиться неизгладимое». Буквально в следующих номерах Н. опубликовал такое «Письмо в редакцию»: «Любопытно отметить, что в середине прошлого года мною написаны стихи “Орган”, очень близкие по содержанию к намерениям автора “Органа труда”, о котором сообщено в № 758—760 “Жизни искусства”. Стихи мои печатаются во второй книжке журнала “Дом искусств”. *Сергей Нельдихен*» (ЖИ. 1921. № 761—763. 25—28 июня). Александр Александрович Гейрот (1882—1947), актер МХАТа.

III. «За летние месяцы в печке набралось много бумаги...» (С. 54). АЦП. Кн. 2. С. 57—58. — ЦП. Вып. II—III. С. 53—55, под загл. «Из поэмо-романа “Праздник”» (в старой орфографии). В обоих изд. в ст. 15 вместо «завитоволосые» — «каштановолосые». — ОМ. С. 15—16.

Женщины — двухполовинааршинные куклы — Этот иронический пассаж поразил современников своей откровенностью (см. критические статьи в Приложении 1 на с. 443, 446, 449 и 454) и благодаря воспоминаниям В. Ходасевича и Н. Чуковского (см. там же на с. 413—418) стал самым известным текстом Н., что во многом определило (за отсутствием переизданий) небрежное отношение к нему последующих поколений. См. также письмо Н. Тихонову в Приложении 1 на с. 483).

IV. «В небе выключили вентилятор...» (С. 56). АЦП. Кн. 2. С. 59. — ОМ. С. 17—18. — Из новых поэтов: Сборник стихов. Сост. Б. Бродский. Берлин: Мысль, 1923. С. 76.

V. «Заглавными буквами Т...» (С. 57). ОМ. С. 19—22.

Софья Андреевна — Героиню зовут так же, как дочь князя Гагарина, бывшего владельца Холомков, см. воспоминания Н. Чуковского в Приложении 1 на с. 427.

VI. «Летними вечерами мы играем в прятки, в горелки, в жмурки...» (С. 61). АЦП. Кн. 2. С. 60—61. — ЦП. Вып. II—III. С. 56—58 (в старой орфографии). — ОМ. С. 23—25.

Дети, когда вы играете... — Аллюзия на евангельскую заповедь «Будьте как дети» (Мф 18:3).

VII. «Скажите, пожалуйста: тут живет Илья Радалёт?» (С. 63). ОМ. С. 26—30.

Вбежала женщина раскрасневшаяся — Возможно, невольная аллюзия на ст-ние А. Блока «Она пришла с мороза раскрасневшаяся...», написанное свободным стихом.

...бывшее владенье какого-то графа — Холомки принадлежали князю А. Г. Гагарину (см. сноску в Приложении 1 на с. 427).

VIII. «Бирюзою перстня божьего...» (С. 67). Петербургский сборник: Поэты и беллетристы. Пб.: Летопись Дома литераторов, 1922. С. 17. — ОМ. С. 31.

IX. «На фисгармонии чердачных скважин...» (С. 68). АЦП. Кн. 3. С. 19—21. — ОМ. С. 32—33. Завершается событиями конца сентября 1921 г. пребывания в Холомках.

Мысль изреченная есть ложь — Строка из ст-ния Ф. Тютчева «Silentium» (1830).

Праздник (Илья Радалёт) Поэмороман. Часть вторая (1921 — сентябрь 1922)

Вторая часть поэморомана вышла отдельным изд. на родине поэта в Таганроге в начале 1924 г. Из семи глав только три предварительно публиковались в сборниках и периодике. Послесловие, которым Н. снабдил книгу, см. в разделе «Основы литературного рая».

ПРИМЕЧАНИЯ

I. «А теперь загляну вот в это окошко...» (С. 73). А. Вып. 3. С. 22—23, ст. 1—76, с разночтениями; ст. 77—95 отсутствуют. Из существенных разночтений: в ст. 6 вместо «на пластинке» — «на ручке»; ст. 8 выглядит так: «Закутанная в кресле сидит»; ст. 12—13 в таком виде:

Уф, холодно, — ветер снег счищает, — не хочет, чтоб было мягко,
Верно, и дедмороз ходит сейчас и подарки разносит.

В ст. 27 вместо «я ведь не боюсь» — «я боюсь»; ст. 29 вместо «за стекло» — «в комнату»; в ст. 46 вместо «безрукавки вяжет» — «шьет чепчики», в ст. 48 вместо «на полке» — «на столе»; в ст. 70 вместо «Ефросинья» — «Виктория». — П. С. 5—9.

На шариках кровати блестят согнутые четырехугольники — Т. е. искривленные отражения окон в начищенных круглых набалдашниках из бронзы, которыми завершались угловые опоры кроватных спинок.

Чепчик шьете? — Ср. с репликами Абэ и Киз в действии 1 пьесы «Фокифон» на с. 238.

Ольга, Вера, Евфросинья, Ирина, Софья, Рая — персонажи из четвертой главы второй части.

...праздник елочный — Новый год.

II. «По луне, по луне иду!» (С. 77). АПООИ. С. 1—3. В ст. 30 вместо «предлинной» — «огромной», в ст. 59 вместо «телогнетущей» — «душегнетущей». — П. С. 9—12. — Последние пять строк дважды публиковались отдельно: ЖИ. 1922. № 9. 1 марта. С. 5. — Стожары. С. 49. <№ 10.> В этой главе главный герой погибает; в следующих главах действие происходит уже после его смерти.

III. «Так закипает медленно вода...» (С. 80). П. С. 12—13.

...только на ослице / Возможно въехать в Иерусалим — Ср. вариант той же фразы в стихотворении «Пальцем в грудь (Любопытство к мысли и любви)».

IV. «Берусь я вести сегодняшнее наше собрание...» (С. 81). П. С. 13—17.

V. «Подожди-ка, — часы бьют...» (С. 85). П. С. 18—20.

Противоречья дух — правдиворечья дух — Фраза публиковалась отдельно: Стожары. С. 49. <N° 7.>

Говорящему... умирать — Фраза публиковалась отдельно: Стожары. С. 49. <N° 1.>

VI. «*Je donne, tu donne, elle donne, il donne...*» (С. 88). П. С. 21—23.

Je donne, tu donne, elle donne, il donne... nous donnons — Я даю, ты даешь, она дает, он дает... они дают (*фр.*).

...слово «вино» произносят «в нос» — Т. е. «винон».

VII. «*Засыпающий не должен думать о себе...*» (С. 91). А. Вып. 2. С. 49—50, с разночтениями. Ст. 7—8 находятся между ст. 41 и 44; ст. 42—43 отсутствуют; в ст. 16 вместо «магазинщика» — «ювелирный магазин»; ст. 22 между 18 и 19; вместо ст. 50 другой:

В лощине фарфоровая петля тумана тянется, обвить хочет поющую руку.

В ст. 55 вместо «переполненный» повторено «полный»; в ст. 59 вместо «Зашептало» — «Закрутилось, затарахтело». Ст. 69 отсутствует. — П. С. 23—26. Ст. 1—4 публиковались и отдельно: Стожары. С. 49. <N° 5.> Кроме того, они записаны в альбом Леонида Борисова с подписью: «14/июня 1922 г. / П<етро>град» (Коллекция А. Л. Дмитренко, Санкт-Петербург).

...наука, любовь, музыка и вкусная пища — В одном из двух альбомов, принадлежавших Л. И. Борисову (Коллекция А. Л. Дмитренко, Санкт-Петербург), есть схожая запись:

Правда
Любовь
Музыка
Вкусная пища
Свобода личности
Уют
Расчет на вечное
Бескорыстная дружба
Откровенность

ПРИМЕЧАНИЯ

Заповедую Вам,
приятнейший Борисов.
А литература —
— не ценность.
Передайте это потомкам
Вашим; о потомстве,
впрочем, не заботьтесь.
Люблю Борисова Леонида.
Сергей Нельдижен.
3 мая 1923 г. Петроград

Посвящение (С. 94). АПООИ. С. 3 (без названия); между ст. 12 и 13 находится четверостишие, выделенное отступами:

Классическим стихом владеть и я умею,
Поэту сладостен напев его и слог,
Но, вольно воспарив, я ими пренебрег,
Воздавши должное и Пушкину, и Мею.

Последние три ст. выглядят так:

Чередования томительный закон.
Исполни, вечный друг, потомок, сей закон,
И место мне найди в спиралебегом мире. —

Петроград: Литературный альманах. Пг.-М., 1923. № 1. С. 115 (без названия); текст полностью повторяет предыдущую публикацию, но с разбивкой на четверостишия и с выделением отступом вправо недостающей в окончательном варианте строфы. — П. С. 27. В автографе (ИМЛИ. Ед. хр. 2), написанном черными чернилами, строение (без названия) разбито на 7 строф, с разночтениями: ст. 6 выглядит так: «Уверен, — больше всех достоин я венка»; ст. 19 читается: «Я ощутил в себе, что я не человек»; ст. 22—23 как в журнальных публикациях, а последний ст. таков: «И место должное найди мне в круглом мире!» Ст. 10 публиковался отдельно: Стожары. С. 49. <№ 6.>

Ст-ние построено на тавтологических рифмах и представляет собой одну из разработок темы «памятника», восходящей к оде К. Горация Флакка «Eхegi monumentum aere perennius...» и получившей в русской поэзии широкий отклик.

...в спиралевом мире — Вероятно, намек на «теорию спирально-го шара» (см. примеч. к третьей части ст-ния «Искренность (Непринужденность)» и сноску в Приложении 1 на с. 432).

Литературные фразы (Фрагменты) (1920—1929)

В послесловии ко второй части поэморомана «Праздник (Илья Радалёт)» Н. объявил, что его следующая книга «будет подобием “Записной книжки”» (см. в разделе «Основы литературного рая» на с. 336). Однако такая книга не вышла, хотя в двух авторских библиографиях она фигурирует: «Пальцем в грудь (фрагменты) 1925 г. Л<енин>гр<ад>» (Фокифон. С. [1]) и «“Пальцем в грудь” (сборник афоризмов)» (СДС. С. 32). О том, что книга готовилась к изданию (во всяком случае, рукопись была представлена в Главлит), свидетельствует запись в авторской библиографии (ОПиС. С. 31) под 1927 г.: «“Пальцем в грудь” 78884. Г-л.», а также фраза в письме Леонида Добычина к Михаилу Слонимскому от 18 марта 1926 г.: «Вышли ли афоризмы “Пальцем в грудь” Нельдихена?» (Письма Л. Добычина М. Л. и И. И. Слонимским (1925—1927). Публ. В. Бахтина // Звезда. 1993. № 10). В сборнике ОПиС были напечатаны восемь фрагментов (без общего заглавия, с пометкой «1920—21») и отдельное ст-ние «Пальцем в грудь (Любопытство к мысли и любви)» (см. в разделе «Синтетическая форма»), состоящее в основном из скомпонованных афористических высказываний, а в сборнике ОПД — еще 13 фрагментов под общим заглавием: «Литературные фразы (1921 г.)». До публикаций в сборниках была напечатана небольшая подборка из 10 фрагментов: Стожары (без даты, под общим заглавием «Фрагменты»). В нее вошли как самостоятельные афоризмы, так и отдельные фразы из глав неопубли-

ПРИМЕЧАНИЯ

кованной на тот момент второй части поэморомана «Праздник (Илья Радалёт)», а также из ст-ний «Пальцем в грудь (Любопытство к мысли и любви)» и «Искренность (Непринужденность)» (см. примеч. к ним), при этом трудно с уверенностью сказать, использовались ли поэтом некоторые фрагменты для построения больших ст-ний и частей поэморомана, или, наоборот, извлекались из них после завершения работы. Однако можно предположить, что некоторые фразы являются извлечениями из неизвестных или утраченных ст-ний. Несмотря на то, что Н. в публикациях помечал фрагменты 1920—1921 гг., некоторые из них явно относятся к более поздним годам, прежде всего те, в которых слышны отголоски истории, связанной с публикацией И. Сельвинским книги «Записки поэта».

Помимо опубликованных при жизни фрагментов среди архивных материалов сохранились и ненапечатанные. В ИМЛИ хранится недатированный автограф (синими чернилами) пяти афоризмов под общим заглавием «Фрагменты», с общей подписью: «П<етро>гр<ад>. Дом Искусств. Мойка<,> 59» и карандашной пометкой на полях: «Не идет». Три из них были опубликованы: Стожары; а два так и остались неопубликованными. В альбоме А. И. Ходасевич, хранящемся в РГАЛИ, есть страница, содержащая пять пронумерованных записей, из которых три являются вариантами фраз, находящихся в ст-ниях «Пальцем в грудь (Любопытство к мысли и любви)» и «Искренность (Непринужденность)» и пьесе «Фокифон» (см. примеч. к ним); одна запись — не имеет соответствий, а заключительная такова: «Анна Ивановна — я бы не сказал, что Вы мне не нравитесь»; внизу общая подпись: «Сергей Нельдихен / 18 Февраля 1925 г. / Л<енин>гр<ад>».

Раздел составлен из поэтических афоризмов, содержащихся в указанных выше источниках, и назван по двум авторским публикациям, так как «Пальцем в грудь» стало заглавием отдельного ст-ния. Другие ст-ния, принадлежащие к этому жанру, см. в разделе «Гражданское мужество».

«Талант всегда стремится доказать...» (С. 97). ОПиС. С. 26.

«Из получивших дар слагать слова и мысли...» (С. 97). Стожары. С. 49. <№ 3.> — ПНД. С. 66 (после стихотворения «Ощупай ра-

достно свои мужские мышцы...», без отступа, с пометкой «1921»). — ОПиС. С. 26. — Автограф — ИМЛИ. Ед. хр. 5. <№ 1.>

«Нередко поэт переходит на прозу...» (С. 97). ОПиС. С. 26.

«Не огрызаешься — никем не уважаешься» (С. 98). ОПиС. С. 26.

«Обычный читатель ждет от искусства...» (С. 98). ОПиС. С. 26.

«Так о писателе нередко знает посторонний...» (С. 98). ОПиС. С. 26.

«Умей читать стихи подряд...» (С. 98). ОПиС. С. 26. Ср. высказывание В. Ходасевича в статье «Два поэта»: «Вся совокупность произведений лирического поэта может быть рассматриваема как единая поэма» (Газета «Возрождение». 1936. 30 апреля).

«Поговоришь с одним, другим, тридцатым...» (С. 98). ОПиС. С. 26. Несколько лет назад на одном букинистическом аукционе в Москве продавался блокнотный листок в линейку с наклеенным автографом, написанным орешковыми чернилами и представляющим иную редакцию последней строки стихотворения: «Непризнанных талантов нет / Сергей Нельдихен. 2 мая 1922 г. П<етро>гр<ад>» — и вырезкой с типографским текстом стихотворения «Отныне Скорбный Андрей...» (см. в разделе «<Разрозненные стихи>»).

«Давно пора узаконить защиту...» (С. 99). ОПД. С. 17. Возможно, написано в 1928—1929 гг. и связано с историей с «Записками поэта» И. Сельвинского (см. сноску в Приложении 1 на с. 468).

«Только то хорошо, что в моменты создания...» (С. 99). ОПД. С. 17.

«Есть две различных простоты...» (С. 99). ОПД. С. 17.

«Оригинальность часто обвиняют...» (С. 99). ОПД. С. 17.

«Чем шаблоннее — тем понятнее...» (С. 99). ОПД. С. 17.

«Талантливый бесспорно понимает...» (С. 100). ОПД. С. 17.

«“Живой человек” — это же и есть...» (С. 100). ОПД. С. 18.

«Несвоевременна отсталость...» (С. 100). ОПД. С. 18.

«Расчет на то, что люди мало знают...» (С. 100). ОПД. С. 18. Возможно, написано в 1928—1929 гг. См. примеч. к «Давно пора узаконить защиту...». Ср. с текстом заявления в ВССП (см. в Приложении 1 на с. 471).

«Если я тебя не знаю...» (С. 100). ОПД. С. 18.

«Всё чаще стала проникать в искусство...» (С. 101). ОПД. С. 18.

«Живи с писателем, писатель...» (С. 101). ОПД. С. 18.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Поэт, обычно, в музыке не смыслит...» (С. 101). ОПД. С. 18.

«Талантливый всегда оттуда начинается...» (С. 101). Стожары. С. 49. <№ 9.> — Автограф — ИМЛИ. Ед. хр. 5. <№ 4.>

«Чем меньше у тебя учеников...» (С. 101). Печатается впервые по автографу — ИМЛИ. Ед. хр. 5. <№ 2.>

«Поэт — мечтатель...» (С. 102). Печатается впервые по автографу — ИМЛИ. Ед. хр. 5. <№ 3.>

«Побеждает — побежденное» (С. 102). Печатается впервые по автографу — РГАЛИ. Ф. 537. В. Ф. Ходасевич. Оп. 1. Ед. хр. 127. С. 63. № 2.

Non cogito ergo sum (Случайные стихи) (1923—1924)

В этом разделе воспроизводится авторский цикл, опубликованный в сборнике СДС и по сути являющийся полноценной книгой стихов. Заглавие обыгрывает знаменитое философское утверждение Рене Декарта (1596—1650) из «Рассуждения о методе» (1637): «Je pense, donc je suis» (фр. «Я мыслю, значит я есть [есмь]»), вошедшее в обиход в латинском переводе: «Cogito ergo sum». Добавление отрицания во фразу заставляет вспомнить о представлении Н. Гумилевым при вступлении в «Цех поэтов», зафиксированном мемуаристами (см. в Приложении 1 на с. 413—418). Т. е. Н., условно говоря, предпринял попытку «прикинуться дураком» и с этой позиции посмотреть на происходящее в Советской России в те годы (ср. схожие высказывания в стихах «У древнего памятника» (см. его другую ред. в примеч.) и «Ум и глупость» из раздела «Синтетическая форма»). Однако даже наличие такой маски ему не помогло, и идеологическая критика его раскусила и вывела на чистую воду (см. рецензии на СДС в Приложении 1 на с. 469—475).

Конец путешествию

I. «Вот город, — издали бурьян и тополь...» (С. 105). Журнал «Звезда». 1927. № 10. С. 98—99. — СДС. С. 13—15. Адресат посвящения — Дмитрий Петрович Агатов (Ширмахер), участник одесского лит-

кружка начала 1920-х гг. «Коллектив поэтов», прославившийся своей оборотистостью; прототип «уполномоченного по распространению изданий Цекомпома» Кашкадамова из повести В. П. Катаева «Растратчики» (1926), а также один из прототипов Остапа Бендера; в 1935 г. арестован как «американский шпион» и, видимо, вскоре расстрелян.

Ленинград — Петроград был переименован в Ленинград 26 января 1924 г.

II. «Два города Москва и Ленинград...» (С. 107). СДС. С. 16—18. В сохранившемся черновом автографе без даты (РГАЛИ. Ф. 1890. Н. С. Ашукин. Оп. 1. Ед. хр. 125. 2 л.) содержится вариант строк, обращенных к Пушкину, выделенных в отдельное стихотворение под заглавием «Пушкину»:

Мне гордо, Пушкин, — и себя сокрою,
Как скрыл и ты себя в строках последних
В своем «Брожу ли я вдоль улиц шумных».
Сейчас, где я, ползет река обычно
В привычной и тебе весенней ночи,
Но нет цыган, [ни] нет ржання, лая,
Тоскующих дворняг и лошадей.
Сирень повсюду; даже нищий крутит
Меж пальцами отрывок синей ветки,
И даже о стоячее стекло
Мигнувшего вдали автомобиля
Другая ветка непривычно мнется.
Тебе, конечно, непривычно слово,
Какое я сказал тебе впервые, —
Ни разу ты не слез с автомобиля,
А я ни разу не сидел в карете.
Я в том же городе, где ты родился,
Но улица Немецкая зовется
Теперь иначе: — свежая дощечка.
Что б делал ты, когда б теперь родился,
На двадцатипятилетье позже?
Совсем не книжники, не слововеды

ПРИМЕЧАНИЯ

Тебя должны любить и помнить, —
(Они всё те же, Пушкин, эти люди),
Они и так хранят твои записки,
И ждут прихода Пушкина второго
И хвастают живучестью твоей;
Совсем не школьник и сельскоучитель, —
Для них ты — добрый, правдолюб и гений,
И будто современники твои
Тебя бесспорно, сразу оценили.
Конечно, не они должны любить, —
Они тебя не знают, вечный Пушкин! —
Ты [был] правдолюб был и плохой служака,
И часто презирал свои записки,
[И нагло требовал себе награды,]
Не исполнял правителей указы,
И пунш любил и мальчуганов шалость,
И добивался долго женских ножек, —
(О Терпсихоре, помнишь, ты сказал?)
Ведь ты хранил любовниц имена...
[А это лишь захочет неудачник.]
Веселый неудачник, черный Пушкин,
Сними свой плащ, — одень косоворотку!
Наверно б ты и кожанку носил,
Когда бы жил теперь, со мною, с нами!

Николай Сергеевич Ашукин (1890—1972), в архиве которого сохранился этот автограф, — литературовед, пушкинист, автор многих книг об А. Пушкине. Об адресате посвящения сведений найти не удалось.

Путиловцу почетному родней — Отряд из 80 вооруженных рабочих Путиловского завода участвовал в штурме Зимнего дворца в ночь с 24 на 25 октября 1917 г.

Казарма — лучшее из общежитий — Высказывания подобного рода и привели Н. сперва в ссылку, а затем в тюрьму.

Стиль времени — «стандартный» серый куб — Имеется в виду конструктивизм — главенствующий стиль в архитектуре того времени.

«Брожу ли я вдоль улиц шумных» — Первый ст. из ст-ния без заглавия (1829) А. Пушкина.

...улица Немецкая зовется / Теперь иначе — В 1922 г. Немецкая улица в Москве была переименована в честь революционера Н. Э. Баумана.

О Терпсихоре — Отсылка к строфам XX, XXX—XXXIV из первой главы романа в стихах «Евгений Онегин» А. Пушкина, в которых говорится о ножках «русской Терпсихоры» — балерины Авдотьи Ильиничны Истоминой (1799—1848).

Всё лучшее в стране всегда стремится / К уму, портфелю, кошельку страны — Эти строки подверглись злобным нападкам со стороны рапповских критиков (см. в Приложении 1 на с. 469, 473).

Сосед (С. 111). СДС. С. 19—20.

Дождь (С. 113). «Литературный уголок». Приложение к газете «Псковский набат». № 22. 23 сентября 1923 (без заглавия). — СДС. С. 21—22.

Брандмайор — полицейский чиновник в Российской империи, начальник всех пожарных частей столичного или губернского города; должность отменена в 1917 г.

Весенний ситец (С. 116). СС. С. 33—34 (без разделения на строфы). — 31 рука. С. 11 (подписано криптонимом: «Н. С.»). — СДС. С. 23. Ст-ние представляет собой развернутую метафору.

«Ощупай радостно свои мужские мышцы...» (С. 117). ПНД. С. 66. Ст. 11—12 выглядят так:

Кто скажет, что твой рот уродлив,
Когда кричишь, идя на лов?

Ст. 16: «Лес, хлеб, соль, ручеек!» — СДС. С. 24. В каждой следующей строфе ст-ния идет убавление одной ямбической стопы.

Праща — простейшее метательное орудие, известное с древнейших времен; использовалось на войне и охоте.

Стек — аксессуар, вошедший в моду сперва в офицерской среде во время Первой мировой войны, а потом распространившийся повсеместно; представляет собой короткую тонкую тросточку с кожаной или замшевой петлей для удобства ношения на руке; изначально использовался как хлыст при верховой езде.

ПРИМЕЧАНИЯ

Отдых (С. 118). СС. С. 32—33. — 31 рука. С. 11 (подписано криптонимом: «Н. С.»). — СДС. С. 25. В СС перед окончательным тестом находится еще 12 строк:

День слишком мал для подвижной работы,
Земля узка, неглубоки моря
И как проста необходимость жизни —
Погиб один, — живет-бежит другой.
Без трепета, с обугленную злобой
Привыкли мы встречать о смерти весть,
И зимний скрип сапог по снежным доскам
Нам никогда не кажется впотьмах
Скрипением колесницы похоронной.
Но тень ленивая в стоверстый полдень,
В горячий день заботливее снега, —
(Снег бережет озимые хлеба)...

Расщелкались и расшvistались липы — Аллюзия на строки из ст-ния М. Кузмина «К вам раньше, знаю, прилетят грачи...» (февраль 1924 г.):

К вам раньше, знаю, прилетят грачи,
И соловьи защелкают на липах,
И талый снег в канавах побежит...

После отдыха (С. 119). СДС. С. 25.

На катке (С. 120). СДС. С. 26.

Поэт и прозаик (С. 121). СДС. С. 27.

Словоигрушка (С. 122). СДС. С. 27. Словоигрушками Н. называет паронимические созвучия и примеры ложной этимологии (ср. употребление этого слова во II и III-й частях ст-ния «Искренность (Непри-
нужденность)» на с. 133 и 137).

Электричество (С. 123). СДС. С. 28—29.

«*Электрострой*» — Управление электротехнических сооружений, созданное 25 июня 1918 г. при Комгосооре (Комитете государственных сооружений) РСФСР для управления строительством электростанций.

Детское (С. 125). СДС. С. 30. Адресат посвящения — Владимир Алексеевич Пяст (Пестовский; 1886—1940), поэт, прозаик, переводчик, мемуарист, теоретик литературы; один из ближайших друзей Н. в 1920-е гг. (см. его высказывания о Н. в Приложении 1 на с. 419—422, 443—444).

Синтетическая форма (1920—1929)

Раздел, имеющий авторское название, объединяет стихотворения единого цикла, напечатанные в двух сборниках Н. — ОПИС (8 стихотворений) и ОПД (5 стихотворений). Из 13 стихотворений 10 написаны свободным стихом (т. н. «библейской прозой»), три — белым пятистопным ямбом, из которых одно («Монолог неопасного человека») — сильно расшатанной формой этого размера. Теоретические высказывания автора о «синтетической форме» см. в раздел «Основы литературного рая». Только 2 стихотворения из всего цикла предварительно публиковались в периодике.

Искренность (Непринужденность). Вероятно, это название первоначально относилось ко всему циклу. В авторской библиографии (СДС. С. 32) есть запись: «Искренность (синтетическая форма; 1923—1925 г.)». Адресат посвящения — Леонид Ильич Борисов (1897—1972), поэт, прозаик, мемуарист; один из ближайших друзей Н. (см. его воспоминания в Приложении 1 на с. 420, 430, 433—436), характеризующий его как «безалаберного человека, высокого поэта» (*Борисов Л. Родители, наставники, поэты... Книга в моей жизни.* 3-е изд. М.: Книга, 1972).

<I.> (С. 129). ОПИС. С. 5—8. Автограф ранней редакции — ИМЛИ. Ед. хр. 1 (лицевая сторона); машинопись с авторской правкой, без названия и посвящения; имеет самостоятельное значение:

Войди в город, стань, иль можешь прохаживаться, как захочется,
Иль можешь подняться на удобную высоту трех ступенек любого крыльца, —
И считай, откуда желаешь, всех женщин мимоидущих:
Какая из них могла бы тебя лицом порадовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

Знай, — ближе семьдесятвторой не попадетс тебе. — Я подсчитывал.
Если же приятней тебе лица мужские, можеш то же проделать и с ними.
Полезное шаловливое занятие!
Запоминаются, как никогда, природа, жизнь, каждый белок,
нитка, морщинка, —
И презрительно оттянеш губы свои. —
Мало, мало носов-носиков, глубоких губ, здоровых щек, —
Даже только изредка круглеют щеки с кровяными подтеками,
Когда для красноты щиплют их через каждые полчаса;
Немного, немного и тех прямых линий от основанья переносицы,
касясь губ и подбородка, —
В чем красота прекрасницы.
На юге лучше. — Там можеш седьмую-девятую выбрать,
Там даже у случайной молодой метельщицы сверкают протяжно зубы.
А пальцы! — приглядиь — у большинства они коричневатые,
Будто ими чистили яблоки.
Не бойся, приятель, если тебя назовут бездельником,
Или еще обыденнее — нравственным уродом.
Не злободневствуй ни с кем, не рекламируй.
В примиреньи всегда — правда, но безделье.
Ты знаеш сам и даже то, что для всех чистые ноги лучше
обожженных крапивой,
Полированный стол лучше скобленного ножом,
Запах роз приятнее запахов чада
И хрестоматия не годится в настольные книги.
Не вини никого в лицемерии, уме, вздорности, глупости,
начитанности или лжи, —
Ибо человек — это не только не звучит гордо, но и до гор не звучит,
И снова хочетс, чтоб зазвучало гордо «человек»¹. —
Я мог быть всегда ни кем иным, как только первым,
подсчетчиком спокойным, одиноким, ранним.
И всякого героя ты называй отныне не божеством, но лучшим человеком, —
Почетнее, правдивей, человечней.

¹ Ср. с отдельной фразой из книги «Гражданское мужество» на с. 207.

Но хватит, приятель, ты сам не видишь, хоть отстающий всегда счастливей.
Ну, чтоб ты сделал сам, когда бы выбрал ту, семьдесятвторую,
иль девяностотретью?
(На пятьдесятчетвертой почему-то почти всегда кривоногого пройдет).
Но о делах некоторых не принято говорить, — смешно, развратно,
Их можно только делать.
(Что принято, значит надо так и — правда.)
И ты делай: подойди вежливо к прекраснице и расскажи, как выбрал ты.
Она обидится, ругнет, если ты урод, или у тебя воротник в перхоти, —
И презрительно оттянутся губы ее.
Если ты некрасив, — серьезным должен быть ты.
И будет права женщина, ибо нет ничего противней любви уродов,
Хотя некрасивое — всегда трагичней.
И не обидься, дай ей свободно выбрать.
А когда скажут тебе «нравственный урод»,
Скажи им: безнравственный урод смешнее.
На всякий случай все же вспомни про себя и ты:
Женщину если захочешь прельстить, узнай, каков до тебя был любовник, —
Если ревнивец, — не будь ревнив; если добряк, — будь злым, очень злым.
Нет, лучше ничьих ты советов не слушай.
Не слушай и иди, когда не согласилась порадовать тебя прекрасница.
У тебя даже найдется утешенье: ну что там особенного! —
изгибы, складки кожи, жира, —
И почему-то такой-то изгиб, такая-то складка достойны твоей заботы! —
Иди, иль можешь прохаживаться, как захочется,
Или можешь подняться на неудобную высоту любого карниза,
иль тумбы чугунной, —
И считай тогда всех людей мимоидущих.

Если ты некрасив... — фраза публиковалась отдельно (с разбивкой на два ст., 2-я часть — как в раннем варианте, см. выше): Стожары. С. 49. <N° 4.>

...не надо вежливо — эта часть строки вместе со следующим ст. как отдельная фраза вписана в альбом А. И. Ходасевич (РГАЛИ. Ф. 537. В. Ф. Ходасевич. Оп. 1. Ед. хр. 127. С. 63. N° 4) в несколько ином виде:

ПРИМЕЧАНИЯ

Не надо вежливить,

Ибо очень часто вежливость понимается, как слабости признак.

II (С. 133). ОПиС. С. 8—10.

Жизнь обновляется неведением подростка — Автоцитата из ст-ния без заглавия (см. раздел «<Разрозненные стихи>»).

Я — Нельдихен; — *по-русски пусть коверкают Нельдихин* — Немецкая фамилия поэта часто переименовывалась на русский лад в статьях и рецензиях (см. примеры в Приложении 1 на с. 426, 456—458 и 466).

III (С. 135). ОПиС. С. 10—12. Ст. 26—27 в виде самостоятельного двустишия публиковались вместе с другими фрагментами: Стожары. С. 49. <N° 8.> Автограф — ИМЛИ. Ед. хр. 5. <N° 4.> См. примеч. к разделу «Литературные фразы (Фрагменты)». Текст в обоих случаях такой:

Нередко гения свободное держанье

Примется толпой, как пошлость балаганья.

Спиральный шар — Возможно, это отголосок нельдихеновской «теории спирального шара». Неизвестно, в чем она заключалась, но рано или поздно текст ее должен всплыть. Указания на него есть в авторской библиографии, где под 1929 г. значится сдача машинописи в Главлит: «Г. 53016; Основы теории спирального шара» (ОПД. С. 29). См. также сноску в Приложении 1 на с. 472.

...замалчивание заслуг другого — скрытый плагиат — Ср. с текстом заявления Н. во ВССП от 25 ноября 1929 г. в Приложении 1 на с. 471.

Он украл у тебя твоё благополучье — Аллюзия на ст-ние П. А. Вяземского «Чувств одичалых и суровых...» (1876).

Но вряд ли попаду живым в рекомендованный учебник — Автоцитата из ст-ния «Нарочно выбираю стих...» (см. раздел «Гражданское мужество»).

Монолог неопасного человека (С. 139). 31 рука. С. 8—10 (в две колонки); в ст. 6 вместо «природе» — «на землю»; ст. 17 выглядит так: «Не очень нравятся мне также люди»; ст. 76 отсутствует. — ОПиС. С. 13—15.

Оказывался просто — здесь отточие заменяет недоговоренное слово, видимо, непечатное.

Я ничего, конечно, не ответил — этот же ст. завершает ст-ние «Ко мне заходят вечерами дети...» (см. раздел «Гражданское мужество»).

Из комнаты (С. 142). Новые стихи. М.: Всероссийский союз поэтов. 1927. Сб. 2. С. 63; без названия, с пометкой «Ленинград 1926»; в ст. 8 вместо «трусливо» — «на стреме», ст. 10 выглядит так: «Так это же и есть большая жизнь». — ОПиС. С. 16.

Пальцем в грудь (Любопытство к мысли и любви) (С. 143). ОПиС. С. 17—18. Большая часть ст-ния состоит из афористических фраз. См. общее примеч. к разделу «Литературные фразы (Фрагменты)».

...когда всё хорошо, то хорошо, что плохо — как отдельная фраза вписана в альбом А. И. Ходасевич (РГАЛИ. Ф. 537. В. Ф. Ходасевич. Оп. 1. Ед. хр. 127. С. 63. № 1).

Только на осле можно въехать в Иерусалим — фраза публиковалась отдельно (с разбивкой на два ст.): Стожары. С. 49. <№ 2.> Другой вариант см. в третьей главе второй части поэморомана «Праздник (Илья Радалёт)».

У древнего памятника (С. 146). ОПиС. С. 19. Несколько другая, возможно, неподцензурная редакция ст-ния сохранилась в автографе, написанном черными чернилами, — ИМЛИ. Ед. хр. 3; вот ее текст:

Властители владеют площадями
И украшают площади собой,
На каменных коней себя сажают, —
Рука простерта непременно вдаль.

Не обязательны талант и гений
Для властимущего и торгаша, —
Уменье жить нужней искусства слова,
Нежнее музыки искусство лгать.

И даже право на молчанье — редкость.
Оно доступно только чугуну;
Лишь под личиной придури безликой
Обычно можно правду говорить.

ПРИМЕЧАНИЯ

Противно, тяжело и скучновато, —
Кто поколение пережил одно,
Ему несносна вера в добродетель,
Неведенья задор и хвастовство.

А пережил, — и разум раздражает
И кажется негодным пожильём.
Совсем не всем необходима правда,
Как говорят, — бездумно легче жить.

Мечту и палку должен дать властитель, —
Доверчивость и выгода возьмет.
Но если ты без правды жить не можешь, —
Молчи, иль за [ногу] руку хватай коня².

Дети и отцы (С. 147). ОПиС. С. 20—21.

И всё-таки (С. 150). ОПиС. С. 22.

На север за солнцем (С. 151). ОПиС. С. 23—25.

Чувяки — кожаные или матерчатые тапки с закрытой пяткой; обувь у народов Кавказа и Средней Азии.

Если скучно, — значит серьезно, если серьезно, — значит умно — Автоцитата из ст-ния «Ум и глупость».

...в конце пребывает пародия на начало — ср. с фразой из пьесы «Фокифон» (см. примеч. на с. 396).

«Это уже история — семнадцатый год...» (С. 155). ОПД. С. 5.

«Наконец-то мои интересы совпадают с интересами общезжития» (С. 158). ОПД. С. 7.

А что такое правда, как не фотография событий? — Ср. со словами Абэ в 1-м действии «Фокифона» на с. 248.

«Я представляю себе, как это происходит...» (С. 160). ОПД. С. 9.

«В один прекрасный день собрать бы всех живущих...» (С. 161). ОПД. С. 10.

Ум и глупость (С. 163). ОПД. С. 13. См. общее примеч. к разделу «Non cogito ergo sum (Случайные стихи)».

² В последнем ст. «руку» надписано над зачеркнутым «ногу».

<Разрозненные стихи>
(1921—1936)

В раздел включены разные ст-ния, не вошедшие в авторские разделы и книги: три ст-ния из сборника «Он пришел и сказал», опубликованные в разделе «Стихи (1923—<19>24 г.)»; три стихотворных эпиграфа к авторским сборникам, имеющие самостоятельное значение; ст-ние «Плоды», опубликованное посмертно; а также ст-ния, публикующиеся впервые по различным архивным источникам.

Вверху (С. 167). ОПД. С. 14—15. Ср. со ст-нием Н. А. Заболоцкого «Движение» (1927).

«В зеленовато-лунной мгле...» (С. 169). ОПД. С. 16.

«Жизнь обновляется неведеньем подростка...» (С. 170). С. 16. Первый ст. — автоцитата из второй части ст-ния «Искренность (Непринужденность)» (см. с. 134).

И рифм: любовь и кровь — Ср. рифмические пары в ст-ниях «Я потерял бы душу вновь...» и «Как пепел, небо догорает...» в текущем разделе.

<Эпиграфы> (С. 171).

1. К сборнику «Органное многоголосье». ОМ. С. 5.

2. К сборнику «Он пришел и сказал». ОПИС. С. 3. Критические нападки на этот и следующий эпиграф в статье Д. Кальма и Б. Реста см. в Приложении 1 на с. 476—477.

3. К сборнику «Он пошел дальше». ОПД. С. 3.

«Отныне Скорбный Андрей...» (С. 172). Печатается по автографу без даты — РГАЛИ. Ф. 1718. К. Олимпов. Оп. 3. Ед. хр. 60; датируется по следующему за ним ответному стихотворению Владимира Смиренского, под которым дата проставлена. Другой автограф — ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. № 651 (указала Т. А. Кукушкина). По-видимому, было где-то опубликовано (см. примеч. к «Поговоришь с одним, другим, тридцатым...» из раздела «Литературные фразы (Фрагменты)»), но место и время публикации составителю найти не удалось. *Андрей Скорбный* — псевдоним писателя Владимира Викторовича Смиренского (1902—1977), внука ад-

ПРИМЕЧАНИЯ

мирала С. О. Макарова, брата поэта Бориса Смиренского (1900—1970); в 1930-е гг. он был репрессирован, впоследствии работал инженером-строителем, жил в Волгодонске, где организовал литературный музей. За год до написания этой эпиграммы Н. опубликовал двойную рецензию на книги стихов А. Скорбного «Большая любовь» и Б. Смиренского «В лимонной гавани Иокогама», где писал: «Все творчество А. Скорбного — сплошные перепевы Ахматовой и Блока, или, во всяком случае, — писания по поводу стихов Ахматовой и Блока; об этом гласят и эпиграфы, и посвящения, и название объявленной книжки Скорбного — “Птица белая” (конечно, птица из “белой стаи”), и такие строчки, как “преломляясь изгибами рук”... // Скорбный — очень скорбный поэт: — у него книги печальные, свет чахлый, звенящие слезы, больная любовь, цветы блеклые, взор бледный, душа заплаканная; всюду он чувствует себя “нищим”... // Больше, по-моему, о нем писать нечего...» (Книга и революция. 1922. № 9—10 (21—22). С. 68).

«Я потерял бы душу вновь...» (С. 173). Печатается впервые по карандашному автографу без знаков препинания — ИМЛИ. Ед. хр. 1 (оборотная сторона), где записано вместе с последующим. Возможно, эти стихи Н. предполагал включить в невышедшую книгу «Слова под романсную музыку», указанную в авторской библиографии (ОПИС. С. 32).

«Как пепел, небо догорает...» (С. 174). Печатается впервые по тому же карандашному автографу.

Страшный доктор (Подражание «детским» стихам) (С. 175). Печатается впервые по автографу — ИМЛИ. Ед. хр. 4. Л. 1—2; написано синими чернилами на двух листах с лицевой стороны, л. 2 снизу оборван; справа на л. 1 есть записи: «в юмористический сборник» и «юмористические»; на обороте л. 2 приписано карандашом и обведено: «Здоровая деревня». Видимо, Н. пытался опубликовать стихотворение в этом журнале, выходявшем в 1926—1930 гг. Стихотворение является своеобразной пародией на сказку в стихах Корнея Чуковского «Айболит» (1929).

Плоды (С. 178). Журнал «Континент». 1985. № 43. С. 362—363, где опубликовано Л. Н. Чертковым (видимо, по автографу из какого-то частного архива) в подборке «Из забытой русской поэзии XX века» без

указания источника текста; в краткой преамбуле сказано только следующее: «Здесь помещается одно из поздних стихотворений, выдержанное в псевдоклассическом духе; отмеченное его <Нельдихена> своеобразной философией». Если дата, указанная Л. Н. Чертковым, верна, то это ст-ние можно считать единственным целым ст-нием 1930-х гг., известным на сегодняшний день.

«Не бойся тех, кто на большом посту...» (С. 179). Печатается впервые по автографу в альбоме Л. Руст — РГАЛИ. Ф. 2180. Л. Руст. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 184; подпись: «С. Нельдихен / 2 Апреля 1936 / Москва». Это двустихие, вероятно, является фрагментом неизвестного или утраченного ст-ния большего объема. *Лидия Руст* (псевдоним Екатерины Александровны Тарловской (Васильевой); 1892—1953) — поэтесса и переводчица, жена поэта и переводчика Марка Ариевича Тарловского (1902—1952).

Гражданское мужество Книга стихов (1923—1933)

Книга, оставшаяся неопубликованной, на сегодняшний день известна в двух экземплярах, отражающих разные стадии работы над текстами ст-ний и составом, — черновом (ГМ-1) и белом (ГМ-2).

ГМ-1 представляет собой сшивку из листов большой (формата, близкого к современному А3) общей тетради в клетку, разрезанных пополам и сложенных вдвое (л. 3, 4 [1] — 8 [5], 10 [7] — 11 [8], 14 [11] — 16 [13], 26 [23] — 27 [24]), нелинованных листов, сложенных пополам (л. 9 [6], 12 [9], 17 [14] — 19 [16], 21 [18] — 25 [22]), листа папиросной бумаги (л. 13 [10]) и части тетрадного листа в линейку (л. 20 [17]). Самодельная обложка (л. 2 и 28) изготовлена из тонкого оберточного картона грязно-голубого цвета. Нумерация страниц — двойная (обе карандашные): старая (перечеркнутая), вероятно, сделана автором и начинается с первой страницы, содержащей тексты ст-ний; новая, видимо, сделана кем-то из архивистов и идет насквозь, начина-

ПРИМЕЧАНИЯ

ясь на листе с письмом Б. М. Эйхенбауму (л. 1), включая обложку (л. 2 и 28) и титульный лист (л. 3). Все тексты расположены на лицевых сторонах листов, оборотные стороны оставлены чистыми. На обложке (л. 2) вверху бледно-синими чернилами, обведенными сверху более темными, надпись: «Сергей Нельдихен / Г р а ж д а н с к о е / м у ж е с т в о. / ((нрзб) кн<ига> стихов / 1923—<19>28)». На титульном листе (л. 3) вверху напечатано: «СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН / Г Р А Ж Д А Н С К О Е / М У Ж Е С Т В О», внизу: «написано в Ленинграде и / Москве в 1923 [по] — 192[7]8 г.» (поправки сделаны синими чернилами); его фотографию см. на вкладке. Ст-ния книги располагаются на л. 4 [1] — 25 [22], на л. 26 [23] — 27 [24] находится продолжение авторской библиографии: «ОБ АВТОРЕ / Дополнение № 2 / к помещенной в кн<игах> “Он пришел и сказал” / и “Он пошел дальше”, — библиографии —». Текст на л. 4 [1] — 21 [18], 26 [23] — 27 [24] представляет собой слепую машинопись (3-й или 4-й экземпляр, напечатанный под черную копирку, за исключением текстов на л. 17 [14] — 18 [15], напечатанных под синюю) с авторскими правками и дополнениями, сделанными синими, черными, красными и фиолетовыми чернилами; текст на остальных листах — рукописный. Авторские правки в некоторых местах достигают нескольких слоев; кое-где прочесть первоначальные варианты не представляется возможным. Все дополнения, сделанные от руки, не имеют разбивки на стихотворные строки и выглядят как проза, разделенная на абзацы, соответствующие строфам. Экземпляр хранится в РГАЛИ, в фонде Б. М. Эйхенбаума, которому он был прислан из Алма-Аты вместе с письмом (его текст см. в Приложении 1 на с. 480—481). Исходя из текста письма, можно предположить, что должны существовать и другие экземпляры книги, однако их поиски пока не увенчались успехом.

ГМ-2 представляет собой горизонтальный альбом фабричного производства (формата, близкого к современному А5) во французском переплете под кожу серо-коричневого цвета, с нумерованными листами на шивке, сделанными из плотной бумаги (подобные в то время использовались в качестве домашних альбомов). Тексты вписаны в альбом каллиграфическим почерком. На титульном листе рукописи (<л. 1>) вверху выведено: «Сергей Нельдихен / Гражданское / мужество»,

внизу: «1923—28»; слева сверху на отчеркнутом поле имеется владельческая запись Леонида Борисова в три строки: «Л. Б. / 25/III / 63 г.» (см. изображение на вкладке). На <л. 2> находится посвящение, ст-ния начинаются с <л. 3> и доходят до <л. 34>. На <л. 25> внизу одно ст-ние вырезано (см. примеч. ниже). Датировки ст-ний в большинстве случаев совпадают с указанными в ГМ-1 (расхождения см. в примеч. ниже). Экземпляр хранится в коллекции А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург), куда он попал из архива Л. И. Борисова; но, судя по владельческой надписи, у последнего альбом оказался только в 1963 г., а до того, видимо, принадлежал адресату посвящения — *Мариш Эдуардовне Истоминой*. Сведений о ней найти не удалось; но, возможно, она — та самая жена Петра Александровича Истомина, бывшего в ссылке в Актюбинске (Казахстан) в мае 1928 г., упоминаемая в книге «Обречены по рождению... По документам фондов» (СПб., 2004. С. 214).

Судя по количеству и характеру разнообразной правки, ГМ-1 является черновым экземпляром книги и отражает предварительные этапы работы над текстом. ГМ-2, соответственно, можно считать беловиком. Оба экземпляра одинаковы по составу и отличаются только расположением отдельных ст-ний внутри книги. Окончательные варианты текстов ст-ний в ГМ-1 почти во всем идентичны текстам в ГМ-2.

Ст-ния, вошедшие в книгу, в прижизненной периодике по отдельности не публиковались, поэтому можно предположить, что замысел книги возник у Н., вероятно, уже после выхода последнего прижизненного поэтического сборника — ОПД. В авторских библиографиях, доведенных до 1930 г., ее название не фигурирует. Соответственно, основная работа над текстом и составом велась во время алма-атинской ссылки. Книга готовилась к печати, если судить по продолжению авторской библиографии, в которой под 1931 г. напечатана фраза: «Казл. 456. X. Гражданское мужество. гор. Алма-Ата», свидетельствующая о подаче рукописи в Казахстанский Главлит (X — видимо, октябрь). Возможно, первоначальный состав книги был иным, и в нее входили только те ст-ния, которые в ГМ-1 напечатаны на машинке, а те, которые приписаны от руки, добавлены позднее. Авторские датировки не вызывают сомнений и отражают на-

ПРИМЕЧАНИЯ

чальный этап работы над текстами, однако наличие в ГМ-1 обильной правки позднего происхождения заставляет с уверенностью сказать, что временем окончания работы над книгой следует считать вторую половину 1933 г.

В 1978 г. в NRLA Л. Чертковым и Т. Никольской были опубликованы семь ст-ний и одна строфа еще одного ст-ния по экземпляру ГМ-2 (см. примеч. ниже).

Текст книги публикуется по ГМ-2; в угловые скобки заключены конъектуры, восстанавливаемые по ГМ-1. Вырезанное в ГМ-2 ст-ние так же восстанавливается по ГМ-1, как и общее название для начальных девяти ст-ний <«Обобщенные фразы»>. К жанру фраз относятся многие короткие стихотворения по всей книге, поэтому они и печатаются в подбор. Ссылки в примечаниях даются на обе нумерации листов в ГМ-1, причем старая дается в квадратных скобках.

<Обобщенные фразы>

«Сперва надо знать, что надо знать, чтобы знать...» (С. 183). ГМ-1. Л. 4 [1]. — ГМ-2. <Л. 3.>

«Интересно услышать обо всем, о чем не говорят...» (С. 183). ГМ-1. Л. 4 [1]. — ГМ-2. <Л. 3.>

«**Неугодный**» — это еще далеко не значит «негодный» (С. 183). ГМ-1. Л. 4 [1]. — ГМ-2. <Л. 3.>

«**Желал бы ты сам своими пальцами брезгливо потрогать...**» (С. 183). ГМ-1. Л. 4 [1]. — ГМ-2. <Л. 3.>

«**Интеллигент сделал не свое дело...**» (С. 183). ГМ-1. Л. 4 [1]. — ГМ-2. <Л. 3.>

«**Револьвер, кулак и ругань...**» (С. 184). ГМ-1. Л. 4 [1]. — ГМ-2. <Л. 3> (с пропуском слова «моего» в ст. 2).

«**Если в городишке сносно слаженный духовой оркестрик пожарников...**» (С. 184). ГМ-1. Л. 4 [1]. — ГМ-2. <Л. 3.>

«**«Переоценки ценностей» в конце концов приводят к недооценкам ценностей**» (С. 184). ГМ-1. Л. 4 [1]. — ГМ-2. <Л. 4.>

«**Всё подчинено первобытной психике человеческих возрастов...**» (С. 184). ГМ-1. Л. 5 [2] (с правкой фиолетовыми чернилами). — ГМ-2. <Л. 4.> В первоначальном варианте ГМ-1 вместо ст. 2 было:

Философия, [как продукт человеческого опыта, —
тоже философия возрастов,]
Чередую: «всё течет», «всё недвижимо», «всё повторяется»... и т. д.

Часы (С. 185). ГМ-1. Л. 5 [2]. — ГМ-2. <Л. 4.>

Желаю побеждать и времена и пространства — Ср. со ст-нием «Форма обобщенной афористической фразы...» на с. 206.

«На рыжеватом глянцево картоне...» (С. 186). ГМ-1. Л. 6 [3]. — ГМ-2. <Л. 5.>

Пейзажи

«Бывает подлая погодка...» (С. 187). ГМ-1. Л. 6 [3]. — ГМ-2. <Л. 6.>

«Вода спокойна между гор...» (С. 187). ГМ-1. Л. 7 [4], где в последней строке вместо «дровосеку» было «дровосекам». — ГМ-2. <Л. 6.> — Опубликовано: NRLA.

«Кому вы кланяетесь, тополя?» (С. 187). ГМ-1. Л. 7 [4] (между ст-ниями «Какой редчайший сброд деревьев!» и «На тополя, на ясени...»). — ГМ-2. <Л. 6.>

«Сны восхвалялись не одним поэтом...» (С. 188). ГМ-1. Л. 7 [4]. — ГМ-2. <Л. 7.>

«Какой редчайший сброд деревьев!» (С. 188). ГМ-1. Л. 7 [4]. — ГМ-2. <Л. 7.>

«На тополя, на ясени...» (С. 188). ГМ-1. Л. 7 [4]. — ГМ-2. <Л. 7.> — Опубликовано: NRLA.

Еда (С. 189). ГМ-1. Л. 8 [5]; в ст. 14 вместо «ржавчина» читается «всячина», а ст. 17 выглядит так: «Голодный вообще не протестует». — ГМ-2. <Л. 8—9.>

Станиоль — оловянная фольга.

«Человек может быть и одинок и заброшен...» (С. 190). ГМ-1. Л. 9 [6] (приписано чернилами после «Женщина должна уметь недомыться», без первого «и» в ст. 1). — ГМ-2. <Л. 9.>

...возле одинокой машины предполагается человек — Ср. с завершающими строками ст-ния «По электрической проводке...»

«Женщина должна уметь недомыться» (С. 190). ГМ-1. Л. 9 [6] (приписано чернилами после «Запрешь в общую клетку мышей...»). — ГМ-2. <Л. 9.>

ПРИМЕЧАНИЯ

«Хитрит с людьми природа, соблазняя...» (С. 191). ГМ-1. Л. 9 [6]. — ГМ-2. <Л. 10.> В ГМ-1 в ст. 6 «По глупости» вписано поверх «Иль для жилья», в ст. 11 вместо вычеркнутого «Художник жизни, набросай» надписано «Вот жизни выверенные», в ст. 14 вместо «пиво» находится «сметы», а ст. 20 выглядит так: «Но я не дам любви хитрить со мной». Дата под стихотворением приписана чернилами.

Интеллигенты (С. 192). ГМ-1. Л. 10 [7] — 11 [8] (без отбивок; в ст. 3 от конца читается «значит» вместо «означает»). — ГМ-2. <Л. 11—12.> Эту же историю, рассказанную О. Д. Форш в романе «Сумасшедший корабль» (1931), см. в Приложении 1 на с. 442.

Печальный демон, дух изгнания... — Начало лермонтовского «Демона».

Семидесятники (С. 194). ГМ-1. Л. 11 [8] (под загл. «Декабристы»). — ГМ-2. <Л. 13> (с пропуском слова «было» в последней строке).

Шинок — историческое название питейного заведения в Польше, Украине, Белоруссии.

«**Арифмометр изобретен. А рифмометр?**» (С. 195). ГМ-1. Л. 11 [8] (приписано чернилами после предыдущего ст-ния). — ГМ-2. <Л. 14.>

«**А время идет, нисколько не интересуясь...**» (С. 195). ГМ-1. Л. 13 [10] (после стихотворения «Древняя мудрость (Повторение)»; с датой: «1927»). — ГМ-2. <Л. 14.>

«**Одни подменяют диалектический дипломатическим...**» (С. 195). ГМ-1. Л. 13 [10] (дата: «1923»). — ГМ-2. <Л. 14.>

«**Другие философию фаллософией, или афоризм аферизмом**» (С. 195). ГМ-1. Л. 13 [10] (дата: «1923»). — ГМ-2. <Л. 14.>

«**Только всё частное изменчиво (в движенъи)...**» (С. 195). ГМ-1. Л. 13 [10] (дата: «1923»). — ГМ-2. <Л. 14.>

«**О невозможном существовать...**» (С. 195). ГМ-1. Л. 13 [10] (дата: «1923»). — ГМ-2. <Л. 14> («мечтать» в ст. 2 написано чернилами поверх неразборчивого слова).

«**Не понимать свои выгоды, свои потери...**» (С. 196). ГМ-1. Л. 13 [10] (дата «1927», приписанная карандашом, возможно, более достоверна). — ГМ-2. <Л. 14> (с общей датой «1923», вероятно, относящейся и к пяти предшествующим ст-ниям).

Древняя мудрость (Повторение) (С. 197). ГМ-1. Л. 12 [9] — 13 [10] (без отбивок). — ГМ-2. <Л. 15—17.> Переложение знаменитого еврей-

ского анекдота про бедняка, раввина и козу, восходящего к хасидской притче.

Локшен (идиш) — лапша или макароны из пресного теста, традиционное блюдо еврейской кухни.

Гевалт (идиш) — возглас: «караул!»

Плакат (С. 199). ГМ-1. Л. 14 [11] (после стихотворения «Стоит кувшин...»). — ГМ-2. <Л. 17.>

«**Всегда найдется извратитель...**» (С. 199). ГМ-1. Л. 14. ГМ-2. <Л. 17.> Опубликовано: NRLA.

«**Стоит кувшин...**» (С. 200). ГМ-1. Л. 14 [11], где в ст. 12 исправлено чернилами «что» на «кто», а в последней строке «шепотком» на «ропотком». — ГМ-2. <Л. 18.>

Соблазн (С. 201). ГМ-1. Л. 15 [12]. ГМ-2. <Л. 19.>

«**Вставляя суетливо оконные рамы...**» (С. 201). ГМ-1. Л. 15 [12]. — ГМ-2. <Л. 19.>

Приятель (С. 201). ГМ-1. Л. 15 [12]. — ГМ-2. <Л. 19.> — Опубликовано: NRLA.

«**Хотя бы коротко, хотя бы строчкой...**» (С. 202). ГМ-1. Л. 15 [12]. — ГМ-2. <Л. 19.> — Опубликовано: NRLA. В ГМ-1 с исправлениями в ст. 3, которая первоначально выглядела так: «Своих желаний, мыслей, убеждений». После ст. 5 в ГМ-1 находится вычеркнутое продолжение стиха:

[В пределах, предоставленных мне глупым,
Я сделал мало, но я сделал все.
На первые места меня не пустят,
Пока глупцу не стану угождать.
Принадлежит мир среднему уму.
Но записал я лучшее свое,
Ведь все равно в портфеле залежится,
А иногда и больше чем опасно.]

Во времена печати затрудненной — Ср. с подобной фразой в статье «Основы литературного синтетизма» на с. 343

«**Потом окажется всё очень просто...**» (С. 203). ГМ-1. Л. 16 [13] (без разбивки на строфы; в ст. 1 исправлено чернилами «И вдруг» на «Потом»). — ГМ-2. <Л. 20.>

ПРИМЕЧАНИЯ

«Нарочно выбираю стих...» (С. 204). ГМ-1. Л. 16 [13] (без разбивки на строфы). — ГМ-2. <Л. 21.> Своеобразным ответом на это ст-ние может показаться «Быть знаменитым некрасиво...» Б. Пастернака, однако неизвестно, был ли последний знаком с текстом «Гражданского мужества».

«Яйцом куриным и коровьим маслом...» (С. 205). ГМ-1. Л. 17 [14]. — ГМ-2. <Л. 22.> Перед этим стихотворением в обоих вариантах книги стоит дата: «1928 г.», очевидно относящаяся ко всем последующим текстам.

«И “чорт меня дернул родиться с душой и талантом”» (С. 205). ГМ-1. Л. 17 [14]. — ГМ-2. <Л. 22.>

«Разрешите мне, Справедливость, немного поподличать!» (С. 205). ГМ-1. Л. 17 [14]. — ГМ-2. <Л. 22.>

«Не знаю почему, — но если при прощаньи...» (С. 205). ГМ-1. Л. 17 [14]. — ГМ-2. <Л. 22.>

«Всякое последнее оказывается предпоследним» (С. 205). ГМ-1. Л. 17. — ГМ-2. <Л. 22.>

«Досадует нередко кто к судьбе построже...» (С. 206). ГМ-1. Л. 17 [14]. — ГМ-2. <Л. 23.>

«На вопрос — а ты откуда?..» (С. 206). ГМ-1. Л. 18 [15] (приписано чернилами после «В определенном возрасте у всех...»). — ГМ-2. <Л. 23.>

«Не всякий научный сотрудник — наученный сотрудник» (С. 206). ГМ-1. Л. 18 [15] (приписано чернилами после предыдущего). — ГМ-2. <Л. 23.>

«Собиратели изящных книжных изданий...» (С. 206). ГМ-1. Л. 19 [16] (находится после стихотворения «Ночь»; в ст. 1 «Любители» переправлено чернилами на «Собиратели»). — ГМ-2. <Л. 23.>

«Форма обобщенной афористической фразы...» (С. 206). ГМ-1. Л. 20 [17] (находится в верхней части листа перед «Решившим дельно раз и навсегда...»). — ГМ-2. <Л. 23.>

Одно из желаний побеждать времена и пространства — Ср. с похожим ст. из ст-ния «Часы» на с. 185.

«Человек — это звучит почти как “чиновник”» (С. 207). ГМ-1. Л. 17 [14] (приписано чернилами после «Досадует нередко кто к судьбе построже...»). — ГМ-2. <Л. 23.> Перефразированные слова Сатина из

пьесы М. Горького «На дне» (1902); к моменту написания фразы слова горьковского персонажа еще не стали идеологическим лозунгом.

«**Ко мне заходят вечерами дети...**» (С. 208). ГМ-1. Л. 18 [15]. — ГМ-2. <Л. 24.> — Опубликовано: NRLA.

Я ничего, конечно, не ответил — Тот же самый ст. есть в ст-нии «Монолог неопасного человека».

«**Ей крикнули: — Скорей воды...**» (С. 209). ГМ-1. Л. 18 [15]. — ГМ-2. <Л. 24.>

«**В определенном возрасте у всех...**» (С. 210). ГМ-1. Л. 18 [15]. — ГМ-2. <Л. 25.>

«**Решившим дельно раз и навсегда...**» (С. 211). ГМ-1. Л. 20 [17]. — ГМ-2. <Л. 25.> — Опубликовано: NRLA.

«**Государственные преступники всех стран, соединяйтесь!**» (С. 212). ГМ-1. Л. 8 [5] (приписано чернилами после окончания ст-нии «Еда»). В ГМ-2 находилось на <л. 25> внизу, но позднее было вырезано, видимо, одним из прежних владельцев рукописи по вполне понятной причине — за хранение едва ли не главного коммунистического лозунга, таким образом перефразированного, можно было получить серьезный срок.

Ночь (С. 213). ГМ-1. Л. 19 [16]. — ГМ-2. <Л. 26—27.> В ГМ-1 ст. 3 первоначально выглядел так: «[Бесконечны, высоки]»; затем он был переправлен чернилами на: «Хлопотливы, широки». В ст. 12 «полуграмотный» вместо «среднеграмотный». Между ст. 12 и 13 — зачеркнутая строфа:

[Разговоров никаких
У сверчков и у сверчих;
По ночам не спи, не ешь, —
Уйму стрекочи депеш.]

Ст. 25 читается так: «Ночь прекрасна! Ночь легка!»

«**Запрешь в общую клетку мышей...**» (С. 215). ГМ-1. Л. 9 [6]. — ГМ-2. <Л. 27.> В ГМ-1 приписано чернилами после «Хитрит с людьми природа, соблазняя...»; на л. 20 напечатано между «Решившим дельно раз и навсегда...» и «Пойми меня, “судьба”, “природа”, “дьявол”, “бог”...», но затем вычеркнуто как повтор.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Пойми меня, “судьба”, “природа”, “дьявол”, “бог”...» (С. 215). ГМ-1. Л. 20 [17], где значимые слова начинаются со строчной буквы; после стихотворения чернилами приписана дата: «1928». — ГМ-2. <Л. 27.>

«И снова бесполезный год...» (С. 216). ГМ-1. Л. 21 [18]. — ГМ-2. <Л. 28—29.> В ГМ-1 вместо вычеркнутых ст. 7—8 первоначально находились:

И если бога нет — беда:
Вновь человек четвероногий.

Между второй и третьей строфой зачеркнута следующая:

[Хочу, чтоб бог существовал,
И правду открывал немедля:
К чему возня? — подлец, нахал, —
Так вот наган, отрава, пётля!]

В ст. 1 шестой строфы вместо «Естественнее» было «Немудрено, что». В седьмой строфе ст. 1 читался: «Не может быть бог умным богом». После седьмой строфы тщательно зачеркнута следующая:

[Вот было бы совсем недурно,
Когда бы бог, рожденный мной,
Меня бы самого петлей
Сдавил бы в <1 сл. нрзб> цензурной.]

Вместо нее приписаны чернилами два заключительных стиха.

«Большая добросовестность при отчете...» (С. 218). ГМ-1. Л. 16 [13] (приписано чернилами после «Нарочно выбираю стих...»). — ГМ-2. <Л. 29.>

«Рубить сук, на котором сам сидишь...» (С. 218). ГМ-1. Л. 22 [19] (записано чернилами). — ГМ-2. <Л. 29> (внизу страницы).

«Служаки, обыватели, пройдохи...» (С. 219). ГМ-1. Л. 22 [19] (записано чернилами; ст. 4 отсутствует). — ГМ-2. <Л. 30.>

«Все эти нищие, бездомники, бродяги...» (С. 220). ГМ-1. Л. 22 [19] (записано чернилами; в ст. 6 вместо «злодей» — «сосед»). — ГМ-2. <Л. 30.>

«По электрической проводке...» (С. 221). ГМ-1. Л. 23 [20] — 24 [21] (записано чернилами); ст. 3 восьмой строфы читается так: «И в лучшем месяце — июле». — ГМ-2. <Л. 31—32.> — Одна строфа «Электрoлампочка простая...» как отдельное стихотворение опубликована (с ошибками чтения) в NRLA.

«Способность к музыке у соловья...» (С. 223). ГМ-1. Л. 24 [21] (записано чернилами); ст. 5 выглядит так: «Я проверял хваленого певца». — ГМ-2. <Л. 33.>

Единое в природе (С. 223). ГМ-1. Л. 25 [22]; записано чернилами, без заглавия; перед словом «угля» зачеркнуто «древ<есного>». — ГМ-2. <Л. 33.>

«Энциклопедический словарь в стихах...» (С. 223). ГМ-1. Л. 25 [22] (записано чернилами). — ГМ-2. <Л. 33.>

«Вступающим с тобой в самодовольный спор...» (С. 224). ГМ-1. Л. 25 [22] (записано чернилами). — ГМ-2. <Л. 33.>

«Окончательно обозлен на стихи!» (С. 224). ГМ-1. Л. 25 [22] (записано чернилами). — ГМ-2. <Л. 34> После ст-ния идет общая подпись: «1928 г. / Ленинград — Москва».

Фокифон Пьеса (1923—1926)

Замысел пьесы возник у Н. во время поездки в Таганрог и Ростов-на-Дону (см. ниже), и тогда же, видимо, им был написан ее 1-й вариант, текст которого, вероятно, не сохранился. В авторских библиографиях есть указание: «Фокифон — пьеса (1923 г.)» (СДС. С. 32; ОПИС. С. 32).

Единственный экземпляр корректурного оттиска 2-го варианта пьесы сохранился в коллекции М. С. Лесмана (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург). Корректурный оттиск —

ПРИМЕЧАНИЯ

вторая ступень прохождения текста через Главлит, т. е. первую — оценку рукописи на политическую лояльность, профессионализм и т. д. — пьеса каким-то образом прошла. В дополнении № 2 к авторской библиографии в ГМ-1 под 1925 г. указано: «Лен. г.-л.: Фокифон». Однако из печати книга по неизвестным причинам так и не вышла. Сохранившийся экземпляр представляет собой сшитый нитками оттиск (формата чуть меньше половины современного А4) без обложки, с перепутанными (и даже перевернутыми) страницами, вставкой нумерованных страниц и авторской правкой, в основном касающейся перемещения фрагментов внутри пьесы. Текст находится в очень неисправном виде, с огромным количеством опечаток, пропусками букв, разнобоем в написаниях имен персонажей и оформлении ремарок — все это говорит о том, что рука редактора пьесы не касалась, а сам автор по каким-то причинам не довел корректуру до конца. На титульном листе оттиска, выполняющем роль обложки, напечатано: «ТЕАТР / СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН / ФОКИФОН / ([И]<П>ролог<,> четыре акта) / (2-й вариант) / ЛЕНИНГРАД / 1925—26 г.» (зачеркивания и вставки сделаны рукой автора; см. изображение на вкладке). На обороте титула повторены название и список действующих лиц, номер страницы переправлен с 2 на 5. Затем идут вставные страницы [I—IV], из которых две внутренние чистые; на с. [I] расположен печатный эпиграф: «ГАРИНЫМ» (подчеркнуто автором) и автограф посвящения без даты, написанный фиолетовыми чернилами: «Если почему-нибудь неудобна Вам эта надпись, открыто говорящая о моих хороших доверчивых чувствах к Вам, — ее в книге, конечно, не будет. / Сергей Нельдихен / Шрифт, конечно, в окончательном виде будет не такой вывесочный. Книжка вообще в очень нетерпеливом виде, по причинам, наверно, вами подразумеваемым»; на с. [IV] находится печатное клеймо: «Написано — Октябрь / 1923 г. — Январь 1924 г. / в Ростове на Д., Та-/ганроге, Харькове, / Москве» (страница пронумерована автором как 4, следующая перенумерована с 3 на 6). Идущий далее текст имеет следующие особенности и поправки: с. 53 перевернута вверх ногами; со с. 57 автор предлагает перейти на с. 64; со с. 63 — на с. 65; со с. 64 — на с. 58; со с. 75 — на с. 77; после с. 76 — прочесть две верхние строки на с. 79, а оттуда перейти на с. 78; после с. 76 — продолжить с 3-й строки на

с. 79; на с. 82—85 стрелочками и отчеркиваниями показано, какие отдельные фрагменты текста куда нужно переставить (возникает впечатление, что текст был набран со случайно рассыпавшихся и перепутавшихся клочков бумаги). На первой из двух нумерованных страниц, следующих после завершившегося на с. 86 текста, находится авторская библиография.

В статье Л. Черткова и Т. Никольской (NRLA. С. 99), в которой речь, очевидно, идет о том же самом экземпляре, пьеса охарактеризована как «социально-утопическая драма». Однако точно определить ее жанр довольно трудно, но ближе было бы что-то вроде «антиутопической комедии» или «комической антиутопии». Сам Н., видимо, считал пьесу воплощением своей идеи «трагедии с развязкою счастливой», о которой говорится не только в пяти заключительных строках второй главы второй части поэморомана «Праздник (Илья Радалёт)», но и в статье «Трагедия с развязкой счастливой»: «По природе самой трагедии, развязка для трагического героя должна быть “несчастливой”, что несовместимо с судьбой героя, борющегося в нынешних условиях за победу на том или ином (хозяйственном, бытовом и т. п.) фронте. Такой герой должен быть победителем, т. е. развязка для него должна быть “счастливой”. Это приводит к затруднению в ведении правильно драматургическо-сценарной линии и создает необходимость иной формы современной советской трагедии, так сказать «трагедии со счастливой развязкой», а это, в свою очередь, ведет, в общепринятом смысле, сценарий к комедийному типу. Но комедийный конец такой пьесы должен по существу отличаться от настоящей комедии. Трагический герой, если он трагический, должен и оставаться им. И тут, конечно, дело не в том, как технически назвать такое отклонение от нормальных форм, а необходимо, действительно, иметь обоснованную и драматургически структуру драмы, трагедии с развязкой счастливой» (Журнал «Советский экран». 1926. № 34. С. 14).

При подготовке пьесы к печати пришлось провести довольно сложную редакторскую работу. Все перестановки в тексте (кроме оговоренных ниже случаев) выполнены по авторским указаниям. Исправлены явные опечатки (некоторые сомнительные и сложные случаи оговорены ниже). В список действующих лиц добавлены от-

сутствующие персонажи. Ремарки приведены по возможности в единообразный вид. Имена, разнящиеся по написанию в разных местах пьесы (Онмель и Онмэль, Бея и Бэя, Деж и Дэж), по всему тексту унифицированы, причем принято написание через э, как соответствующее алфавитным названиям букв. Имя Нопер оставлено через е, т. к. в тексте иное написание ни разу не встречается. Имя Сэрп, в корректурном оттиске присутствующее только в списке действующих лиц, поставлено вместо Мэра, кроме тех случаев, когда имеется в виду именно должность. Написание «итти», «притти» приведено к «идти», «прийти». Слово «стклянка» оставлено в такой его форме. Все сокращения вроде «т. е.», «ч.», «м.» и т. д. раскрыты. Пропущенные слова и отдельные буквы, а также раскрываемые сокращения заключены в угловые скобки.

Пролог

«Нопер-Сыновья» (С. 233) — Никаких сыновей у Нопера по пьесе нет, более того, его жена Киз категорически не хочет иметь детей.

Действие 1

Мы его разыграем. Хотите? (С. 244) — Реплика перенесена из предыдущей реплики Абэ.

Помилуйте, — мы так стеснены. Всего три комнаты! (С. 247) — Реплика перенесена из другой реплики Нопера на с. 241.

Нопер и Онмэль выходят (С. 252) — Исправлено; в оригинале: «Нопер и Абэ выходят».

На всякий случай (С. 252) — Перед этой фразой убран повтор начала предыдущей реплики Нопера: «Да нет же».

Действие 2

Хочу показать вам «правду» (С. 261) — Исправлено; в оригинале вместо «показать» — «доказать».

...рассматривая снимки Абэ (С. 262) — Исправлено; в оригинале: *рисунки Абэ*.

Вторая сторона (С. 264) — Исправлено; в оригинале: «2-я Правая сторона».

Первая сторона (С. 265) — Исправлено; в оригинале: «1-я сторона».

Нопер быстро входит (С. 267) — Ремарка перенесена выше.

...дело не жалеет затрат (С. 269) — Исправлено; в оригинале: «не жалеет».

...никогда не отрываются (С. 270) — Исправлено; в оригинале: «открываются».

Действие 3

...всякое новое есть пародия на предшествующее (С. 279) — Как отдельная фраза вписана в альбом А. И. Ходасевич (РГАЛИ. Ф. 537. В. Ф. Ходасевич. Оп. 1. Ед. хр. 127. С. 63. № 3) в несколько ином виде: «Всякое новое есть пародия на всякое старое».

...делового отношения (С. 285) — Исправлено; в оригинале: «деловое отношение».

Действие 4

Флакон вираж-фиксажа (С. 303) — Вираж-фиксаж — реактив для окрашивания фотографического отпечатка, содержащий вещества, закрепляющие полученное изображение после проявления.

...имена вызванных, составляющие азбуку (С. 315) — В именах героев пьесы отсутствуют ё, й, ь, э, ю; я заменяет а (для удобства склонения) в имени Бэя; э используется лишь как дополнительный звук в названиях букв, кроме имени Лоэк.

Основы литературного рая Статьи и воспоминания (1921—1929)

Название этого раздела — авторское. О замысле такой книги свидетельствуют авторские библиографии: «Основы литературного рая — 1925 г. Л<енин>гр<ад>» (Фокифон. С. [1]), «Основы литературного рая (об искусстве)» (СДС. С. 32; ОПИС. С. 32). Неизвестно, каким был ее состав и была ли она вообще составлена, но можно с достаточной долей уверенности предположить, что все представленные здесь тексты послужили бы материалами к ней.

В раздел включены статьи, отражающие разные периоды в развитии теории «литературного синтетизма», историко-литературные

статьи, написанные по горячим следам, и близкие к ним отрывки воспоминаний.

Пути русской поэзии (С. 319). ЖИ. 1921. № 694—696. 16—18 марта. С. 1.

Маринетти — Филиппо Томмазо Маринетти (1876—1944), итальянский поэт, основатель футуризма; в 1914 г. приезжал в Россию.

Паузики — термин, введенный в стиховедение С. П. Бобровым для обозначения форм, основанных на трехдольных размерах, с нерегулярными пропусками безударных слогов; позднее стали называться дольниками.

Рифмоды (рифмоиды) — рифмы разной степени приближенности, в которых точно совпадает лишь ударная гласная; активно вводились в русскую поэзию футуристами.

Презентисты — Евгений Замятин так назвал футуристов, вставших на службу советской власти, в своей статье «Презентисты» (1918): «Футуристы умерли. Футуристов больше нет: есть презентисты. <...> Футуристы в своем манифесте требуют “уничтожения привилегий и контроля в области искусства”. А презентисты в том же самом манифесте красногвардейски контролируют благонадежность авторов. <...> Футуристы создавали моду; презентисты следуют моде. У футуристов было все свое; у презентистов — уже подражание правительственным образцам, и, как всякому подражанию, их декрету, конечно, не превзойти божественной, очаровательной глупости оригиналов» (*Замятин Е. И. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания* / Сост. и комм. А. Ю. Галушкина. М., 1999. С. 22—24).

пахучежелтомокрое мясо — Трехсоставный эпитет, собранный из слов в ст. «А пахучее желтое мокрое мягкое мясо» (см. ст-ние «Человек человеку — волк (Вечер)»).

Уот Уитмен — Уолт Уитмен (1819—1892), американский поэт, реформатор американской поэзии.

Мысли о современной русской литературе (С. 324). Книга и революция. 1922. № 7 (19). С. 21. Статья в основном повторяет и развивает идеи, высказанные в предыдущей статье.

...к подобию библейской прозы — В «библейской прозе» — своеобразном свободном стихе, разделенном на строки-колоны, — Н. видел альтернативный путь развития поэтической формы, возможный выход из наметившегося кризиса стиха.

Общественно-литературная жизнь Петрограда (С. 327). Газета «Накануне». 1922. № 188. 17 ноября. С. 2—3.

Н. Павлович — Надежда Александровна Павлович (1895—1980), поэтесса; в 1920 г. участвовала в организации Петроградского отделения Союза поэтов; отрывки из ее статьи и воспоминаний о Блоке см. в Приложении 1 на с. 406—407 и 420.

...имена с небольшими «именами» — 4 июля 1920 г. на учредительном собрании Петербургского отделения Всероссийского союза поэтов было избрано временное правление: председатель — А. Блок, секретарь — Н. Павлович, члены правления — Н. Оцуп, К. Эрберг, В. Рождественский, Г. Иванов, казначей — С. Нельдихен.

...из III <20> «Цеха поэтов»... (четвертый) — В общепринятой нумерации «Цехов поэтов» — второй и третий. Вероятно, Н. включает в общий счет «Цех поэтов», организованный в Тбилиси и Баку С. Городецким в 1918—1920 гг. Четвертым обычно принято считать «Цех поэтов», возникший на короткое время в Берлине во второй половине 1922 г. после переезда туда Г. Адамовича, Г. Иванова и И. Одоевцевой.

...статьей Блока в литературной газете — Речь идет о последней статье А. Блока «“Без божества, без вдохновенья” (Цех акмеистов)», направленной против Н. Гумилева и его литературных студий. Замысел статьи возник у Блока после получения авторского экземпляра альманаха «Дракон». Статья писалась для № 1 неосуществленного издания «Литературная газета» и была известна Гумилеву, который собирался ответить на нее своей статьей «О душе» (написана не была). Смерть обоих в августе 1921 г. положила конец так и неначавшейся полемике. Текст статьи был впервые опубликован в сб. «Современная литература» (Л., 1925). См. статью О. Лекманова «“Пусть они теперь слушают...”» (НЛО. 2007. № 87).

...в газете «Жизнь Искусства» статья Кузмина по поводу книги А. Радловой — В ЖИ (1921. № 702—705. 26—29 марта) была опубликована рецензия М. Кузмина «Голос поэта (Анна Радлова. “Корабли”», после

ПРИМЕЧАНИЯ

вошедшая в книгу «Условности. Статьи об искусстве» (Пг., 1923). Анна Дмитриевна Радлова (1891—1949), поэтесса, переводчица; ее стихи заслужили высокую оценку М. Кузмина.

«Содружество Поэтов» — Литературное объединение «Вольное Содружество Поэтов» было создано весной 1921 г. в противовес гумилевскому «Цеху поэтов» по инициативе А. Радловой и К. Эрберга; в него также входили А. Белый, Ф. Сологуб, М. Кузмин, В. Пяст, А. Ахматова, Н. Павлович, секретарем был Вл. Ходасевич; просуществовало недолго.

Клуб поэтов закрылся — См. об этом воспоминания Л. Борисова в Приложении 1 на с. 433—436.

Шагинян — Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888—1982), писательница, начинала как поэтесса.

...взявши к себе Полонскую — Елизавета Григорьевна Полонская (Мовшенсон; 1890—1969), поэтесса, переводчица; в 1919—1920 гг. занималась в литературной студии у Н. Гумилева и К. Чуковского; была единственной женщиной в литературной группе «Серапионовы братья»; отрывок из ее воспоминаний см. в Приложении 1 на с. 407.

...кружок «Островитяне» — Объединение поэтов в Петрограде, организованное в июле 1921 г. Н. Тихоновым, К. Вагиновым и С. Колбасевым; выпустило одноименный альманах и несколько поэтических книг, в том числе «Петербургские ночи» К. Вагинова.

Волков, Колбасев — Петр Николаевич Волков (1894—1979), поэт, участник литературной жизни 1920-х гг. Сергей Адамович Колбасев (1899—1938), поэт, прозаик-маринист; пропагандист джаза.

...кружок «Звучащая раковина» — Поэтическая студия, основанная Н. Гумилевым, после его смерти продолжила существование; в нее входили К. Вагинов, П. Волков, И. и Ф. Наппельбаум, О. Зив и др.; в 1922 г. был выпущен одноименный альманах.

<Три отрывка из ненаписанных воспоминаний> (С. 332). De Visu. 1994. № 1/2 (14). С. 70—71, в статье А. Л. Дмитренко «О воспоминаниях С. Е. Нельдихена». В квадратные скобки заключен недописанный фрагмент, зачеркнутый в автографе.

Е. М. Браудо — Евгений Максимович Браудо (1882—1940), музыковед и музыкальный критик; работал в издательстве «Всемирная литература».

...“обществом Арион” — «Общество искусств “Арион”» образовали бывшие участники университетского «Кружка поэтов» Вс. Рождественский, Н. Оцуп, Д. Майзельс, Г. Адамович и др.

Майзельс — Дмитрий (Давид) Львович Майзельс (1888—1972), поэт, автор единственной книги «Трюм» (Пг.: Сиринга, 1918); в 1920 г. уехал в Рязань, где стал одним из руководителей местного отделения Всероссийского союза поэтов; потом вернулся в Петроград.

«Комната — куб, окно — квадрат» — Об этом же стихотворении Н. упоминает в рецензии на рязанские поэтические сборники «Коралловый корабль» и «Киноварь»: «Д. Майзельс понравился своими отрывистыми стихами, написанными, впрочем, в бытность в Петербурге:

Комната — куб,
Окно — квадрат,
Луны зуб,
Оптовый склад.
Лай затих.
Давай океан! и т. д.»

Верин — Борис Николаевич Верин (Башкиров; 1891 — после 1935), поэт, меценат, участник поэтических вечеров «Ариона» и третьего «Цеха поэтов».

...аккомпанировал Абрам Каменский — Абрам (Александр) Данилович Каменский (1900—1952), пианист, в 1918—1919 гг. вел классы игры на фортепиано в Институте Живого слова.

...в своей рыжкей с узор<ами шубе> — Об этой шубе вспоминал и Н. Оцуп в очерке «Н. С. Гумилев».

А. Н. Тихонов — Александр Николаевич Тихонов (1880—1956), писатель, издатель, друг М. Горького; заведовал издательством «Всемирная литература» в 1918—1924 гг.

...издат<ельство> Гржебина — Зиновий Исаевич Гржебин (1877—1929), художник-карикатурист, издатель; в 1919 г. основал при участии М. Горького «Издательство З. И. Гржебина».

<Послесловие к поэмороману «Праздник (Илья Радалёт)»> (С. 335). П. С. 29—31.

ПРИМЕЧАНИЯ

...в г<азете> «Жизнь Искусства» — См. статью «Пути русской поэзии».

...в ж<урнале> «Книга и революция» — См. статью «Мысли о современной русской литературе».

...в г<азете> «Накануне» — См. статью «Общественно-литературная жизнь Петрограда».

...полная статья *Литературное четырехлетие Петрограда и основы литературного синтетизма* известна многим в Петрограде — Текст этой статьи неизвестен; возможно, она так и не была написана. Вероятно, Н. хотел написать большую статью, историко-литературную и теоретическую одновременно, в которой совместились бы тексты «Общественно-литературная жизнь Петрограда» и «Основы литературного синтетизма». В авторской библиографии фигурирует название еще одной неизвестной работы: «Питерско-ленинградские фамилии (к истории ленинградской литературы)» (СДС. С. 32), а в архиве издательства «Никитинские субботники» (РГАЛИ. Ф. 341. Е. Ф. Никитина. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 57) сохранилось заявление Н., в котором упоминается название похожей книги: «К истории ленинградской литературы 1919—1927» (см. также сноску в Приложении 1 на с. 460).

...следующая книга моя будет подобием «Записной книжки» — Книга под названием «Пальцем в грудь» была подготовлена к изданию, но так и не вышла. См. об этом в основном примеч. к разделу «Литературные фразы (Фрагменты)».

Лев Лунц. <Некролог> (С. 339). Журнал «Россия». 1924. № 2. С. 207—208. Со Львом Лунцем Н. связывали дружеские отношения, в чем нетрудно убедиться по этому прочувствованному очерку. Лунц написал несколько статей, в которых разбирались его стихи (см. в Приложении 1 на с. 439—440 и 451).

...подготавливались «лунцы» — Т. е. такие же, как Лунц. Ср. с «блоки» в статье «Общественно-литературная жизнь Петрограда».

...родился в 1902 году... трагедию «Вне закона» — Слегка измененная цитата из статьи Л. Лунца «Почему мы “Серрапионовы братья”» (Литературные записки. 1922. № 3 (август). С. 30).

...участвовать в живом кинематографе — См. об этом воспоминания А. Ивича (И. Бернштейна) в Приложении 1 на с. 440—441.

...в заграничном сборнике «Беседа» — В берлинской «Беседе» (1924. № 5) была напечатана пьеса «Город правды»; в тексте некролога название пьесы пропущено, вероятно, по редакторской оплошности.

Основы литературного синтетизма (С. 341). СДС. С. 5—10. — Отд. изд.: *Сергей Нельдихен*. Основы литературного синтетизма. М.: Издательство Всероссийского союза поэтов, 1929. 8 с. Тираж 500 экз. Эта теоретическая статья, при всей своей конспективности, является наиболее полной; в ней уточнены положения предыдущих статей, хотя отдельные формулировки оставлены без изменений. Больше к теории поэзии он, видимо, не возвращался.

...в условиях затрудненного печатания — Ср. с последней строкой в ст-нии «Хотя бы коротко, хотя бы строчкой...» на с. 202.

Д. Бедный — Демьян Бедный (псевдоним Ефима Алексеевича Придворова; 1883—1945), поэт, писатель, публицист; какие именно стихи имеет в виду Н., узнать не удалось.

Б. Зубакин — См. о нем сноску в Приложении 1 на с. 474.

Вс. Иванов — Всеволод Вячеславович Иванов (1895—1963), прозаик, драматург, участник объединения «Серапионовы братья».

«*Записки поэта*» — См. сноску в Приложении 1 на с. 468.

Перефразировка — Ср. со ст-нием «Расчет на то, что люди мало знают...» в разделе «Литературные фразы (Фрагменты)».

«*Третья фабрика*» Шкловского — Автобиографическая книга В. Б. Шкловского (1893—1984), состоящая из отрывочных фраз и афористических высказываний (М.: Круг, 1926).

Розанов — Имеются в виду книги В. В. Розанова (1856—1919) «Уединенное» (1912) и «Опавшие листья» (1913—1915).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Материалы к биографии.
Прижизненная критика.
Воспоминания и отзывы современников

«Нельдихен Сергей Евг<еньевич>. Род<ился> в 1891 г. в г. Таганроге. Обр<азование> — в Харьковском У<ниверсите>те».

*Игнатий Владиславлев*¹. Литература великого десятилетия (1917—1927), т. 1. М.—Л., 1928.

«С<ергей> Е<вгеньевич> родился в Таганроге в сентябре 1891 года, но, вероятно, провел детство и юность в Ростове-на-Дону, так как там умерла его мать в 1938 году, жила там и его сестра, с ней он был в переписке. <...> Окончил С<ергей> Е<вгеньевич> университет в Харькове, какой факультет, не знаю».

*Георгий Сукованченко*². Беглые заметки о поэте-друге Сергее Евгеньевиче Нельдихене. — А. Л. Дмитренко. О воспоминаниях С. Е. Нельдихена // De Visu. 1994. № 1/2 (14).

«В 1918 году <...> Гумилев <...> поселился в Петербурге, на Мойке, в Доме Искусств, приютившем уже Акима Волынского³, Мариэтту Шагинян, М. Слонимского, иногда — зимой — С. Нельдихена, скрывавшегося там от холода, В. Шкловского и некоторых других представителей литературного мира».

Юрий Анненков. Николай Гумилев. — Ю. Анненков. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. 1. Нью-Йорк, 1966.

«На следующий день <15 марта 1920 г.> я опять была во Дворце Искусств на вечере поэтов. <...>

¹ Игнатий Владиславович Владиславлев (Гульбинский; 1880—1962) — библиограф, книговед.

² Георгий Федорович Сукованченко (1900—1960) — писатель, библиограф.

³ Аким Львович Волынский (Хаим Лейбович Флексер; 1863—1926) — литературный критик, искусствовед.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Меня сильно утомила однообразно-певучая и в то же время резкая форма декламации. Из молодых понравился некий Нельдихен, в котором по внешнему виду и по деталям стихов я угадала моряка. Чувствовалось, что паутина стихов плетется всегда около действительных эпизодов».

*Ада Оношкович-Яцына*⁴. Запись в дневнике от 16 марта 1920 г. — А. И. Оношкович-Яцына. Дневник 1919—1927. Публикация Н. К. Телетовой // *Минувшее*. 1993. № 13.

«27 июля <1920 г.> я вошла в дом Мурузи минут за десять до начала вечера стихов. <...> (Гумилев читал, Иванов, Оцуп и некто Нельдихен — в артистической куртке, с длинными волосами, декоративный с великолепным голосом)».

Нина Берберова. *Курсив мой*. Мюнхен, 1972.

«Сидим вокруг стола <в Клубе поэтов>. Мучительно молчим. Лозинский предлагает читать стихи. Начинаем по кругу, по одному стихотворению. <...>

Потом от нечего делать играли в буриме, писали бессмысленные строчки на заданные рифмы, например:

1-я строка	— Зоргенфрей ⁵	— “В магазине готового платья”,
2-я	— Шкапская ⁶	— “Конвульсивно зажав кошелек”,
3-я	— Оцуп	— “Для жены должен выбрать я платье”,
4-я	— Блок	— “Голубое манто-мотылек”,
5-я	— Рождественский	— “А мотор дребезжит у подъезда”,

⁴ Ада Ивановна Оношкович-Яцына (1896—1935) — поэтесса и переводчица, ученица Н. Гумилева.

⁵ Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882—1938) — поэт, переводчик.

⁶ Мария Михайловна Шкапская (1891—1952) — поэтесса, журналистка; сохранился экземпляр книги «Праздник» с дарственной надписью на авантитуле: «Марии Шкапской. Этой (не “трудовой”) книжкой свидетельствуется только дружба. Сергей Нельдихен. Февраль <19>25 г. Л<енин>гр<ад>» (Частная коллекция, Москва).

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

- 6-я — Берман⁷ — “Укоризненно-мрачен шофер”,
7-я — Е. Полонская — “Нет, придется отправиться в Дрезден”,
8-я — Нельдихен — “И купить ей текинский ковер”».

Надежда Павлович. Воспоминания об Александре Блоке // Блоковский сборник. <Вып. I.> Тарту, 1964.

«Я была несколько раз в Союзе Поэтов <Литейный пр., д. 30, кв. 7>. Принимали новых членов — Сергея Нельдихена, учившегося со мною в студии “Всемирной литературы” и прославившегося начальной строчкой своего стихотворения:

От старости скрипит земная ось...

Нельдихен был моряком, из старой морской семьи, но быстро усвоил божественный образ жизни. Он нигде не служил и был человеком самостоятельных суждений. Чем он жил — было непонятно, но он аккуратно ходил на все собрания Союза Поэтов и пил чай с монпансье, а при случае получал на кухне Союза и свою восьмушку хлеба, которую выдавали поэтам, благодаря доброму отношению Комиссариата по продовольствию Северной Коммуны».

Елизавета Полонская. Студия «Всемирной литературы» // Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991.

«<...> В зубах <у Гумилева> неременная папироса, а подле на столе знаменитый гумилевский портсигар. Он говорит медленно, резким и протяжным голосом, поминутно останавливается, чтобы затянуться. В углу сидят трое. Один — Георгий Иванов с неудачно покрашенными губами, от которых розовеют папиросные мундштуки. Другой — поблескивающий стеклами пенсне Эйхенбаум, и третий — во флотском мундире, пока еще скромный и тихий, напоминающий

⁷ Лазарь Васильевич (Вульфович) Берман (1894—1980) — поэт, писатель, секретарь «Цеха поэтов».

большого мальчика, Нельдихен. Скучная лекция⁸, неизвестно для чего читающаяся, подходит к концу».

Владимир Алексеев⁹. <Отрывок из неопубликованных мемуаров> // В. Шубинский. Николай Гумилев. СПб., 2004.

«Последний вечер поэтов <6 октября 1920 г.>, устроенный в Доме Искусств, обещал быть таким же спокойно академически интересным, как и предыдущие. Обещали это и имена участников: Гумилев, Георгий Иванов, Нат<алья> Грушко¹⁰.

Но внезапную острогу придал вечеру С. Нельдихен-Ауслендер¹¹. Внезапно публика услышала человека новой формации. Нельдихен-Ауслендер взял верный путь: его поэма — это автобиография. Прием его — полная телесность образов, конкретизация, доведенная до *pes plus ultra*¹². Он нисколько не стесняется употреблять “непоэтические” образы и обороты речи.

Человек — машина, заведенная на определенный срок. Нельдихен-Ауслендер полагает, что машина, названная его именем, рассчитана на сто лет, после чего необходима смазка. Летом ему кажется, что в небе выключен вентилятор и т. д. Поэтической лжи нет в нем ни капли. Он нисколько себя не стилизует и выбирает грубые эпитеты для определения себя и окружающего его мира. Он с откровенностью рассказывает, как прострелил себе через баранью шапку нижнюю часть ноги. И самое важное — это, конечно, он сам, желающий только одного — чтобы все люди знали его фамилию. А до ста пятидесяти миллионов, от лица которых говорит Маяковский, ему пока что дела нет.

⁸ По-видимому, речь идет о первой лекции Н. С. Гумилева, прочитанной в Доме искусств 20 августа 1920 г.

⁹ Владимир Сергеевич Алексеев (1903—1942) — поэт, сын философа С. А. Алексеева (Аскольдова), соученик по гимназии А. Введенского и Л. Липавского.

¹⁰ Наталья Васильевна Грушко (1891—1974) — поэтесса, прозаик.

¹¹ Ауслендер — псевдоним Нельдихена, использовавшийся им в 1919—1920 гг.; возможно, это фамилия его матери.

¹² До крайних пределов (*лат.*).

Важно то, что человек новой формации заговорил грубо, что нужно раз навсегда оставить старые позиции, и откровенно, даже утрируя эту откровенность.

Сказал Нельдихен-Ауслендер мало и не всё сказал хорошо, но его “вздутожилая” поэзия, если не собьется с дороги, может в будущем открыть новое и неожиданное.

Во всяком случае его стихи (странно применить это академическое слово к тому, что пишет Нельдихен-Ауслендер) ярко отменили всё то новое и старое, что было на вечере, — и поэтов мирного времени Нат<алью> Грушко и Г. Иванова, и прекрасные баллады Ирины Одоевцевой, романтизирующие современность, и “Заблудившийся трамвай” Гумилева».

Мих<аил> Слонимский. Вздутожилая поэзия (На вечере поэтов) // Жизнь искусства. № 586. 19 октября 1920.

«Окно комнаты М. Л. <Слонимского>, узкой, длинной, страшно неудобной, выходило на Невский, как раз на угол Мойки, комната была угловая, а Зощенкина — была рядом, окнами во двор. По другую сторону, рядом с М. Л., была комната художника Милашевского, подальше — Давид Выгодский, бывшая жена Ходасевича Анна Ивановна с сыном Гариком, вдова Гумилева, поэт Нельдихен, грузчик, женщина легкого поведения, бывшие служащие Елисеева — Евдокия Васильевна (очень славная) и ее муж. Одним словом, настоящий Ноев ковчег, даже не коммунальная квартира, потому что там не было коммунального быта, я даже кухни не помню. Впрочем, наверно, была и кухня».

Ида Слонимская¹³. Что я помню о Зощенко // Вспоминая Михаила Зощенко. Л., 1990.

«Дня через три после моего вселения в коридор ко мне кто-то постучался. Это было вечером, вероятно, часов в 9.

— Простите, коллега, я к вам на минутку! Я поэт Нельдихен. Не слышали?

¹³ Ида Исааковна Слонимская (Каплан-Ингель; 1903—1998) — жена Михаила Слонимского.

Я замаялся... Неопытен был в отношениях с поэтами. Сейчас бы я сказал: “Как же... Как же!..”

Есть сорт людей, которые очень любят слово “коллега”. Этим подчеркивается некое студенчество, принадлежность к какой-то корпорации и, во всяком случае, пребывание в кругу “над чем-то”. Такой человек никогда не скажет: “Простите, сосед!” Потом я узнал, что картежные шулера тоже говорят друг другу: “Коллега!”

— У вас нет нескольких папирос до утра — рано утром куплю и верну вам?

— Нет. Я не курю.

— Ну как же так, — сказал он раздраженно, — по виду военный, а не курите?

— Да вот так, никогда не курил. Казенный табак отдавал солдатам...

— Странно. Так, так... А эта Форшиха здесь сейчас?

— Вряд ли, она бывает только днем да, кажется, не курит.

— Разумеется, черт бы ее драл, даже этому за свою тусклую жизнь не научилась! Ну, а эта пигалица с отпрыском — курит? Как ее звать? Щекотухина?.. Игривая фамилия!

— Нет, она не курит.

— Ну конечно! Такие примитивы лишены всяких потребностей культурного человека. Они заняты только добыванием пищи для себя и дегенеша!.. А знаете что! Дайте мне немного денег, тысяч тридцать или сорок, я пройду по Невскому, около Барклай де Толли всегда некие типы продают папиросы врассыпную...

Я дал. Так совершилось наше знакомство! Потом он приходил по утрам и читал мне свои стихи. Назывались они: “Органное многоголосие”. Кто-то куда-то шел, все чему-то радовались и ликовали.

— Я придерживаюсь размеров Уитмена, так как рифмованные стихи отжили свой век, ими уже никого не удивишь, теперь это, знаете, удел девушек из студии Гумилева! Их у него много... Верняковые рецепты “быть поэтессами” изучают. Вы будете обязательно делать для меня обложку!¹⁴ Только знаете... чтобы массы, массы чувствовались... и восторг ликования!

¹⁴ Милашевский оформил детскую книгу Н. «Где Гришенька?» (М., 1929).

Один крупный поэт о нем сказал: “Глупость тоже имеет право на выражение в поэзии. В стихах Нельдихена она нашла свою форму!”

Что общего было у этого прожженного циника, картежника, жаждущего денег, выигрыша, куша, с этим всечеловеческим “ликованием”? Но он понимал, что это соответствовало внутреннему духу эпохи, жаждущему обновления и веры в лучшее, счастливое будущее. Нет, он не так был глуп... как думал тот мастер стиха».

Владимир Милашевский. В доме на Мойке // Звезда. 1970. № 12.

«<...> Дом <искусств> оброс госпредприятиями и стал окончательной объективной реальностью. И трудно поверить, что лет десять назад всем густо вселенным в комнаты, тупики, коридоры, бывшие ванны и уборные казалось, что дом этот вовсе не дом, а откуда-то возникший и куда-то несущийся корабль.

Комнат было много, и комнаты тоже казались безумными.

Они были нарезаны по той не обоснованной здравым смыслом системе, по которой дети из тонко раскатанного теста, почерневшего в их руках, нарезают печенья — квадратом, прямоугольником, перекошенным ромбом... а не то схватят крышку от гуталина и выдавят ею совершеннейший круг.

В таком кругу, среди прочих нарезков, мерзла широкоглазая художница Котихина¹⁵, ученица Рериха, по внешности — индусская баядера.

Ей было холодно, в комнате минус два, и своего белоголового сына по прозвищу Одуванчик она послала на добычу топора, чтобы, расколов очередной подрамник, растопить им буржуйку.

Одуванчик пошел стучать в дверь к Копильскому¹⁶, к Гоголенке¹⁷, к поэту Эльхену, в русификации уборщиц — просто Олькину¹⁸, и басовито ворчал:

¹⁵ Александра Васильевна Щекатихина-Потоцкая (1892—1967) — художница, мастер росписи по фарфору.

¹⁶ Михаилу Слонимскому.

¹⁷ Михаилу Зоценке.

¹⁸ Сергею Нельдихену.

— Моя мама приказала топор!

Копильский лежал и молчал. Красивый сосед, как прозвала его Фифина, выживал вон из комнаты сердитую собачицу, побитую хозяином за сожранный ею паек. Как попала к нему — неизвестно. От непрошенных посетителей красивый сосед не только припирал, он как-то припаивал обе створки дверей так, чтоб и щелочки не было.

— Коль повадятся, они и в щелки пройдут.

У Олькина от нажима дверной ручки грохнула баррикада, и просыпались из дверей в коридор беспризорные, охально куря папиросы. За ними вслед вытянулась, как в *Radierung*¹⁹х Отто Клингера²⁰, бесконечная голая рука сверхпоэта и добросила беспризорное барахло.

У самой кисти руки гремучей змеей громыхнула манжета.

Для выхода в свет поэт эти манжеты вбирал в рукава пиджака, и они, возглавляемые белым окаменелым воротничком, все втроем симулировали присутствие рубашки, которой под пиджаком не водилось».

Ольга Форш. Сумасшедший корабль. Л., 1931.

«Все комнаты нашей “меблирашки” были ущербны. Самая “сумасшедшая” комната, в которой проживал поэт Нельдихен, была с дымовой трубой в центре».

Владимир Милашевский. В доме на Мойке // Звезда. 1970. № 12.

«Николай Степанович решил создать «Цех поэтов», третий по счету. Главным синдиком стал он сам, помощником синдика — Лозинский, мастерами — Г. Иванов и Адамович, звания подмастерья удостоился Оцуп, учениками были Сергей Нельдихен, Константин Вагинов, Ирина Одоевцева, Всеволод Рождественский. <...>

В Цехе царила строгая дисциплина. Собирались в назначенные дни на квартире Гумилева на Преображенской улице или в фотогра-

¹⁹ Гравюра (нем.).

²⁰ Скорее всего, здесь имеется в виду Макс Клингер (1857—1920) — немецкий художник-символист, график и скульптор.

фическом ателье Наппельбаума. Новые стихи разбирались детально, строка за строкой и слово за словом; выбор тем для стихов, их композиционное построение предоставлялись каждому пишущему по его выбору. Иванов с антикварной точностью воспроизводил обстановку прошлого века, Адамович писал лирические стихи о своем конфликте с эпохой, Сергею Нельдихену отвели область лирических сентенций в возвышенном “библейском” стиле, Константин Вагинов развивал мотивы античной поэзии, Всеволод Рождественский описывал деревенские пейзажи в стиле Кустодиева, Ирина Одоевцева подражала старинным английским балладам».

*Орест Высотский*²¹. Николай Гумилев глазами сына. М., 2004.

«На следующем собрании <Цеха поэтов> произошло событие, само по себе мелкое, но для меня неприятное. В тот вечер происходило вступление нового члена, молодого стихотворца Сергея Нельдихена. Неофит прочитал стихи свои. В сущности, это были скорее стихотворения в прозе — лиро-эпические отрывки разительного содержания. Написанные языком улицы, впрочем — довольно кудрявым, вполне удобопонятные, отнюдь не какие-нибудь “заумные”, стихи Нельдихена были по-своему восхитительны той изумительной глупостью, которая в них разливалась от первой строки до последней. Тот “я”, от имени которого шел рассказ, являл собою образчик отборного и законченного дурака.

Притом дурака счастливого, торжествующего и беспредельно самодовольного. И всё это подносилось не в шутку, а вполне серьезно. Нельдихен читал:

Женщины, двухполовинойаршинные куклы,
 Хохочущие, бугристотелье,
 Мягкогубые, прозрачноглазые, каштановолосые,
 Носящие всевозможные распашонки и матовые висюльки-серьги,
 Любящие мои альтоголосые проповеди и плохие хозяйки —

²¹ Орест Николаевич Высотский (1913—1992) — поэт и мемуарист; внебрачный сын Н. Гумилева.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

О, как волнуют меня такие женщины!
По улицам всюду ходят пары,
У всех есть жены и любовницы,
А у меня нет подходящих;
Я совсем не какой-нибудь урод,
Когда я полнею, я даже бываю лицом похож на Байрона...

И прочее — в том же роде. Слушатели улыбались. Они не показывались со смеху только потому, что успели нахохотаться раньше: лирические излияния Нельдихена уже были в славе. Их знали наизусть. Авторское чтение в “Цехе” было всего лишь обрядом, одной из формальностей, до которых Гумилев был охотник.

После чтения Гумилев произнес приветственное слово. Он очень серьезным тоном отметил, что глупость доньше была в загоне, поэты ею гнушались, никто не хотел слыть глупым. Это несправедливо: пора и глупости иметь голос в хоре литературы. Глупость — такое же естественное свойство, как ум, ее можно развивать, культивировать. Припомнив два стиха Бальмонта:

Но мерзок сердцу облик идиота,
И глупости я не могу понять, —

Гумилев назвал их жестокими и несправедливыми. Наконец, он приветствовал в лице Нельдихена вступление очевидной глупости в “Цех Поэтов”.

После заседания я спросил Гумилева, зачем он кружит голову несчастному Нельдихену, и зачем вообще Нельдихен нужен. К моему удивлению, Гумилев ответил, что отнюдь не шутил, а говорил вполне искренно. Он прибавил:

— Не мое дело разбирать, кто из поэтов что думает. Я только сужу, как они излагают свои мысли или свои глупости. Сам бы я не хотел быть глупым, но я не вправе требовать ума от Нельдихена. Свою естественную глупость он выражает с таким умением, какое не дается и многим умным. А ведь поэзия — это и есть умение. Следовательно, Нельдихен — поэт, и я обязан принять его в “Цех Поэтов”.

Пробовал я уверять его, что для человека, созданного по образу и подобию Божию, глупость есть не естественное, а противоестественное состояние, — Гумилев стоял на своем. Указывал я и на учительный смысл всей русской литературы, на глубокую мудрость русских поэтов, на серьезность, как на традицию русской словесности, — Гумилев был непреклонен. Когда, несколько времени спустя, должен был состояться публичный вечер “Цеха” с участием Нельдихена, я послал Гумилеву письмо о своем выходе из “Цеха”. Должен сказать, однако, что сделал это вовсе не из-за одного только Нельдихена. Буду даже вполне откровенен: покинуть “Цех” была у меня причина гораздо более веская».

Владислав Ходасевич. Из петербургских воспоминаний // Возрождение. 1933. № 3012 (31 августа).

«В собрании, кроме Гумилева и Мандельштама, я застал еще пять человек. Читали стихи, разбирали их. “Цех” показался мне бесполезным, но и безвредным. Но на третьем собрании меня ждал неприятный сюрприз. Происходило вступление нового члена — молодого стихотворца Нельдихена. Неофит читал свои стихи. В сущности, это были стихотворения в прозе. По-своему они были даже восхитительны: той игривою глупостью, которая в них разливалась от первой строки до последней. Тот “я”, от имени которого изъяснялся Нельдихен, являл собою образчик отборного и законченного дурака, при том — дурака счастливого, торжествующего и беспредельно самодовольного. Нельдихен читал:

Женщины, двухполовинойаршинные куклы,
 Хохочущие, бугристотелье,
 Мягкогубые, прозрачноглазые, каштановолосые.
 Носящие всевозможные распашонки и матовые висюльки-серьги,
 Любящие мои альтоголосые проповеди и плохие хозяйки —
 О, как волнуют меня такие женщины!
 По улицам всюду ходят пары,
 У всех есть жены и любовницы,
 А у меня нет подходящих;

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Я совсем не какой-нибудь урод,
Когда я полнею, я даже бываю лицом похож на Байрона...

Дальше рассказывалось, что нашлась все-таки какая-то Женька или Сонька, которой он подарил карманный фонарик, но она стала ему изменять с бухгалтером, и он, чтобы отплатить, украл у нее фонарик, когда ее не было дома.

Всё это декламировалось нараспев и совсем серьезно. Слушатели улыбались. Они не покатывались со смеху только потому, что знали историю фонарика чуть ли не наизусть: излияния Нельдихена уже были в славе. Авторское чтение в “Цехе” было всего лишь формальностью, до которых Гумилев был охотник. Когда Нельдихен кончил, Гумилев, в качестве “синдика” произнес приветственное слово. Прежде всего, он отметил, что глупость доньине была в загоне, поэты ею несправедливо гнушались. Однако, пора ей иметь свой голос в литературе. Глупость — такое же естественное свойство, как ум. Можно ее развивать, культивировать. Припомнив двустипшие Бальмонта:

Но мерзок сердцу облик идиота,
И глупости я не могу понять,

Гумилев назвал его жестоким и в лице Нельдихена приветствовал вступление очевидной глупости в “Цех Поэтов”.

После собрания я спросил Гумилева, стоит ли издеваться над Нельдихеном и зачем нужен Нельдихен в “Цехе”. К моему удивлению, Гумилев заявил, что издевательства никакого нет. — Не мое дело, — сказал он, — разбирать, кто из поэтов что думает. Я только сужу, как они излагают свои мысли или свои глупости. Сам я не хотел бы быть дураком, но я не вправе требовать ума от Нельдихена. Свою глупость он выражает с таким умением, какое не дается и многим умным. А ведь поэзия и есть умение. Значит, Нельдихен — поэт, и мой долг — принять его в “Цех”.

Несколько времени спустя должен был состояться публичный вечер “Цеха” с участием Нельдихена. Я послал Гумилеву письмо о сво-

ем выходе из “Цеха”. Однако, я сделал это не только из-за Нельдихена. У меня была и другая причина, гораздо более веская».

Владислав Ходасевич. Гумилев и Блок / В. Ф. Ходасевич. Некрополь. Bruxelles, 1939.

«Помню вечер “Цеха Поэтов” в одном из трех первых месяцев двадцать первого года, в Доме Искусств <...>

В тот вечер Гумилев, окончив читать свои стихи, превратился в конферансье.

<...> После Ирины Одоевцевой он представил публике поэта Нельдихена. Сергей Евгеньевич Нельдихен-Ауслендер был высокий тощий детина с длинным гоголевским носом. Вообще в его лице было что-то гоголевское, и он старательно подчеркивал это сходство, нося гоголевскую прическу и особую бархатную пелерину, скроенную “по-гоголевски”. Он пользовался твердой репутацией дурака, по-моему, им не заслуженной. Он был плут, фантазер и чудака, но Николай Степанович говорил о нем в тот вечер именно как о дураке.

Вот что приблизительно он сказал о Нельдихене:

— Все великие поэты мира, существовавшие до сих пор, были умнейшими людьми своего времени. И Гомер, и Вергилий, и Данте, и Ронсар, и Корнель, и Бодлер, и Рембо, и Державин, и Пушкин, и Тютчев заслуженно прославились не только своим мастерством, но и своим умом. Будучи умными людьми, они, естественно, в своем творчестве изобразили мир таким, каким его видят умные люди. Но ведь умные люди — это только меньшинство человечества, а большинство состоит из дураков. До сих пор дураки не имели своих поэтов, и никогда еще мир не был изображен в поэзии таким, каким он представляется дураку. Но вот свершилось чудо, — явился Нельдихен — поэт-дурак. И создал новую поэзию, до него неведомую — поэзию дураков.

Гумилев произнес это торжественно, как и всё. Публика выслушала его растерянно, не зная, следует ли это принимать всерьез или как шутку. Разумеется, это была шутка, — подобно многим лишенным юмора людям, Николай Степанович имел пристрастие к не-

сколько тяжеловесному остроумию. Нельдихен стоял рядом и невозмутимо слушал. Потом прочел отрывки из своей поэмы “Органное многоголосье”:

Женщины, двухполовинойаршинные куклы,
Прекрасноглазые, бугристотелье,
Как мне нравятся такие женщины!

Успех был огромный. Сидевший рядом со мной мой приятель Вова Познер поднялся на эстраду и под радостные клики всего зала преподнес Нельдихену большую заранее заготовленную морковку. Нельдихен принял морковку с поклоном и сунул ее в жилетный карман, как цветок.

Николай Чуковский. Николай Гумилев / Н. Чуковский. Литературные воспоминания. М., 1989.

«Рассказывают, что Гумилев говорил про Нельдихена: “Вот человек, который воплощает в жизнь пушкинскую сентенцию: *Поэзия должна быть глуховата*”».

Лидия Гинзбург. Из записной книжки 1925—1926 гг. / Л. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2011.

«Гумилев говорил о Нельдихене: “У него такой профиль, как будто он собирает кого-то клюнуть”».

Леонид Борисов. Из записи беседы с А. К. Станюковичем²² от 22 августа 1966 г. // Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991.

«Все знают о первом Цехе поэтов, основанном в 1909 году Гумилевым и Городецким. Мало кто знает о последнем Цехе, возрожденном через десять лет при большевиках.

²² Андрей Кириллович Станюкович (р. 1948) — историк, археолог, исследователь творчества Н. Гумилева.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Пока за Невскою заставой
Потрескивает пулемет,
По кругу мы читаем: вот
Иванов, от него направо
Одоевцева, Гумилев;
Лозинский не совсем здоров,
Должно быть, не придет; налево
За Адамовичем, за мной
Краснеет Нельдихен...

Об этом последнем стоило бы когда-нибудь поговорить особо. У Гумилева было немало “открытий” среди молодых поэтов, и одним из самых интересных был, наверно, Сергей Нельдихен.

В советских журналах имени его не найти уже давно. Что с ним случилось? Не убрали ли его куда-нибудь подальше за слишком большое своеобразие?

Покойный Пяст считал Нельдихена гениальным. Многие считали его идиотом. Гумилев нашел, мне думается, более справедливое определение. Он говорил, что Нельдихен дал голос человеческой глупости. Не сам Нельдихен глуп, а его герой.

Явление Нельдихена на эстраде было всегда сенсацией. Опоздав на вечер в Дом Искусств или другое учреждение, где иногда выступали поэты, можно было издали определить, что на эстраде Нельдихен: свист, хохот, восторженные аплодисменты и улюлюканье сопровождали почти каждую его фразу.

Высокого роста, с важным и спокойным лицом, в длинной косо-воротке без пояса, Нельдихен читал громким голосом:

Лаборатория для медицинских исследований,
Зайду отдам свою кровь исследовать.
Пусть узнают, почему я такой
Органный, величественный и радостный...

Чуковский находил в Нельдихене сходство с Уот Уитменом, московские имажинисты презрительно над ним подшучивали, боясь

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

конкурента по шумной и случайной славе, а в Цехе его “держали в строгости” и заставляли работать. Такова была система Гумилева».

Николай Оцуп. Вокруг имени Н. С. Гумилева // Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991.

«Иногда приходил ко мне поэт Владимир Алексеевич Пяст, человек в величайшей степени забавный, интересный, хороший переводчик с французского; как поэт — полнокровный эпигон Блока, о чем долгое время и сам не догадывался. У него вовсе не было библиотеки, приобрести книги он начал только в восемнадцатом году.

— Эту книгу я у вас возьму, — говорил он, к примеру, мне. — Я начинаю собирать, как все порядочные люди, библиотеку. Этой книги у меня нет. Есть у Нельдихена, но у него взять что-нибудь затруднительно, так как в комнате его вообще вещей только восемь наименований: штаны, сборник его стихов, пиджак, пальто, сапоги, зубная щетка, пустая коробочка от папирос, вчерашняя газета, подушка... Сколько я насчитал?

— Одеяло забыли, Владимир Алексеевич.

— У него одеяла нету, — отвечал Пяст. — Его одеяло у меня, я его выиграл; однажды держали пари, в каком году умер Байрон. Нельдихен сказал, что Байрон еще жив, и сказал это совершенно серьезно».

Леонид Борисов. Родители, наставники, поэты... Книга в моей жизни. М., 1972.

«На следующих выборах <председателя Петроградского отделения Союза поэтов в феврале 1921 г.> Блока “за неспособность” забаллотировали как председателя и выбрали Гумилева. <...>

Когда через некоторое время к нему явилась делегация союза во главе с Гумилевым (сколько я помню, в нее входили Георгий Иванов и Нельдихен), Блок наотрез отказался».

Надежда Павлович. Воспоминания об Александре Блоке // Блокковский сборник. <Вып. I.> Тарту, 1963.

«<...> Маниакальной привязанностью был известен Пяст к поэту Евгению <так!> Нельдихену. Сей был абсолютно убежден в своей гениаль-

ности и выражал собственное величие самым скандальным образом. Мне приходилось видеть несчастного, он не был лишен мыслей и способностей. А уж по откровенности высказывания он был единственным. “Кто тебя ценит? — посмеивался Пяст. — Я, да несколько дам”».

Иногда Пяст, простившись с хозяевами дома, через минуту вновь стучался в дверь, выкрикивал: “Нельдихен гениален!” И скрывался».

*Ольга Мочалова*²³. Владимир Пяст / О. Мочалова. Голоса Серебряного века. М., 2004

«В четверг <17 февраля 1921 г.> <...> мы все остались на лекцию Пяста “Новые побеги”. <...> Когда он кончил, был объявлен диспут, причем никто не хотел председательствовать.

Выступил некий Чекин из публики. И очень остроумно и зло ругал все те “молодые побеги” в лице Оцупа, Ауслендера-Нельдихена, Одоевцевой и др., которым Пяст только что пел дифирамбы.

Особенно он взъелся на Ауслендера, который сидел тут же в публике, сделав себе мантию из шубы и картинно уронив на руку подстриженную в скобку голову.

— Современная поэзия напоминает “Жалобную книгу” Чехова. Чего в ней только нет, а кончается она так: “Хоть ты и Иванов 7-й, а дурак”. А здесь хочется сказать: “Хоть ты и Ауслендер 2-й, но... не поэт”.

Остановка была более чем многозначительна, а смысл более чем прозрачен. Но Ауслендер сидел счастливый, что о нем столько говорят, и не сразу понял, в чем дело.

Свистнул Георгий Иванов, кто-то крикнул “Долой!”. Тогда он вскочил и, длинный, стройный, метнулся через зал на эстраду.

— Я вас лишаю слова, — завопил он оттуда, ударяя кулаком по столу, — и соглашаюсь быть председателем.

Поднялся невообразимый шум. Мандельштам разгоряченно кричал:

— Как член Дома Искусств я не позволю оскорблять поэта в его стенах.

²³ Ольга Алексеевна Мочалова (1898—1978) — поэтесса.

Г. Иванов барабанил по сиденью стула. Из публики кричали, что не хотят Нельдихена председателем. Одним словом, становилось весело.

<...>

Публика требовала слова для Чекина. Нельдихен зачем-то появился на эстраде и провозгласил:

— У меня есть строчка о том, что я безгрешен и незлобив. Так вот, я не сержусь на этого человека».

Ада Оношковиц-Яцына. Запись в дневнике от 20 февраля 1921 г. / А. И. Оношковиц-Яцына. Дневник 1919—1927. Публ. Н. К. Телеговой // Минувшее. 1993. № 13.

«Вл. Пяст читал лекцию о последних (новейших) поэтах, объединенных этим “домом” и известных, пожалуй, ему одному. Подразделив разбираемых поэтов на три группы: Ахматовой, Маяковского и Мандельштама, — Вл. Пяст особенно долго остановился на некоем С. Нельдихене. <...> Конечно, трогает не то обстоятельство, что лектор-критик весь доклад свой посвятил восхвалению “молодых побегов травы”... ибо все убедились, что слабые побегии эти взошли на истощенной литературной почве. Не трогает нас и разыгравшаяся после доклада буря, ибо это не что иное как “буря в стакане воды”, и стакан этот рано или поздно будет выплеснут из окна современности».

Федор Грошиков²⁴. Ростки на болоте // Красная газета. 1921. № 38. 20 февраля.

«Характерен для петербургской группы поэтов недавно вышедший сборник стихов “Дракон”. <...> Есть в сборнике и юмористика — “Праздник” Нельдихена; но о нем писать серьезно не стоит. Это про-

²⁴ Федор Васильевич Грошиков (1894—1975) — журналист, поэт, певец. В коллекции М. С. Лесмана сохранился экземпляр сборника «Органное многоголосье» с такой дарственной надписью: «На, Грошиков! / “Росток на болоте” Сергей Нельдихен. / 11 марта 1926 г.» (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург).

сто проза, разбитая на короткие строки, проза по форме и безнадежная проза по внутренней сущности. “Проза, да и дурная”».

*А<лександр> Свентицкий*²⁵. Стихомания наших дней // Вестник литературы. 1921. № 6—7.

«<...>

Лаборатория для медицинских исследований,
Зайду, отдам свою кровь исследовать.

Это что такое? Это — поэма Нельдихена “Праздник”. Можно как угодно относиться к стихам Нельдихена, но нужно согласиться с Мандельштамом (статья “Слово и культура”), что в синтетическом поэте современности “поют идеи, научные системы, государственные теории так же точно, как в его предшественниках пели соловьи и розы”. И Нельдихен — поэт современности, не боящийся прозаизмов, и от него отшатнутся поклонники Надсона. Произведения его с радостью напечатал бы “Сатирикон”, потому что они вызывают смех и недоумение. Но поэт “радостный, успокоенный, дерзающий, безгрешный, не чувствующий ни к кому ни малейшей злобы” “ощутил себя человеком будущего”, и только от будущих поколений, для которых Надсон станет Херасковым, ждет признания.

М<ихаил> Сл<онимский>. «Дракон». <Рецензия> // Жизнь искусства. № 688—690. 9—11 марта 1921.

«Непростительно много места занимают в сборнике стихотворные упражнения Ник. Оцупа. Есть в “Драконе” еще один герой — С. Нельдихен. В его “стихах”, последних название “Праздник”, есть одно несомненное достоинство: непринужденность. Автор повествует о себе, рассказывая довольно обстоятельно свою биографию:

...Мои родители, люди самые обыкновенные,
Держали меня в комнатах до девятилетнего возраста,

²⁵ Александр Мечиславович Свентицкий (Мечиславцев; ум. 1942/1943) — литературный критик; участник литературной группы «Содружество».

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Заботились обо мне по-своему,
Не пускали меня на улицу,
Приучили не играть с дворовыми мальчиками...

И т. д., и т. д., вплоть до торжественного финала:

Но все-таки удивительно,
Если вспомнить мое прошлое,
Отчего я как-то сам по себе знаю всё, что мне нужно,
Отчего стал я радостным, успокоенным, держащим...

Против содержания этой вещи по существу возразить ничего нельзя, — разве только, что оно уж очень сконцентрировано, ибо автор рассказывает всю свою примечательную биографию на протяжении трех страниц; но как быть с формой? Ведь если применить к стихам Нельдихена критерий Гумилева, то окажется, пожалуй, что поэт не только не учел “всех законов”, управляющих его “комплексом слов”, но учел одно лишь их “идейное содержание”, — и окажется, что поэзию Нельдихена следует отнести к “деловой прозе”.

*Зигфрид <Эдуард Старк>*²⁶. Дракон. Альманах стихов. <Рецензия> // Книга и революция. 1921. № 10—11.

«Нельдихен — ужасен: скверный, нехороший, невоспитанный мальчик честно эти свои достоинства излагает читателю, а зачем нам это знать — неведомо».

Сергей Бобров. Дракон, альманах стихов. Петербург 1921. I-<й> вып. Стр. 80. Ц<ена> 300 р<ублей>. Издание Цеха поэтов. <Рецензия> // Печать и революция. 1921. № 2.

«Столовая в “Доме Литераторов”. Большая комната в бывшем барском особняке. На стенах гобелены. За двумя рядами длинных столов собрались обедающие. Меню, увы! очень скромное: картофельная за-

²⁶ Эдуард Александрович Старк (1874—1942) — музыкальный, театральный и литературный критик.

пеканка из старого промерзшего картофеля и воблы. Посетители сами ходят в буфет и приносят на большой тарелке скромные куски блюда. Хлеба не полагается; его приносят с собой — небольшие ломти, полусырые, какого-то странного цвета. На второе — чай или кофе из суррогатов с конфетиной — то и другое за 160 рублей.

Вот у одного стола группа поэтов: Кузмин, Гумилев, Георгий Иванов, Ауслендер-Нельдихен. Кузмин в летнем пальто зимой; Гумилев изможденный, вытянувшийся; Георгий Иванов в своем единственном костюме. Их можно встретить здесь каждый день. Да и не они одни приходят сюда погреться».

*Соломон Познер*²⁷. Как они живут и работают // Вольная Литва. 1921. № 44. 27 (14) июля.

«От литературных кругов я очень далек и потому о Замятине и Нельдихене знаю только понаслышке. Замятина я видел. Это ярославского типа человек, лет 40-ка, в полосатых брюках под англичанина. Стриженные усики. Альбионская загадочность улыбки, руки в карманах. Он инженер, служил в М<инистерст>ве Торговли, долго жил в Англии, теперь преподает кораблестроение в Политехникуме. По-видимому, неглупый, очень оборотистый и совершенно равнодушный, бестемперamentный. Откуда взялся Нельдихен — не знаю, да и не всё ли равно — из Гомеля или из Орши? Говорят — непроходимо глуп и мания величия (“Иду, знаете ли, по улице, и вдруг слышу: — вот Нельдихен идет...”»).

*Георгий Блок*²⁸. Из письма Борису Садовскому от 5 июня 1921 г. // Электронная публикация в журнале «Наше наследие».

«<...> к 4-й годовщине июльских дней в красном Петрограде открылся на Литейном “Клуб союза поэтов”. Хорошее помещение, прекрасная мебель, богатая отделка, — это внешность, а внутреннее содержание

²⁷ Соломон Владимирович Познер (1876—1946) — юрист, общественный деятель, публицист; отец поэта Владимира Познера (1905—1992); в мае 1921 г. эмигрировал с семьей сначала в Литву, а затем во Францию.

²⁸ Георгий Петрович Блок (1888—1962) — писатель и литературовед, двоюродный брат А. Блока.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

клуба? Весь нерв клубной жизни — это пирожные. <...> Но одна особенность есть. В клубе поэтов выступают: Гумилев, Георгий Иванов, Нельдихин <так!> и другие поэты — все противники пролетарской поэзии. Она их не удовлетворяет. Они ищут новых форм, — и находят их под созвездием пирожных, в атмосфере рыночно-спекулятивной».

*М<ихаил> К<ричевский>*²⁹. Поэзо-клуб // Красная газета. 1921. № 150. 20 июля.

«В прошлую субботу <28 августа 1921 г.>, в помещении Дома поэтов на проспекте Володарского, молодым поэтом Адамовичем был сделан доклад “о современном поэте”. <...> После Адамовича выступал поэт Нельдихен, который говорил несколько живее, но не менее сумбурно. Между прочим, он заявил, что стихотворная форма отжила свой век, что будущий поэт должен писать какой-то особой “библейской прозой”, представляющей собою слияние стиха и прозы. В доказательство возможности такого слияния Нельдихен не преминул указать на свои собственные произведения».

Поэт <Николай Тихонов>. Вечер словоизвержения. К диспуту «о современном поэте» в Доме поэтов // Жизнь искусства. № 806. 30 августа 1921.

«Литераторов понаехало в Холомки куда больше, чем художников. Появился Ходасевич с женой и пасынком, М. Л. Лозинский со своей лучшей ученицей Оношкович-Яцыной, Леткова-Султанова³⁰ с сыном Юрием. Вслед за ними появилась и молодежь — Сергей Нельдихен, Миша Зоценко, Миша Слонимский, Лева Лунц и Муся Алонкина³¹. Всех их вместить гагаринский дом³² не мог, и потому новоприбывших поселили в бывшем новосильцовском доме — Бельском Устье.

²⁹ Михаил Ильич Кричевский (1887—1938) — журналист, редактор.

³⁰ Екатерина Павловна Леткова-Султанова (1856—1937) — писательница, мемуаристка.

³¹ Мария Сергеевна Алонкина (1903—1939) — секретарь литературной секции Дома искусств.

³² Дом был построен в 1914 г. по проекту архитектора И. А. Фомина (1872—1936).

Новосильцовский дом³³ стоял в двух верстах от Холомков — длинная деревянная двухэтажная постройка с просторными комнатами, паркетом и полным отсутствием мебели; мебель к этому времени уже успели развезти по своим избам окрестные крестьяне. От Холомков к Бельскому Устью вела длинная березовая аллея. Дом Новосильцовых³⁴ одним фасадом был обращен в яблоневый сад, другим — к бесконечным полям, где блестели изгибы Шелони и чернели деревни. Между домом и рекой стояла церковь, построенная в XVIII веке. По ту сторону реки, за мостом, возле кладбища, стояли три домишка, в которых жили священник, дьякон и псаломщик.

Новоприбывшие разместились в пустом доме кто как мог: на топчанах и просто на полу. Нельдихен устроился на террасе с перебитыми стеклами в длиннейшем ящике из-под яиц. Заглянул я как-то в этот ящик, смотрю, лежит он там на спине, на стружках, выставив вверх острые колени, в гололевской крылатке, в галстук бабочкой и ухмыляется своей обычной ухмылкой — дурацкой и плутоватой. Н. Э. Радлов³⁵ решил преобразить внутренность новосильцовского дома и принялся расписывать его голые стены огромными фресками. Мы с жадным вниманием следили за его работой, быстро продвигавшейся вперед — каждый день появлялась новая фреска. На этих уморительно смешных фресках изображены были мы сами — и Нельдихен в крылатке, и изысканный Лозинский, и Добужинский, и мой отец, и стремительный Лева Лунц, и Гагарины³⁶, и Замятин, и маленький Ходасевич с челкой на лбу, в пенсне, с брезгливой улыбкой на крохотном личике.

³³ Дом был построен в 1880-е гг. по проекту архитектора И. П. Ропера (1845—1908).

³⁴ Бывшим владельцем усадьбы Бельское Устье был Николай Иванович Новосильцов, гофмейстер, председатель Псковского археологического общества, губернский предводитель дворянства.

³⁵ Николай Эрнестович Радлов (1889—1942) — художник-оформитель; в 1919—1924 гг. читал лекции в Институте истории искусств.

³⁶ Князь Петр Андреевич и княжна Софья Андреевна Гагарины — дети Андрея Григорьевича Гагарина (1855/1856—1920), бывшего владельца усадьбы Холомки, продолжавшие в ней жить после революции.

<...> между приехавшими из Петрограда и местными жителями установились самые тесные отношения. Нельдихен и Лунц подружились с дьяконом и его взрослой дочерью. Они каждое утро отправлялись в лес за грибами. Дьякон открыто ухаживал за Мусей Алонкиной и, встречаясь с ней, кокетливо бросал свой носовой платок в ее румяное личико с черными бровками. Миша Слонимский, давний Мусин поклонник, ревновал, но смирился и, вслед за Мусей, покорно ходил с дьяконом за грибами. По вечерам все собирались в новосильцовском доме. Открывались все двери, зажигались керосиновые лампы, местный агроном с лицом Козьмы Пруткова играл на гармонии, и устраивалась грандиозная кадрили. В первой паре шел Замятин с княжной Софьей Андреевной, за ними задравший рясу дьякон с Мусей Алонкиной, за ними князь Петя с поповной Лидой, дочерью священника отца Сергия, за ними Милашевский с Женей Вихровой³⁷, затем Нельдихен с дочкой дьякона, М. Л. Лозинский с Оношковиц-Яцыной, Зоценко с учительницей из деревни Захонье. Всем распорядился тонкий, стройный, изысканно-изящный Радлов, громко возглашавший:

— Шанже во дам! Гран ронд!³⁸

И пары двигались среди выбитых окон, мигающих огней, мелькающих теней, между чудовищными фресками, украшавшими стены».

Николай Чуковский. Холомки / Н. Чуковский. Литературные воспоминания. М., 1989.

«Если бы в России создались маски комедии дель арте, то наряду с честной русской мыслью, описанной в “Бесах”, создалась бы и маска беспочвенного интеллигента с весьма острым профилем; Мандельштам воплощал бы как нельзя лучше эту маску.

Эта маска в то лето <1921 г.> вызывала смех! Но его “крестный путь” и “распятие” перед носителем этой маски заставляют склонить голову, как этого требует всякое страдание.

³⁷ Евгения Вихрова — дочь бывшего кучера Новосильцевых.

³⁸ Поменяйтесь вашими дамами! Большой круг! (*фр.*)

Та же участь постигла и Сергея Нельдихена, который носил маску глуповатого и циничного Петрушки! Эту маску он выдумал сам себе».

Владимир Милашевский. Тогда, в Петрограде / В. А. Милашевский. Вчера, позавчера... Воспоминания художника. М., 1989.

«И. Одоевцева, Н. Оцуп, В. Рождественский, Сергей Нельдихен совсем недавно выделились из толпы начинающих, и каждый по-своему заявил о своем праве на существование в русской поэзии. <...> Нельдихен выпустил маленькую и еще очень зеленую книгу “Ось”, а Ирина Одоевцева впервые появляется в печати. <...>

Сергей Нельдихен в короткий срок (полгода) сделал большие успехи. Несколько стихотворений, написанных им в последнее время, выгодно выделяются своеобразием и остротой. Он не задается мировыми темами, а просто описывает повседневную жизнь и будничные переживания такими, как они есть. Его стихи нередко бывают оживлены каким-нибудь выпадом, приятным своей вздорностью или неожиданностью. Можно сказать, что С. Нельдихен нашел нужную манеру для цикла стихотворений и удачно использовал ее. Но большую ошибку совершит он, если почит, как на лаврах, на своем свободном стихе и широком применении принципа: что на уме, то на языке. Написать одно удачное стихотворение и до бесконечности варьировать его и повторять, еще не значит “найти себя”. Поэт “нашел себя”, когда он отыскал в своем творчестве некий стержень, который служит ему опорой в его непрестанном стремлении вперед. Опасность впасть в скучный трафарет грозит Нельдихену, но то, чего он достиг, заслуживает быть отмеченным».

Георгий Иванов. О новых стихах. <Рецензия> // Дом искусств. 1921. № 2.

«<...> В заключение <стихотворения “Я приснился себе медведем...”> Н. Оцуп в ужасе восклицает, что он сумасшедший, что ему показалось, “что и Нельдихен — это он”. Но ведь это только “показалось”. <...> Далее идут — С. Нельдихен и какие-то неведомые <...> Читая их творчество, вспоминаешь завет Сапунова — Пронину, директору “Бродячей

собаки”: “Борис, не пускай в Собаку фармацевтов!” Так именовалась тогда толпа, далекая от искусства, но умеющая к нему “примазаться”. В наше время — “фармацевт” густой массой полез в литературу и искусство, особенно в поэзию <...> он процветает в петербургских кафе, воспевая стрельбу из револьвера в собственную ногу, восторгаясь “бугристыми женщинами”, поцелуями, “похожими на обнюхивание у собак”, и хватаясь кражей электрических лампочек у своих прежних любовниц. С наглой развязностью он профанирует всё, что только можно профанировать и опошлить <...>».

Александр> Свенцицкий. Болезнь русской поэзии (Альманах Цеха Поэтов, книга вторая, Пг., 1921). <Рецензия> // Вестник литературы. 1921. № 11.

«В вестибюле нас встретил дежурный член правления Дома поэтов — Сергей Евгеньевич Нельдихен, талантливый человек, рубаха-парень, за душой и рубахи не имевший ввиду скудости средств. Он провел Кугеля³⁹ во второй этаж, где в буфете был приготовлен столик с пирожными и бутербродами. <...>

Скоро весь зал был полон; дежурный — Сергей Нельдихен — вошел на эстраду, оперся о свою трость и объявил, что сегодня будут читать стихи свои он, Нельдихен, затем Николай Оцуп, Ирина Одоевцева, Всеволод Рождественский, Константин Вагинов, а уже потом интимные песенки исполнит Геркен⁴⁰».

Леонид Борисов. А. Р. Кугель и другие / Л. Борисов. За круглым столом прошлого. Воспоминания. Л., 1971.

«Перед нами — “Альманах цеха поэтов”, книга вторая. Петроград, 1921 г. <...> Сергей Нельдихен — очень даровитый, мы сказали бы: наиболее своеобразный из цеховых поэтов. В отрывке из эпопеи “Праздник” поэт рассказывает, как ему, на коврике у горячей печки,

³⁹ Александр Рафаилович Кугель (1864—1928) — театральный режиссер и критик.

⁴⁰ Евгений Георгиевич Геркен (1886—1962) — поэт, переводчик, либреттист, правнук Е. Баратынского.

захотелось “любовных удовольствий”. Передает он это очень живо, даже чуточку — излишне подробно. Но настроение (у поэтов настроения — капризные) безусловно есть и передача его жизненна. Поэтичности маловато, но Нельдихен, как известно, поэтичности не признает... В отрывке “Летними вечерами” описывается какая-то чувственная идиллия, и описывается хорошо. Но беда в том, что такие идиллии не всем по вкусу».

Поэт <Николай Тихонов>. Поэзия изломов. О творчестве «цеховых поэтов» // Жизнь искусства. № 814. 25 октября 1921.

«Упомяну еще о Борисове, веселом и добром поэте.

Небо синее-синее, небо доброе-доброе,
У ребят-облаков замечательно нежная мать.

Борисову, конечно, по ошибке подарили Нельдихена в учителя. Обоих связывает новое пользование верлибра, мальчишеское эпатирование окурками, бумажками, бугристотельми, двухполовинойаршинными женщинами и т. д. Но, около Колосса на глиняных ногах, совершенно пустого внутри — Нельдихена, Борисов сходит за наблюдательного и довольно робкого ученика. На самом же деле, конечно, Борисов, нежный обладатель веселой ясности духа, стоит крепко на собственных — из плоти и костей — ногах».

Орест Тизенгаузен⁴¹. Салоны и молодые заседатели петербургского Парнаса // Абраксас. 1922. Вып. 1 (октябрь).

«Прошли большие годы, но я отлично помню тот далекий вечер, когда быстрый, как ртуть, веселый, как юный бес, язвительный, остроумный, полный неслыханных знаний, азартный Лев Лунц читал мне и Всеволоду Рождественскому, переводя прямо с листа, стихи гениального португальского поэта Луиса де Камозенса.

⁴¹ Орест (Эрнест) Дмитриевич Тизенгаузен (1902—1937) — писатель, пианист, редактор 1-го выпуска альманаха «Абраксас» (1922), автор «Декларации формлибризма».

Он брал отрывки из бесконечных строф “Лузиады”, и полные чужих звуков, сладостные, странные стихи звучали как магические заклинания. Пышные описания особо ощущались в нашей спартанской комнате, где стояли две железные кровати, печка-буржуйка и несколько старых стульев.

Лев Лунц, удивительный знаток романских языков, владел даром импровизационного перевода, при котором не терялось ничего из обильного богатыми сравнениями текста. Мы точно видели своими глазами жемчужины далекой от нас португальской поэзии, которые он так талантливо рассыпал перед нами.

Но когда он дошел до третьей песни, где рассказывалось о драматической судьбе красавицы Инесы де Кастро, возлюбленной инфанта, и Лунц переводил полные страстного негодования строфы об убийстве несчастной Инессы, дверь распахнулась и вместе с порывом холода в комнату вошел тяжелым шагом командора поэт Нельдихен, странно вытянув руку с каким-то небольшим свертком.

Чтение прервалось. Мы смотрели на Нельдихена, не понимая причины такого неожиданного вторжения. Он подошел к столу, не снимая своей несменяемой черной крылатки морского образца, застегнутой на груди цепочкой, которую держали бляхи с изображением львиных голов, положил сверток на стол и начал медленно разворачивать.

Оставив Камознса, мы следили за его руками, заражаясь непонятным волнением. Автор книги стихов “Органное многоголосье” был человеком странных противоречий. Он мог блеснуть неожиданным острым каламбуром и мог явиться тупым, обыкновенным пошляком, мог тонко говорить об искусстве и вдруг обернуться самым замшелым мещанином.

Нельдихен торжествующе развернул бумагу, и мы увидели небольшой кусок черного, хорошо выпеченного хлеба, никак не похожего на тот, который выдавался по карточкам. В том была такая большая прибавка жмыхов, что можно было, стукнув по куску хлеба, получить плоскую лепешку, из которой торчали разного цвета и величины мягкие иглы.

— Где достал? — спросили мы.

— Купил, — ответил он, отламывая кусок и со вкусом жуя его в позе победителя.

— У спекулянтов? На Обводном?

— Нет, в магазине!

— Врешь! К каком?

— Внизу, в нашем доме, только с Морской, не с Невского, всюю торгуют... Но сейчас поздно, уже закрыли. Я последним покупал...

— У нас в доме открыт магазин — и торгуют?

— Открыт!

— И свободная продажа?

— Свободная! Всем, кто хочет. Давай миллионы и бери...

Что это значит, мы не знали. Когда Нельдихен ушел, мы еще долго говорили с Лунцем и со Всеволодом об этом необычайном событии».

Николай Тихонов. Гибель эпопей // Знамя. 1963. № 7.

«— Внеочередное, экстренное сообщение хочет сделать Владислав Фелицианович, — сказал председатель собрания Николай Оцуп.

— Позвольте говорить сидя, — глухим, расслабленным голосом начал поэт Ходасевич. Невысокого роста, в пенсне, чем-то очень похожий на студента-филолога, какими их обычно рисовали в те годы, с непомерно длинными пальцами. Сутулится, после каждой фразы делает паузу, отчего сказанное им приобретает вес, значительность, особый смысл.

— Это я настоял, чтобы вас всех пригласили сюда, в Дом искусств, на собрание Союза поэтов, и я благодарю вас, друзья. Дело в том, что на Литейном проспекте в доме Мурузи ежедневно функционирует так называемый Дом поэтов, к делу поэта отношения никакого не имеющий. Этот позор мы перенесли из Москвы: тамошнее “Стойло Пегаса” кому-то пришлось по вкусу, и вот мы имеем второе такое же, если не хуже, стойло. По вечерам в этом Доме поэтов собираются жирногрудые дамы и их коротконогие, брюхатые, шишо дышащие кавалеры — мужья и любовники, а также завитоголовые, длинноногие и плоскогрудые девицы и молодчики с накрашенными губами. Вот такая публика сидит за столиками, пьет кофий и принесенное с собой вино до водки включительно, а им читают свои стихи

Оцуп, Одоевцева, Адамович, Нельдихен, даже Михаил Леонидович Лозинский однажды, при мне это было, читал свои стихи...

Ходасевич горестно покачал головой, вздохнул.

— Звание поэта пока еще стоит высоко, оно все еще ценится, но это звание всемерно уничижается, протитутуируется, сводится на нет. Я протестую, я требую закрытия этого дома чтения стихов для объевающейся человеческой дряни!

Сидевший со мною рядом поэт Сергей Евгеньевич Нельдихен привстал и азартно перебил Ходасевича:

— Извините, пожалуйста, но ваше предложение бессмысленно! Гражданину Ходасевичу, видимо, не нравится, что Дом поэтов находится под маркой Союза поэтов. Ну что ж, можно...

— Ничего не можно! — вспыхнул Ходасевич. — Под любой маркой это возмутительное заведение ничего хорошего в памяти порядочного человека не оставит. Я, как член правления Союза поэтов, настаиваю на закрытии этого вертепа, позорящего не только меня, но и вас, Сергей Евгеньевич! Вас в первую голову! Вас уже называют эстрадником, вам предлагают найти себе партнера и превратиться в своего рода куплетиста.

— Вам, как я вижу, завидно, что в Доме поэтов ваши стихи успехом не пользовались, — отрезал Нельдихен.

— Ни за какие деньги не буду читать стихи в этом заведении, и никогда не читал, — спокойно, с достоинством отозвался Ходасевич. — От вас, Сергей Евгеньевич, не ожидал я такой зверски уродливой, отвратительной реплики. Я почитал вас не только талантливым, но и умным. Но увы!..

Развел руками, ссутулился еще больше, пронзительно вздохнул. Председатель тряхнул настольный колокольчик, призывая к порядку, который как будто и не был нарушен... Ходасевич после паузы, нарочно им растянутой, ибо ожидал, что Нельдихен извинится перед ним, продолжал все так же неторопливо:

— Что касается марки, то под какой же маркой, товарищи, продолжали бы вы ваше коммерческое, буфетно-блудливое дело? Впрочем, назовите этот Дом поэтов по-московски “Стойло Пегаса”, но передайте его в ведение того учреждения, которое хозяйничает в ре-

сторанах, игорных домах и прочих значных местах. Сделайте все, что вам будет угодно, но только пусть Союз поэтов касательства к этому вертепу иметь не будет. В самом деле...

Он снял пенсне, поднялся во весь рост и заговорил громче, то-ропливее:

— Одумайтесь же! Как только вам не стыдно ежевечерне продавать себя этой жирной, денежной, ничего в литературе не понимающей публике! Вот вы, например, Николай Авдеевич, — обратился он к Оцупу, — как вы можете читать этой черни? Представьте на минуту, что живы Пушкин, Лермонтов и, скажем, Тютчев и Фет, и вот вы приглашаете их в ваш Дом поэтов и говорите: читайте свои стихи... Вы только подумайте! Да повернется ли ваш язык предложить этакое, а?

— Пушкин прочитал бы, Пушкин — он молодчина! — громко и весело произнес Нельдихен, и кто-то поддержал его. — Пришел бы, прочел бы и немедленно ушел бы, — добавил Нельдихен. — Вместе с другими поэтами...

И в наступившей полуконфузной тишине еще добавил:

— А вот Тютчев вряд ли... И Фет вряд ли... А Лермонтов и просто не явился бы... И не потому, что тут какой-то позор, а просто словесная условность. Ну вы понимаете, что я хочу сказать.

— Понимаю, к сожалению, понимаю, но хотелось бы не понимать, — с подчеркнутым чувством горечи и осуждения проговорил Ходасевич. — И возразить мне нечего. Я отказываю себе, запрещаю что-либо отвечать вам, гражданин Нельдихен. И вообще я сказал все, что намерен был сказать. До свидания!

Поклонился налево и направо и ушел.

Долго молчали после его ухода. Стали одна за другой зажигаться спички, — все, как по команде, закурили.

— А ведь он правду сказал, — послышалось из глубины зала. — Ходасевич справедливо говорил: этот дом ни к чему, его закрыть следует!

— Чем он помешал вам, Юрий Никандрович⁴²? — шепеляво спросил Георгий Иванов.

⁴² Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) — поэт-символист, переводчик, историк литературы.

Юрий Верховский, массивный человек с волнистой гривой волос, уже в годах значительных, еще раз сказал, что Ходасевич прав и что надо закрыть Дом поэтов.

— Он мешает не только мне, — продолжал Верховский. — Он мешает всем нам. Я и не знал, что мои товарищи по оружию ежевечерне, ничтоже сумняшеся, читают стихи нэпманам. Какая гадость! Какая гадость!

— Скажем этим нэпманам, чтобы они взяли в свою коммерцию наш Дом поэтов, — предложил молодой человек из поэтического объединения “Звучащая раковина”. — Желающих найдется много, предприятие прибыльное и уже на ходу, что называется. А закрыть зачем? Мало ли кому что не нравится!

После этой реплики наступила тишина, и очень неловкая, пока наконец председатель по чьей-то подсказке не предложил поставить на голосование вопрос о дальнейшем существовании Дома поэтов.

— Кто за то, чтобы голосовать? — спросил Оцуп.

Молчание.

— Кто против голосования? И тем самым против обсуждения всего того, что сказал Ходасевич? — продолжал Оцуп.

Молчание.

— Что ж, будем голосовать, — нервически рассмеявшись, сказал Оцуп. — Кто за то, чтобы Дом поэтов продолжал свое существование?

Руки подняли Нельдихен, Адамович, Одоевцева, Берберова, человек пять из “Звучащей раковины”. С помощью Вагинова Оцуп дважды сосчитал реденький лес поднятых рук. Получилось десять. Всего в зале присутствовало двадцать восемь человек.

Неделю спустя Дом поэтов прекратил свое существование».

Леонид Борисов. Так был закрыт Дом поэтов / Л. Борисов. За круглым столом прошлого. Воспоминания. Л., 1971.

«Особняком стоит группа “эстетов”, которых можно было бы разделить (очень условно и приблизительно) на пассаистов и новаторов. К первым можно отнести Георгия Иванова, В. Ходасевича, Георгия Адамовича, отчасти “парнасца” М. Лозинского и “акмеиста” Мандельштама. Вторая группа очень многочисленна. Для примера назо-

вем С. Нельдихена, новизна которого, впрочем, очень не нова. Деятельное любование миром составляет основную черту эстетизма. При этом “эстеты”, так же, как и акмеисты, изображают в сущности не прекрасное, а свое ощущение от него. Иногда это очень немного.

<...> С. Нельдихен (“Органное многоголосье”) уверен, что воскресил в наши дни “библейскую прозу”. Старается он также походить на Уота Уйтмэна. О чувстве собственного достоинства, воодушевляющем его, могут дать понятие хотя бы следующие строки:

Иисус был великий, но односторонний мудрец,
И слишком большой мечтатель и мистик;
Если бы он был моим современником,
Мы бы все же сделали с ним многое, очень многое...

<...> Н. Оцуп ведет свое происхождение от Гумилева, находясь также в столь близком родстве с Нельдихеном, что иногда отождествляет себя с ним (“мне показалось, что и Нельдихен — это я”).

Эрих Галлербах. Петербургская камена (Из впечатлений последних лет) // Новая Россия. 1922. № 1.

«<...> Последние дни доживает “Цех поэтов”. Они давно уже стоят на мертвой точке. Тогда, когда был жив Гумилев, его упрямая воля вливалась в “Цех” жизнь. Теперь же там остались лишь Г. Иванов, Оцуп, Адамович, Нельдихен. О Нельдихене одно время говорили в Петербурге. Нельдихен — явление любопытное. Это поэт, у которого Х<-я> муза — глупость. И воспевает он ее, кажется, во всех проявлениях. Но, увы, за гимнами этими не чувствуется усмешки умного человека».

Надежда Павлович. Письмо из Петербурга (Петербургские поэты) // Гостиница для путешествующих в Прекрасном. 1922. № 1.

«“Дракон” — альманах стихов, изд. Цеха Поэтов. — Петербург, 1921.

<...> Просматривая альманах издания поэтов “Дракон”, невольно вспоминаешь отзыв Лессинга об одной книге: “Здесь много нового и много хорошего; к сожалению только, новое — не хорошо, а хорошее — не ново”.

<...> Но что сказать о “новом”? Кроме миниатюрной поэмы Нельдихена, оригинальной и не лишенной красочности и юмора, ко всему прочему применимы слова Гейне: “Ach, wenn sie nur Herzen hätten!⁴³”... Вряд ли кто-то из этих певцов... подымается над общим уровнем той категории поэта, о которых в истории литературы говорится: и прочие».

*А<лександр> Терк*⁴⁴. Литературные журналы и альманахи в Петербурге за минувший год // Начала. 1922. № 2.

«Лежащий перед нами первый выпуск альманаха “Дракон” производит прежде всего впечатление случайно составленного. Изданный Цехом Поэтов, он содержит произведения авторов, ничего общего с Цехом не имеющих. <...>

По недоразумению, на наш взгляд, попала в этот сборник поэма г. С. Нельдихена “Праздник”. Автор пишет о себе, что он “ощутил себя человеком будущего, нелюбящим ни религии, ни таинственностей, ни отечества”, и рассказывает стихами, более похожими на плохую прозу, как он, “сидя в окопах, однажды не вытерпел, схватил револьвер, обернул дуло тряпкою, прицелился, выстрелил в нижнюю часть ноги, промахнулся, отлетел только сапожный ремень”. А теперь г. Нельдихен радуется, что он может “жить в собственной квартире”. Можно лишь посоветовать г. Нельдихену не печатать подобной дребедени и не воображать, что его поэзия сколько-нибудь похожа на голос органа. Судить более обще о творчестве г. Нельдихена мы не станем, пока не прочтем обещанной им книги “Органное многоголосье (стихи)”».

*Глеб Струве*⁴⁵. Дракон. Альманах стихов. Вып. I. Цех поэтов. Петербург 1921. 80 стр. <Рецензия> // Русская мысль. 1922. № 6—7.

⁴³ Ах, если б вы имели сердце! (нем.)

⁴⁴ Александр Яковлевич Терк (1883—1938) — инженер-техник, математик, действительный член Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге; выступал как критик.

⁴⁵ Глеб Петрович Струве (1898—1985) — поэт, литературный критик и литературовед.

«Не думаю, чтобы пафос современности заключался в трудовых карточках, пайках, отсутствии дров и комиссарских именинах. Относительно подобной “современности” неплохо обмолвился поэт Нельдихен: “Вот Ирина Одоевцева писала балладу про испорченный водопровод; водопровод починили — баллада и устарела”».

Михаил Кузмин. Письмо в Пекин // Абрассас. 1922. Вып. 2 (ноябрь).

«Нельдихен писал свои стихи всерьез, но мы воспринимали их как юмористические...»

Ирина Одоевцева. Из устной беседы с Юрием Иваском / Проект «Акмеизм». Вступ. статья, подгот. текста и комм. Н. А. Богомолова // НЛО. 2002. № 58.

«Лирические стихи Одоевцевой бедны и скучны. У них нет своего лица. <...>

А у Нельдихена свое лицо есть. Нельдихен начал с бума. Но бум быстро приедается и раньше всего самым “шумящим” поэтам. Так шумели и отшумели футуристы, и перестал шуметь имажинизм.

И вот, если за бумом нет ничего — поэт умирает. Если за бумом кроется нечто — поэт восходит на Парнас и... правее. Кто заподозрит теперь академического Брюсова в бума? А бум был, и какой бум! И Маяковский уже поправел, правееют имажинисты.

У Нельдихена есть *нечто*. Есть то, чего нет почти ни у одного современного поэта, — *миросозерцание*. Законченное, цельное и оригинальное. Недаром все «Органное многоголосье» держится на *афоризме*. Афоризм Козьмы Пруtkова, но взятый не пародийно. Козьма Пруtkов — всерьез.

Я говорю это не в насмешку. Смеяться не над чем. И Нельдихен не смеется, когда говорит:

“Поцелуй — это то же, что у собак обнюхивание”.

“Любовная неудовлетворенность — первопричина всякой грусти”.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Строение стиха не ново. Оно взято у Уитмена и разжижено акмеизмом. Нельдихен обновил материал. Его выигрышный прием — новая идеология ограниченного человека, легкомысленного и глупого.

И в этом апофеозе тупой праздности Нельдихен достигает совершенства:

“Приидите ко мне все дерзающие,
Величественные, полнотелые, лицом прекрасные,
Свободные и простые,
Разгуливающие праздно по улицам,
Живущие только для того, чтобы жить!”

Я не люблю смешивать личность поэта с его стихами. Я не хочу сказать, что сам Нельдихен ограниченный лентяй. Конечно, вся эта идеология — прием, не больше, но прием новый и прием мастера.

Русская литература нашла нового оригинального поэта, а искатели идеологии в стихах — новую жертву. Какая лафа для рассуждений о растлении морали, о закате литературы. Сколько слез будет пролито старомодными ревнителями живого слова!

А плакать над русской поэзией из-за Нельдихена не следует. Надо радоваться и удивляться».

Лев Лунц, Новые поэты / Л. Лунц, Литературное наследие. М., 2007.

«Пятница в Доме искусств. Лева, с озорным блеском в глазах, прихрамывая и опираясь на палочку, — ему свернули ногу, качая его на каком-то вечере, — перебегает от одного к другому, созывает разбредшихся по разным комнатам и углам обычных участников пятничных увеселений. Десяток почтенных литераторов в возрасте от семнадцати до двадцати двух лет сбиваются наконец в тесную кучку и в десять минут, перебивая друг друга, катаясь по полу от смеха над удачными выдумками, составляют под предводительством Левы Лунца и Евгения Шварца сценарий для живого кино. Лев Арнштам⁴⁶

⁴⁶ Лев (Лео) Оскарович Арнштам (1905—1979) — пианист, кинорежиссер и сценарист.

садится за рояль, Лунц конферирует. Сегодня — “Нельдихен в Америке, тяжелая драма, нервных просят удалиться”. Я изображаю то героя, то пароход, на котором герой прибывает в Америку, а сам Нельдихен со своим обычным невозмутимым видом — Статую Свободы. Он был огромного роста, с длинными ногами, и мне приходится проползать у него между ногами, изображая, как пароход причаливает к нью-йоркской гавани. Публика была непритязательна, и если какие-то “кадры” получались не слишком удачными, то это встречалось снисходительно. Смеялись, аплодировали, веселились публика и актеры одинаково».

*Александр Ивич*⁴⁷. Из устных рассказов / С. Богатырева. Хранитель культуры, или До, во время и после «Картонного домика» // Континент. 2009. № 142.

«Писательница Долива⁴⁸ приставала давно к Олькину, чтобы он прочел “Демона”. Олькин высокомерился. Он-де “назад озираться не может”, и поэзия началась для него с его собственной первой книжки. Вообще мысль знакомства с классиками угнетала Олькина как угроза отнятия его мужской силы и ценности.

И вдруг поздно вечером Олькин, лихорадочно постучав, вошел к Доливе, крепко зажав поднятый воротник пиджака у самой шеи руками, как сконфуженный, неудавшийся висельник, и сказал погребально:

— Ну, радуйтесь. Я только что выслушал всего “Демона”. Это произведение... замечательно. И есть строчки там... совершенно мои. Но прежде всего дайте мне что-нибудь вроде галстука. Ведь я там принужден был оставить даже манжеты...

⁴⁷ Александр Ивич (Игнатий Игнатьевич (Исаакович) Бернштейн; 1900—1978) — писатель, хранитель рукописных архивов В. Ходасевича и О. Мандельштама; младший брат Сергея Игнатьевича (Исааковича) Бернштейна (1892—1970), лингвиста, библиографа, историка театра, создателя фоноархива в Институте живого слова, в начале 1920-х гг. записывавшего голоса русских поэтов, в том числе Нельдихена. Сохранился один из немногочисленных экземпляров книги Нельдихена «Ось» с дарственной надписью И. И. Бернштейну (см. примеч. на с. 352).

⁴⁸ Сама Ольга Форш.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Действительно, Олькин был без своих гремучих змей и их белокаменного возглавления.

— Где вы оставили ваше имущество, — спросила с изумлением Долива, — и почему именно эта утрата совпадает с услышанным наконец вами “Демоном”?

— Еще бы не совпадает, — понурился Олькин, — они остались под постелью, когда я был в шкафу.

И Олькин рассказал или, быть может, тут же создал, пусть считается, как ему будет удобней, страничку Совдекамерона.

Будучи филантропом, Олькин нанес визит осиротевшей гражданке, едва ее муж уехал в командировку. Но только что Олькин освободился от аксессуаров, стеснявших движения, как в двери стал бить кулаком внезапно раздумавший муж. Не отличаясь инвенцией, по древнейшему ритуалу, дама поспешно затиснула Олькина в платяной шкаф, а его штиблеты и каменные эрзацы рубашки поспешным размахом загнала под постель.

Муж, дав какое-то объяснение по поводу несостоявшейся поездки, желая развеселить жену, из-за псевдомигрени ввапшую в псевдомеланхолию, стал вслух ей читать со школьной скамьи ему любезного “Демона”.

Олькин в шкафу от безумного страха всех попадавших в его положение, опасаясь чихнуть и икнуть, превратился в напряженнейший слух. Сначала он делал усилия. Лермонтовский стих был ему беден после стиха своего. Но потом он втянулся и уже без корыстных сравнений в первый раз в жизни стал наслаждаться вдохновением чужим.

Вдруг чтение резко кончилось. Пауза. И неузнаваемый в ярости голос мужа сказал:

— Где ты его спрятала, негодяйка?

Оказывается, между злоключением Тамары и Демона муж забросил окурочек и горящую спичку под постель. Целлулоидные манжеты Олькина вспыхнули. При иллюминации муж узрел и штиблеты. Скоро Олькин обнаружен был весь. В одних носках он слетел с лестницы, чехословацкие штиблеты ему были пущены вслед, но мелкие трофеи остались. Однако же “Демон” прослушан был Олькиным до конца».

Ольга Форш. Сумасшедший корабль. М., 1931.

«Глубокой ошибкой было бы утверждать, что Нельдихен — морален. Наоборот, в нем все признаки проповедника новой нравственности. С одной стороны — “гедонизм”:

Мы же, взрослые, мужчины и женщины,
Мы все влюблены друг в друга...
...Мы не грустим, ибо мы всегда имеем возможность
Удовлетворять свои любовные желанья...

С другой — буддийская доброжелательность; отсутствие всяких злобных помыслов — вот что делает “нового” нельдихенского человека “святым”:

Что вы, гражданин, толкаетесь и хихикаете?
— Это я толкаюсь? — Нисколько. — Тогда простите.

Таким должен быть человек по Нельдихену, менее всего “героем”, ходульным гигантом маяковского типа, который больше Тихого океана, ослепительней солнца и т. п.

Нельдихен никогда не напрягается, не хочет казаться лучше, больше, умнее, чем есть. Больше того: ни к кому так не применяемы слова Пушкина по поводу “Горя от ума”: “Чацкий совсем не умный человек, умен Грибоедов”.

“Человек” Нельдихена — не умен; умен автор, поставивший в своем “многоголосье” памятник человеку нашей эпохи, — плоть от плоти которой каждый из нас.

Его “прозостих” — по-настоящему нов, и крупный шаг в технике свободного стиха после футуристов. Но в книжке есть стихи, доказывающие, что вершины, до которых поднялся классический русский стих в акмеизме, Нельдихену доступны в полной мере».

В<ладимир> Пяст. Сергей Нельдихен. Органное многоголосье. Петроград, 1922 г. <Рецензия> // Жизнь искусства. № 17. 3 мая 1922.

«P. S. В моей рецензии о книге С. Нельдихена “Органное многоголосье” вкраслась досадная опечатка. Я начинаю статью: “Глубокой ошиб-

кой было бы утверждать, что Нельдихен аморален”; напечатанное: “морален” — диаметрально противоположное.

В<ладимир> Пяст. Август Стриндберг // Жизнь искусства. № 18.
9 мая 1922.

«У Введенского и Липавского⁴⁹ были дружеские отношения с Пястом и Нельдихеном, знакомство с Кузминым произошло позже, должно быть, в середине 20-х годов...»

Яков Друскин. <Материалы к поэтике Введенского.> Сост. М. Мейлах / А. Введенский. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М., 1993.

«Книга Нельдихена интересна, как всякая правда, которую человек говорит о себе.

Но этого еще мало. Не все интересное — значительно. Например: Анна Ахматова тоже говорит правду о себе и делает это очень талантливо; тем не менее, ее правда незначительна, ибо и сама Ахматова — явление незначительное: женщина — *et voilà tout*⁵⁰.

Совсем другое дело Нельдихен: его творчество — показатель явления, воистину огромного и в высочайшей степени отградного. Великая война и последовавшая за ней разруха непременно должны были вызвать появление нового человека. Заранее можно было сказать, что этот человек будет аморален и беспринципен, ибо все моральные выдумки и потуги военная и революционная действительность безжалостно втоптала в грязь. И она же показала, как бессильны, в сущности, всякие принципы и идеи. Но чего не могли убить война и разруха, что восторжествует над всяким голодом, над всеми бедствиями, над всевозможными историческими и национальными несчастьями и крушениями, — это *жажда жизни*, притом *жажда жизни человеческая*, т. е. огромная, глубокая, но вместе с тем благообразная, горящая ровно и непоколебимо, а не польхающая неистово, как у зверей. Такой жаждой жизни и про-

⁴⁹ Стихи Леонида Липавского были опубликованы в «Альманахе Цеха поэтов», кн. 2 (1921).

⁵⁰ Вот и все (*фр.*). *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

низано творчество Сергея Нельдихена. Он совершенно аморален, беспринципен и в то же время — прекрасен, ибо беззлобен и мудр.

Больше всего напоминает Нельдихен ту великолепную “белокурую бестию”, о приходе которой мечтал Фр<идрих> Ницше. И теперь, когда эта мечта воплотилась, мы должны признать ее явлением вполне и всесторонне положительным: Нельдихен — не враг и не истребитель культуры, а *спаситель* ее.

Все половинчатое и двойственное, все болезненное и робкое уничтожено, выжжено в душе Нельдихена огнем великих бедствий, испытанных человечеством. Но все цельные, крепкие, гармонические основы остались в ней нетронутыми и даже более того: они окрепли.

Таким образом: не к умственному упадку, не к унылому варварству пришло человечество, сбросив с себя оковы морали и власть какой бы то ни было “идейности”.

Наоборот: книга Нельдихена показывает нам, что теперь только и становится человек *владыкой идей*, животным воистину царственным.

Раньше идеи не только волновали и вдохновляли людей, но и мучили их. Нельдихен же пользуется идеями, как подлинный их властелин, так же, как он пользуется электрическим выключателем, вагоном трамвая, аэропланом и всеми другими техническими изобретениями последних десятилетий.

Он ничему не говорит “нет”, он все приемлет, но ничему он и не отдает себя в обладание, превыше всего ставя свою жажду жить.

Хочется крикнуть евангельским голосом,
 Как принято, когда хотят сказать торжественное:
 — Приидите ко мне все дерзающие,
 Величественные, полнотелые, лицом прекрасные,
 Свободные и простые,
 Разгуливающие праздно по улицам,
 Живущие только для того, чтобы жить! (стр. 12).

Эти слова Нельдихена из поэмы “Праздник” знаменуют собою действительный праздник для человечества, они звучат воистину как новое Евангелие, которым сильнее и решительнее, чем чем бы

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

то ни было, уничтожаются старые “евангелия” — христианское, буддистское, иудаистическое и всякое иное.

На смену страху и раздвоению, на смену жалким существам, терзавшимся — то совестью, то сомнениями, — пришло новое мироощущение — простое, гармоничное, полное светлой уверенности в каждом миге бытия.

Вот, например, любовь. Каких только страстей, загадок и нелепиц не наговорили и не написали о ней. Но вот как решает вопрос о любви новый человек — Нельдихен. Он сидит перед топящейся печкой и говорит:

Когда так тепло и покойно,
Невольно хочется любовных удовольствий
.....
Женщины, двухполовиноаршинные куклы,
Хохочущие, бугристотелые,
Мягкогубые, прозрачноглазые, завитоволосые...
.....
По улицам всюду ходят пары,
У всех есть жены и любовницы,
А у меня нет подходящих;
Я совсем не какой-нибудь урод,

— Когда я полнею, я даже бываю лицом похож на Байрона (стр. 15—16).

В этих дивных по своей непосредственности и простоте словах — великая правда, во всей силе и славе своей вновь являющаяся в Мир, после того, как в течение целых столетий моралисты и поэты всячески извращали и уродовали ее.

Офелия и Дездемона, Татьяна и Лиза, Прекрасная Дама и сама Ахматова — все это, в сущности, ложь, выдумка, финтифлюшки. На самом деле, женщина — “двухполовиноаршинная кукла”, к которой нужно подойти и сказать:

Хотите веселья, хотите радости, хотите любви,
Хотите много яблок, груш, ярких платьев, цветочного воздуха? (стр. 22).

И она улыбнется, она пойдет и — все будет прекрасно, просто, здорово, как тому надо быть.

И таков новый человек во всем.

Верить в смерть позорно человеку, —

говорит Нельдихен (стр. 17), и вот — как пылинка, сдунута с жизни тысячелетней давности проблема, над которой, корчась от страха, стояли Экклезиаст, Будда, христианские недотепы всех мастей, а в новейшее время — Гоголь, Толстой и десятки других — мудрых, великих, но отравленных.

От этой отравы теперь человечество, надо думать, избавлено: эта язва выжжена в его душе раскаленным огнем войны и революции.

Человек стал прост, гармоничен и остался при этом умственно гибким и чутким и способным к дальнейшему движению.

Кончена неврастения, истерические рыдания и чувствительные вздохи, — война и революция оздоровили нас.

Вот эту-то великую радость и возвещает Миру чудесная книга Нельдихена.

При свете таких соображений как-то даже не хочется думать и говорить об ее чисто литературном значении. Не хочется решать вопросов о том: стихами или прозой пишет Нельдихен, есть ли у него художественный талант и велик ли он?

Возможно, что личная литературная одаренность Нельдихена и не очень велика, возможно, что он не создаст великих художественных произведений, которые будут читать и перечитывать люди следующих поколений. Но для нас, для нашего времени, значение Нельдихена — огромно, и его *дело* должно быть отмечено.

Он явился одним из первых выразителей нового мироощущения, которое, несомненно, овладеет всем человечеством и приведет к окончательной гибели обрывки христианской, буддийской, иудейской и масонской нелепицы и лжи.

Но, кроме этого — великого в общественном отношении — значения, останется за Нельдихеном значение и чисто литературное.

У нас до сих пор любят выдвигать в качестве литературных “руководителей” людей давно умерших и сыгравших до конца свою жизненную роль (даже и посмертную). Так, в последние годы в самых различных литературных кругах усиленно выдвигается и то и дело противопоставляется “скудной” современности имя неизбежного Пушкина.

Эту нелепую манеру надо оставить. Пусть Пушкин сохраняет свое значение (для историков культуры, для отдельных любителей и для детей школьного возраста. Для взрослых людей, отданных жизненно творческому процессу, имя Пушкина не может и не должно иметь никакого действительного значения, так же как, например, и имя недавно умершего Блока, которого многие тоже не прочь противопоставлять современности.

Эти имена останутся навсегда в нашей литературе, но в качестве литературных “руководителей” они выдвигаться не должны*.

Но жизнь идет и развивается дальше, и у современности есть свои верные, высокодаровитые выразители, среди которых на первом месте должны быть поставлены *Вадим Шершеневич*, великолепно отражающий последние трагические гримасы “довоенного” человечества, и *Сергей Нельдихен*, могущественным “органым многоголосьем” выражающий новое праздничное мироощущение, сложившееся в здоровых душах под грохот орудий, под бешеные стоны расстреливаемых и умирающих от голода людей.

В силу этого, — скажем в заключение, — Нельдихен — больше чем русский писатель. Он — писатель значения всеевропейского, — и книги его должны быть как можно скорее переведены на все европейские языки.

Март 1922. Петербург.

[* Заключение в скобки () можно, в случае несогласия редакции, не печатать. А. Т.]

Александр Тиняков. Новое Евангелие. Сергей Нельдихен. — «Органное многоголосье»⁵¹. <Рецензия> // ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. № 658. Публикация Т. А. Кукушкиной.

⁵¹ Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами; подчеркивания выделены курсивом; зачеркивания заключены в квадратные скобки. *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

«<...> С. Нельдихен — <...> вероятно, очень скучный человек, лишенный фантазии, без яркого в прошлом и, вероятно, без такого же в будущем, требующий “только одного от своих современников”:

— Они должны знать мою фамилию;

Отчего ощутил себя человеком будущего,

Нелюбящим ни религии, ни таинственностей, ни отечества... (стр. 12).

Понятно, что обуреваемый желанием, чтобы его знали, — Нельдихен пишет и даже печатается. Но совершенно — неведомо, почему он себя считает человеком будущего, рекомендуясь просто-напросто Харьковским ракло⁵² (на севере называют иначе — погрубее), ибо разве это не философия какого-нибудь Мишки Корявого⁵³ — его поэмороман:

и “женщины выбирают каждая того мужчину,
к которому ее наиболее влечет в этот вечер...” (стр. 25);

и — “женщины — двухполовиноаршинные куклы” (стр. 15).

Прибаутки, образы — все того же Мишки: “В небе выключили вентилятор” (стр. 17), — “Небо еле вздутое полотнище” (стр. 18). Вот его обращение к Богу:

“Что смотришь на меня со стенки, бог,
Лукавыми и плоскими глазами” (стр. 45).

Для него

“пасха — невеселый праздник,
улицы неосвещенные...” (стр. 47).

⁵² Ракло (*цыг.*) — «нецыганенок»; в харьковском просторечии означает «воришка, босяк, проходимец».

⁵³ Мишка Корявый — кличка Михаила Ивановича Лисенкова (1902—?), налетчика из банды Леньки Пантелеева (1902—1923).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

С первой страницы до последней он все тот же — наглый, упрощенный, с ограничено-зверушачьим восприятием, всех людей делящий на — “любящих меня и на всех остальных людей” (стр. 29), а Христа определяющий следующим образом:

“односторонний мудрец,
И слишком большой мечтатель и мистик” (стр. 14).

Так все чрезвычайно определено и решительно... Только печатать бы “многоголосье” не следовало, т. к. иное в нем дает всем чувствовать, что истинное лицо поэта прикрито нарочитой маской».

*Конст<антин> Боженко*⁵⁴. Сергей Нельдихен — Органное многоголосье. 1) Праздник (поэмороман) 1<-я> ч<асть>. 2) Третий года, стихи. Петроград, 1922 г. 1000 экз. 53 стр. <Рецензия> // Утренники. 1922. № 2.

«<...> Прочитав у другого поэта (Нельдихен) о том, что “небо еле вздутое полотнище”, критик глубокомысленно объявляет, это “образ какого-нибудь Мишки Корявого”.

Я полагаю, что приведенные цитаты достаточно свидетельствуют о самоуверенном невежестве критиков из “Утренников”».

Илья Эренбург. О некоторых критиках («Утренники» № 2) // Новая русская книга. 1922. № 6.

«<...> Если Цех объявил в лице своих ответственных представителей руководящими брезгливые традиции парижан, то почему в альманахе нашел место футуро-имажинист Зенкевич, совершенно чуждые духу Цеха островитянин Вагинов и стихотворный проповедник Нельдихен?»

Н<иколай> Тихонов. Граненые стеклышки (о третьем альманахе Цеха Поэтов) // Жизнь искусства. № 20. 23 мая 1922.

«<...> Далее продукты распада питательной среды. Межеумки. Ни футуристы, ни символисты, ни акмеисты, а просто чорт зна-

⁵⁴ Константин Николаевич Боженко (1878—1939) — журналист, критик.

ет что: Оцуп и Нельдихен (Ник. Оцуп. Град. СПб. 1922. Сергей Нельдихен. Органное многоголосье. СПб. 1922. Стр. 56. 1000 экз. Москва. Ц<ена> 25 т<ысяч> р<ублей>). Они знают, что они одно и то же, так этот Оцуп и пишет:

...мне показалось,
что и Нельдихен — это я.

Порядочный человек после этого запил бы горькую на тему “простите, православные!”, — Оцупу — как с гуся вода, пишет дальше: про аэропланчик, автомобильчик и так далее. Но ведь этому Нельдихену собирать бы коллекцию перышек (до марок он еще явно не дорос) и выпрашивать у мамы двугривенный на резину для рогатки, — нет, он, оказывается, п о э т. А ведь это слово все-таки, как никак не ругательство же... Почему-то Оцуп куда-то еще пыжится, пробует там под Кузмина, под Северянина, кое-кого из футуристов нюхал, видимо. Нельдихену на все это чихать, — товарищи, да ведь это сам “румяный Лука” из умницы-Кантемира, который “трижды рыгнув” изъясняется с изумительной простотой. У меня есть прямая кишка, карточка литеры “Б” и адрес, — а следовательно я человек. Бедный Декарт, который столько времени мыслил о существовании, — наивный он человек, чудака и “калека с малокровной кожей” (стр. 53). А ведь у беговой лошади, пожалуй, больше прав называться человеком, чем у Нельдихена, ежели подумать, да посчитать по его способу».

Э. П. Бик <Сергей Бобров>. Литературные края // Красная новь. 1922. Кн. 2.

«Единственный интересный поэт из всей молодежи “Цеха” Сергей Нельдихен. Хорош он тем, что он пишет плохие стихи. Да это собственно и не стихи. Но и не проза. И не стихотворение в прозе. Это проза в стихах. Стихи Нельдихена единственно плохие стихи в альманахах “Цеха Поэтов”, и этим они лучше всех других».

Лев Луниц. «Цех поэтов» // Сб. «Книжный угол». П., 1922. № 8.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

«<...> у руля теперь не футуристы, а Мариенгоф и Нельдихен, бросившие Северянина и Крученых за борт. Через четверть часа придет и их черед...».

*А<ркадий> Горнфельд*⁵⁵. Шаг на месте // Литературные записки. 1922. № 3. 1 августа.

«Из современных поэтов мне, дорогая редакция, больше всего нравятся Оленька Зив⁵⁶ и Нельдихен».

Михаил Зощенко. О себе, об идеологии и еще кое о чем // Литературные записки. 1922. № 3. 1 августа.

«<...> Сейчас в Порхове. Пришел из Холомков. <...> В Холомках в смысле “общества” тоже неважно. Эльза Радлова⁵⁷ привезла с собою двух малопитательных особ. Я купаюсь, пью четвертями молоко, постепенно полнею, заканчиваю Праздник — хотя очень мало пишется. <...> В Питер собираюсь или в конце августа, или, вернее, в середине сентября».

Сергей Нельдихен. Из письма Леониду Борисову от 24 августа 1922 г. // Коллекция А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург).

«Еще ряд поэтов, не примыкая к футуризму, чужд, однако, и всем течениям, выросшим из символизма. Таков, напр., С. Нельдихен (“Органное многоголосье”, 1922 г.), идущий, по-видимому, от Уота Уитмена <...>».

Валерий Брюсов. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // Печать и революция. 1922. № 7.

«Когда принимаешься за эту книжку, сначала недоумеваешь: почему это стихи?»

⁵⁵ Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867—1941) — литературовед, критик, переводчик, публицист.

⁵⁶ Ольга Максимовна Зив (1904—1963) — писательница, редактор; начинала как поэтесса.

⁵⁷ Эльза Яковлевна Радлова (Зандер; 1887—1924) — первая жена Н. Э. Радлова (см. сноску на с. 427).

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Сегодня день моего рождения;
Мои родители, люди самые обыкновенные,
Держали меня в комнатах до девятилетнего возраста,
Заботились обо мне по-своему,
Не пускали меня на улицу,
Приучили не играть с дворовыми мальчиками,
А с моими сестрами сидеть скромно у парадной лестницы
На холщовых складных табуретках...

У меня не было ни богатой библиотеки,
Ни бонн, ни гувернанток, ни хороших учительниц,
Была картавая белобрысая барышня,
Немка Люция Эдуардовна Виссор;
К гимназическому экзамену
Меня приготавливал бритый восьмиклассник...
Как его фамилия? Кажется, Швейдель...

Через год меня взяли из гимназии,
Продали за пять рублей мое пальто гимназическое...

Повесть? Но как повесть — просто неинтересно. Сергей Нельдихен, по-видимому, уверовал, что время стихов прошло, что стихи должны превратиться в сокращенное, бессюжетное повествование. Свой цикл “Праздник” он назвал поэтому “поэмороманом”.

Но потом начинаешь ощущать в этих, по-видимому, прозаических строках стихотворную интонацию — звук и ритм. Слышатся органные ноты — в самом заглавии: “Органное многоголосье”.

Я тихо плакал, когда пели в русском соборе,
И в особенности, когда в костеле орган играл...

И отчего-то запоминаются отдельные стихи и выражения:

Любящие мои *альтоголосые* проповеди...

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Хочется крикнуть *евангельским голосом*,
Как принято, когда хотят сказать торжественное...

Эпитеты здесь яркие, синтетичны до неожиданности. В многосоставных словах (любимый прием Нельдихена) есть в самом деле какой-то смелый размах, эпическая широкость.

Женщины — двухполовиноаршинные куклы,
Хохочущие, бугристотелье,
Мягкогубые, прозрачноглазые, завитоволосые,
Носящие веселожелтые распашонки...

Иногда это неудачно и неуклюже, как, напр., “завитоволосые” “покоробленножестяная улица”. Но “веселожелтые” и “альтоголовые” — это хорошо, потому что тут найдено какое-то соответствие между звуком и материалом. Далее начинает нравиться и то, что у Нельдихена есть определенная “проповедь”, свое “евангелие”, о котором он умеет говорить “торжественно”.

Приидите ко мне все дерзающие,
Величественные, полнотелье, лицом прекрасные,
Свободные и простые,
Разгуливающие праздно по улицам,
Живущие только для того, чтобы жить!

Правда, “евангелие” это не очень новое и, может быть, не вполне достойное сопоставления с евангелием Христа. Поэт заранее согласен признать, что оно даже “глупое”.

Люди, вы, должно быть, назовете нас легкомысленными и глупыми.
Что ж, может быть, мы самые легкомысленные, самые глупые!..

Важно то, что Нельдихен умеет делать эту “глупость” заразительной и понятной. Невольно поддаешься его резвой веселости, напоминающей возню щенят на солнышке.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Руку, Рая, и побежим!

Райка, ведь я рад, я рад!

Вторая часть книжки (“Третий года”), написанная каноническими размерами и без словесных новшеств, показывает уменье Нельдихе-на быть простым и четким.

В моей столовой на висящем блюде
Награвирован старый Амстердам, —
Какие странные фигурки там,
Какие милые, смешные люди...

Так хочется, когда случайно взглянешь
На медную картинку на стене,
Быть человечком с бантом на спине
В высоких туфлях, в парике, в кафтане...

Мясник кривой развешивает туши,
Сидит забавный бургер у дверей,
Шагает франт, ведут гуськом детей,
Разносчик продает большие груши...

И я, теперь такой обыкновенный,
Пускающий из папиросы дым,
Казаться буду милым и смешным
Когда-нибудь, и буду драгоценным.

Вообще во второй части (написанной раньше, как видно из хронологических пометок) более устоявшийся стиль, чем в первой, где много говорливости в духе неофутуризма Маяковского и футуристических шаблонов:

Заглавными буквами Т
Торчат трамвайные столбы;

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Решеткой связанный в пук
Серым облаком сад навис
Над разлинованной жестью мостовой;
Небо цинковое просвечивает через стекла домов...

Или:

Небо — еле вздутое полотнище,
Потолок передвижного цирка.

Нельдихен хорош, когда он прост и весел, когда он мечтает:

Мы уедем отсюда куда-нибудь далеко, далеко
И устроим жизнь нашу так, как нам захочется...

Или когда он любит Христа за его “величавость”:

Уверен — Иисус тоже любил всё величественное —
Для себя он избрал имя сына Божьего...
В его время слово Бог было символом всего самого величавого...

И несомненно, когда Нельдихен освободит эти поэтические зерна от заглушающей их прозаической мякоти, он вернется к музыкальным источникам стиха: четкому ритму и рифме».

*Александр Слонимский*⁵⁸. Сергей Нельдихен. Органное многоголо-
сье. Стр. 53. Петербург. 1922. <Рецензия> // Книга и револю-
ция. 1922. № 4 (16).

«Прочно засосан Сергей Нельдихин <так!> тем болотцем, в которое с детства окунули его “родители, люди самые обыкновенные”.

Как высоко ни взлетишь порою его мысль, тяжелым камнем она возвращается снова в свое привычное, родимое болотце.

⁵⁸ Александр Леонидович Слонимский (1881—1964) — писатель, литературовед, старший брат М. Слонимского.

Горным воздухом повеяло с одной страницы:

В послерабочее время,
Все должны выходить на площади и в леса
На общенародные гулянья, —
И когда завздыхают органы,
Всякий почувствует себя свободным и сильным,
Здоровым, простым и бессмертным, —

и вот уж затхлостью болота повеяло с другой:

Было б сейчас совсем хорошо,
Если бы со мной сидела на коврике женщина, —
Когда так тепло и покойно,
Невольно хочется любовных удовольствий...

Много тины наплывает из этого болотца на стихи Сергея Нельди-хина. Не оттуда ли мысли о том, что “первопричина всякой грусти — любовная неудовлетворенность”, что люди делятся на любящих его, Сергея Нельдихена, и “на всех остальных людей”, не оттого ли он стал

Требующим только одного от своих современников —
— Они должны знать мою фамилию.

Он рвется к большим и смелым мыслям, к героическим темам, но то и дело срывается в свое липкое болото.

Вот почувствовал он себя первотворцом, новым Адамом, и гордой силой зазвучали его строки:

Мне не надо готовых садов с кружевными ветвями,
Сам свой собственный сад для себя я сумею создать,
Не слезая с горы, обхвачу я кирки рукоять,
Сам один отпихну раскрасневшийся солнечный камень;
И очищу я быстро поверхность земли от развалин
И в живой океан побросаю обломки и пыль;

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Птицы те, что высоко весь день над горами летали,
Будут ночью слетаться ко мне на горящий фитиль...

Но тут же сомненьица и колебаныца:

— Как же я дотянусь до луны и до солнца руками? —
Ведь и я — человек, как и все, трехаршинный, худой,
У меня есть и спальня...

С гибнущего в “кривых минных загражденьях” корабля, с “холодного и жуткого моря”, где

Норд-ост проклятый дует целый день,
Торчат везде лебедки, трубы, будки,

он приходит к прокисшему уюту “полутемного, подушенного” будуара.

И так будет до тех пор, пока не поймет поэт, что не только мыслью надо рваться из затхлого болотца обывательщины, а и самому вылезть из него, прислушиваясь к тем могучим голосам жизни, которые звучат там, где кончаются его топкие берега и начинается твердая почва борьбы и молодого строительства».

Борис Гусман⁵⁹. Сергей Нельдихин / Б. Гусман. 100 поэтов. Литературные портреты. <Тверь:> Октябрь, 1923.

«<...> и сами характеристики Гусмана не дают ни малейшего представления об оригиналах... Нельдихен обронил строчку: “родители, люди самые обыкновенные” — значит, он “прочно засосан тем болотцем, в которое с детства его окунули”. На редкость доверчивый исследователь Борис Гусман».

Д<авид> Выгодский⁶⁰. Б. Гусман. 100 поэтов. <Рецензия> // Книга и революция, 1923, № 3.

⁵⁹ Борис Евсеевич Гусман (1892—1944) — писатель, литературный, музыкальный и театральный критик, кинорежиссер, сценарист.

⁶⁰ Давид Исаакович Выгодский (1893—1943) — литературовед, переводчик; в 1922—1924 гг. работал в издательстве «Всемирная литература».

«И полным выходом из стиха являются некоторые вещи Нельдихена, который дает лишь видимость стихотворных строчек».

*Илья Груздев*⁶¹. Русская поэзия в 1918—1923 г.г. // Книга и революция. 1923. № 3.

«Книги Оцуа и Нельдихена мне представляются чисто упражнениями в модных приемах, часто (особенно у первого) занятными и ловкими».

М<ихаил> Кузмин. Парнасские заросли // Завтра: литературно-критический сборник под ред. Евг. Замятина, М. Кузмина и М. Лозинского. Берлин, 1923. <№ 1.>

«<...> в последние годы, со времен революции, влияние Уитмэна так разрослось, что нет возможности <...> указывать отдельных поэтов, подверженных влиянию Уитмэна. <...> Из них особенно примечательны Гастев⁶² “Поэзия рабочего удара” и С. Нельдихен “Органное многоголосье” (1922. Пб.)⁶³ и др.»

Корней Чуковский. Молодые поэты под влиянием Уитмэна / К. Чуковский. Уот Уитмэн. Поэзия грядущей демократии. Изд. 6-е. М.-Л., 1923.

⁶¹ Илья Александрович Груздев (1892—1960) — литературовед, литературный критик, драматург, писатель, исследователь творчества М. Горького; участник литературной группы «Серрапионовы братья».

⁶² Алексей Капитонович Гастев (1882—1939) — революционер, профсоюзный деятель, поэт и писатель.

⁶³ В архиве К. И. Чуковского (Москва) сохранился экземпляр «Органного многоголосья» с дарственной надписью на авантитуле: «В библиотеку Корнея Ивановича Чуковского. Сергей Нельдихен. 31 Янв<аря> 1922. В “Антологию” стихи из этой книги, конечно, не могут быть взяты». Интересно, что, судя по дате дарения, это один из первых экземпляров сборника. Под «Антологией» Нельдихен, вероятно, подразумевает невышедшую книгу «Современные русские лирики», которую Чуковский составлял в 1922 г. для издательства «Начала», о чем было объявлено в журнале «Печать и революция». Вместо нее, значительно позднее, вышла составленная И. С. Ежовым и Е. И. Шамуриным «Русская поэзия XX века: Антология русской лирики от символизма до наших дней» (М.: Новая Москва, 1925), в которой стихи Нельдихена отсутствуют.

«Каким трудным делом стали теперь стихи, показывают стихи Нельдихена. Стоит ли поэту доказывать, что “классическим стихом и он владеть умеет”, “воздавши должное и Пушкину и Мею” (на деле же, в напечатанном стихотворении скорее всего Брюсову)? Теперь приходится, по-видимому, доказывать обратное: что умеешь писать вне канонов, — “классического”, или символического, или футуристического, или даже своего собственного».

Юрий Тынянов. «Петроград». Литературный альманах, 1. М.–Пг., 1923. <Рецензия> // Книга и революция, 1923, № 4.

«<...> Миша <Слонимский>, свинья, уехал и даже адреса не оставил. За то и Бог его покарал, избрав для этой цели подходящее орудие в виде Сергея Нельдихена, который продал Мишино зимнее пальто к величайшему ужасу Ефима⁶⁴».

Александр Слонимский. Из письма Льву Лунцу от 1 августа 1923 г. / Л. Лунц. Литературное наследие. М., 2007.

«Нельдихен — “Органное многоголосие” <19>22 г. — попытка самоутверждения без необходимых средств. Подлинной поэзии нет в стихах поэта, который пишет: “родители, люди самые обыкновенные”, мечтает о “полутемном надушенном будуаре”...»

Евдокия Никитина⁶⁵. Отколовшиеся от традиций цеха <поэтов> / Е. Никитина. Поэты и направления. Пути новейшей поэзии // Свиток. 1924. № 3.

«Попробуем сопоставить прозу Андрея Белого (Офейра, напр., или Эпопея) с *vers libre*⁶⁶, хотя бы, Нельдихена. Эта проза гораздо “ме-

⁶⁴ Ефим Егорович (Григорьевич) — сторож, истопник и дворник Дома искусств, бывший лакей С. П. Елисеева, прежнего хозяина дома.

⁶⁵ Евдокия (Евдокия) Федоровна Никитина (Плотникова; 1895—1973) — литературный критик, редактор; организатор литературных вечеров «Никитинские субботники» и председатель правления одноименного издательства. Сохранилось заявление Нельдихена в издательство «Никитинские субботники» о принятии его в члены и об издании книги «К истории ленинградской литературы 1919—1927» (РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 57).

⁶⁶ Свободным стихом (*фр.*).

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

тричнее” этих стихов, да и в евфоническом отношении более тонко организована».

Юрий Тынянов. Проблема стихотворного языка. Л., 1924.

«<...> Нельдихен стихи ориентирует на прозу, прозу на стихи, и обратно; и так до бесконечности: применение диалектического метода в искусстве слова».

Ив<ан> Грузинов⁶⁷. «В хвост и в гриву». Поэзия и реклама. (По корректуре: «Поэты наших дней», Антология. Союз поэтов, Москва, 1924) // Гостиница для путешественников в Прекрасном. 1924. № 4.

«ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ»

Анкета для членов Союза

Состоит членом В. С. П.
с 23/III 1925 г.
по Ленингр<адскому>отделению

ВОПРОСЫ:

1. Фамилия, имя, отчество
2. Литературный псевдоним
3. Число, год и месяц рождения
4. Национальность
5. Социальное происхождение
6. Образование (домашнее, низшее, среднее, высшее, специальное, знание иностранных языков)
7. В каком возрасте начали писать

ОТВЕТЫ:

Нельдихен Сергей Евгеньевич
1891 г., 27 сент<ября>
р<усский>
Харьк<овский> унив<ерситет>

⁶⁷ Иван Васильевич Грузинов (1893—1942) — поэт, критик, участник группы имажинистов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

8. Где и когда напечатано Ваше первое литературное произведение 1917 г. *Кр<асный> Балт<ийский> Флот*⁶⁷
9. Перечислите издания (газеты, журналы, сборники и пр.), в которых Вы участвовали:
 - а) до 1914 г.
 - б) с 1914 г. по 1917 г.
 - в) с 1918 г. по настоящее время
10. Имеются ли у Вас отдельные издания (книги, листовки, брошюры, сборники, собрания сочинений), перечислите их (с указанием заглавия, автора предисловия, если таковое имеется, года и места напечатания, издательства и количества страниц) *кн<иги> Ось, Органное многоголосье, Праздник, Глянца на новобранца*⁶⁸, *пъесы в изд<ательстве> Труд и книга*⁶⁹
11. Имеются ли у Вас законченные, но не напечатанные рукописи (их название)
12. Укажите известные Вам переводы Ваших произведений на иностранные языки *у Гельмерсена*⁷⁰ *на нем<ецкий> яз<ык>*

⁶⁷ Вероятно, год указан ошибочно. Газета «Красный Балтийский Флот», печатный орган Политотдела Балтфлота, выходила с весны 1919 г. *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

⁶⁸ Видимо, речь идет о книжке учебных стихов для красноармейцев «Веселый стишок — учебе в прок» (М.—Л.: Государственное военное издательство, 1926).

⁶⁹ Нельдихен предполагал издать сборник пьес, обозначенный в авторской библиографии, приложенной к «Фокифону».

⁷⁰ Василий Васильевич Гельмерсен (1873—1937) — переводчик, художник-силуэтист. В 1920-е гг. занимался переводом современной русскоязычной литературы на немецкий язык. В январе 1930 г. арестован по «академическому делу». *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

13. Укажите известные Вам постановки Ваших произведений на русской и иностранных сценах *«Промак», «Смычка» и др<угие> пьесы в колл<ективе> МГСПС⁷¹*
14. Укажите известные Вам критические статьи и отзывы о Ваших произведениях *в период<ической> печ<ати>*
15. Ваша литературная специальность (поэзия, беллетристика, критика, переводы, драматургия, редактирование и пр.) *поэзия<,> драматургия*
16. Ваши переводы с иностранных языков на русский и наоборот
17. Ваша основная профессия, место службы и получаемый оклад
18. Состоите ли членом профессионального союза и какого
19. Ваша партийность в прошлом и настоящем *Бес<партийный>*
20. Ваше отношение к воинской повинности *Беспр<очный> отп<уск> из⁷²*
21. Членом каких литературных организаций Вы состоите или состояли
22. Ваша общественная и политическая деятельность *сл<ужил> в Полит<отделе> Балтфлота, в Рабоч<ей> газете⁷³ в Москве и в ПУРе⁷⁴*

⁷¹ МГСПС — Театр Московского городского совета профессиональных союзов; ныне — Московский Академический театр имени Моссовета. *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

⁷² Вероятно, фраза не закончена. *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

⁷³ «Рабочая газета» — орган ЦК ВКП(б); издавалась в Москве с марта 1922 по январь 1932 г., сначала под названием «Рабочий», с июля 1922 г. — «Рабочая газета». *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

⁷⁴ ПУР — Политическое управление Реввоенсовета. *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

23. Ваш точный адрес и телефон *Мойка, 11, кв. 7*

24. Ваше семейное положение

Подпись *С. Нельдихен*

20 марта « » дня *1925 г.*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ:

Принят в число членов ЛО ВСП.

Протокол правления от 23.III.25 г.⁷⁶

Секретарь: *Гр. Шмерельсон⁷⁷*».

*Сергей Нельдихен. Ответы на анкету Ленинградского отделения
Всероссийского Союза Поэтов⁷⁸ // ИРЛИ, ф. 291. Оп. 2. № 61.
Л. 37. Публикация Т. А. Кукушкиной.*

«Ленинградское отделение
Всероссийского Союза Поэтов
Ленинград
Фонтанка, 50, кв. 26
Телефон № _____

№ _____

⁷⁶ Вписано рукой секретаря ЛО Союза поэтов Г. Б. Шмерельсона. *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

⁷⁷ Григорий Бенедиктович Шмерельсон (1901—1943) — поэт, один из основателей и «генеральный секретарь» «Ордена воинствующих имажинистов».

⁷⁸ На типографском бланке; ответы — карандашный автограф. Анкета заполнена при вступлении в Ленинградское отделение Всероссийского Союза поэтов (1924—1929), созданного по инициативе Г. Б. Шмерельсона. В июне 1923 г. Нельдихен был включен в предполагаемое будущее правление Петроградского отделения под председательством М. А. Кузмина (В. А. Рождественский, Г. Б. Шмерельсон, Конст. Эрберг, А. В. Золотницкий, Е. Г. Полонская, Н. С. Тихонов), но в организации Союза не участвовал и в окончательный состав правления не вошел. Союз возглавлял пролетарский поэт И. И. Садофьев, с 1927 г. — Н. С. Тихонов. Конъектуры заключены в угловые скобки; рукописные тексты даны курсивом. *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

АНКЕТА

1. Фамилия, имя, отчество *Нельдихен Сергей Евгеньевич*
2. Возраст *род<ился> 1891 г.*
3. Социальное происхождение *из интеллигентов*
4. Род занятий [и место службы] *сотрудн<ик> Веч<ерней> Кр<асной> газет<ы> и Бегемот<а>*⁷⁹
5. Социальное положение до Октября 1917 г. *студ<ент>*
6. Партийность и полит<ические> убеждения *беспарт<ийный>*
7. Род занятий и место службы:
при царизме студ<ент>
с февраля по октябрь 1917 г. служ<ил> во флоте
с Октября 1917 г. по наст<оящее> время поэт
8. Судимость *нет*

Дата *5 марта 1926*

Подпись *С. Нельдихен*

Просьба заполнить настоящую анкету и в 3-х **дневный срок**⁸⁰ доставить по вышеуказанному адресу; в противном случае, согл<асно> циркуляра Губисполкома за № 37926, Вы будете исключены из списков членов В.С.П.

Секретарь Правления: *М. Фроман*⁸¹».

*Сергей Нельдихен. Ответы на анкету Ленинградского отделения Всероссийского Союза Поэтов*⁸² // ИРЛИ, Ф. 291. Оп. 2. № 61. Л. 38. Публикация Т. А. Кукушкиной.

⁷⁹ Имеется в виду сатирический журнал «Бегемот» (1924—1928), приложение к «Красной газете». *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

⁸⁰ Сверху приписка рукой секретаря правления ЛО Союза поэтов М. А. Фромана: «не позже 6<-го> с<его> м<есяца>». *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

⁸¹ Михаил Александрович Фроман (Фракман; 1891—1940) — писатель, поэт, переводчик.

⁸² На типографском бланке; ответы — автограф. Анкета заполнена для ежегодной перерегистрации членов Союза поэтов, в ходе которой Нельдихен был исключен «за неучастие в работе Союза и неуплату членских

«Другой пример с Н. Тихоновым и С. Нельдихиным. Оба они почти одновременно, на собственные гроши, издали первые книжечки своих стихов — “Орду” и “Гортанное многословье” или “Органное многоголосье”, что-то в этом роде. И в результате — “Орда” выдвинула Тихонова на одно из первых мест мастеров современности, а “Гортанное многословье” камнем на дно забвения опустилось».

*Илья Садофьев*⁸³. Победители и побежденные // Красная новь. 1926. № 2.

«Сергей Евг. Нельдихен.
Преображенская 19 кв. 3. 106-26».

Даниил Хармс. Записная книжка 6. 7 мая — после июня 1926 г. / Д. Хармс. Полное собрание сочинений. Записные книжки. Дневник. Книга 1. СПб., 2002.

«(“Собрание стихотворений”. Ленингр<адский> союз поэтов. Л., 1926. 80 стр. Цена не обозначена). Трудно давать характеристики, оценки поэтов: здесь можно говорить лишь об отдельных стихах, отдельных удачах и неудачах; так, например, можно бы отметить излишний педантизм образа у Сергея Нельдихен<а>: его “развернутая” метафора в “Весеннем ситце” напминает развернутый тюк коробейника, — тут, в двадцати строчках, и ситец, и пуговицы, и обметка, и прошивки, и пахучее мыло, и зеленые нитки, и воротники, и рубашки-разлетаики, — одним словом, как в детской игре:

Ленты, кружево, ботинки,
Что угодно для души...»

*Валентина Дынник*⁸⁴. Право на песню (О лириках) // Красная новь. 1926. № 12.

вносов». С 1927 г. в списках ленинградского Союза он уже не значился. Конъектуры заключены в угловые скобки; рукописные тексты даны курсивом. *Примеч. Т. А. Кукушкиной.*

⁸³ Илья Иванович Садофьев (1889—1965) — революционер, пролетарский поэт и критик.

⁸⁴ Валентина Александровна Дынник (Соколова; 1898—1979) — переводчица, литературовед, специалист по старофранцузской литературе.

«Возьмем, например, следующие стихотворные строки:

- Вот почему я такой радостный,
А кровь у меня, как у всех людей,
С разными там инфузорными палочками!..
Но все-таки удивительно,
Если вспомнить мое прошлое,
Отчего я как-то сам по себе знаю все, что мне нужно,
Отчего стал я радостным, успокоенным, дерзающим,
Безгрешным, нечувствующим ни к кому ни малейшей злобы,
Требующим только одного от своих современников —
- Они должны знать мою фамилию;
Отчего ощутил себя человеком будущего,
Нелюбящим ни религии, ни таинственностей, ни отечества...

Если эти стихи мы напечатаем прозой, сплошь, то в прозаических строках исчезнет ритмическое намерение автора, фраза сольется, и мы потеряем стихотворную канву, определяющую композицию данного произведения».

Борис Томашевский. Теория литературы. Поэтика. 2-е испр. изд. М.-Л., 1927.

«Однажды осенью 1927 года на литературном вечере в Доме печати я обратил внимание на двух мужчин, брюнета и русого. Особенно на брюнета, потому что он был в визитке и, как положено в таком случае, в серых в черную полоску брюках. Десять лет тому назад началась советская эпоха. Костюм брюнета казался мне диковинным. Я поинтересовался, и мне сказали, что брюнет в визитке — поэт-символист Владимир Пяст. <...> Русоволосый, беседовавший с Пястом, был высок, очень худошав. Мне сказали, что он тоже поэт, и зовут его Сергей Нельдихен.

В тот вечер я услышал выступление Нельдихена, читавшего свои стихи.

В следующем году я познакомился с Сергеем Евгеньевичем Нельдихеном. Он решил переехать в Москву (раньше он жил в Ленинграде), но в Москве у него не было своей жилплощади. Он попросил у ме-

ня временного пристанища. Я согласился, и вот как-то утром он явился ко мне со всеми своими пожитками. В небольшом свертке были: старенькое байковое одеяло, подушечка-думка, две его книги — стихотворный сборник “Органное многоголосье” и пьеса “Фокифон”, написанная белыми стихами.

Бывая у меня, Юрий Олеша познакомился с Нельдихеном. Олеше настолько понравилось одно стихотворение <“В моей столовой на висящем блюде...”> Нельдихена, что он запомнил его наизусть».

*Филипп Гопп*⁸⁵. В те недавние времена // Звезда. 1975. № 9.

«Пришел Нельдихен в приличной каракулев<ой> шапочке и достойном пальто».

Илья Ильф. Запись, сделанная между октябрем 1927 и февралем 1928 г. / И. Ильф. Записные книжки М., 2000.

«Стихотворец Нельдихен явился на заседание конструктивистов с заявлением, будто я украл у него размер⁸⁶, но он согласен замять это дело, если в новом издании я помещу эпиграмму и на него, Нельдихена».

Илья Сельвинский. Встречи с Маяковским // Октябрь. 1963. № 9.

⁸⁵ Филипп Ильич Гопп (1906—1978) — писатель.

⁸⁶ В начале 1928 г. вышла книга Ильи Сельвинского «Записки поэта: Повесть», в поэтике которой Нельдихен без труда обнаружил непосредственное сходство со своим поэмороманом «Праздник», а в отдельных чертах ее главного героя Евгения Нея — с самим собой. Особенно показателен, например, «Евгений Ней. 1903—1926. Критико-биографический очерк», напоминающий первую главу первой части «Праздника». В авторской библиографии он охарактеризовал книгу так: «пародия — рецензия по поводу книг С. Нельдихена (в скрытом виде)» (ОПИС. С. 31), в статье «Основы литературного синтетизма» назвал «перифразировкой». В № 66 «Вечерней Москвы» от 19 марта 1928 г. появилась статья «Есть ли авторское право на литературную форму?» за подписью «А. Кут.» (Александр Владимирович Кутузов, 1892—1942). Поскольку у Нельдихена несколько лет не выходило книг, он счел этот жест со стороны Сельвинского резко враждебным и начал требовать реакции литературной общественности. Так как ее не последовало, Нельдихен даже обратился с заявлением во Всероссийский союз писателей (см. ниже, на с. 471).

«<...> СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН — “С 19-й стр.”. “Всероссийский союз поэтов”. 1929.

<...> Дело в том, что мертвецы разгуливают, что они даже объединяются. Более того, есть даже попытки окончательно воскреснуть, приспособившись к подходящим социальным силам в стране и занявшись даже “новаторством”. Таков С. Нельдихен <...>.

С. Нельдихен, видите ли, основатель новой школы, “синтезизма”, объединяющего приемы прозы и поэзии. На самом деле, конечно, “синтезизм” сводится только к дальнейшему упрощению и введению разговорности в ткань позднеакмеистических стихов (типа Н. Оцупа и т. п.). Но опять-таки дело не в том, насколько нов или не нов нельдихеновский синтезизм. Несомненно, что элементы нового имеются, ибо творчество Нельдихена есть попытка совершенно опустошенного интеллигента опереться на действительно новую общественную силу, именно — новую буржуазию. Вот программа Нельдихена:

Но ясно и бесспорно лишь одно:
Всё самое живучее живет.

Нельдихен — за непосредственные радости жизни, за то, чтобы “не отставать и не обгонять” ее движения. Он против всякой перспективы, всяких углублений и проблем. Но Нельдихен, тем не менее, отнюдь не сторонник пассивного растворения “в течении” жизни. О нет! Нельдихен заявляет, что

Всё лучшее в стране всегда стремится
К уму, портфелю, кошельку страны.

Он — за живучесть, а не просто жизнь. Он — за активность, но активность беспринципного хищника и карьериста, имеющего мускулы (как говорится в одном из стихотворений Нельдихена) и совершившего “единую ошибку”: “продавшего рояль”. Он за то, чтобы приобрести этот рояль.

Апология нэпмана — вот объективный классовый смысл живучести нельдихеновской поэзии. И неудивительно, что у Нельдихена

имеются злбные, хотя и вполне замаскированные эпиграммы на наше строительство:

Индустрия, неграмотность и перспективы

(маскировка достигается тем, что Нельдихен якобы просто заинтересован экзотическими началами слов: индус, негр и перс). Неудивительно также, что Главлит больше половины — 19 страниц — этого манифеста классового врага в области поэзии запретил. И любопытно еще одно: ведь установка Нельдихена только чуть-чуть отличается от установки БОД'а⁸⁷. Поразительно, как легко эта установка обращается на потребу Нельдихена.

Стихи Нельдихена художественно мало значительны, с точки зрения литературно-политической — очень показательны. <...> Голосами мертвых начинает говорить живой классовый враг, исторически обреченный на смерть, но еще живущий и живучий. Мертвецы наступают. Нельдихен — это воинствующий особняк <...>. Мертвецы пытаются влить в себя новые соки. Есть организация, которая им в этом помогает. Тут пора поставить вопрос о деятельности Всероссийского союза поэтов. В течение последних лет Всероссийский союз поэтов двинул на книжный рынок огромное количество самого реакционного, что только сохранилось в нашей литературе. <...> Не довольствуясь этим, Всероссийский союз поэтов, как это уже отмечалось в “Комсомольской правде”, организует вечера в советской

⁸⁷ Имеется в виду статья теоретика конструктивизма Корнелия Люциановича Зелинского (1896—1970) «БОД», написанная в форме разговора с неизвестным телефонным собеседником (Октябрь. 1929. № 6. С. 182—188). В ней, в частности, автор декларировал: «Я предлагаю организовать БОД. БОД — это банк общественного доверия. Представьте себе, что общество дает мне кредит на индивидуализм...» (С. 188). За статьей следовало полемическое «Открытое письмо-поручение Корнелию Зелинскому» рапповца Иуды Гроссмана-Рошина (1883—1934) (Там же. С. 188—193). Затем вышла статья критика Алексея Селивановского (1900—1934) «Господин БОД и советская литература» («Литературная газета». 1929. № 20. 2 сентября).

школе, в советских клубах, пытается создать себе аудиторию. Не пора ли сделать выводы? Не пора ли сказать гражданам Нельдихенам <...>: подальше от советской литературы! И не пора ли сказать решительное слово о тех организациях, той литературной среде, которая вскармливает таких поэтов?»

*Адриан Македонов*⁸⁸. <Рецензия> // На литературном посту. 1929. № 21—22. Ноябрь.

«Поднимая вопрос вообще, о таких явлениях литерат<урного> быта, как “скрытый плагиат”, “перехватыванье”, “совпадения” и т. п., — прошу назначить беспристрастную комиссию для выявления случаев “совпадений” в отношении меня с другими авторами, при частозлостной замалчиваемости меня. Подробные объяснения будут представлены мною комиссии. <...>»

Р. С. В случае, если и этому заявлению не будет дан ход, — у меня опять будет предлог говорить о “замалчиваемости” меня».

Сергей Нельдихен. Заявление в ВСПП⁸⁹ от 25 ноября 1929 г. // ИМЛИ. Ф. 386. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1.

«Прения были крайне малочисленны и недостаточно впечатляющи. <...> Нельдихен просклонял несколько раз “тезис-антитезис” и покинул трибуну, торжественно преподнес докладчику свое сочинение “из трех страниц”».

*Мих<аил> Беккер*⁹⁰. Задачи марксистской критики (На докладе тов. И. Беспалова⁹¹ в Союзе советских писателей) // Литературная газета. 1929. № 33. 2 декабря.

⁸⁸ Адриан Владимирович Македонов (1909—1994) — критик, историк литературы, член правления Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) с 1929 г.; автор первой книги о Н. Заболоцком (1968).

⁸⁹ Правильно: ВССП — Всероссийский союз советских писателей, до сентября 1929 г. назывался ВСП — Всероссийский союз писателей.

⁹⁰ Михаил Иосифович Беккер (1900—1942) — литературный критик.

⁹¹ Иван Михайлович Беспалов (1900—1937) — литературный критик, редактор ряда журналов, сотрудник агитпропа ЦК ВКП(б).

«Считая, что Всероссийский союз поэтов уже бесспорно доказал свою несостоятельность как общественная организация, и всякие попытки исправить положение вещей в нем — безнадежны, — я выхожу из состава членов Союза поэтов с надеждой, что литературная общественность поддержит меня в этом моем решительном поступке. Союз поэтов может существовать только как совершенно новая организация, которая должна быть образована после закрытия нынешней».

Сергей Нельдихен. Письмо о выходе из Всероссийского союза поэтов // Литературная газета. 1929. № 34. 9 декабря.

«Из Союза поэтов ушел и болтаться с заведомо отсталыми не намерен».

Сергей Нельдихен. Из письма Леониду Борисову от 21 декабря 1929 г. // Коллекция А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург).

«В доме печати. Герцель⁹² и поэт Нельдихен. Он изобрел новую теорию “диалектического развития революции”⁹³ и послал ее Эйнштейну. Эйнштейн ответил: он считает эту теорию смелой и талантливой. Его книжка “Он пришел и сказал”. Забавный человек».

Константин Паустовский. Запись в дневнике от 16 апреля 1930 г. — К. Паустовский. Из дневников (20—30-е годы). // Мир Паустовского. 2000. № 15—16.

«Типичным представителем вырождающейся буржуазной поэзии является С. Нельдихен, выпустивший в прошлом году две книги сти-

⁹² Герцель Самойлович Новогрудский (1904—1973) — журналист, писатель.
⁹³ Видимо, речь идет о пока не обнаруженной работе «Основы теории спирального шара», указывавшейся Нельдихеном в автобиографиях под 1929 г. (ОПД. С. 29. ГМ-1. Л. 27). В ГМ-1 запись выглядит так: «Главнаука НарКомПрос. — контроль над вывоз<ом> за гр<аницу>; удостов<ерение> № 1744; 29/V; Теория спирального шара». Возможно, эта запись и говорит о разрешении, выданном Комиссией контроля над вывозом за границу научных и научно-художественных ценностей при уполномоченном Наркомпроса, на отсылку текста Альберту Эйнштейну. Там же к 1931 г. отнесена следующая загадочная запись: «Казл<ит>. 26/XII; Основы теории спирального шара; г. Алма-Ата. 7—167».

хов — “С девятнадцатой страницы” и “Он пришел и сказал”. Стихам предшествует авторское предисловие, в котором Нельдихен почти неприкрыто противопоставляет свое “синтетическое творчество” нашей современности, апологетируя “искусство для искусства”, проповедуя “успокоенность восприятия”:

“Неудовлетворенность стихом имеет оправдание или в созданной исчерпанности стихотворного материала; или в авторском творческом ‘выдохе’, или в причинах, подчиняющих слово задачам не непосредственно литературным и тем ослабляющих как бы значение и достоинства искусства и ближайших участников его” (Нельдихен. “Основы литер<атурного> синтетизма”. Книга “С 19-й страницы” 1929 г. ВСП). Синтетическая форма, пропагандируемая Нельдихеном, характеризуется: §7. “Успокоенность восприятия (т<ак> н<азываемая> ‘классическая, вернее, синтетическая’) мира, чувств, ритмов, как протест против отрывочности, ударности, динамизма, пафоса, истеричности, характерных в динамичное время”. Все это сопровождается невразумительным кокетством с терминами диалектики. Основное в творчестве Нельдихена — претензия на философичность. Изрекаемые им афоризмы показывают, что перед нами представитель гибнущей, а потому житейской приспособляющейся социальной группы:

“Стремится вся страна в столичный город,
где больше денег и поближе к власти...”

“Всё лучшее в стране всегда стремится
к уму, портфелю, кошельку страны...”

“Искусство жить важнее искусства слова,
нужнее музыки умение лгать...”

“День складывается не по приказам,
а как уложится он сам с собой
в борьбе простых житейских интересов...”

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

“Нельзя отстать от грузовоза жизни,
тем более его опережать”.

“Жизнь” — современная социальная действительность представляется поэту “ларьком с товаром второсортным в заманчивой дешевой упаковке”. Со всем этим “гармонически соединен” циничный эротизм (напр. “влажное междупальчие”, которое влюбленно описывает поэт), беззубый скепсис, а нередко и прямые выпады по отношению к социалистическому строительству. Современную общеполитическую экономическую ситуацию Нельдихен характеризует, как “индустрию, неграмотность и перспективы”. Данная фраза поэта преподносится, как изысканный формальный “кунштюк”, как “словоигрушка”, но это, конечно, не меняет сути дела.

Схожа с Нельдихеном фигура некоего Бориса Зубаткина⁹⁴ <здесь и далее так!> (книга “Медведь на бульваре”). У него тоже есть нотки примирения с жизнью, жажда найти какое-то внутреннее равновесие (“все в свое дыхание уместить”). Порождается этот мотив отсутствием возможности активной борьбы:

“И я б хотел валять врага —
Да вот, валяю дурака
И в потный бубен бью”.

Мотивы упадка, разочарования, неустроенности и бесцельности жизни (“А я. Мне некуда поехать. А я. Мне некуда спешить.”) превалируют над всем остальным. Поэт ощущает себя как злорадно брошенную щепку, “закрученную в водовороте”, он уже “барахтаться устал”, с ним в “час ночной” “вальсирует” и “неврастения”. В стихотв<орении> “Поэту” Б. Зубаткин отождествляет себя с “американским жителем”, который при нажиге резинки бессмысленно

⁹⁴ Борис Михайлович Зубакин (1894—1938; расстрелян) — философ, историк культуры, поэт-импровизатор, автор единственной книги стихов, о которой здесь идет речь (М.: Издание Всероссийского союза поэтов, 1929. 56 с.).

всплывает и тонет в стеклянной банке. “Довольно Вам, не жмите”, — в отчаянии восклицает поэт. Зубаткин поет восторженные оды алкоголю, который нужен поэту для того, “чтоб падать в лужи на карачки”. Поистине смехотворное зрелище, показывающее степень величайшего духовного обнищания буржуазной поэзии.

И Нельдихен и Зубаткин страшно претенциозны по отношению к истории своей личности. Первый помещает в конце одной из своих книг полный список афиш и вечеров с участием автора. Так мы можем узнать, напр., что творец “синтетического стиля” 23 апреля 1929 г. выступал в “Саду Совторгслужащих” в гор. Москве, в Курзале в Кисловодске... Б. Зубаткин любезно сообщает, что “первые сюиты с прозаическими рефренами автор начал вводить с 1914 г. в Озерках”».

*Анатолий Тарасенков*⁹⁵. <Рецензия на книги С. Нельдихена «С девятнадцатой страницы» и «Он пришел и сказал» и книгу Б. Зубаткина «Медведь на бульваре».> 4 мая 1930 г. // РГАЛИ. Ф. 2587. А. К. Тарасенков. Оп. 2. Ед. хр. 23.

«В среду секретариат ФОСП⁹⁶ должен был решить вопрос:

— Существует ли Всероссийский союз поэтов, и если существует, то где?

Об этом запросил Федерацию писателей Наркомпрос.

Но на кой ляд Всероссийский союз поэтов — Наркомпросу? Ведь союз поэтов это что-то очень давнишнее: есенинская кабацкая Москва, знаменитое “Стойло Пегаса”, чудачества поэтических забулдыг, “путешествовавших в прекрасном”.

Все это давно умерло, истлело, выветрилось. Советский писатель понял, что литература — политическое дело. Советский писатель стал бойцом и участником революционной борьбы, стал запевалой на со-

⁹⁵ Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909—1956) — литературовед, литературный критик, библиофил, составитель книги «Русские поэты XX века. 1900—1955. Библиография» (М., 1966).

⁹⁶ Федерация объединений советских писателей, образованная 27 декабря 1926 г.

циалистической стройке. А тот, кто не сумел или не захотел им стать, тот исчез из советской литературы: всерьез и навсегда.

Наше литературное сегодня — это писательские ударные бригады; это — работа в колхозе; это — призыв ударников в литературу; это — разворачивание деятельности ЛОКАФ⁹⁷.

Кто станет сегодня вспоминать о Всероссийском союзе поэтов? У лесов мощной сегодняшней стройки кто станет рыться в строительном мусоре, отыскивать полусгнивший щебень кабацкого прошлого?

Наркомпрос вспомнил о Всероссийском союзе поэтов потому, что ВСП продолжает свою плодотворную деятельность.

Время от времени на книжном рынке появляются поэтические новинки — маленькие изящные книжки с маркой:

“Издание Всероссийского союза поэтов”.

Но финансовые органы тщетно пытаются получить налоги с издательских операций ВСП. По старому адресу — Тверской бульвар, 25 — он давно не проживает. Новый — никому неизвестен. А группа бывших членов бывшего союза бывших поэтов, не тревожимая налоговыми обязательствами, продолжает выпускать книжки под таинственной маркой Всероссийского союза поэтов, о котором все давно знают... что его нет.

— Издательская марка — только побочный “литературный признак”.

А иной раз, — вовсе и не литературный, —

предупреждает С. Нельдихен в эпиграфе к своей книжке “Он пошел дальше”.

Правильно! В данном случае, например, издательская марка — вовсе не литературный признак. Она — признак того, что кто-то спе-

⁹⁷ Литературное объединение Красной армии и флота, созданное в июле 1930 г.

кулирует именем бывшего союза поэтов, обманывает Главлит и управляет читателя вредной рифмованной пошлятиной.

<...>

Эпиграфом к ней <книге “Он пришел и сказал”> служат такие знаменательные слова:

— Дела моих соседей —

Это еще не значит — мои дела.

Дела Нельдихена действительно сильно отличаются от того, чем заняты все мы — его соседи. Так Нельдихен советует:

— Считай, откуда желаешь, всех женщин мимоидущих, — какая из них могла бы тебя лицом порадовать. Знай, — ближе семьдесят второй не попадет тебе. — Я подсчитывал. Если же приятнее тебе лица мужские, можешь тоже проделать и с ними. Полезное шаловливое занятие!

Другое полезное шаловливое занятие С. Нельдихена описывается им так:

Я — с первым словом: «дай займы полтинник»,
И в большинстве полтинник получаю,
А иногда и рубль, а иногда и больше, —
Так в день и наберется сколько надо.
И я потрачу это подаянье,
И усмешкой тихой, только мне присущей,
На прихоть, сладости и на табак,
На кружку тихого вина и пива.

В результате Нельдихен не без оснований приходит к мрачным мыслям.

Например:

У меня все не как у порядочных людей.

Или:

И часто мудреца свободное дерзанье
Приемлется, как пошлость балаганья.

После сборника “Он пришел и сказал” свободное дерзанье С. Нельдихена выразилось в выпуске новой книжки, которая называется “Он пошел дальше”. Эта охота к перемене мест, очевидно, объясняется враждебной фининспектору философской концепцией С. Нельдихена:

Нет, не додуматься им никогда.
Что добросовестно платить налоги
Еще не значит быть достойным жизни.

Здесь С. Нельдихен пишет такое:

— Наконец-то, мои интересы совпадают с интересами общежития.

Но тут же добавляет:

— Людям понадобилась опережающая мысль и зрелость, — правда, только по поводу планировки бетонных построек...

Как понимать такое “совпадение” интересов Нельдихена с интересами общежития? К концу того же стихотворения Нельдихен забывает о всяком “совпадении” и возвращается к старым шаловливым занятиям:

— Найдутся у меня поинтереснее занятия, — например, доказывать себя и вырваться из сожительства с заведомо мне неподобными.

С. Нельдихен упорно вырывается “из сожительства” с советской действительностью, сочиняя экстравагантную дребедень, которую он деликатно называет “изобретательством в искусстве”.

К каждой книжке С. Нельдихена приложен список статей, фельетонов, рецензий, писем в редакции и даже... афиш, в которых так или иначе упоминается его имя.

Неужели и этот фельетон окажется в таком “библиографическом” списке⁹⁸, приложенном к очередной книжке с маркой Союза поэтов на обложке?

Всероссийский союз поэтов не существует. Остались “разделенные души” отдельных поэтов, которые, прикрываясь именем союза, выпускают сборники реакционных и пошлых стихов.

Эти стихи — неизвестно почему — пропускались Главлитом в 1930 году. Они на прекрасной бумаге печатались в Первой образцовой типографии Госиздата, в школе ФЗУ.

<...> Эти издания, распространяемые по всему СССР, — больше чем “шаловливые занятия” С. Нельдихена.

Под флагом советской литературной организации (ВСП, Тверской бульвар, 25, Дом Герцена, — указано в главлитовской карточке) — совершалось литературное вредительство. Тысячи книжек проводили в массы чуждую, мещанскую, махрово-реакционную идеологию.

Расследовать это дело, положить раз и навсегда конец вчерашнему Союзу поэтов и сегодняшним “изданиям Союза поэтов”, — задача не только органов контроля, но и всей писательской общественности.

*Д. Кальм*⁹⁹, *Б. Рест*¹⁰⁰. Вместо некролога: Шаловливые занятия «разделенных душ» // Литературная газета. 1930. № 56 (93). 29 ноября.

⁹⁸ Нельдихен действительно указал ссылку на эту статью в библиографическом приложении к книге «Гражданское мужество» (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 26).

⁹⁹ Д. Кальм (Давид Семенович Кальмеер) — сын крупного иркутского купца и мецената С. С. Кальмеера, критик, сотрудник редакции «Литературной газеты»; автор статьи «Против халтуры в детской литературе», направленной против С. Маршака и К. Чуковского; с декабря 1935 г. работал в газете «Известия»; в годы ВОВ был корреспондентом Совинформбюро.

¹⁰⁰ Б. Рест (Юлий Исаакович Рест-Шаро; 1907—1984) — писатель, критик, сотрудник редакции «Литературной газеты».

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

«Прошу включить меня в одну из поездок ударных бригад ВСПП».

Сергей Нельдихен. Заявление в ВСПП от 2 ноября¹⁰¹ 1930 г. // ИМЛИ. Ф. 386. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 2. В левом верхнем углу резолюция: «Отсрочить. ЛМ».

«В ночь 20—21 апреля меня посадили. 9 мая выпустили и предложили на 3 года уехать в Казахстан, в Алма-Ату. Вот что случилось! Конечно, ни при каких других обстоятельствах я бы не очутился в азиатчине. Выехал из Москвы 18 мая, безо всяких конвоев, самостоятельно».

Сергей Нельдихен. Из письма Леониду Борисову из Алма-Аты от 9 октября 1931 г. // Коллекция А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург).

«Тут был у нее <Б. А. Бабиной¹⁰²> на днях поэт Нельдихен: птичья рожка, вспухшее самолюбие, орал о конструктивистах, акмеистах и еще каких-то столь же никому не нужных поэтических “школах” и течениях. Было скучно, я ушел к себе играть в шахматы».

Евгений Тарле. Из письма Ольге Тарле из Алма-Аты от 14 сентября 1931 г. // Академическое дело 1929—1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2. Ч. 2. СПб., 1998.

«Искреннеуважаемый Борис Михайлович<!>

Я долго и тщательно думал, кому бы послать мою литературу. Остановился на двух-трех, по-моему, безупречных литературных людях — в том числе и на Вас.

Нечего и говорить, что я весь помыслами своими в Ленинграде. Нисколько не сомневаюсь, что та скромная литер<атурная> работа, которую я Вам посылаю, в Ваших руках сохранится.

¹⁰¹ В машинописи напечатано латинской цифрой; очевидно, все-таки декабря.

¹⁰² Берта Александровна Бабина-Невская (Змойро; 1894—1983) — революционерка, член партии эсеров, с 1917 г. — левых эсеров; в ссылках и лагерях провела с 1922 по 1955 г.; в 1931—1934 гг. отбывала ссылку в Алма-Ате.

<Приписанная строка> У меня еще вышла книга¹⁰³, но у меня ее нет.

Совершенно искренний привет примите».

Сергей Нельдихен. Письмо Борису Эйхенбауму из Алма-Аты от 10 июня 1933 г. // РГАЛИ. Ф. 1527. Б. М. Эйхенбаум. Оп. 1. Ед. хр. 515. <Л. 1.>

«Из поэтов, “вскормленных революцией”, мы знали Тихонова. Знали Нельдихена (куда исчез этот интереснейший Уот Уитмен в российском издании, автор “Моей биографии”¹⁰⁴, которого Пяст считал гениальным, а Гумилев, любя, называл апостолом глупости<?>»).

Николай Оцуп. О поэтах и поэзии в СССР // Числа. 1933. Кн. 7—8.

«2 июня <...> Затем вдруг вваливается Нельдихен. Очень постарел, но какая-то поэтическая нелепость в нем есть».

«31 <августа> <...> Потом уж сам по себе, и довольно некстати, двинулся Нельдихен со своими горями и своей пьесой¹⁰⁵».

Михаил Кузмин. Записи в дневнике 1934 г. / М. Кузмин. Дневник 1934 года. / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г. Морева. СПб., 1998.

«Вечером пришли двое учащихся. <...> Во время нашего разговора вошел какой-то молодой человек, назвавший себя поэтом Нельдихен. Он удивился, что я его не знаю и не читал его вещей. Живет он, по его словам, в нашем доме <ул. Литераторов, д. 19> у кухни. С одним из учащихся он оказался знакомым, заговорил с ним о его отце, называя его знаменитым меценатом, инженером Бронштейном¹⁰⁶,

¹⁰³ О какой книге идет речь, непонятно.

¹⁰⁴ Видимо, подразумевается первая глава первой части поэморомана «Праздник», названная по аналогии со стихотворением М. Кузмина «Моя родословная».

¹⁰⁵ Вероятно, речь идет о неопубликованной пьесе «Достойный Козьма Прутков» (РГАЛИ. Ф. 672. Оп. 1. Ед. хр. 618).

¹⁰⁶ Сведений о нем найти не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

и очень удивился, что я не знаю этого мецената. Нельдихен, чувствуя, что мешает нашему разговору, скоро ушел <...>».

Павел Филонов. Запись в дневнике от 19 ноября 1934 г. / П. Филонов. Дневник. СПб., 2000.

«Прочти, дорогой Николай Семенович.

Как ты, наверное, заметил — я обращаюсь к тебе только в самых крайних и действительно вынужденных случаях, стараясь никого из своих товарищей вообще лишней раз не беспокоить. Я убедился, что не только те, кому вообще знать ничего не положено от природы и кто вообще не способен что-либо знать, — не имеют обо мне никакого представления, но и те, на чьи знания я имел основание надеяться и ценить их, — оказалось, — никто точно меня не знает: что я за такое, что сделал, к чему стремлюсь, чего добивался и добиваюсь. Ведь нельзя же объяснять некою глупостью моею ту некоторую настойчивость, которую я всегда проявлял, стремясь в литературу и проживая в ней порядочное количество времени. Глубоко уверенный в том, что я кое-чего достиг и мои попытки не остались в ней бесследно, но по всяким побочным обстоятельствам остаются невоскресшими и недостаточно осознанными другими, даже очень литературными людьми, — я прошу (и о чем просил неоднократно) устроить мой литературный вечер (творческий отчет) в Союзе Писателей, на котором я, понимая, конечно, ответственность свою, — и расскажу, что же я такое в литературе. Конечно же, я сам знаю себя лучше, чем кто-либо другой знает меня, тем более что Ленинград остановился на узнавании меня чуть ли не восемь лет назад, да и недостаточно точно понимал меня и тогда, — а ведь надо же предполагать, что за последующие годы я и вырос и созрел и что-нибудь да сделал!

Только, к сожалению, не всё дошло до публики, а тем более до Ленинграда, где я не был столько лет. Это — сплошное недоразумение считать меня чем-то отставшим. Во всяком случае, я больше всего боюсь всякого стандартного о себе мнения, — а инерция забывать меня уже грозит мне со всех сторон. Это, по-моему, большая ошибка не пускать меня снова к литературной жизни, что в данный период времени “меня никто еще или уже не знает”. Я еще чувствую себя ни-

каким не мертвецом — а потому, опираясь на будущее и даже на самое ближайшее время, — уверен, что я с помощью действительно литературных людей сумею доказать это.

Благодарю за бытовую мне помощь, и теперь настало время помочь мне литературно, самым естественным и простым способом — дать мне возможность проявить себя хотя бы в устной форме — литературного вечера в Клубе Писателей, который наконец-то начал “функционировать”.

Прошу Союз Писателей в твоём лице предоставить мне эту возможность.

Совершенно ясно, что единственное мое желание в данное время сводится к тому, чтобы попасть в Союз наравне со всеми моими литературными сверстниками, а не быть на каком-то задворочном положении горкомовского бездаря. Горком, кстати сказать, ликвидируется, — и я остаюсь совершенно вне литературной общественности, как не член никакой литературной организации, и мне поэтому всюду приходится терпеть неуспехи, и никак не двинуться вперед после всего мною пережитого. Ты, видимо, не представляешь себе, как трудно начинать, когда у тебя оскорблено и самолюбие, не говоря уже о тех претяжелых условиях бытовых, которые я с твердостью выдержал на своих плечах, но которые не сломили ни мое литературное рвение, ни настойчивость. Ведь на это же необходимо обратить самое серьезное внимание. Я сам себе удивляюсь, как я еще бодр!

И к кому же, как ни к тебе, Федину, Слонимскому и вам подобным, — мне обращаться?

Обрати на мои слова внимание и поддержи меня. Я убедился, разговаривая с Фединым, что даже он представляет меня только как автора “двухполовиноаршинных кукол” и больше никак, при всем его доброжелательстве ко мне.

Я хочу быть в Союзе Советских Писателей. Никаким ретроградом я себя никогда не чувствовал. Не знаю, насколько это замечали другие.

Относительно Союза: в первые дни моего приезда я попал на организацию Союза и выбора в члены. Я на первых порах по твоему же совету воздержался от подачи заявления в расчете на то, что я еще не

был оформлен в Ленинграде в праве жить в нем, и по причинам тебе понятным. В дальнейшем, прошло несколько пустых для меня месяцев: то конференция, то подготовка к Съезду, то сам Съезд, то отъезд писателей после Съезда, то другие события...

Кроме того, паспорт я получал месяца три, жил в кухне, в сыром угле, потом возня с комнатой, — потом опять некоторое беспокойство с оформлением паспорта в связи с Кировскими событиями и т. д. и т. д.

Наверное, никто не догадывается, сколько это все мне стоило всяких побочных от литературы и хлопот и переживаний! И, несмотря на это, я обходил все редакции (правда, безуспешно, и именно по причинам, далеко не имеющим прямого отношения к качеству моих вещей, — наверное, тебе мало известно, и ты просто не веришь, как на литературного обывателя влияет то пятно, каким заклеимен был я), — несмотря на очень тяжелое положение, я сумел написать и о К<озьме> Пруткове, и приняться за написание романа¹⁰⁷, который я сейчас пишу, и закончить до 20 маленьких пьес-сцен¹⁰⁸, которые в любое время могут быть переделаны мною в рассказы, и походить в реперткомы...

Не всю вину я могу взять на себя в том, что я еще не напечатан. Но постепенно и это придет. Тебе, наверное, не видно, сколько редакционных порогов я обил на своем веку и совсем не бездельничаю. И, видишь, — я благополучно еще существую, — странный я человек!

Несобирающийся умирать

Нельдихен.

Я очень понимаю, как тебе всякое клянченье литературных “неудачников” надоело. Но я немного, как мне кажется, на особом положении: мне всего нужно еще очень немного помощи.

¹⁰⁷ Возможно, речь идет о дважды объявлявшемся в авторских библиографиях (СДС. С. 32; ОПИС. С. 32), но, скорее всего, так и не написанном романе «Дети Николая II-го».

¹⁰⁸ Две неопубликованные одноактные пьесы «В 1919 году» и «Казенные вещи» сохранились (РГАЛИ. Ф. 652. Оп. 7. Ед. хр. 2105, 2106).

Без твоего категорического согласия помочь мне, конечно, ни один Беспамятнов¹⁰⁹ ничего не сделает, и твое отношение отражается на отношении ко мне всего Союза. О том же я попрошу Федина, Слонимского и других близких и тебе и мне действительно литературных людей.

Заседаний Президиума в Союзе, кажется, бывает мало. Хотя когда-нибудь вызвали бы меня да потолковали, — а то все решается как-то заочно. Я сам возьмусь за хлопоты по устройству моего вечера.

Важно твое согласие и передача его в Союз — Беспамятнову и еще не знаю кому. Конечно, на вечере я буду касаться только литературных вопросов. Это ошибка утверждать, что все меня забыли».

Сергей Нельдихен. Письмо Николаю Тихонову от 3 марта 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 1172. Н. С. Тихонов. Оп. 1. Ед. хр. 171.

«Прочел в его <Нельдихена> архиве вырезку из газеты, где сообщалось, что просят вернуть поэту С. Е. Нельдихену утерянный чемодан с рукописями. “Это я сообщил для рекламы, чтобы запомнилось имя поэта Нельдихена”, — говорил он мне».

Георгий Сукованченко. Беглые заметки о поэте-друге Сергее Евгеньевиче Нельдихене. — А. Л. Дмитренко. О воспоминаниях С. Е. Нельдихена // De Visu. 1994. № 1/2 (14).

«В № 16 “Литературного обозрения” напечатана рецензия С. Нельдихена на книгу стихов Шефнера¹¹⁰. Жив, курилка! Где он был эти годы? Я уверен был, что он сгинул в лагерях. Я познакомился с ним, когда был залитом в Студии Хмелева¹¹¹, и он принес пьесу о Козьме Пруткове, очень неудобоваримую и нелепую. Он приходил ко мне осенью 1935 года в мою комнатенку на Мало-Афанасьевском и рас-

¹⁰⁹ Виктор Васильевич Беспамятнов (1903—1938) — литератор, ответственный секретарь Ленинградского отделения Союза советских писателей.

¹¹⁰ Вадим Сергеевич Шефнер (1915—2002) — поэт, писатель-фантаст.

¹¹¹ Николай Павлович Хмелев (1901—1945) — актер, режиссер, ученик К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, создатель Театра-студии (1932).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

сказывал мне часами о Цехе Поэтов в начале революции, о смерти Гумилева и пр.»

*Александр Гладков*¹¹². Запись в дневнике от 20 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2590. А. К. Гладков. Оп. 1. Д. 81.

«В последние годы он <Нельдихен> стал писать мемуары, кое-что я читал. Например, про его жизнь в начале мировой войны 1914 года. <...> Написал про Маяковского очерк-воспоминание¹¹³. Носил для печати в музей Маяковского, не приняли».

Георгий Сукованченко. Беглые заметки о поэте-друге Сергее Евгеньевиче Нельдихене. — А. Л. Дмитренко. О воспоминаниях С. Е. Нельдихена // *De Visu*. 1994. № 1/2 (14).

«В Дом Искусств попал я однажды, там был вечер поэта Сергея Нельдихена, он читал поэму “Праздник”. Высокий, стройный, худой юноша в широкой блузе художника, с повязанным на шее черным бантом, с узким лицом, он держался как модный поэт и, видимо, кому-то подражал, не то Бальмонту, не то Северянину. Двадцать лет спустя, весной 1941 года, я вновь встретил его в Москве. Он приходил в редакцию “Литературного обозрения”, брал книжки на рецензию. Литературная жизнь его сложилась неудачно, успеха он не добился. Я напомнил ему о Ленинграде начала двадцатых годов, о его дебюте. Нельдихен оживился, обрадовался. Через несколько дней он принес и подарил мне три свои тоненькие книжки, изданные Союзом Поэтов в Москве в 1929 и 1930 годах. Они и тогда уже стали библиографической редкостью. Вскоре началась война, я потерял Нельдихена из виду».

*Федор Левин*¹¹⁴. Петроград 1922—1924. / Ф. Левин. Из глубин памяти. Воспоминания. М., 1984.

¹¹² Александр Константинович Гладков (1912—1976) — драматург, киносценарист.

¹¹³ Л. Чертковым и Т. Никольской указывалась надпись на книге из частного собрания: «В 1927 году Маяковский, получив эту книгу, сказал: “Многоголосье — о-го-го. Это хорошо”» (NRLA. С. 100).

¹¹⁴ Федор Маркович Левин (1901—1972) — критик, литературовед.

Приложение 2

Краткая летопись жизни и творчества

1891

27 сентября (9 октября). Родился в Таганроге в семье отставного генерала Евгения Альбертовича Нельдихена, участника русско-турецкой войны 1877—1878 гг., бывшего начальника 1-го Тифлисского лазарета.

1892—1900

Детство, проведенное в Ростове-на-Дону. Домашнее воспитание.

1900

Поступление в мужскую гимназию в Ростове-на-Дону.

1902

Весна. Перевод в «казенный пансион» — вероятно, один из кадетских корпусов. Место обучения неизвестно.

1910—1915

Учеба в Харьковском университете (предположительно, на физико-математическом факультете).

1916

Военная служба. Пребывание на фронте. Самострел.

1917

Февраль — октябрь. Служба «лейтенантом» на Балтийском флоте. Увольнение от службы. Появление в Петрограде.

1918

Ноябрь — декабрь. Знакомство с Н. Гумилевым, Вс. Рождественским, Г. Ивановым, Н. Оцупом и др. Посещение собрания литературного общества «Арион», чтение там ранних «надсоновских» стихов.

1919

1-е полугодие. Работа мастером по ремонту пишущих машинок. Чтение лекций морякам Балтийского флота о борьбе с грызунами.

Сентябрь — декабрь. Участие в литературной жизни. Написание стихов, вошедших в книгу «Ось».

Ноябрь. Начало учебы на втором семестре студии «Всемирной литературы».

1920

1-е полугодие. Издание книги «Ось» (в свет не вышла).

15 марта. Выступление на вечере в Доме искусств.

4 июля. Учредительное собрание Петроградского отдела Всероссийского союза поэтов в помещении Петроградской вольной философской ассоциации (Вольфила), на котором его председателем был избран Блок, а Нельдихен казначеем.

27 июля. Выступление на вечере в Доме искусств.

Август — сентябрь. Написание первых глав первой части поэморомана «Праздник».

7 сентября. Выступление (вместе с В. Пястом) в помещении вокзала г. Слуцка (бывшего Павловска) Петроградской губернии.

11 сентября. Выступление на вечере в Доме поэтов.

2-я половина сентября. Вступление в Петроградское отделение Всероссийского союза поэтов. Поселение в Доме искусств (наб. Мойки, д. 59, кв. 30).

3 октября. Участие в первом общем собрании Петроградского отделения Всероссийского профессионального союза писателей.

6 октября. Выступление (вместе с Н. Гумилевым, М. Лозинским, И. Одоевцевой и др.) на вечере в Доме искусств с чтением начальных глав первой части «Праздника».

Декабрь. Вступление в новообразованный «Цех поэтов».

1921

14 января. Выступление на вечере в Театре культурного просвещения Фабрики изготовления государственных знаков.

Середина февраля. Выход альманаха «Дракон» с публикацией первой главы первой части «Праздника».

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

- 17 февраля. Выступление (вместе с Г. Ивановым, О. Мандельштамом, Вс. Рождественским, Н. Оцупом, И. Одоевцевой и др.) в Доме искусств после лекции В. Пяста «Новые победы».
- 27 февраля. Выступление на вечере в Доме поэтов.
- 2 марта. Участие в собрании «Цеха поэтов».
- 16—18 марта. Публикация теоретической статьи «Пути русской поэзии» в газете «Жизнь искусства».
- 20 апреля. Выступление (вместе с Н. Гумилевым, Г. Ивановым, О. Мандельштамом, В. Ходасевичем, Вс. Рождественским, Н. Оцупом, И. Одоевцевой, А. Оношковиц-Яцыной и др.) на вечере «Цеха поэтов» в Доме искусств.
- 27 апреля. Выступление (вместе с Н. Оцупом и В. Пястом) на вечере в Доме печати (Москва).
- Июнь. Командировка «в район Сестрорецка для приискания дачи для Союза <поэтов>».
- 4 июля. Участие в открытии «Клуба Союза поэтов» в помещении Союза (в доме Мурузи).
- 2-я половина июля — 2-я половина августа. Пребывание в Холомках и Бельском Устье (Порховский уезд Псковской губернии) в летней колонии Дома искусств.
- 28 августа. Выступление в Доме поэтов после доклада Г. Адамовича «О современном поэте».
- Середина сентября. Выход «Альманаха Цеха поэтов» (кн. 2) с публикацией третьей и шестой глав первой части «Праздника».
- 31 октября. Вечер в Доме искусств. Анонс: «Сергей Нельдихен: “Праздник” (поэма-эпопея) с музык<альным> сопровождением фисгармонии» (*Летопись Дома литераторов*. № 1. 1921).
- Начало ноября. Выход альманаха «Дом искусств» (№ 2) с публикацией второй главы первой части «Праздника».
- 19 и 21 декабря. Выступления на вечерах в Зале Лассалья (бывшей Городской думе).

1922

- 1-е полугодие. Участие в литературных постэгофутуристических группах «Аббатство гаеров» и «Кольцо поэтов им. К. М. Фанова».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

- Январь.* Выход книги «Органное многоголосье». Объявление: «Вышла книга Сергея Нельдихена — “Органное многоголосье”» (*Жизнь искусства*. № 5. 31 января 1922).
- Февраль.* Выпуск (вместе с А. Скорбным) в «Аббатстве гаеров» листовки «Отрывки из писем великих людей».
- 27 февраля.* Выступление (вместе с Г. Адамовичем, Г. Ивановым, Н. Оцупом, И. Одоевцевой, В. Пястом, К. Вагиновым и др.) на вечере «Цеха поэтов» в Доме искусств.
- Весна.* Публикация в «Петербургском сборнике “Поэты и беллетристы”» восьмой главы первой части «Праздника».
- Середина мая.* Выход «Альманаха Цеха поэтов» (кн. 3) с публикацией девятой главы первой части «Праздника».
- Июнь — сентябрь.* Пребывание (с выездами в Петроград) в Холомках и Бельском Устье (Порховский уезд Псковской губернии) в летней колонии Дома искусств.
- Июль.* Публикация теоретической статьи «Мысли о современной русской литературе» в журнале «Книга и революция».
- 24 июля.* Выступление на вечере Северной группы биокосмистов (иммортиалистов) в бывшем музыкальном магазине К. К. Шредера (просп. 25-го Октября, д. 52).
- 10 сентября.* Выступление на поэтическом вечере в «Народном театре» (Порхов).
- 2-я половина сентября.* Завершение поэморомана «Праздник». Отъезд из Холомков в Петроград.
- 17 октября.* Выступление на вечере в Доме искусств.
- 17 ноября.* Публикация статьи «Общественно-литературная жизнь Петрограда» в берлинской газете «Накануне».
- Начало декабря.* Выход альманаха «Эмоционалистов» «Абрассас» (№ 2) с публикацией седьмой главы второй части «Праздника».
- Середина декабря.* Выход «Альманаха Петербургского объединения обновленного искусства» (вып. 1) с публикацией «Посвящения» к «Празднику».
- 20 декабря.* Выступление на вечере в Зале кружка любителей камерной музыки в Петрограде.

1923

1-е полугодие. Проживание по адресу: ул. Герцена, д. 14.

Февраль. Выход альманаха «эмоционалистов» «Абраксас» (№ 3) с публикацией первой главы второй части «Праздника».

17 мая. Выступление на вечере Воинствующего ордена имажинистов в Государственном институте музыкального просвещения (Петроград).

11 сентября. Выступление на вечере в Государственном театре им. Воровского (Порхов).

23—31 сентября. Публикации стихов и прозы в литературном приложении к газете «Псковский набат».

26—28 сентября. Выступления на вечерах в кинотеатре «Модерн» (Псков).

Октябрь. Отъезд в путешествие по Украине. Написание пьесы «Фокифон» (1-й вариант; утрачен).

1924

7 января. Выступление на вечере в Театре музыкальной комедии (Ростов-на-Дону).

Январь. Выход в Таганроге книги «Праздник» со второй частью поэмомана. Возвращение из путешествия по Украине. Проживание по адресу: просп. Майорова, д. 21.

4 и 24 апреля. Выступления на вечерах в Дом печати (Москва).

31 мая. Выступление на вечере в клубе Северолеса (Москва).

10 июня. Выступление на вечере в Большом зале Консерватории.

Осень. Публикация стихотворения «Ощупай радостно свои мужские мышцы...» в антологии Всероссийского союза поэтов «Поэты наших дней».

1925

3 января. Выступление на вечере в Политехническом музее (Москва).

Март. Вступление в Ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов.

5 или 6 декабря. Выступление (вместе с Н. Клюевым, Н. Тихоновым, И. Садофьевым, В. Кавериным и др.) в зале Государственной академической капеллы (наб. Мойки, 20) на вечере, устроенном Ко-

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

миссией по улучшению быта ученых (КУБУЧ) «для пролетарского студенчества».

1926

1-е полугодие. Несостоявшаяся публикация пьесы «Фокифон» (2-й вариант). Членство в МОДПиК (Московском обществе драматических писателей и композиторов). Проживание по адресу: просп. Володарского, д. 15.

13 и 22 марта. Выступление на вечере в зале Государственной академической капеллы (Ленинград).

2-е полугодие. Исключение из Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов. Выпуск книжки учебных стихов для красноармейцев «Веселый стишок — учебе в прок». Переезд в Москву. Вступление во Всероссийский союз поэтов в Москве.

Осень. Публикация стихотворения «Отдых» (1-я редакция) в антологии «Собрание стихотворений» Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов.

18 декабря. Выступление на вечере в Доме печати (Москва).

2-я половина декабря. Публикация стихотворения «Из комнаты» в альманахе Всероссийского союза поэтов «Новые стихи».

1927

1-е полугодие. Выход ленинградского альманаха «31 рука» (сб. 1) с публикацией стихотворений «Весенний ситец», «Монолог неопасного человека» и «Отдых» (2-я редакция).

Осень. Выступление на вечере в Доме печати (Москва).

Октябрь. Публикация стихотворения «Конец путешествию» в журнале «Звезда».

1928

31 марта и 1 апреля. Выступления на вечерах в Политехническом музее (Москва).

20 мая. Выступление на вечере в зале Государственной академии художественных наук (Москва).

2-е полугодие. Вступление в объединение «Никитинские субботники».

1929

1-е полугодие. Выпуск сборников стихов «С девятнадцатой страницы» и «Основы литературного синтетизма». Выпуск книжки учебных стихов для красноармейцев «Перед тем, как выйти в бой, эти правила усвой».

3 января. Выступление на вечере во Всероссийском союзе поэтов.

Июнь — июль. Отсылка научной работы «Основы теории спирального шара» А. Эйнштейну.

23 июля. Выступление на вечере в «Саду совторгслужащих» (Москва).

Конец августа. Поездка на Кавказ.

18 сентября. Выступление на вечере в «Курзале» (Кисловодск).

27 сентября. Возвращение в Москву.

9 декабря. Публикация письма о выходе из Всероссийского союза поэтов в «Литературной газете».

2-я половина декабря. Выпуск сборника стихов «Он пришел и сказал».

1930

1-е полугодие. Выпуск сборника стихов «Он пошел дальше».

2-е полугодие. Выпуск детских книг «Веселые чертежники», «Прогулка», «Где Гришенька?» и «Девять слов» (два издания).

1931

20 апреля. Арест.

18 мая. Отъезд в ссылку в Алма-Ату (Казахстан).

Лето. Выпуск пояснительной брошюры к серии киноплёночных диапозитивов «Детский труд и изобретательство».

Начало июля. Чтение доклада о поэзии в Казахском педагогическом институте.

14 июля. Выход разгромной статьи И. Волгина «Дать жестокий отпор шарлатанам, стремящимся опорочить имя поэтов революции» в № 46 (232) газеты «Ленинская смена», явившейся откликом на доклад, где о докладчике говорилось, что «свинья из колхоза “Красный Восток” гораздо больше разбирается в литературе».

9 октября. Письмо Л. Борисову с описанием обстоятельств ареста и высылки.

1931—1934

Отбывание трехлетней ссылки в Алма-Ате. Работа над книгой «Гражданское мужество». Публикация статей в местной периодике.

1933

10 июня. Письмо Б. Эйхенбауму с приложением черного варианта книги «Гражданское мужество» (ГМ-1).

1934

Лето. Возвращение из ссылки. Прописка в Калининe. Появление в Ленинграде. Проживание по адресу: ул. Литераторов, д. 19. Встречи с М. Кузминым. Знакомство с П. Филоновым. Написание пьесы «Достойный Козьма Прутков». Попытки ее напечатать и поставить.

1935

3 марта. Письмо Н. Тихонову с просьбой о помощи в организации литературного вечера.

2-е полугодие. Знакомство с Г. Сукованченко.

1936

Нелегальное проживание в квартире Г. Сукованченко в Москве по адресу: ул. Герцена, д. 9/2, кв. 10.

1937

Работа консультантом в «Пионерской правде» и в Доме художественного воспитания детей. Написание отзывов о стихотворениях школьников. Прописка в Малоярославце.

1938

Смерть матери Н. в Ростове-на-Дону.

1940—1941

Женитьба (вероятно, фиктивная) на чертежнице Антонине Григорьевне Шиховой (1900/1901—?). Прописка в Москве. Рецензирование книг для «Литературного обозрения».

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1941

29—30 июня. Арест (вероятно, как «немецкого шпиона») и конфискация архива.

1942

Смерть в ГУЛАГе. Обстоятельства и дата гибели неизвестны.

Алфавитный указатель стихотворений

- «А время идет, нисколько не интересуясь...» 195
«А теперь загляну вот в это окошко...» (Праздник (Илья Радалёт),
поэмороман, ч. 2, I) 73
«Арифмометр изобретен. А рифмометр?» 195
- «Безбожник, церкви враг, развратник старый...»
(Средневековье) 31
«Берусь я вести сегодняшнее наше собрание...» (Праздник (Илья
Радалёт), поэмороман, ч. 2, IV) 81
«Бирюзою перстня божьего...» (Праздник <(Илья Радалёт)>,
поэмороман, ч. 1, VIII) 67
«Большая добросовестность при отчете...» 218
«Бывает подлая погодка...» (Пейзажи) 187
«Быть молодым достаточно забавно...» (Интеллигенты) 192
- «В зеленовато-лунной мгле...» 169
«В который раз весна девица...» (Весенний ситец) 116
«В моей столовой на висящем блюде...» 30
«В небе выключили вентилятор...» (Праздник <(Илья Радалёт)>,
поэмороман, ч. 1, IV) 56
«В один прекрасный день собрать бы всех живущих...» 161
«В определенном возрасте у всех...» 210
«В церковь не пошел к заутрене...» (Пасха в этом году (В детский
журнал)) 41
Вверху («Извозчиком в тулупе синем...») 167
Весенний ситец («В который раз весна девица...») 116
«Взял за ухо наполовину молодого человека...» (Дети и отцы) 147
«Властители владели площадями...» (У древнего памятника) 146
«Влечет настойчиво созвучье слов игривых...» (Словоигрушка) 122

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- «Вода спокойна между гор...» (Пейзажи) 187
- «Войди в город, стань, иль можешь прохаживаться, как захочется...»
(Искренность (Непринужденность), <I>) 129
- «Вот город, — издали бурьян и тополь...» (Конец путешествию, I) 105
- «Все эти нищие, бездомники, бродяги...» 220
- «Всегда найдется извратитель...» 199
- «Всё же досадно и грустновато, когда сдергивают, отслужившую
празднеству, иллюминацию...» (И всё-таки) 150
- «Всё подчинено первобытной психике человеческих возрастов...»
(<Обобщенные фразы>) 184
- «Всё чаще стала проникать в искусство...» 101
- «Вставлять суетливо оконные рамы...» 201
- «Вступающим с тобой в самодовольный спор...» 224
- «Всякое последнее оказывается предпоследним» 205
- «Государственные преступники всех стран, соединяйтесь!» 212
- «Да, жизнь — ларек с товаром второсортным...» (Из комнаты) 142
- «Давно пора узаконить защиту...» 99
- «Два города Москва и Ленинград...» (Конец путешествию, II) 107
- «Двадцать седьмое сентября тысяча девятьсот двадцать девятого года!»
(На север за солнцем) 151
- «Дела моих соседей — это еще не значит “мои дела”...» (Эпиграф
к сборнику «Он пришел и сказал») 171
- Дети и отцы («Взял за ухо наполовину молодого человека...») 147
- Детское («Кого ты, тетя, больше всего любишь, из вещей,
из кушаний, из птиц, из людей и из детей?») 125
- Дождь («Сигнальным шаром опустилось солнце...») 113
- «Досадует нередко кто к судьбе построже...» 206
- Древняя мудрость (Повторение) («Приходит к равнине бедный
еврей...») 197
- Еда («К сожалению, мне тоже надо кушать...») 189
- Единое в природе («Оказывается, что сахарин и тол...») 223
- «Ей крикнули: — Скорей воды...» 209

- «Если в городишке сносно слаженный духовой оркестрик
пожарников...» (<Обобщенные фразы>) 184
- «Если я тебя не знаю...» 100
- «Есть две различных простоты...» 99
- «Желал бы ты сам своими пальцами брезгливо потрогать...»
(<Обобщенные фразы>) 183
- «Женщина должна уметь недомыться» 190
- «Живи с писателем, писатель...» 101
- «“Живой человек” — это же и есть...» 100
- «Жизнь обновляется неведеньем подростка...» 170
- «За летние месяцы в печке набралось много бумаги...» (Праздник
<(Илья Радалёт)>, поэмороман, ч. 1, III) 54
- «Заглавными буквами Т...» (Праздник <(Илья Радалёт)>,
поэмороман, ч. 1, V) 57
- «Запрешь в общую клетку мышей...» 215
- «Засыпающий не должен думать о себе...» (Праздник (Илья Радалёт),
поэмороман, ч. 2, VII) 91
- И всё-таки («Всё же досадно и грустновато, когда сдергивают,
отслужившую празднеству, иллюминацию...») 150
- «И всё-таки нет никого...» (Эпиграф к сборнику «Органное
многоголосье») 171
- «И снова бесполезный год...» 216
- «И “чорт меня дернул родиться с душой и талантом”...» 205
- Из комнаты («Да, жизнь — ларек с товаром второсортным...») 142
- «Из получивших дар слагать слова и мысли...» 97
- «Извозчиком в тулупе синем...» (Вверху) 167
- «Издательская марка — только побочный “литературный признак”...»
(Эпиграф к сборнику «Он пошел дальше») 171
- «Интеллигент сделал не свое дело...» (<Обобщенные фразы>) 183
- Интеллигенты («Быть молодым достаточно забавно...») 192
- «Интересно услышать обо всем, о чем не говорят...» (<Обобщенные
фразы>) 183

- «Интересуешься ты что-то слишком мной...» (Пряатель) 201
 Искренность (Непринужденность) (<I>—III) 129—138
- «К сожалению, мне тоже надо кушать...» (Еда) 189
 «Как пепел, небо догорает...» 174
 «Какой редчайший сброд деревьев!» (Пейзажи) 188
 «Клетки под столом стоят...» (Страшный доктор (Подражание
 «детским» стихам)) 175
 «Ко мне заходят вечерами дети...» 208
 «Кого ты, тетя, больше всего любишь, из вещей, из кушаний, из
 птиц, из людей и из детей?» (Детское) 125
 «Кому вы кланяетесь, тополя?» (Пейзажи) 187
 Конец путешествию (I—II) 105—110
 «Кто курево и водку бросил...» (Плакат) 199
- «Лаборатория для медицинских исследований...» (Праздник <Илья
 Радалёт>, поэмороман, ч. 1, I) 49
 «Летними вечерами мы играем в прятки, в горелки, в жмурки...»
 (Праздник <Илья Радалёт>, поэмороман, ч. 1, VI) 61
 Любовь «лейтенанта флота» (Из кино-драмы) («На загражденья
 минные кривые...») 33
- Меланхолия (Перед радостью) («На площади по каменному
 полю...») 39
 Монолог неопасного человека («Приказываю вам любить
 меня!») 139
 «Мы отдохнем немного, сколько надо...» (Отдых) 118
 «Мясистый красный небольшой мешок...» (Радость) 40
- «На вопрос — а ты откуда?..» 206
 «На загражденья минные кривые...» (Любовь «лейтенанта флота»
 (Из кино-драмы)) 33
 На катке («Под ведомость разделявает лед...») 120
 «На площади по каменному полю...» (Меланхолия
 (Перед радостью)) 39

- «На рыжеватом глянцевоm картоне...» 186
 На север за солнцем («Двадцатьсeмьeе сeнтября
 тысячадевятисотдвадцатьдевятого года!») 151
 «На тополя, на ясени...» (Пейзажи) 188
 «На фисгармонии чердачных скважин...» (Праздник
 <Илья Радалёт>), поэмороман, ч. 1, IX) 68
 «Наверное, ссорятся и камни меж собою...» (Искренность
 (Непринужденность), III) 135
 «Наконец-то мои интересы совпадают с интересами
 общежития...» 158
 «Нарочно выбираю стих...» 204
 «Не бойся тех, кто на большом посту...» 179
 «Не всякий научный сотрудник — наученный сотрудник» 206
 «Не выяснено, — что такое умный, что такое глупый?»
 (Ум и глупость) 163
 «Не знаю почему, — но если при прощаньи...» 205
 «Не грызeаешься, — никeм не уважаешься» 98
 «Не понимать свои выгоды, свои потери...» 196
 «Нередко поэт переходит на прозу...» 97
 «Несвоевременна отсталость...» 100
 «“Неудобный” — это еще далеко не значит “негодный”»
 (<Обобщенные фразы>) 183
 «Нет, не уныние сплошное...» (Плоды) 178
 Новый Петроград («Простреленные окна магазинов...») 36
 Ночь («Что творится у цикад...») 213
 «Ночью я протяну к облакам жесткокожую руку...» (Человек
 человеку — волк (Вечер)) 37
 «Ну что тебе стоит произнести вместо “нет” всего два звука — “да”!»
 (Соблазн) 201
- «О времени моем искусственную повесть...» (*Посвящение*
 <из поэморомана «Праздник (Илья Радалёт)»>) 94
 «О невозможном существовать...» 195
 <Обобщенные фразы> (девять стихотворений) 183—184
 «Обычный читатель ждет от искусства...» 98

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- «Одни подменяют диалектический дипломатическим...» 195
- «Оказывается, что сахарин и тол...» (Единое в природе) 223
- «Окончательно обозлен на стихи!» 224
- «Орган выдыхает круглый воздух...» (Праздник <(Илья Радалёт)>, поэмороман, ч. 1, II) 52
- «Оригинальность часто обвиняют...» 99
- «От старости скрипит земная ось...» (Сонет) 29
- «Отдохнул, отмечтался, — пора домой...» (После отдыха) 119
- Отдых («Мы отдохнем немного, сколько надо...») 118
- «Отныне Скорбный Андрей...» 172
- «Отшельник-эскимос запряг собак...» 45
- «Ощупай радостно свои мужские мышцы...» 117
- Пальцем в грудь (Любопытство к мысли и любви) («Я мнил, что я какой-то особенный...») 143
- Пасха в этом году (В детский журнал) («В церковь не пошел к заутрене...») 41
- Пейзажи (шесть стихотворений) 187—188
- «Переоценки ценностей” в конце концов приводят к недооценкам ценностей» (<Обобщенные фразы>) 184
- Плакат («Кто курево и водку бросил...») 199
- Плоды («Нет, не уныние сплошное...») 178
- «По луне, по луне иду!» (Праздник (Илья Радалёт), поэмороман, ч. 2, II) 77
- «По электрической проводке...» 221
- «Побеждает — побежденное» 102
- «Поговорить вслух с самим собою...» (Искренность (Непринужденность), II) 133
- «Поговоришь с одним, другим, тридцатым...» 98
- «Под ведомость разделявает лед...» (На катке) 120
- «Подожди-ка, — часы бьют...» (Праздник (Илья Радалёт), поэмороман, ч. 2, V) 85
- «Пойми меня, “судьба”, “природа”, “дьявол”, “бог”...» 215
- Посвящение <из поэморомана «Праздник (Илья Радалёт)>» («О времени моем искусственную повесть...») 94

- После отдыха («Отдохнул, отмечтался, — пора домой...») 119
 «Потом окажется всё очень просто...» 203
 Поэт и прозаик («Поэт прочел стихи о носе, о воришке...») 121
 «Поэт — мечтатель...» 102
 «Поэт, обычно, в музыке не смыслит...» 101
 «Поэт прочел стихи о носе, о воришке...» (Поэт и прозаик) 121
 Праздник <(Илья Радалёт)> (поэмороман, ч. 1, I—IX) 49—69
 Праздник (Илья Радалёт) (поэмороман, ч. 2, I—VII) 73—93
 «Пресытился и властью и раздумьем...» (Семидесятники) 194
 «Приказываю вам любить меня!» (Монолог неопасного человека) 139
 «Приходит к раввину бедный еврей...» (Древняя мудрость (Повторение)) 197
 Приятель («Интересуешься ты что-то слишком мной...») 201
 «Простреленные окна магазинов...» (Новый Петроград) 36
- Радость («Мясистый красный небольшой мешок...») 40
 «Размеренный служебный платный день...» (Сосед) 111
 «Разрешите мне, Справедливость, немного поподличать!» 205
 «Расчет на то, что люди мало знают...» 100
 «Револьвер, кулак и ругань...» (<Обобщенные фразы>) 184
 «Решившим дельно раз и навсегда...» 211
 «Рубить сук, на котором сам сидишь...» 218
- «Самая страшная из вещей — часы...» (Часы) 185
 Семидесятники («Пресытился и властью и раздумьем...») 194
 «Сигнальным шаром опустилось солнце...» (Дождь) 113
 «Скажите, пожалуйста: тут живет Илья Радалёт?»
 (Праздник <(Илья Радалёт)>, поэмороман, ч. 1, VII) 63
 Словоигрушка («Влечет настойчиво созвучье слов игривых...») 122
 «Служаки, обыватели, пройдохи...» 219
 «Сны восхвалялись не одним поэтом...» (Пейзажи) 188
 Соблазн («Ну что тебе стоит произнести вместо “нет” всего два звука — “да”!») 201
 «Собиратели изящных книжных изданий...» 206

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- Сонет («От старости скрипит земная ось...») 29
Сосед («Размеренный служебный платный день...») 111
«Спать, спать и спать, — до тошноты устала...» (Электричество) 122
«Сперва надо знать, что надо знать, чтобы знать...» (<Обобщенные фразы>) 183
«Способность к музыке у соловья...» 223
Средневековье («Безбожник, церкви враг, развратник старый...») 31
«Стоит кувшин...» 200
«Стол для дежурного, свисток, печать...» 35
Страшный доктор (Подражание «детским» стихам) («Клетки под столом стоят...») 175
- «Так закипает медленно вода...» (Праздник (Илья Радалёт), поэмороман, ч. 2, III) 80
«Так о писателе нередко знает посторонний...» 98
«Талант всегда стремится доказать...» 97
«Талантливый бесспорно понимает...» 100
«Талантливый всегда оттуда начинает...» 101
«Только всё частное изменчиво (в движении)...» 195
«Только то хорошо, что в моменты создания...» 99
- У древнего памятника («Властители владели площадями...») 146
Ум и глупость («Не выяснено, — что такое умный, что такое глупый?») 163
«Умей читать стихи подряд...» 98
- «Форма обобщенной афористической фразы...» 206
- «Хотя бы коротко, хотя бы строчкой...» 202
«Хитрит с людьми природа, соблазняя...» 191
- Часы («Самая страшная из вещей — часы...») 185
«Человек может быть и одинок и заброшен» 190
Человек человеку — волк (Вечер) («Ночью я протяну к облакам жесткокожую руку...») 37

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- «Человек — это звучит почти как “чиновник”» 207
«Чем меньше у тебя учеников...» 101
«Чем шаблоннее, — тем понятнее...» 99
«Что творится у цикад...» (Ночь) 213
- Электричество («Спать, спать и спать, — до тошноты устала...») 123
«Энциклопедический словарь в стихах...» 223
<Эпиграфы к сборникам> (1—3) 171
«Это уже история — семнадцатый год...» 155
- «Я мнил, что я какой-то особенный...» (Пальцем в грудь
(Любопытство к мысли и любви)) 143
«Я потерял бы душу вновь...» 173
«Я представляю себе, как это происходит...» 160
«Яйцом куриным и коровьим маслом...» 205
- «Je donne, tu donne, elle donne, il donne...» (Праздник (Илья Радалёт),
поэмороман, ч. 2, VI) 88

Содержание

Данила Давыдов. Сергей Нельдихен: поэзия и репутация. . . . 7

ОСЬ <Книга стихов> (1919)

Сонет	29	353
«В моей столовой на висящем блюде...»	30	354
Средневековье	31	355
Любовь «лейтенанта флота» (Из кино-драмы)	33	—
«Стол для дежурного, свисток, печать...»	35	—
Новый Петроград	36	—
Человек человеку — волк (Вечер).	37	356
Меланхолия (Перед радостью).	39	—
Радость	40	—
Пасха в этом году (В детский журнал)	41	—

<ДОПОЛНЕНИЕ К «ОСИ»> (1920)

«Отшельник-эскимос запряг собак...»	45	356
---	----	-----

ПРАЗДНИК <(ИЛЬЯ РАДАЛЁТ)> Поэмороман. Часть первая (1920—1921)

I. «Лаборатория для медицинских исследований...»	49	358
II. «Орган выдыхает круглый воздух...»	52	360

СОДЕРЖАНИЕ

III. «За летние месяцы в печке набралось много бумаги...» . . .	54	361
IV. «В небе выключили вентилятор...»	56	—
V. «Заглавными буквами Т...»	57	—
VI. «Летними вечерами мы играем в прятки, в горелки, в жмурки...»	61	362
VII. «Скажите, пожалуйста: тут живет Илья Радалёт?»	63	—
VIII. «Бирюзою перстня божьего...»	67	—
IX. «На фисгармонии чердачных скважин...».	68	—

ПРАЗДНИК (ИЛЬЯ РАДАЛЁТ)

Поэмороман. Часть вторая

(1921 — сентябрь 1922)

I. «А теперь загляну вот в это окошко...».	73	363
II. «По луне, по луне иду!»	77	—
III. «Так закипает медленно вода...»	80	—
IV. «Герасим: Берусь я вести сегодняшнее наше собрание...» . .	81	—
V. «Подожди-ка, — часы бьют...»	85	—
VI. «Je donne, tu donne, elle donne, il donne...»	88	364
VII. «Засыпающий не должен думать о себе...»	91	—
<i>Посвящение</i>	94	365

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФРАЗЫ

(ФРАГМЕНТЫ)

(1920—1929)

«Талант всегда стремится доказать...»	97	367
«Из получивших дар слагать слова и мысли...»	—	—
«Нередко поэт переходит на прозу...»	—	368
«Не грызаешься, — никем не уважаешься»	98	—
«Обычный читатель ждет от искусства...»	—	—
«Так о писателе нередко знает посторонний...»	—	—
«Умей читать стихи подряд...»	—	—
«Поговоришь с одним, другим, тридцатым...»	—	—
«Давно пора узаконить защиту...».	99	—

СОДЕРЖАНИЕ

«Только то хорошо, что в моменты создания...»	99	368
«Есть две различных простоты...»	—	—
«Оригинальность часто обвиняют...»	—	—
«Чем шаблоннее, — тем понятнее...»	—	—
«Талантливый бесспорно понимает...»	100	—
«“Живой человек” — это же и есть...»	—	—
«Несвоевременна отсталость...».	—	—
«Расчет на то, что люди мало знают...».	—	—
«Если я тебя не знаю...»	—	—
«Все чаще стала проникать в искусство...»	101	—
«Живи с писателем, писатель...»	—	—
«Поэт, обычно, в музыке не смыслит...».	—	369
«Талантливый всегда оттуда начинает...»	—	—
«Чем меньше у тебя учеников...»	—	—
«Поэт — мечтатель...»	102	—
«Побеждает — побежденное»	—	—

NON COGITO ERGO SUM (СЛУЧАЙНЫЕ СТИХИ) (1923—1924)

Конец путешествию

I. «Вот город, — издали бурьян и тополь...».	105	369
II. «Два города Москва и Ленинград...»	107	370
Сосед	111	372
Дождь	113	—
Весенний ситец.	116	—
«Ощупай радостно свои мужские мышцы...»	117	—
Отдых.	118	373
После отдыха	119	—
На катке	120	—
Поэт и прозаик	121	—
Словоигрушка.	122	—
Электричество	123	—
Детское.	125	374

СОДЕРЖАНИЕ

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ФОРМА (1920—1929)

Искренность (Непринужденность)		
<I.> «Войди в город, стань, иль можешь прохаживаться, как захочется...»	129	374
II. «Поговорить вслух с самим собою...»	133	377
III. «Наверное, сорятся и камни меж собою».	135	—
Монолог неопасного человека.	139	—
Из комнаты	142	378
Пальцем в грудь (Любопытство к мысли и любви)	143	—
У древнего памятника.	146	—
Дети и отцы	147	379
И всё-таки	150	—
На север за солнцем	151	—
«Это уже история — семнадцатый год...»	155	—
«Наконец-то мои интересы совпадают с интересами общества»	158	—
«Я представляю себе, как это происходит...»	160	—
«В один прекрасный день собрать бы всех живущих...»	161	—
Ум и глупость	163	—

<РАЗРОЗНЕННЫЕ СТИХИ> (1921—1936)

Вверху.	167	380
«В зеленовато-лунной мгле...»	169	—
«Жизнь обновляется неведеньем подростка...»	170	—
<Эпиграфы>		
1. К сборнику «Органное многоголосье».	171	—
2. К сборнику «Он пришел и сказал»	—	—
3. К сборнику «Он пошел дальше»	—	—
«Отныне Скорбный Андрей...»	172	—
«Я потерял бы душу вновь...»	173	381
«Как пепел небо догорает...»	174	—

СОДЕРЖАНИЕ

Страшный доктор (Подражание «детским» стихам).	175	381
Плоды.	178	—
«Не бойся тех, кто на большом посту...»	179	382

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО

Книга стихов

(1923—1933)

<Обобщенные фразы>

«Сперва надо знать, что надо знать, чтобы знать...» . . .	183	385
«Интересно услышать обо всем, о чем не говорят...» . . .	—	—
«“Неудобный” — это еще далеко не значит “негодный”». . .	—	—
«Желал бы ты сам своими пальцами брезгливо потрогать...»	—	—
«Интеллигент сделал не свое дело...»	—	—
«Револьвер, кулак и ругань...»	184	—
«Если в городишке сносно слаженный духовой оркестрик пожарников...»	—	—
«“Переоценки ценностей” в конце концов приводят к недооценкам ценностей»	—	—
«Все подчинено первобытной психике человеческих возрастов...»	—	—
Часы	185	386
«На рыжеватом глянцево картоне...»	186	—

Пейзажи

«Бывает подлая погодка...»	187	—
«Вода спокойна между гор...»	—	—
«Кому вы кланяетесь, тополя?»	—	—
«Сны восхвалялись не одним поэтом...»	188	—
«Какой редчайший сброд деревьев!»	—	—
«На тополя, на ясени...»	—	—
Еда	189	—
«Человек может быть и одинок и заброшен»	190	—
«Женщина должна уметь недомыться»	—	—
«Хитрит с людьми природа, соблазняя...»	191	387

СОДЕРЖАНИЕ

Интеллигенты	192	387
Семидесятники	194	—
«Арифмометр изобретен. А рифмометр?»	195	—
«А время идет, нисколько не интересуясь...»	—	—
«Одни подменяют диалектический дипломатическим...»	—	—
«Только всё частное изменчиво (в движенъи)...»	—	—
«О невозможном существовать...»	—	—
«Не понимать свои выгоды, свои потери...»	196	—
Древняя мудрость (Повторение)	197	—
Плакат	199	388
«Всегда найдется извратитель...»	—	—
«Стоит кувшин...»	200	—
Соблазн	201	—
«Вставлять суетливо оконные рамы...»	—	—
Приятель	—	—
«Хотя бы коротко, хотя бы строчкой...»	202	—
«Потом окажется все очень просто...»	203	—
«Нарочно выбираю стих...»	204	389
«Яйцом куриным и коровьим маслом...»	205	—
«И “чорт меня дернул родиться с душой и талантом”...»	—	—
«Разрешите мне, Справедливость, немного поподличать!»	—	—
«Не знаю почему, — но если при прощаньи...»	—	—
«Всякое последнее оказывается предпоследним»	—	—
«Досадует нередко кто к судьбе поостроже...»	206	—
«На вопрос — а ты откуда?..»	—	—
«Не всякий научный сотрудник — наученный сотрудник»	—	—
«Собиратели изящных книжных изданий...»	—	—
«Форма обобщенной афористической фразы...»	—	—
«Человек — это звучит почти как “чиновник”»	207	—
«Ко мне заходят вечерами дети...»	208	390
«Ей крикнули: — Скорей воды...»	209	—
«В определенном возрасте у всех...»	210	—
«Решившим дельно раз и навсегда...»	211	—
«Государственные преступники всех стран, соединяйтесь!»	212	—
Ночь	213	—

СОДЕРЖАНИЕ

«Запрешь в общую клетку мышей...»	215	390
«Пойми меня, “судьба”, “природа”, “дьявол”, “бог”...»	—	391
«И снова бесполезный год...»	216	—
«Большая добросовестность при отчете...»	218	—
«Рубить сук, на котором сам сидишь...»	—	—
«Служаки, обыватели, пройдохи...»	219	—
«Все эти нищие, бездомники, бродяги...»	220	392
«По электрической проводке...»	221	—
«Способность к музыке у соловья...»	223	—
Единое в природе	—	—
«Энциклопедический словарь в стихах...»	—	—
«Вступающим с тобой в самодовольный спор...»	224	—
«Окончательно обозлен на стихи!»	—	—
ФОКИФОН. Пьеса (1923—1926)	225	392

ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОГО РАЯ

Статьи и воспоминания

(1921—1929)

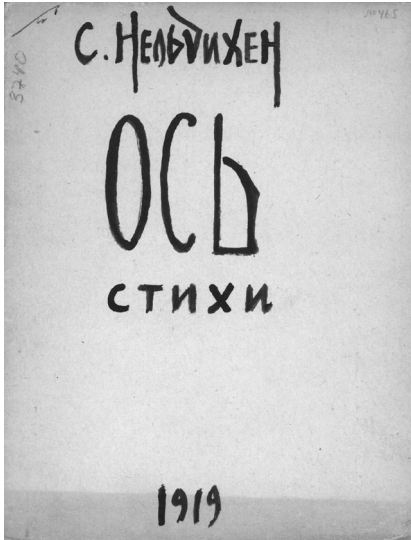
Пути русской поэзии	319	397
Мысли о современной русской литературе.	324	—
Общественно-литературная жизнь Петрограда	327	398
<Три отрывка из ненаписанных воспоминаний>	332	399
<Послесловие к поэмороману «Праздник»>	335	400
Лев Лунц. <Некролог>	339	401
Основы литературного синтетизма	341	402
Максим Амелин. Примечания	347	

ПРИЛОЖЕНИЯ

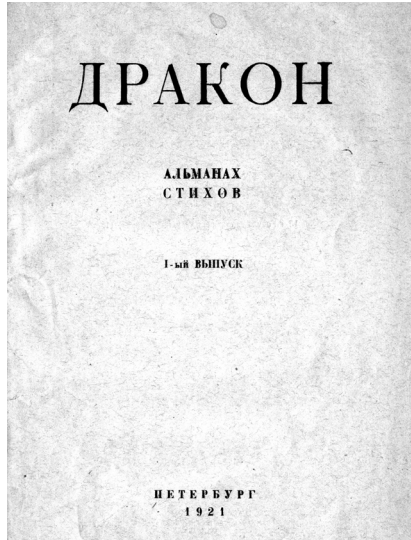
Приложение 1. Материалы к биографии. Прижизненная критика. Воспоминания и отзывы современников.	405
Приложение 2. Краткая летопись жизни и творчества.	487
Алфавитный указатель стихотворений	496

Сергей Нельдихен. <1920—1921.> Вверху — владельческая надпись, сделанная
рукой Л. И. Борисова. Коллекция А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург)

Рукописная обложка невышедшей книги «Ось». <Петроград, 1920.> Коллекция М. С. Лесмана. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург)

Титульный лист альманаха «Цеха поэтов» «Дракон». Петербург, 1921

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТЕАТР (ЛОПЕ-ДЕ-ВЕГА.

В 1492 году была открыта Америка, в тот же год папа Грешама, и Испания осваивалась от владычества мавров. В тот же год отец колумбовской комедии Хуан-де-Вегас сочинил свои первые пьесы.

В течение средних веков лето в Италии нависало провидящим драматургического творчества, — вот почему знаменитый 1492-ой год получал для истории европейского театра символический смысл: Хуан-де-Вегас. Колумб открывает — создает свои первые пьесы.

От этого исторического момента до основания театра Лопе-де-Вегас проходит около ста лет.

Торрес Нарро, последователь Энцимира, стоит на том же пути творца, издателя, трагикомик и в жанровых картинах не отказываясь до бытовой манеры. В его пьесах явные намеки на антирелигиозные и светские направления. Иллюминация в творчестве нескольких десятилетий завершает постановку его драм. Вскоре драматическая манера Нарро находит себе поправителя.

Но не в пьесах Нарро, ни в пьесах Энцимира, не в пьесах чужих. Лопе-де-Вегас, ни в пьесах Энцимира, не в пьесах чужих.

Лопе-де-Вегас, как показатель того впечатления, которое «дети Кикота» произвели на лучшее уми: критик не мог не допустить, что Сервантес способен был написать слабые пьесы. Но и в этих слабых пьесах есть печальное место, а об одной из них («La Coplas») сам Лопе-де-Вегас говорил во восторженном.

Таковы предшественники Лопе-де-Вегас, из кружка и значительных. Лопе-де-Вегас (1562 — 1635) безупречно связан театрическим со своим предшественниками и самому учился от нас потребовал не только в смысле полноты тысяч пьес, написанных Лопе-де-Вегас, но классификация этих пьес, не верная их содержания. Не анализ их в смысле нахождения пунктов соизвещения с развитием и извращениями других драматургов, — если бы от нас потребовал не чего-то, что более или менее удачно продавали над творениями Лопе-де-Вегас, — все мы имели в тот момент...

ПУТИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

Конiec 19 в первые годы 20 века были периодом разочарований, неуверенности, томлений, что отражилось и в поэзии того времени, созданной романтично, идеалистически, символическую поэзию.

Первой эстетикой, как оказалось, был предвещавшим и предиком русской поэзии, наступило затем время классицизма, наступило затем время классицизма, наступило затем время классицизма.

Революция в поэзии, естественно, должна была идти по пути борьбы с символизмом, как с последним литературным течением.

Появились различные школы реалистических направлений, из которых одна завязала идею борьбы с символизмом (авангард), другие пошли дальше и начали бороться вообще со всем старым, не только в поэзии, но и в жизни (футуристы).

Наиболее действенным направлением футуризма является направление в поэзии, которое сводится к типу Маяковского. Это направление опирается на символические формы поэзии, но в то же время оно стремится к созданию новой поэтической формы.

Возможны также своеобразные варианты, которые сводятся к созданию новой поэтической формы, но в то же время оно стремится к созданию новой поэтической формы.

В отношении формы речи будут продолжаться культурно-творческие процессы, которые сводятся к созданию новой поэтической формы.

Все означенное неизбежно приводит к созданию новой поэтической формы, но в то же время оно стремится к созданию новой поэтической формы.

В это произведение не вступают никакие поэтические приемы, оно является лишь изложением фактов, которые сводятся к созданию новой поэтической формы.

Он был, собственно, не поэт и не критик, а поэт и критик, а поэт и критик, а поэт и критик.

В это произведение не вступают никакие поэтические приемы, оно является лишь изложением фактов, которые сводятся к созданию новой поэтической формы.

Применение поэтических приемов в фактической отношении может сводиться к употреблению аллитераций, ритмичности, согласных и диссонансов (внутренние рифмы) на всех ступенях, возможно употреблении звукоподражательных аллитераций.

В стихотворении — к употреблению поэтических приемов, метафор, образных, при чем можно предположить, что метафоры будут все более и более заменяться сравнениями.

Такая универсальная форма наподобие может отвлечь предположениями творчеством будущей поэзии, ибо позволяет свободно говорить о земном и, вообще, обо всем.

Поэты будут говорить так, чтоб создавать максимум впечатлений: — об «стремительном» — наиболее благоприятными словами, а иногда: — но — наиболее «приятными».

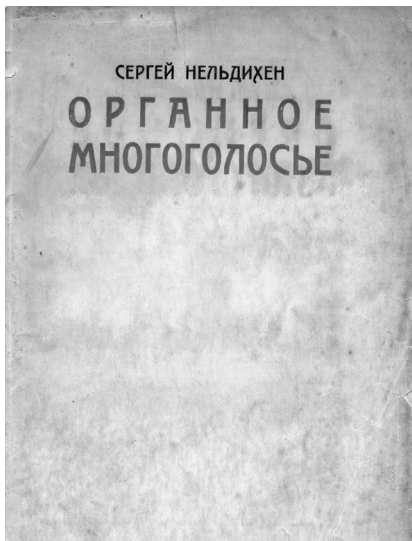
Высказанные предположения могут быть, не совсем новые, в этих направлениях, может быть, ведь, уже речеобразованное будущее вещь и состоит не в чем другом, как в развитии, систематизации, описании прошлого.

Новое всегда исходит из старого. Наше же будущее, в общности, представляется всяким образом стихотворения.

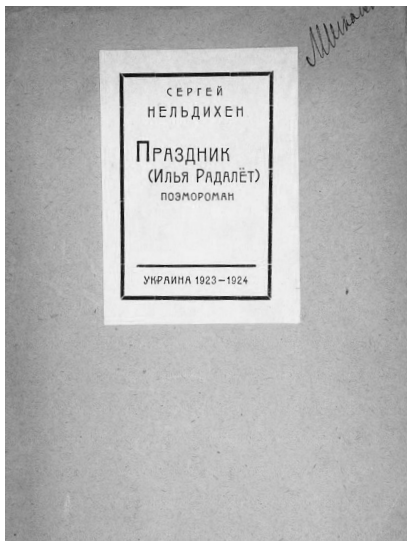
(Сергей Есенин)

ЦЕНА 8 РУБ.
За продажу №№ газеты по цене, выше указанной, виновные будут привлечены и ответственности.
№№ 694—695—696
Среда 16, Четверг 17, Пятница 18 Марта 1921 г.
Издание Петроградского Театрального Студийного театра.
Газета «Жизнь Искусства» в выходные дни Фридрих и Фридрих.
Редакция и Контора пресс: Воздвиженка, 46. Телефон Редакции 41027. Прием от 12—1 час.
Телефон типографии 147-15.
Подписка принимается по адресу: Петроград, ул. Фрунзе, 11 в зданиях и восточных конторах «Синдиката». Подписка на №№ 1 Марта на 1 мес. — 180 руб., на 2 мес. — 300 руб. Перемена адреса — 2 руб., производится только по месту сдачи подписки.

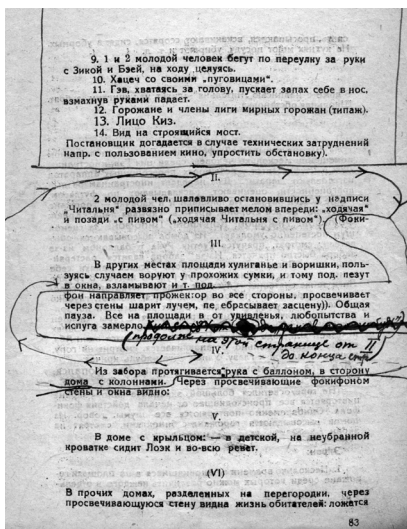
Публикация статьи «Пути русской поэзии». Газета «Жизнь Искусства». № 694—696. 16—18 марта 1921

Обложка сборника «Органное многоголосье» (с первой частью поэморомана «Праздник»).
Петербург, 1922

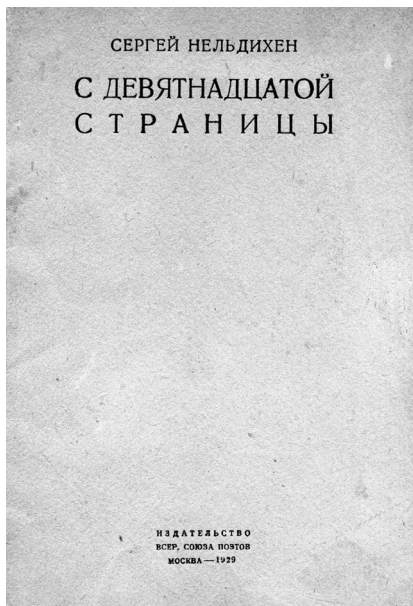
Обложка книги «Праздник (Илья Радалёт)» (со второй частью поэморомана). <Таганрог.>
Украина, 1923—1924

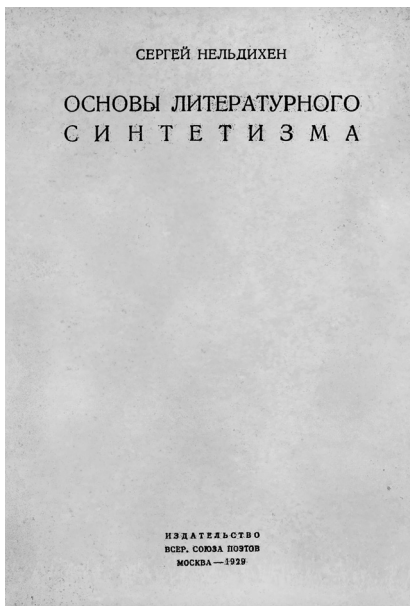
Пьеса «Фокифон». Титульный лист корректурного оттиска несостоявшегося издания (слева) и страница с перепутанным текстом (справа). Коллекция М. С. Лесмана. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург)

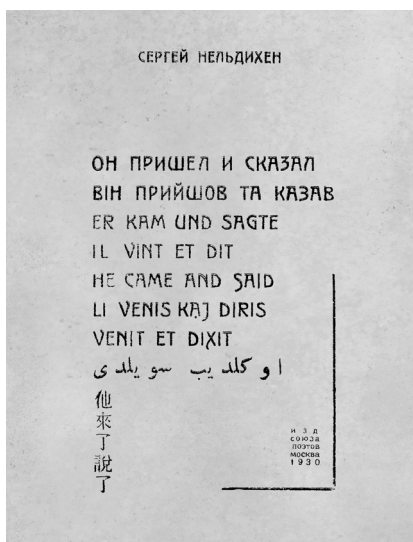
Сергей Нельдихен. <1924—1925.> Фото М. С. Наппельбаума.
ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)

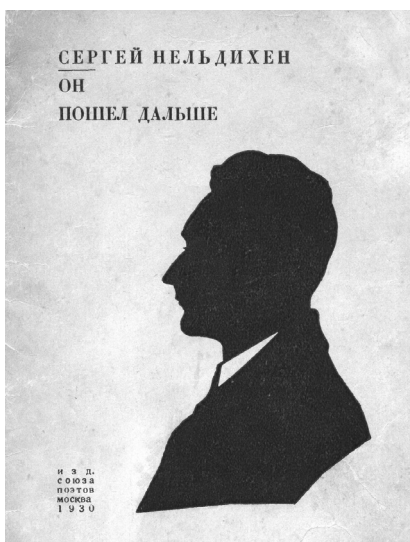
Обложка сборника «С девятнадцатой страницы». Москва, 1929

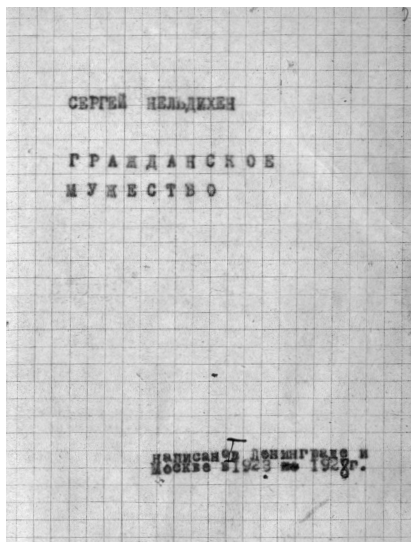
Обложка брошюры «Основы литературного синтетизма». Москва, 1929

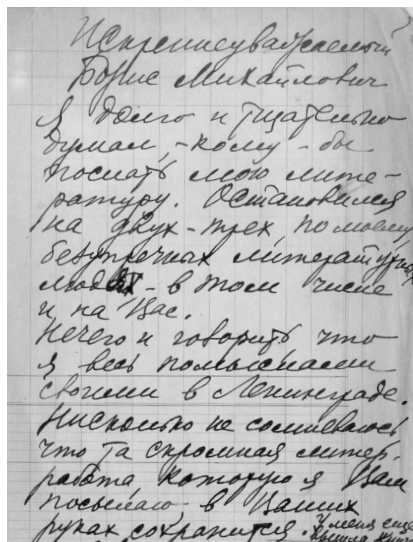
Обложка сборника «Он пришел и сказал». Москва, 1930 (1929)

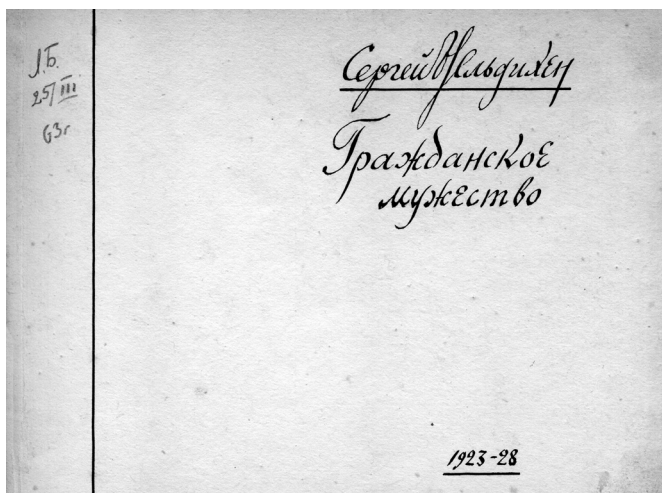
Обложка (с силуэтом автора) сборника «Он пошел дальше». Москва, 1930

Титульный лист черновой машинописи с правкой и рукописными дополнениями неопубликованной книги «Гражданское мужество». 1933. РГАЛИ (Москва)

Письмо Борису Эйхенбауму из Алматы от 10 июня 1933, присланное вместе с книгой «Гражданское мужество» (текст см. в Приложении 1 на с. 480). РГАЛИ (Москва)

Титульный лист белой рукописи неопубликованной книги «Гражданское мужество». <1933—1934.> В левом верхнем углу — владельческая надпись, сделанная рукой Л. И. Борисова. Коллекция А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург)

Сергей Нельдихен. 20 апреля 1929. Фото М. С. Наппельбаума. ГЛМ (Москва).
Публикуется впервые

Сергей Нельдихен. Весна 1929. Фото М. С. Наппельбаума. ГЛМ (Москва)

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН

ОРГАННОЕ МНОГОГОЛОСЬЕ

Ответственный редактор МАКСИМ АМЕЛИН

Верстка: Стас Валишин

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
109028, Москва, Покровский бульвар, д. 14/6.
Факс/тел.: +7 (495) 626-24-70; e-mail: knigi.ogi@gmail.com

Книги издательств ОГИ и Б.С.Г.-Пресс можно приобрести:

в розницу в москве

- Книжный магазин «Москва», м. «Пушкинская», «Тверская», ул. Тверская, д. 8.
Тел.: (495) 629-64-83, 797-87-17.
- ТД «Библио-Глобус», м. «Лубянка», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1.
Тел.: (495) 781-27-37.
- Московский дом книги, м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, д. 8.
Тел.: (495) 789-35-91.
- Дом книги «Молодая Гвардия», м. «Полянка», ул. Большая Полянка, д. 28.
Тел.: (495) 238-50-01.
- Книжный магазин «Фаланстер», м. «Пушкинская», «Тверская»,
Малый Гнезниковский пер., д. 12/27. Тел.: (495) 629-88-21.
- Сеть магазинов «Республика». Тел.: (495) 251-65-27.

в розницу в сАНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

- Санкт-Петербургский Дом книги, м. «Невский проспект», «Гостиный двор»,
Невский проспект, д. 28. Тел.: (812) 448-23-55.
- Сеть магазинов «Буквоед». Тел.: (812) 601-0-601.
- Книжный магазин «Все свободны», наб. Мойки, 28. Тел.: +7 (911) 977-40-47.

оптом

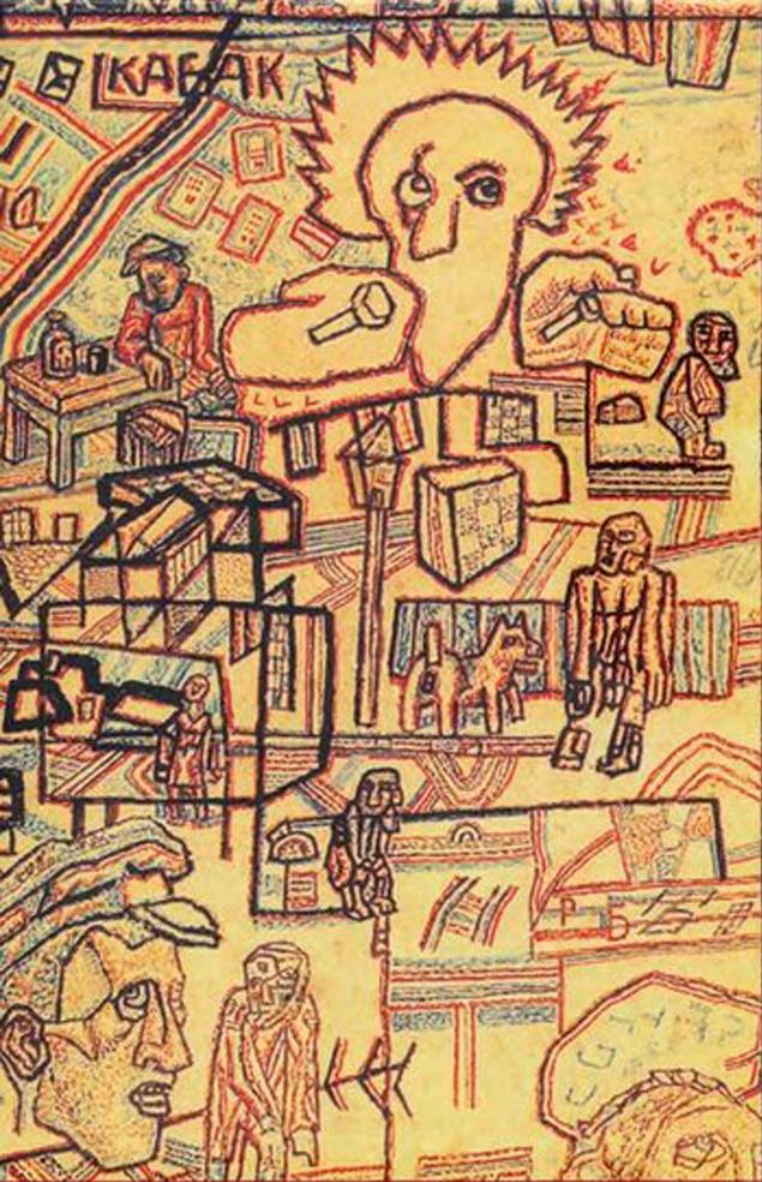
- КД «Б.С.Г.-Пресс», Москва, Покровский бульвар, д. 14/6.
Тел. (495) 626-24-72; +7 (915) 110-36-50.
- «А. Симпозиум», Санкт-Петербург, 20-я линия В. О., д. 5/7. Тел. (812) 325-66-61.

Наши книги в электронном формате можно найти по адресу:

www.bibliorossica.com/publishers.html

Подписано в печать 15.12.11. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Свифт.
Печать офсетная. Объем 32 п. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 2319

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати — ВЯТКА»
в полном соответствии с качеством предоставленных материалов.
610033, г. Киров, ул. Московская, 122. Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: order@gipp.kirov.ru

Сергей Нельдихен (1891–1942) — своеобразнейший поэт первой половины XX века, участник гумилевского третьего “Цеха поэтов”, один из первопроходцев и теоретиков русского верлибра, активно печатавшийся в 1920-е годы и наглухо запрещенный в 1930-е. После возвращения к читателю основного корпуса литературы серебряного века он остается едва ли не последним крупным поэтом своего времени, чьи произведения до сих пор не изданы. В настоящее издание включены все опубликованные при жизни и найденные в государственных и частных архивах стихотворения поэта, неопубликованная пьеса “Фокифон” а также теоретические и историко-литературные статьи. Большинство текстов публикуется впервые.

